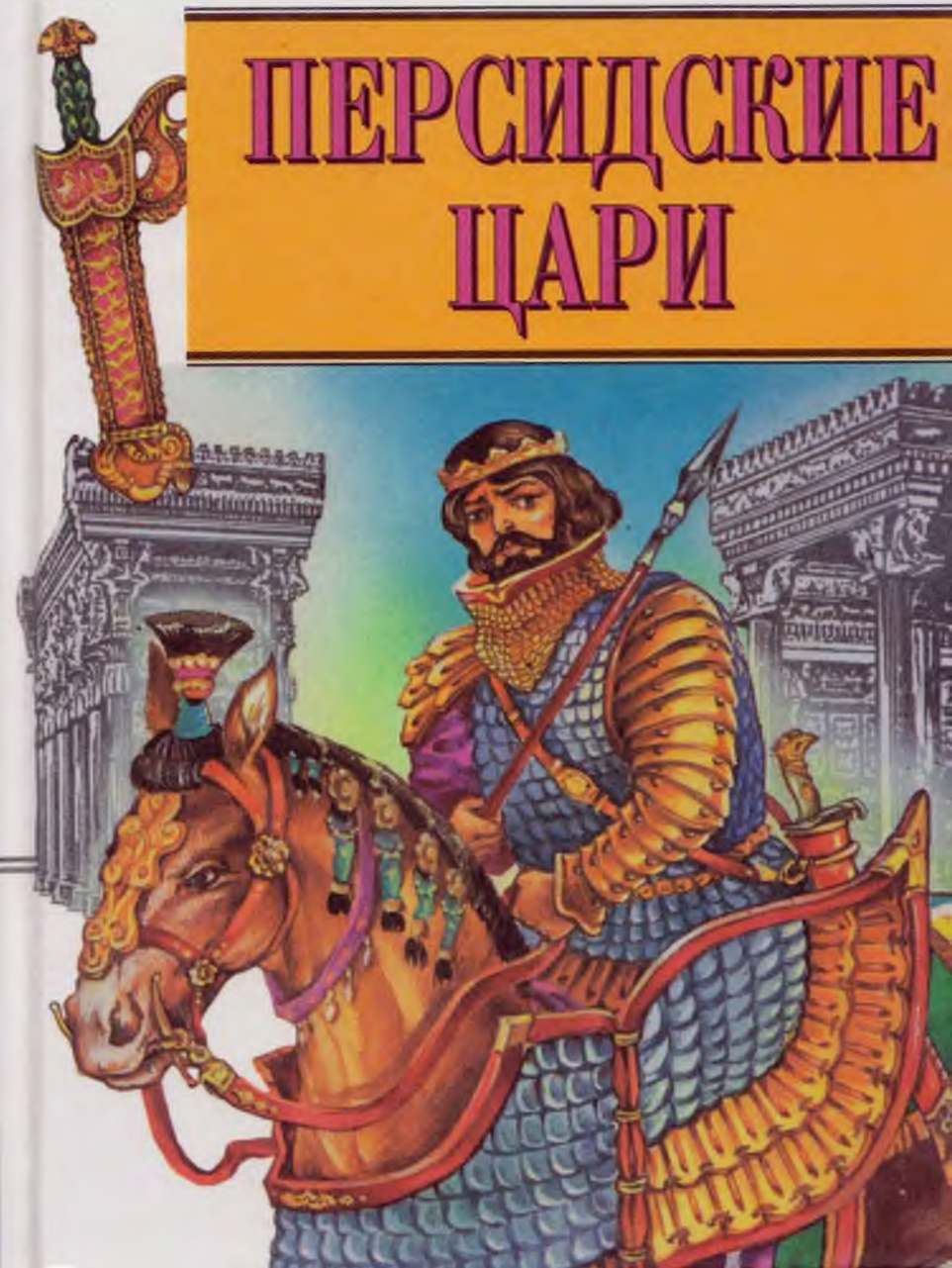
ПРАВИТЕЛИ И ПОЛКОВОДЦЫ ДРЕВНОСТИ

Ю. Н. ТИМАХОВИЧ

ПЕРСИДСКИЕ ЦАРИ



ПРАВИТЕЛИ И ПОЛКОВОДЦЫ ДРЕВНОСТИ

ПРАВИТЕЛИ И ПОЛКОВОДЦЫ ДРЕВНОСТИ

Ю. Н. ТИМАХОВИЧ

ПЕРСИДСКИЕ ЦАРИ

МИНСК «БЕЛАРУСЬ» 1999

УДК 931
ББК 63.3(0)3
Т 41

Серия основана в 1999 году

Художник Д. Е. Дивин

Издательство благодарит
А. Козленко за помощь
при оформлении книги

Тимахович Ю. Н.

Т 41 Персидские цари. — Мн.: Беларусь, 1999. — 320 с.: ил. — (Правители и полководцы древности).

ISBN 985-01-0149-0.

Книга открывает серию «Правители и полководцы древности» и посвящена периоду правления персидских царей Ахеменидов: Кира Великого, Камбиса, Дария I, Ксеркса, Артаксеркса и Дария III Коломана. Автор доступным языком рассказывает о завоевательных походах и крупнейших сражениях времен Греко-персидских войн и наряду с этим об интригах при персидском дворе, о борьбе за царский трон между представителями династии. Увлекательно написанная, книга даст возможность проникнуть в тайны древней истории значительно глубже, чем это позволяет школьная программа.

Для широкого круга читателей.

УДК 931
ББК 63.3(0)3

© Издательство «Беларусь», 1999
© Ю. Н. Тимахович, 1999
© Оформление. Д. Е. Дивин, 1999

ISBN 985-01-0149-0

ДИНАСТИЯ АХЕМЕНИДОВ

Кир Великий (558—530 гг. до н.э.)

Камбис (530—522 гг. до н.э.)

Дарий I (522—486 гг. до н.э.)

Ксеркс I (486—465 гг. до н.э.)

Артаксеркс I Длиннорукий (465—424 гг. до н.э.)

Ксеркс II (424 г. до н.э.)

Согдиан (424—423 гг. до н.э.)

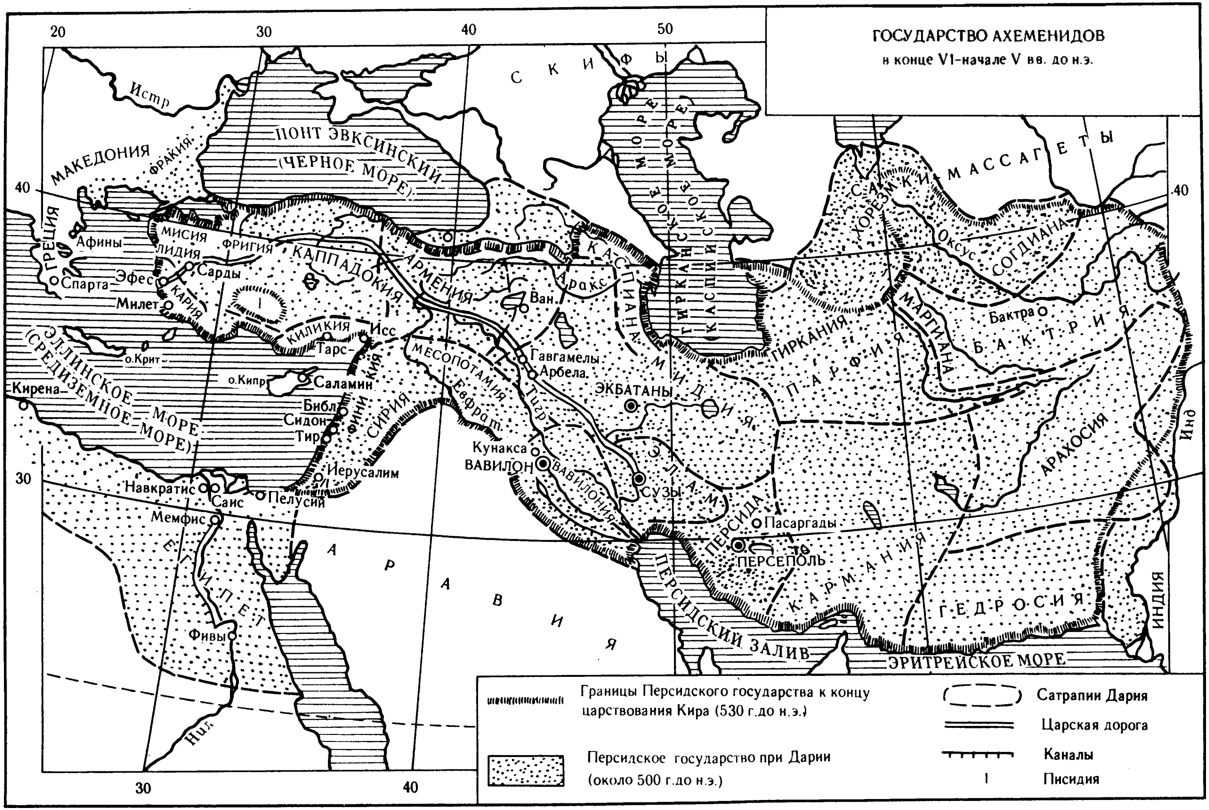
Дарий II Нот (423—404 гг. до н.э.)

Артаксеркс II Мнемон (404—358 гг. до н.э.)

Артаксеркс III Ох (358—338 гг. до н.э.)

Арзес (338—336 гг. до н.э.)

Дарий III Кодоман (336—330 гг. до н.э.)


ГОСУДАРСТВО АХЕМЕНИДОВ
в конце VI–начале V вв. до н.э.
Границы Персидского государства к концу царствования Кира (530 г. до н.э.)
Персидское государство при Дарии (около 500 г. до н.э.)
Сатрапии Дария
Царская дорога
Каналы
I Писидия
СКИФЫ
МАССАГЕТЫ
ПОНТ ЭВКСИНСКИЙ (ЧЕРНОЕ МОРЕ)
ГИРКАНСКОЕ МОРЕ (КАСПИЙСКОЕ МОРЕ)
ЭЛЛИНСКОЕ МОРЕ (СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ)
ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛИВ
ЭРИТРЕЙСКОЕ МОРЕ
АРАВИЯ
ЕГИПЕТ
МАКЕДОНИЯ
ФРАКИЯ
ГРЕЦИЯ
МИСИЯ
ЛИДИЯ
ФРИГИЯ
КАРИЯ
КАППАДОКИЯ
КИЛИКИЯ
АРМЕНИЯ
МЕСОПОТАМИЯ
СИРИЯ
ФИНИКИЯ
КАСПИАНА
МИДИЯ
ЭЛАМ
ВАВИЛОНИЯ
ПЕРСИДА
ГИРКАНИЯ
ПАРФИЯ
МАРГИАНА
ХОРЕЗМ
САКИ
СОГДИАНА
БАКТРИЯ
АРАХОСИЯ
КАРМАНИЯ
ГЕДРОСИЯ
ИНДИЯ
Истр
Оксус
Аракс
Тигр
Евфрат
Нил
Инд
Афины
Спарта
Эфес
Сарды
Милет
о.Крит
о.Кипр
Кирена
Саламин
Тарс
Исс
Библ
Сидон
Тир
Иерусалим
Навкратис
Саис
Пелусий
Мемфис
Фивы
Ван
Гавгамелы
Арбела
Кунакса
ВАВИЛОН
ЭКБАТАНЫ
СУЗЫ
Пасаргады
ПЕРСЕПОЛЬ
Бактра
20
30
40
50

К ЧИТАТЕЛЮ

Книга эта посвящена периоду правления династии персидских царей Ахеменидов и уводит читателя в глубокую древность — в VI—IV века до нашей эры. В основу повествования положены разнообразные сведения, дошедшие до нас в произведениях античных авторов: Геродота, Ксенофонта, Диодора Сицилийского, Плутарха, Арриана, Курция Руфа, Страбона, Павсания и других. Кроме этого, при работе над книгой автор широко использовал монографии некоторых современных авторитетных исследователей древности.

Основным достоинством книги является то, что она не имеет аналогов в исторической литературе, выходившей на русском языке: до сих пор еще никто не предпринимал попытки объединить под одной обложкой жизнеописания Ахеменидов. Книга написана просто и понятно и должна представлять особый интерес для школьников, поскольку позволяет им проникнуть в тайны древней истории значительно глубже, чем это возможно в рамках школьной программы.

Следует, однако, отметить, что в книге представлены биографии только шести персидских царей — Кира Великого, Камбиса, Дария I, Ксеркса, Артаксеркса II и Дария III Кодомана. И это имеет свое объяснение: именно об этих царях античная традиция сохранила наиболее полные сведения. Что касается остальных, то о них имеются лишь разрозненные данные, на основе которых создание цельных биографий представляется делом невозможным. Однако и они не обойдены вниманием автора: на страницах книги читатель найдет сведения о правлении Артаксеркса I, Дария II, Артаксеркса III...

Автор позаботился также о том, чтобы читателю было легче ориентироваться в хронологии событий: в начале книги приводится список всех персидских царей с годами их правления.

Главное внимание в книге уделено, конечно, раскрытию личностей правителей, но вместе с тем многие ее страницы посвящены описанию завоевательных походов персидских царей и крупнейших сражений Греко-персидских войн — битвы при Марафоне, Саламине и в Фермопильском ущелье. Заключительная часть книги рассказывает о последнем, трагическом, противостоянии Персидской державы — с Александром Македонским, узловыми пунктами которого были сражения при Гранике, Иссе и Гавгамелах. Все эти события излагаются автором на фоне подробного описания быта и нравов того времени и перемежаются рассказами об интригах при персидском дворе и борьбе за царский престол между различными представителями династии Ахеменидов.

КИР ВЕЛИКИЙ – ОСНОВАТЕЛЬ ПЕРСИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ

В IX—VII веках до н. э. юго-западную часть Иранского нагорья, которое простиралось от Месопотамии до берегов Инда, заселяли персидские племена. Основным их занятием было скотоводство: они разводили овец, коров, верблюдов и лошадей. В наиболее же благоприятных районах процветало земледелие: почва обрабатывалась с помощью сохи, а на возделанных полях выращивались ячмень и пшеница. Для изготовления орудий труда и оружия персы широко использовали железо, медь и бронзу, золото и серебро употребляли для украшений. Каждое персидское племя поклонялось своему племенному богу и приносило ему жертвы, но все вместе персы почитали Ахурамазду — бога неба.

Отец истории Геродот в своей «Истории» перечисляет все персидские племена. На первое место он ставит персов, пасаргадов, марафиев и маспиев, затем идут панфиалеи, дерусиеи, германии, даи, марды и дропики. Наиболее многочисленными и могущественными, по словам Геродота, были пасаргады.

В те времена между персидскими племенами не было единства. Довольно частым явлением были междоусобные войны: племенные вожди, стремясь увеличить богатства, часто водили свои дружины на соседей, захватывали отары овец и табуны лошадей, уводили в плен людей. Согласно преданию, в середине VII века до н. э. вождем пасаргадов стал Ахемен, который приказал называть себя царем. Это был грозный правитель и энергичный полководец. Он поставил перед собой цель объединить все персидские племена под своей властью, причем хотел достичь этого с помощью меча и огня.

Возможно, это и удалось бы сделать Ахемену, если бы не внешняя угроза со стороны могущественного Мидийского царства, которое примыкало к персидским землям с севера. Царь Мидии Фраорт пошел войной на персов. Он располагал многочисленной, хорошо вооруженной и дисциплинированной армией, поэтому ему быстро удалось одно за другим подчинить себе разрозненные персидские племена и наложить на них дань. Наиболее сильное и организованное сопротивление

Фраорту оказали пасаргады во главе с Ахеменом. Однако и с ними в конце концов удалось справиться мидийскому царю: Ахемен, потерпев ряд поражений, признал себя данником Фраорта. Так персы попали в зависимость от Мидии, которая продолжалась более ста лет. Каждый год они на своих повозках отвозили в Экбатаны — столицу Мидии — огромную дань, сотни красивых персиянок томились в гаремах мидийской знати, а персидские конные лучники обязаны были участвовать в завоевательных походах мидийцев.

Временное облегчение для персов наступило в конце VII века до н. э., когда в Мидию вторглись полчища скифов. Мидийский царь Киаксар, сын Фраорта, вынужден был на протяжении почти трех десятилетий вести ожесточенную борьбу с завоевателями. В этот-то период персы и предприняли первую попытку освободиться от мидийского гнета. Несколько персидских племен объединились под началом царя пасаргадов Теиспа, сына Ахемена, и перестали присылать дань Киаксару, а младший брат Теиспа, Кир, даже совершил несколько походов против мидян, чтобы продемонстрировать возросшую силу персов. Однако это первое объединение оказалось непрочным. Как только Киаксар справился со скифами, он нанес мощный удар по персам и одержал победу, вследствие чего они вновь признали себя данниками мидийского царя, причем размер дани был увеличен едва ли не вдвое.

Какое-то время после смерти Теиспа персами-пасаргадами управлял Кир, затем власть перешла к его племяннику Камбису. Последний стал царем, когда в Мидии правил Астиаг, сын Киаксара. Камбис вел тихую жизнь в Пасаргадах — небольшой крепости в центре владений персов-пасаргадов. Он следил за тем, чтобы соплеменники исправно выплачивали дань Астиагу, и, в отличие от своих предшественников, не помышлял вступать в распрю с мидийским царем, понимая, что любое выступление будет жестоко подавлено.

Однажды к Камбису от Астиага явился гонец с приказом срочно прибыть в Экбатаны. Камбис удивился — с чего бы это мидийскому царю вызывать его к себе, ведь ни его отец Теисп, ни дед Ахемен никогда не посещали Мидию. Как бы там ни было, но после недолгих сборов он тронулся в путь в сопровождении небольшой дружины.

Астиаг принял власть от отца в 585 году до н. э. В наследство ему досталась огромная держава, которая на западе граничила с Лидией, на востоке достигала Бактрии. В те времена

Мидия считалась крупнейшим государством Азии. Правители сопредельных стран даже не помышляли тревожить своего грозного соседа, поэтому первые годы царствования Астиага прошли спокойно. Он почти безвыездно жил в своем дворце в Экбатанах, а если и покидал когда-нибудь столицу, то только затем, чтобы посетить какой-нибудь живописный уголок своей обширной страны и как следует отдохнуть там, на время отрешившись от государственных дел. В отличие от своих воинственных отца и деда Астиаг был человеком миролюбивым и считал, что царская власть дана ему для того, чтобы изведать все наслаждения жизни. Военным походам он предпочитал роскошные пиры в окружении мидийской знати.

Геродот пишет, что у Астиага не было сыновей, зато он имел дочь, которую звали Манданой. Она достигла брачного возраста, и царь уже подумывал, за кого бы из мидийских вельмож выдать ее замуж, но случай заставил его изменить планы. Однажды Астиагу приснилось, будто Мандана испустила столько мочи, что затопила всю Азию. Не зная, к чему бы это, он пригласил во дворец магов — лучших толкователей снов. Внимательно выслушав царя, они объяснили сон так: Мандана вскоре родит сына, который свергнет его, Астиага, с престола и станет царем Мидии, а затем подчинит себе всю Азию.

Услышав это, Астиаг всерьез задумался о своей судьбе. Он твердо решил не выдавать Мандану замуж и даже приставил к ней евнухов, которые должны были день и ночь следить, чтобы царевна не вступила в связь ни с одним мужчиной. Царь думал, что таким образом оградит себя от злого рока. Однако время шло, Мандана взрослела. Все чаще она обращалась к отцу с просьбами выдать ее за кого-нибудь из знатных мидян. Под предлогом, что он еще не выбрал подходящего жениха, Астиаг отказывал дочери. Но просьбы Манданы с каждым разом становились настойчивее. В конце концов царь склонился к мысли, что ему все же придется уступить, и тогда он решил искать мужа для Манданы не среди мидян, а среди подвластных ему царьков. Его выбор пал на правителя персов-пасаргадов Камбиса. Последний устраивал Астиага потому, что отличался спокойным нравом и был царского происхождения, хотя и считался по знатности ниже среднего мидянина, так как находился в зависимости от мидийского царя.

За Камбисом послали гонца, а когда тот через месяц явился в Экбатаны, Астиаг уже все приготовил к свадьбе. Буквально за несколько дней до прибытия Камбиса в столицу царь сказал дочери, что наконец подыскал ей жениха. Сгоравшая от любо-

пытства Мандана поинтересовалась, кого же отец прочит ей в спутники жизни, однако Астиаг не стал ей открываться, заявив, что она узнает об этом в ближайшее время.

Камбис был ошеломлен пышным приемом во дворце Астиага. Два рослых дворцовых гвардейца ввели его в тронный зал. На несколько мгновений он замер, пораженный великолепием убранства помещения: ничего подобного ему не приходилось видеть. Когда его подвели к трону, он простерся ниц перед мидийским царем, но через минуту, словно сквозь сон, услышал голос Астиага, повелевающего ему встать. Поднявшись, Камбис отошел в сторону и потупил взор, не смея взглянуть на властелина Мидии.

Тем временем Астиаг хлопнул в ладоши, и Камбис краешком глаза увидел, как открылась боковая двустворчатая дверь и в тронный зал вошла роскошно одетая девушка в сопровождении двух темнокожих служанок, которые несли за ней опахала из павлиньих перьев. Царь ласково приветствовал вошедшую, назвав ее дочерью.

В огромном зале воцарилась тишина. Взоры собравшихся были устремлены на царя. Все ждали, что он скажет.

— Мандана! — громко произнес Астиаг. — Ты давно просила выдать тебя замуж. Видят боги, сегодня настал день твоей свадьбы. Я подыскал тебе мужа. Это правитель персов-пасаргадов Камбис. Он достаточно богат, знатен и красив собой, чтобы стать достойной парой тебе. А впрочем, суди сама — вот он, перед тобой, — и Астиаг указал на Камбиса.

Мандана с любопытством посмотрела на кандидата в мужья. Ей сразу же бросилось в глаза, что одет он значительно скромнее любого дворцового гвардейца. На нем не было изысканных украшений, какие носят мидийские вельможи, зато обращали на себя внимание гордая осанка, правильные черты лица и особенно — выразительный взгляд карих глаз, в котором не было ни тени лукавства.

— Я согласна стать женой царя Камбиса, — после нескольких минут раздумья сказала Мандана.

— Вот и хорошо! — воскликнул Астиаг, обрадованный тем, что дочь не стала противиться его выбору.

Свадебные торжества длились около недели. Затем Камбис и Мандана уехали в Пасаргады. Астиаг же, оставшись в Экбатанах, вернулся к своим обычным занятиям.

Месяцев через шесть-семь после свадьбы дочери мидийский царь опять увидел странный сон. На этот раз ему присни-

лось, что из чрева Манданы выросла виноградная лоза, которая покрыла всю Азию. Астиаг опять вызвал к себе магов, чтобы они объяснили ему смысл сновидения.

— Царь, твоя дочь вскоре родит сына, который в будущем свергнет тебя с престола и завоюет всю Азию, — услышал он в ответ.

Человек суеверный, Астиаг еще больше встревожился за свое будущее. Не найдя другого способа обезопасить себя, он решил избавиться от ребенка, которого вот-вот должна была родить Мандана, и послал письмо дочери; в нем он сообщал, что серьезно болен, и просил ее приехать.

Поверив отцу, Мандана отправилась в Экбатаны, хотя была уже на последнем месяце беременности и с трудом переносила дорогу. Через несколько дней после прибытия в мидийскую столицу она родила мальчика и назвала его Киром, как и договаривались с Камбисом.

Узнав о рождении внука, Астиаг приказал слугам отнять его у дочери и призвал к себе своего первого министра Гарпага, который к тому же приходился ему родственником.

— Гарпаг! — обратился к нему Астиаг. — Я хочу поручить тебе очень важное дело и требую, чтобы ты беспрекословно и в точности выполнил его.

— О государь, твоя воля для меня священна, — сказал Гарпаг и склонился в глубоком поклоне.

— Я отдаю тебе своего внука, которого на днях родила моя дочь Мандана, — продолжал Астиаг. — Возьми его, отнеси к себе домой и умертви. Потом похорони как сочтешь нужным. И не забывай, что, если обманешь меня, тебя ждет самое суровое наказание.

Забрав младенца, Гарпаг отправился домой. Там он рассказал жене о поручении Астиага.

— Что же ты собираешься делать? — спросила жена.

— Пока не знаю, но во всяком случае не то, что приказал царь.

— Значит, ты отказываешься выполнить волю своего повелителя? — встревожилась женщина.

Гарпаг пожал плечами и задумался. Через несколько минут он снова заговорил:

— Рассуди сама, жена. Астиаг уже в возрасте и не имеет наследника. Когда он умрет, царство перейдет к его дочери, и тогда мне несдобровать: Мандана непременно отомстит за убийство сына. Так что нужно хорошо подумать, прежде чем на что-нибудь решиться.

Остаток дня и всю ночь Гарпаг провел в раздумьях. Какие только мысли не приходили ему в голову. Лишь под утро он принял окончательное решение.

— Безопасности ради надо умертвить младенца, но ни я, ни мои слуги этого делать не станем: убить его должен кто-нибудь из людей Астиага, — сказал Гарпаг жене, когда та проснулась.

— Кому же ты хочешь доверить это непростое дело?

— Есть у меня на примете один человек.

— И кто же?

— Пастух Астиага Митрадат, — ответил Гарпаг. — Год назад, когда я охотился в горах на севере, мне пришлось заночевать у него. Человек он нелюдимый, на него вполне можно положиться.

В тот же день Гарпаг послал за Митрадатом. Оставив царские стада на попечение подпасков, пастух спустя неделю прибыл в Экбатаны. Гарпаг показал ему младенца и сказал:

— Митрадат, царь велел, чтобы я отдал этого ребенка тебе. Ты же должен забрать его с собой в горы и оставить там в самом диком месте на съедение хищникам. Когда выполнишь поручение — сообщи мне. И помни: все нужно сохранить в строжайшей тайне.

Выслушав приказ, пастух положил ребенка в корзину и отправился в обратный путь. Слуга Гарпага проводил его за город. По дороге он рассказал Митрадату, что младенец — внук Астиага. Узнав об этом, пастух сильно испугался и сам не свой побрел домой.

Дома Митрадата ждала жена по имени Спако, что по-мидийски означало «собака». В отсутствие мужа она разрешилась от бремени, родив мертвого мальчика. Это случилось за день до возвращения Митрадата.

Войдя в хижину, пастух застал жену в слезах. Узнав о случившемся, Митрадат разразился рыданиями. Когда же он немного успокоился, Спако спросила, зачем Гарпаг вызывал его в Экбатаны, ведь раньше такого никогда не случалось. Вытерев слезы, пастух рассказал жене все, что с ним приключилось. Затем достал из корзины младенца и сказал:

— Вот сын Манданы, дочери Астиага, и правителя персов-пасаргадов Камбиса. Его-то я и должен отнести на съедение диким зверям.

Распеленав младенца, Спако увидела, что он голодный и мокрый. Она досыта накормила его своим молоком, укутала в

сухие пеленки и уложила в колыбель, приготовленную для собственного ребенка. Митрадат молча наблюдал за женой.

Когда мальчик уснул, Спако обратилась к мужу:

— Послушай, Митрадат! Я знаю, что тебе грозит, если ты не выполнишь приказание Гарпага, поэтому не вправе отговаривать тебя. Но ведь ты сам видел, какой милый этот мальчик, и мы прогневим богов, если поступим с ним так, как потребовал Гарпаг. Ведь можно сделать по-другому: давай вместо него похороним в горах нашего мертвого ребенка, а сына Манданы воспитаем как собственного. Об этом все равно, кроме нас двоих, никто не узнает. А если от Гарпага явятся люди, мы покажем им место захоронения нашего сына.

Подумав, Митрадат согласился, положил в корзину своего мертвого сына и отправился в горы, где и закопал его, навалив на месте захоронения большую груду камней. По возвращении домой он собрал своих подпасков и объявил им, что за время его отсутствия жена родила сына. А для большей убедительности Митрадат и Спако устроили небольшой пир.

Спустя три дня Митрадат вновь отправился в Экбатаны. Явившись в дом Гарпага, он сообщил, что выполнил его приказание. Гарпаг послал вместе с пастухом своих людей осмотреть место захоронения. Когда же те вернулись и доложили о выполнении Митрадатом того, что ему было приказано, первый министр поспешил с сообщением к царю. Астиаг очень обрадовался. Его не тронули ни слезы дочери, ни ее мольбы вернуть сына. Он цинично заявил, что ребенок погиб, и отправил Мандану к мужу в Пасаргады.

Так остался жив и обрел новых родителей будущий повелитель Азии — Кир.

Прошло десять лет. Кир подрос и окреп. Митрадат и Спако оказались ласковыми и заботливыми родителями. С пятилетнего возраста Митрадат стал брать Кира с собой на горные пастбища, где паслись стада Астиага. Вскоре мальчик научился скакать на коне, и верховая езда стала его любимым занятием. Как-то приемный отец сделал ему небольшой лук. Сначала мальчик учился стрелять по мишеням, а потом начал охотиться на зайцев, которые во множестве водились в окрестностях, и почти каждый раз возвращался домой с добычей.

Долгими зимними вечерами, когда в горах завывал ветер, Кир в обществе родителей коротал время у очага в хижине. Спако пела ему мидийские песни и рассказывала древние предания, а Митрадат учил изготовлять незамысловатую домашнюю утварь.

Иногда Митрадат отлучался в селение в соседнюю долину, чтобы обменять лисьи шкуры на ячменную муку. Однажды Кир попросил отца взять его с собой. Ему очень понравилось в селении, где было много каменных построек. Здесь он нашел и друзей. Сверстники охотно приняли его в свою компанию, и Кир наравне со всеми бегал наперегонки, играл в прятки и другие игры.

Впоследствии Митрадат и Спако стали отпускать Кира в селение одного. Обычно он уходил рано утром и возвращался домой под вечер.

Как-то во время игры сверстники выбрали Кира царем. Он взялся за исполнение своей роли с полной серьезностью: одних назначил строить дома из песка, другим приказал быть слугами, третьи по его милости стали вельможами, четвертые — телохранителями, пятые сообщали ему новости и так далее — всё, как на самом деле. Кир восседал на копне соломы, которая служила ему троном, и следил за тем, чтобы все его повеления беспрекословно выполнялись участниками игры.

Все дети были довольны «правлением» Кира. Только один мальчик — сын деревенского старосты Артембара — воспротивился тому, что Кир назначил его своим слугой и заставил выполнять унизительные поручения, и отказался участвовать в игре. Кира это возмутило. Он приказал своим «телохранителям» схватить ослушника, связать и сам избил его плетью.

Вдобавок ко всему мальчика со связанными руками бросили в яму, как будто это была тюрьма, и приставили к нему «стражника».

Закончив игру, мальчики разошлись по домам. Когда сын деревенского старосты освободился, он побежал к отцу и пожаловался на Кира. Артембар сильно разгневался и отправился к Митрадату требовать, чтобы тот наказал сына в его присутствии. Митрадат выслушал старосту, попросил прощения, но Кира наказывать не стал. Артембар оскорбился еще больше. На следующий день он поехал в Экбатаны жаловаться самому царю на неслыханное обращение с его сыном. Благодаря связям при дворе ему удалось выхлопотать прием у Астиага.

— Государь! — сказал Артембар. — Сын твоего пастуха Митрадата во время игры жестоко избил моего сына. Прошу тебя разобраться в этом деле и наказать виновника, как того требует закон.

Астиаг приказал доставить к нему на суд Митрадата вместе с сыном. Пастух явился во дворец, приготовившись к худшему. Кир же был серьезен и невозмутим. Когда они предстали перед царем, Астиаг спросил мальчика:

— Как же ты, сын пастуха, осмелился избить мальчика, который выше тебя по положению?

— Государь! — смело ответил Кир. — Я поступил с ним по справедливости. Дети выбрали меня царем, как самого достойного. Все беспрекословно выполняли мои приказы, только сын Артембара отказался повиноваться мне. Вот я и наказал его. А что мне оставалось делать: ведь я был царем, а дело царей карать ослушников и непокорных. Если ты считаешь, что мои действия заслуживают наказания, то я в твоей власти.

Астиаг не ожидал такого ответа от десятилетнего мальчика. Какое-то время он молчал, с любопытством глядя на Кира. Царя удивили гордая осанка мальчика и благородные черты лица, которые очень напоминали облик его дочери. Вдруг Астиага пронзила догадка: а что, если это и есть сын Манданы?! Ведь и сходство налицо, и возраст подходит...

Царю вспомнились давнишние сны, смысл которых ему растолковали маги, и от страха у него внутри все похолодело. Когда же он наконец взял себя в руки, то велел всем, кроме Митрадата, удалиться. Оставшись с ним наедине, Астиаг спросил:

— Скажи мне правду, пастух, откуда у тебя этот мальчик, и я отпущу тебя с миром.

— Это мой сын, — отвечал Митрадат, заикаясь от страха. — Его родила мне моя жена Спако.

— Ты лжешь мне, пастух, — сказал царь. — Впрочем, сейчас правда выяснится.

Астиаг приказал телохранителям схватить Митрадата и подвергнуть пыткам. Какое-то время пастух стойко переносил боль, но потом, не выдержав истязаний, сознался. Он рассказал царю, как десять лет назад мальчик попал к нему в дом, что они с женой вырастили и воспитали его, как собственного сына.

Выяснив правду, Астиаг процедил сквозь зубы: «Так-то ты, Гарпаг, выполнил мое поручение десять лет назад. Ну что ж, скоро ты раскаешься в этом».

Митрадата царь отпустил домой, Кира же оставил в своем дворце, поместив под стражей в богато убранную комнату.

В тот же день Астиаг вызвал к себе Гарпага и спросил:

— Скажи, Гарпаг, как ты поступил с моим внуком, которого я передал тебе десять лет назад и приказал умертвить?

Гарпагу было уже известно, что пастуха Митрадата с мальчиком вызвали во дворец, поэтому он не рискнул солгать повелителю.

— О государь! Когда я взял у тебя младенца, то долго думал, как поступить, чтобы остаться невиновным перед тобой и не стать убийцей в глазах твоей дочери. Поэтому я призвал к себе пастуха Митрадата и передал ему твой приказ умертвить ребенка. Митрадат забрал твоего внука и через несколько дней сообщил мне, что он мертв. Мои люди, проверив место захоронения, убедились, что пастух выполнил в точности все, что ему было приказано. Таковы обстоятельства этого дела.

Затаив гнев на Гарпага, Астиаг сообщил ему, что мальчик чудом остался жив. Он даже сделал вид, будто бесконечно рад подобному стечению обстоятельств:

— Я очень страдал из-за того, что обрек на смерть собственного внука. Нелегко мне было переносить и ненависть моей дочери Манданы. Как хорошо, что все обошлось! Теперь, когда внук у меня, я окружу его почетом и дам прекрасное воспитание, достойное его царского происхождения. Кстати, Гарпаг, мальчику очень скучно одному, поэтому прошу тебя, пришли во дворец своего сына. Они ровесники, и им будет интересно вместе играть. А сам приходи вечером на пир, который я хочу дать в честь возвращения моего внука.

Поверив в искренность повелителя, Гарпаг пал к его ногам. Он был счастлив от того, что, несмотря на нарушение царской воли, все обошлось так благополучно. Его даже пригласили на

пир! И Гарпаг поспешил домой. С большой радостью он рассказал жене о происшедшем и тотчас отправил сына во дворец, велев во всем слушаться царя. Сам же стал готовиться к пиру.

Как только сын Гарпага пришел во дворец, Астиаг распорядился схватить его, умертвить и разрубить тело мальчика на куски. Часть мяса царь велел поварам приготовить со специями наподобие баранины — основного блюда в тот вечер, а голову, руки, ноги и внутренности сложить в корзину.

Во время пира всем гостям была подана баранина, перед Гарпагом же поставили блюдо с мясом его собственного сына. Ничего не подозревая, первый министр принялся за угощение и вскоре съел почти все. Астиаг внимательно наблюдал за ним и, когда увидел, что Гарпаг насытился, спросил, понравилось ли ему кушанье. Министр ответил, что давно уже не пробовал такой вкусной еды. Тогда царь приказал слуге поставить перед ним корзину с останками мальчика. Гарпаг подумал, что повелитель решил его чем-то одарить в благодарность за спасение внука, снял с корзины покрывало и заглянул вовнутрь. То, что он там увидел, заставило его замереть от ужаса.

В пиршественном зале воцарилась тишина. Лишь немногие из присутствовавших знали о содержимом корзины, поэтому большинство думало, что Астиаг преподнес Гарпагу дорогой подарок, от которого у того дух захватило.

— Ну что, Гарпаг! — наконец воскликнул царь. — Теперь ты понял, какой дичи тебе пришлось отведать?

— Да, государь, — только и смог произнести в ответ первый министр.

После этого Астиаг разрешил ему удалиться. Прихватив с собой корзину, Гарпаг сам не свой направился домой, чтобы предать земле то, что осталось от сына.

Жестоко наказав Гарпага за былую провинность, Астиаг стал размышлять, как поступить с Киром. Его по-прежнему пугали предсказания магов о том, что внук станет царем вместо него. Был даже момент, когда царь хотел отдать приказание убить мальчика, но в силу неизвестных нам причин решил повременить и вызвал к себе тех самых магов, которые десять лет назад толковали ему сновидения.

Когда маги пришли во дворец, Астиаг напомнил им о своих снах и попросил еще раз раскрыть их смысл. Те, как и прежде, утверждали, что сын Манданы непременно стал бы царем, свергнув своего деда. Тогда Астиаг сообщил, что мальчик по

воле случая остался жив. Это известие смутило магов: они ведь знали, что царь десять лет назад распорядился умертвить внука. Посовещавшись, маги попросили царя подробней рассказать, каким образом его внуку удалось выжить. Астиаг поведал им то, что сам недавно услышал от Гарпага и Митрадата. Не забыл упомянуть и о действиях мальчика во время игры с деревенскими ребятишками.

— Он вел себя как настоящий царь, окружив себя телохранителями, привратниками, гонцами и прочими слугами, — закончил свой рассказ Астиаг и спросил: — Что это предвещает, по вашему мнению?

Маги опять посовещались, и один из них сказал:

— Государь, твои опасения напрасны. Мальчик уже однажды царствовал, хотя это и было в детской игре, так что во второй раз ему царем не бывать. Что же касается прорицаний, то даже они зачастую сводятся к пустякам, а сны подчас вовсе не имеют значения.

— Я, маги, полностью разделяю ваше мнение, — ответил Астиаг. — Раз мой внук однажды уже царствовал, значит, сновидение сбылось и мне нечего больше опасаться. Но я хотел бы услышать от вас, как мне следует поступить с сыном моей дочери: оставить у себя или отправить к родителям?

— И для нас, о повелитель, важно, чтобы престол остался за тобой, нашим соплеменником. Только при этом условии мы также участвуем в правлении и пользуемся почетом. Если же он перейдет к этому персидскому мальчику, то попадет в чужие руки, и мы, мидяне, станем рабами, а персы будут нас презирать как чужеземцев. Поэтому-то у нас есть все основания стоять за тебя и за твою власть. И если бы мы предвидели грозящую тебе опасность, то сказали бы об этом. Но так как сновидения оказались пустяковыми, мы теперь и сами ничего не страшимся, и тебе советуем оставить страхи. Убери этого мальчика с глаз долой — отправь к Мандане и Камбису.

Астиаг решил последовать совету магов. Он велел привести Кира и поведал ему историю десятилетней давности.

— Мальчик мой! — сказал в заключение царь. — Теперь ты знаешь обо всем. Я признаю, что в свое время обошелся с тобой не лучшим образом, но благосклонная судьба уберегла тебя от гибели. Я желаю тебе всего хорошего и в сопровождении своих телохранителей отправляю к настоящим родителям.

Напоследок Кир спросил у деда:

— Могу ли я перед отъездом навестить моих приемных отца и мать?

Царь внимательно посмотрел на внука и кивнул в знак согласия.

На этом они и расстались.

Только одну ночь провел Кир в хижине Митрадата и Спако. Они долго сидели у очага. Все трое прекрасно понимали, что вряд ли им еще когда-нибудь придется встретиться, и эта мысль угнетала их. Спако украдкой плакала, Митрадат не отрываясь смотрел на огонь, Кир, сильно уставший за день, то и дело тер глаза, чтобы не уснуть. Они почти не разговаривали. Наконец сон сморил Кира, и он сидя задремал. Заметив это, Митрадат перенес его на кровать в углу хижины.

Пока Кир спал, Спако напекла ячменных лепешек и положила их вместе с большим куском сыра в мешок, с которым Кир обычно ходил на пастбище или на охоту.

Рано утром Митрадат разбудил Кира. По обыкновению мальчик вскочил с постели и выбежал на улицу, чтобы освежиться водой из ручья, протекавшего невдалеке. Когда вернулся, они подкрепились жареной бараниной и козьим молоком. Затем настало время прощаться. Митрадат и Спако не скрывали своих слез. Кир тоже плакал и дрожащим голосом обещал, что никогда не забудет их.

Дюжий телохранитель-мидянин усадил царевича на коня — подарок Астиага, Спако подала приемному сыну мешок со снедью, а Митрадат похлопал по колену. Кир пришпорил коня, направив его в ту сторону, где за горами и равнинами лежали земли персидских племен, о которых он знал только понаслышке.

Слухи о том, что Кир жив-здоров и направляется в Пасаргады, дошли до Камбиса и Манданы. Чрезвычайно обрадовавшись этому, царь и царица поспешили навстречу сыну. Они хотели поскорее увидеть его и поэтому не щадили лошадей, запряженных в колесницу. В нескольких днях пути от Пасаргад им наконец повстречался отряд Астиаговых телохранителей, сопровождавших Кира.

Встреча была радостной и трогательной. Камбис собственноручно снял Кира с седла и, поставив перед Манданой, восхищенно сказал:

— Посмотри, жена, какой сын у нас вырос!

Не в состоянии сдерживать чувства, Мандана залилась слезами, крепко обняла Кира и долго гладила его по голове.

Сдержаннее всех вел себя Кир: он еще не успел свыкнуться с мыслью, что Мандана и Камбис его настоящие родители, поэтому в эти минуты думал о Митрадате и Спако.

Несколько дней пути до Пасаргад Кир провел в одной колеснице с родителями. До этого ему еще никогда не приходилось ездить на колеснице, и он попросил отца научить его управлять лошадьми. Камбис охотно откликнулся на просьбу сына. Кир оказался способным учеником и за несколько дней неплохо овладел искусством возницы.

По пути в Пасаргады Мандана часто расспрашивала сына о жизни у Митрадата и Спако. Царевич с любовью отзывался о своих приемных родителях, особенно хвалил Спако. Слушая его, Мандана как-то сказала:

— Спако по-мидийски обозначает «собака»; вот и получается, что тебя, сынок, вскормила и воспитала собака.

Впоследствии распространился слух, будто Кир на самом деле был вскормлен собакой, ведь персы не знали, что так звали приемную мать царевича. А так как собака считалась священным животным бога Ахурамазды и особенно почиталась у персов, то и рождение Кира связывалось с божественной волей.

В Пасаргадах Кира ожидала другая жизнь, совершенно непохожая на ту, которой он жил в Мидии в обществе Митрадата, Спако и нескольких подпасков. Если раньше мальчику приходилось только играть в царя с деревенскими ребятишками, то теперь все по-настоящему оказывали ему царские почести.

Родители приставили к нему учителей, приказав обучить царевича грамоте. Киру не очень нравилось учиться. Как и всякий мальчишка, он куда больше любил резвиться со сверстниками в дворцовом парке. От природы он был общительным мальчиком, и вскоре у него появилось много друзей, с которыми он не только охотно играл, но и делился своими радостями и печалями.

Четырнадцати лет от роду Кир получил в подарок от отца колесницу и четверку великолепных лошадей. Теперь его редко можно было видеть во дворце. Целые дни он проводил в окрестностях Пасаргад, упражняясь в искусстве управления лошадьми. Иногда царевич брал с собой в качестве возницы кого-нибудь из сверстников, а сам совершенствовался в стрельбе из лука и метании дротиков на полном скаку. Не отставал он и в овладении другими видами оружия.

По нескольку раз в месяц Кир с компанией друзей отправлялся на охоту. Его уже не прельщала мелкая дичь вроде зайцев и лис, и он стал охотиться на степных антилоп и буйволов,

подолгу преследуя их на колеснице. Заветным его желанием было одолеть в единоборстве льва. И он добился своего в семнадцать лет: хорошо выделанная шкура льва украсила изголовье его кровати.

Так проходили детство и юность Кира. Родители не могли нарадоваться на него: Мандана обожала сына, Камбис гордился достойным наследником.

Постепенно отец стал приобщать Кира к государственным делам. Надо сказать, что за последние годы Камбис много сделал для объединения персидских племен и давно вынашивал идею освобождения своего народа от мидийского господства. Видя, что Кир достаточно возмужал, Камбис посвятил его в свои планы. Идея отца понравилась Киру, и вскоре он всей душой проникся ею. Царевич поклялся отцу быть ему верным помощником в этом непростом деле.

Приблизительно в это время Кир встретил девушку, которую полюбил. Ее звали Кассандана, она была дочерью Фарнаспа из рода Ахеменидов, к которому принадлежал и сам Кир. Так как Кир и Кассандана уже достигли брачного возраста, то они поженились. Через год после свадьбы Кассандана родила мальчика, которого Кир назвал Камбисом в честь своего отца.

Когда Киру исполнилось двадцать лет, тяжело заболел Камбис-отец и вскоре умер. Вся Персия скорбила о нем, ибо Камбис был справедливым и мудрым правителем. Спустя некоторое время после погребения в Пасаргады съехались вожди всех персидских племен и единодушно провозгласили Кира царем.

Так Киру досталась власть над персами. Как мы уже говорили, он унаследовал от отца идею освобождения своего народа от мидийского господства. Молодой царь понимал, что для достижения этого потребуется немало усилий. Прежде всего нужно было создать сильную армию и хорошо обучить ее, чтобы она могла противостоять войску его деда Астиага.

К войне с Мидией Кира подталкивала и мать. Мандана не могла простить отцу того, как он обошелся с ней и ее маленьким сыном двадцать лет назад, и все это время мечтала о возмездии. У нее были соглядатаи при дворе Астиага. Они доносили ей, что мидийский царь проводит остаток жизни в пирах и попойках с приближенными. Ни он, ни его полководцы абсолютно никакого внимания не уделяют армии. И не мудрено, что в последние годы мидянам с большим трудом удавалось

подавлять народные восстания, вспыхивавшие на окраинах мидийской державы. Поэтому, говорила Мандана сыну, если выступить против Астиага пусть с небольшим, но хорошо обученным и дисциплинированным войском, то можно достичь успеха.

Подготовку к войне с Мидией Кир начал с объезда всех персидских племен. Он щедро одаривал вождей племен и старейшин родов богатыми подарками, подолгу беседовал с ними и убеждал в необходимости войны за освобождение. Убеленные сединами вожди и старейшины внимательно слушали молодого царя. Их глаза начинали блестеть, а сердца — учащенно биться, когда они внимали его пламенным речам. И все как один обещали прислать к нему в Пасаргады своих сыновей и внуков, чтобы он обучил их военному делу и выступил с ними против мидийского царя.

Несколько месяцев потребовалось Киру, чтобы объехать всю страну. Он не забыл заглянуть даже в самые отдаленные стойбища даиев, мардов и дропиков — кочевых персидских племен. Когда же вернулся в Пасаргады, то увидел, что в окрестностях столицы уже разбили походные палатки персидские воины, посланные сюда своими вождями и старейшинами. В царском дворце молодого царя ожидало еще одно хорошее известие: он получил письмо из Мидии от Гарпага, первого министра своего деда Астиага, которому, как известно, был обязан своим спасением.

Жестоко наказав Гарпага за неповиновение, Астиаг тем не менее оставил за ним его высокое положение при дворе. Гарпаг же не смог простить царю бесчеловечную расправу над его сыном, однако нашел в себе силы до времени затаить ненависть. Десять лет он только и думал, как отомстить Астиагу за злодеяние, и пришел к мысли, что лучше всего расправиться с обидчиком руками его внука Кира.

Ему вспомнились давние предсказания о том, что Кир свергнет деда и овладеет его царством. Поэтому Гарпаг всячески старался войти в доверие к Киру, посылал ему богатые подарки, а в письмах старался заверить его в своей дружбе.

Кроме того, Гарпаг сблизился со многими знатными и влиятельными мидянами, среди которых были царедворцы и военачальники. Он часто зазывал их к себе домой и вел разговоры о свержении царя, действуя наверняка, ибо знал, что все они в свое время пострадали от Астиага. Вскоре ему удалось достичь желаемого результата: все выразили готовность соста-

вить заговор против Астиага и свергнуть его, отдав престол его внуку Киру.

Когда все было готово к выступлению против царя, Гарпаг решил посвятить в замысел Кира. Опасаясь разоблачения, он действовал крайне осторожно. Чтобы его послание Киру не попало в руки преданных царю людей, Гарпаг хорошо замаскировал его: он распорядился убить зайца, искусно выделать его шкуру, набить ее бараньей шерстью, вложить вовнутрь письмо и зашить. Затем вручил чучело зайца своему преданному слуге и приказал доставить его в Пасаргады Киру. На словах же велел передать, чтобы Кир собственноручно вскрыл зайцу живот и внимательно покопался внутри.

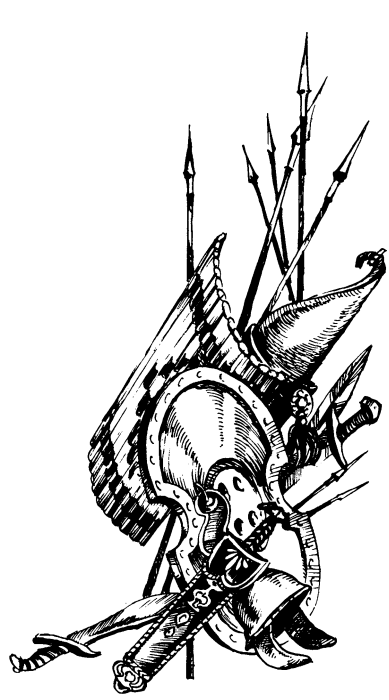
Получив из рук слуги необычного зайца, Кир распорол ему живот и нашел там послание.

«Сын Камбиса и Манданы! — писал Гарпаг. — Я надеюсь, ты еще не забыл, как по приказанию Астиага был обречен на смерть и только по воле всемогущих богов и благодаря мне уцелел. Наконец-то пришло время и у тебя появилась возможность сполна отомстить деду за былое злодеяние. Если ты будешь действовать решительно, то вся огромная держава Астиага окажется в твоих руках. Вот что я тебе хочу посоветовать: поскорее собирай войско и выступай в поход на мидян. В войне против тебя Астиаг назначит военачальником или меня, или кого-нибудь из знатных мидян, которые заодно со мной. Клянусь богами, в сражении мы перейдем на твою сторону. Ты без труда захватишь Экбатаны и низложишь Астиага. Так что не медли и действуй решительно. Будь здоров».

Прочтя послание Гарпага, Кир понял, что боги пекутся о нем больше, чем о ком-либо другом, и предоставляют прекрасную возможность овладеть царством Астиага. Буквально на следующий день он приступил к формированию и обучению войска. Тех персов, которые уже прибыли в Пасаргады, царь разделил на отряды по десять человек, назначив в каждом десятке начальника. Десять десятков объединялись в сотню под началом сотника. Десять сотен составляли тысячу, во главе которой стоял тысяцкий. Начальники десятков должны были беспрекословно подчиняться сотникам, сотники — тысяцким, а тысяцкие выполняли приказы самого Кира.

Вскоре в распоряжении молодого царя оказалось несколько десятков тысяч воинов. Но каждый день в Пасаргады прибывали новые отряды персов, большинство на конях и в полном вооружении. Однако было много и пеших, и без оружия.

Кир раздавал им лошадей из своих табунов, а оружейники, которые день и ночь трудились в Пасаргадах, изготовляли для них мечи и секиры, копья и дротики, луки и стрелы, щиты и доспехи. По приказу Кира изготовили две сотни колесниц, которые должны были составить особый род войск в персидской армии.



Когда войско было сформировано и вооружено, молодой царь приступил к его обучению. С утра до вечера персидские воины упражнялись со всеми видами оружия. Колесничие, выстраивая свои колесницы в одну линию, учились выдерживать строй во время атаки. Киру, наблюдавшему за ними, неожиданно пришла мысль прикрепить к осям колесниц серпы. Это, по его мнению, могло нанести врагам еще больший урон. Уже на следующий день несколько колесниц было снабжено острозаточенными серпами. Результат превзошел все ожидания: мешки, набитые травой и имитировавшие поверженных врагов, оказались искромсанными в клочья.

Несколько месяцев пролетело как одна неделя. Наконец Кир убедился, что его войско хорошо обучено и готово противостоять мидянам. Однако прежде, чем выступить в поход, молодой царь задумал провести одно мероприятие. Созвав воинов на военный смотр, он велел им собраться на следующий день пешими и без оружия.

Когда воины явились, Кир раздал им серпы и приказал расчистить от колючего кустарника большой участок земли недалеко от Пасаргад. Послушные своему царю, персы целый день выполняли эту тяжелую работу, исцарапались до крови, но к вечеру все же управились и позвали Кира посмотреть на результат своего труда. Царь похвалил их за усердие и сказал завтра всем собраться на этом же месте, но не с серпами, а чисто вымытыми и празднично одетыми.

Кир распорядился согнать на расчищенное место много коз, овец и коров из своих стад. Пока воины ночью отдыхали в палатках, царские слуги готовили для них угощение. На земле были расстелены пестрые ковры и покрывала. К утру на них выставили множество кувшинов с вином, разложили хлеб, жареное мясо и сладости.

Когда персы явились, Кир предложил им угощаться. Целый день длилось веселое пиршество. Только с наступлением темноты воины в приподнятом настроении разошлись по своим палаткам.

На третий день Кир, опять собрав воинов, спросил, какой из двух дней им понравился больше. Мнение было единодушным: первый день принес одни невзгоды, а второй — только удовольствия.

Видя настроение воинов, Кир обратился к ним со словами:

— Персы! Если завтра вы последуете за мной, то в будущем будете иметь все блага, которые имели вчера, и даже большие. Если же пожелаете разойтись по домам, то и вы, и ваши потомки останетесь рабами мидийского царя. Поэтому, не раздумывая, следуйте за мной, и вы обретете долгожданную свободу. Я уверен, что рожден для того, чтобы взять на себя дело вашей свободы. Вы ничуть не хуже мидян, особенно как воины. Итак, если вы согласны, завтра же мы выступаем в поход.

Слова Кира были встречены одобрительными криками и звоном оружия. В эти минуты персы окончательно убедились, что обрели вождя, способного избавить их от ненавистного мидийского ига.

Перед тем как распустить воинов, Кир сказал, чтобы к завтрашнему утру все были наготове. Начались сборы. Лагерь, расположенный у стен Пасаргад, пришел в движение. До позднего вечера воины чистили лошадей, проверяли сбрую, точили мечи и секиры, укладывали провиант.

Собрав на военный совет тысяцких, Кир указал каждому из них место в походной колонне и просил не нарушать порядка во время марша, чтобы не замедлять продвижение к границе Мидии.

Лишь в сумерках царь вернулся во дворец, где его с нетерпением ждали мать, жена и маленький сын. До полуночи они сидели за ужином. Кир был весел и много говорил. Мандана и Кассандана тоже старались казаться веселыми, но на сердце у них было неспокойно: обе женщины переживали за любимого человека и просили богов, чтобы те послали Киру удачу.

Камбис, которому было уже около двух лет, все время льнул к отцу. Особенно ему нравилось, когда Кир сажал его на

колено и легонько подбрасывал вверх: мальчику казалось, что он скачет на коне, и он чуть не захлебывался от восторга.

Наконец Мандана сказала, что Киру надо поспать, чтобы завтра быть бодрым. Она забрала с собой внука, а Кир и Кассандана удалились в опочивальню.

Проспав несколько часов, Кир проснулся еще затемно. Он быстро облачился в военные доспехи и, обняв на прощание жену, которая встала проводить его, покинул опочивальню. В дворцовых переходах ему встретилась мать, в эту ночь не сомкнувшая глаз.

— Будь осторожен, сынок, — прошептала напоследок Мандана, и они расстались.

Во дворе Кир вскочил на коня и направился к своему войску.

Воины были готовы к выступлению. Они свернули палатки и приторочили их к вьючным лошадям, а костры залили водой. Кир еще раз собрал тысяцких и отдал им последние распоряжения.

Персидское войско тронулось, на ходу выстраиваясь в походную колонну.

Впереди ехали колесницы, за ними следовала конница. Кир в окружении отряда телохранителей подождал, пока все войско прошло перед ним как на военном параде, а затем пришпорил скакуна и помчался вперед, чтобы занять место в авангарде.

Проезжая у стен Пасаргад, Кир обернулся и увидел на одной из крепостных башен две женские фигуры. Он сразу узнал их: это были Мандана и Кассандана. На минуту остановив коня, царь помахал им рукой и продолжил путь.

Кир спешил добраться до мидийской границы, чтобы застать мидян врасплох. Его войско стремительно продвигалось вперед, преодолевая по пятнадцать парасангов* за один дневной переход. Однако ни его военные приготовления, ни продвижение к пределам Мидии не остались незамеченными. Астиагу уже доложили, что внук что-то затеял. Мидийский царь не на шутку встревожился и отправил к Киру вестника с приказанием срочно явиться в Экбатаны.

На пятый день после выступления персов из Пасаргад Кир встретил Астиагова вестника. Прочитав короткое послание деда, молодой царь написал еще более короткий ответ: «Астиаг! Я прибуду значительно раньше, чем тебе этого хотелось

* Парасанг — мера длины, равная 5,5 км.

бы». Он вручил послание вестнику, распорядился дать ему свежего коня и отправил обратно в Экбатаны.

Подойдя к мидийской границе, Кир решил дать войску немного отдохнуть.

Между тем Астиаг, прочитав ответ Кира, созвал знатных мидян и спросил у них, как ему понимать слова внука.

— Это значит, великий царь, — сказал Гарпаг, нарочито склонившись в глубоком поклоне, — что Кир идет на тебя войной. Буквально несколько часов назад я получил донесение, что его войско подошло к границе Мидии.

— Безумец! — вскричал Астиаг. — На что он рассчитывает со сборищем персидских землепашцев и пастухов?!

— Тем не менее, государь, надо послать войско против него.

— Ты прав, Гарпаг, — сказал Астиаг. — Негодяя следует проучить. Назначаю тебя главнокомандующим в этой войне, если это можно так назвать. Забирай всех воинов из Экбатан и выступай против Кира. И помни: мой внук-мятежник должен быть доставлен ко мне в оковах.

Гарпаг ликовал: его план удался как нельзя лучше. Астиаг даже не подозревал, что, назначая его главнокомандующим, подписал себе смертный приговор.

Созвав военачальников, Гарпаг дал им три дня на сборы, и после этого мидийская армия выступила из столицы. Гарпаг с удовлетворением отметил, что его воины с большой неохотой покидали город. Сытая жизнь сделала их ленивыми; многие даже прихватили с собой рабов, заставив их нести свое оружие. Самое большее мидийскому войску удавалось проходить в день пять парасангов. Вместо того чтобы подниматься с рассветом, мидяне нежились в своих палатках до завтрака, затем не спеша завтракали и лишь к обеду выступали. На ночлег останавливались задолго до наступления темноты. Об укреплении лагеря не заботились. На караульных надежды не было никакой, так как они добросовестному несению службы предпочитали сон на посту. Видя все это, Гарпаг тем не менее ничего не предпринимал для наведения порядка.

В конце концов мидийское войско добралось до границы и расположилось лагерем в двух днях пути от Кира. Гарпаг сообщил военачальникам, что именно здесь намеревается дать бой персам. Кое-кто пробовал оспорить решение главнокомандующего, но последний своей властью заставил их замолчать.

Ночью Гарпаг тайно отправил к Киру слугу с посланием.

«Сын Камбиса и Манданы! — писал он. — Мидийское войско под моим командованием находится невдалеке от тебя. На следующий день после того, как прочтешь мое письмо, выступай против нас. Я построю войско следующим образом: в центре будут стоять полки под командованием верных Астиагу военачальников. Я же расположусь на левом фланге, а на правом — мои единомышленники. Так что тебе следует нанести основной удар по центру. В начале битвы я и мои сообщники отойдем в сторону, это позволит тебе окружить мидян в центре и без труда разгромить их. Затем мы соединим свои войска и пойдем на Экбатаны».

Удача сама шла в руки Киру. Снявшись с лагеря, он с войском в один день прошел расстояние, отделявшее персов от мидян. Осмотрев с высокого холма расположение противника, царь решил дать воинам отдохнуть, а утром начать сражение. Персы разбили палатки, поужинали и улеглись спать, выставив надежные караулы, как того требовала обстановка.

Едва солнце взошло над землей, персидское войско было на ногах. Кир приступил к его построению. В середину он поставил густую цепь серпоносных колесниц. Именно они должны были нанести первый удар по рядам противника. Сзади их прикрывала конница. По обоим флангам также находились конные отряды, перед которыми стояла задача окружить центр вражеского войска.

Сам царь занял место среди колесничих: пусть персы видят, что их предводитель сражается в первых рядах.

Кир давно начал бы сражение, но решил подождать, пока мидяне построятся для боя. Этого требовал уговор с Гарпагом, да иначе и нельзя было распознать, где воины Гарпага, а где полки, верные Астиагу.

Наконец мидяне выстроились в боевую линию. Пора было начинать битву. Персы молчаливо ждали сигнала царя. Кир, выпрямившись во весь рост, громко крикнул:

— Вперед, персы! Великий Ахурамазда с нами!

Военачальники передали его призыв по рядам, и персидское войско пришло в движение. Первыми в атаку понеслись серпоносные колесницы. Возницы умело управляли лошадьми, а воины, стоявшие по бокам, одну за другой пускали стрелы во врагов.

Еще до того, как обе стороны сошлись, Гарпаг, расположившийся на левом фланге мидийского войска, приказал сво-

им воинам отойти в сторону. То же сделали его единомышленники на правом фланге. Это позволило персидской коннице просочиться сквозь ряды противника и ударить по вражескому центру. Мидяне никак не ожидали такого поворота событий, хотя и оказали упорное сопротивление. Однако на них с трех сторон напирали персы, поэтому часа через два они стали отступать, а затем и вовсе обратились в бегство.

Большая часть мидян, оказавших сопротивление персам, пала на поле битвы, многие были убиты во время отступления, несколько сот победители захватили в плен, и лишь немногим удалось спастись бегством.

Так Кир одержал свою первую победу. Вечером он встретился с Гарпагом и его сообщниками. Во время ужина они обсудили план дальнейших действий и решили, что завтра же двинутся на Экбатаны.

Астиаг пировал в своем дворце, когда в Экбатаны вернулись те немногие воины, которым удалось спастись после битвы с персами. Они-то и поведали царю о предательстве Гарпага и гибели мидийского войска. Это известие заставило Астиага забыть о веселье, он не на шутку встревожился за свою судьбу.

Царь задумался. Его гости приумолкли. В пиршественном зале повисла тишина.

— Пусть так, — наконец произнес он хриплым голосом. — Пусть моя армия разбита. Пусть Гарпаг предал меня и перешел на сторону врага. Но все равно Киру несдобровать.

Царь приказал своим вельможам собрать новое войско. На следующий день в Экбатанах начались активные приготовления к войне. И стар и млад взялись за оружие и ждали, когда же повелитель поведет их в поход против персов и присоединившихся к ним мятежников.

Астиаг приказал привести к себе магов — толкователей снов, которые когда-то убедили его пощадить Кира. Он набросился на них с бранью, обвинил в измене и распорядился казнить.

Два дня спустя его войско беспорядочной толпой двинулось навстречу Киру. Астиаг предполагал встретиться с персами на четвертый или пятый день пути. Однако его предположения не сбылись. Уже на следующий день мидянам пришлось столкнуться с грозной опасностью.

Персы налетели внезапно, не дав им построиться для боя. Многие мидяне пустились наутек при одном виде противника,

кое-кто пробовал сопротивляться, но безуспешно: персидские мечи и копья не знали пощады. Раненые мидяне умоляли не убивать их, обещая богатый выкуп, но персидские воины были безжалостны.

Около Астиага произошла сутолока. Царь пытался остановить своих воинов, но его никто не слушал. Тогда, решив спасать свою жизнь, он забрался в колесницу, но тут же получил по голове удар сзади. Перед его глазами все закружилось, и он лишился сознания.

Очнувшись, Астиаг увидел, что лежит в большом шатре. Голова раскалывалась от боли, руки были туго связаны веревкой на запястьях; тем не менее царь сумел приподняться и осмотрелся. В шатре было пусто, только у входа стояли два воина с обнаженными мечами и тихо разговаривали. Они заметили, что царь пришел в себя, и один из них вышел наружу. Вскоре он вернулся в сопровождении Гарпага.

Увидев предателя, Астиаг разразился проклятиями. Между тем Гарпаг подошел к нему и бесцеремонно пнул ногой.

— Ну вот мы и встретились, Астиаг, — со злорадством произнес он. — Мне не стоило бы и подходить к тебе, но я не мог отказать себе в удовольствии поговорить с тобой. Вот видишь, Астиаг, как изменчива судьба: еще вчера ты был всемогущим владыкой, а сегодня — пленник. Помнишь, ты накормил меня мясом моего собственного сына? Прошли годы, но я не забыл твоего «угощения». А ты-то думал, что я — твой преданный слуга. Нет, Астиаг. Все эти годы я только и думал, как отомстить тебе. И наконец мне удалось это сделать. Это по моему совету твой внук пошел войной на тебя. Это я сделал так, что он разгромил твое войско. И то, что ты из царя стал рабом, — тоже дело моих рук. Ну, скажи теперь, что для тебя потеря царства по сравнению с тем пиром, который ты когда-то устроил в мою честь?

Гарпаг замолчал, ожидая ответа Астиага, но тот безмолвствовал. Какое-то время он неподвижно лежал, устремив взгляд к куполу шатра. Наконец, собравшись с мыслями, заговорил.

— Ты, Гарпаг, самый глупый и негодный человек на свете, — тихо произнес он. — Самый глупый — потому что добровольно отдал царскую власть над Мидией другому, хотя мог бы сам стать царем. Самый же негодный оттого, что из-за личной мести сделал мидян рабами. Не справедливей ли было отдать царскую власть не персу Киру, а кому-нибудь из знат-

ных мидян? Отныне же по твоей милости мидяне из господ превратились в подданных, а персы стали владыками.

На этом их свидание закончилось. Не желая больше выслушивать упреки, Гарпаг покинул шатер.

Чуть позже к Астиагу явился Кир. Подойдя к деду и увидев его связанным, он тут же достал нож и разрезал веревки. Астиаг взглядом поблагодарил внука, но продолжал молчать, предоставляя ему возможность заговорить первым. Кир же не знал, с чего начать. Какое-то время они молча смотрели друг на друга.

— Так уж случилось, Астиаг, — наконец заговорил Кир, — что я одолел тебя в бою. Теперь ты мой пленник, а я, по праву победителя, — обладатель твоего царства и всех твоих богатств. Такова воля Ахурамазды. Но тебе не стоит излишне печалиться. Ты лишился престола, но у тебя осталось самое дорогое — жизнь. Я не причиню тебе зла. Ты доживешь до конца своих дней в роскоши, которая окружала тебя всю твою жизнь. Ты не будешь знать ни забот, ни тревог.

— Благодарю тебя за великодушие, внук мой, — только и сумел ответить Астиаг. Он готов был разрыдаться и жестом попросил Кира оставить его одного.

На следующий день Кир направился в Экбатаны, прихватив с собой и деда. Астиаг ехал на своей колеснице в окружении персидских всадников. Он был мрачен и только и делал, что глубоко вздыхал.

Через три дня Кир прибыл в столицу Мидии. Его въезд нельзя было назвать торжественным. Жители от страха перед новым повелителем попрятались по домам. Проехав по опустевшим улицам, Кир добрался до царского дворца.

Огромный дворец деда встретил его молчанием: рабы и прислуга словно сквозь землю провалились. Победитель долго ходил по пустынным переходам в сопровождении телохранителей. Наконец он вошел в тронный зал. В глубине обширного помещения на возвышении стоял трон мидийских царей, изготовленный из слоновой кости и украшенный драгоценными камнями. Новый повелитель Мидии уверенной походкой направился к царскому седалищу. Шаги гулко отзывались в пустом помещении. Кир взошел на трон и сел, телохранители расположились по бокам. Они озирались вокруг и восхищались красотой, о которой до этого не имели даже представления.

Кир долго сидел, задумавшись. Какая-то необъяснимая тоска сжимала ему грудь, затрудняла дыхание. Молодому ца-

рю было не по себе среди этой сказочной роскоши. Временами у него появлялось желание вскочить и бежать отсюда подальше, на степной простор, где дышится легко и свободно. Но осознание того, что он повелитель огромной державы, останавливало, и он продолжал сидеть, молчать и думать.

В конце концов пребывание в тронном зале стало невыносимым. Он встрепенулся и спросил у телохранителей, где разместилось его войско. Он совершенно забыл о нем.

— Царь! Воины ждут приказаний у стен твоего дворца, — последовал ответ.

— Тогда найдите дворцовую прислугу, — распорядился Кир. — Пусть тащат все съедобное и побольше вина из подвалов. Я хочу устроить пир для своих воинов. Только не здесь, а на улице, под открытым небом. Здесь мне душно.

Пир продолжался всю ночь. Персы пили вино, ели изысканные кушанья и плясали у костров, которые разложили на лужайках вокруг дворца. Кир веселился со всеми, празднуя свою первую победу.

Прошло около трех месяцев, как Кир вступил в Экбатаны. Все это время он занимался государственными делами. Забот хватало. Надо было наладить финансовую систему, расстроенную расточительным правлением Астиага. Особого внимания требовала дисциплина в армии. Кроме этого, приходилось разбирать многочисленные жалобы мидян. Большую помощь Киру оказывал Гарпаг, за которым была сохранена должность первого министра.

Вскоре из Пасаргад в Экбатаны приехали мать Кира Мандана, его жена Кассандана и маленький сын Камбис. Однако царю пришлось недолго наслаждаться общением с близкими: одно за другим с окраин приходили известия о том, что некоторые племена восстали против Мидии, а значит, и против него — Кира. Так что ему пришлось покинуть Экбатаны и во главе армии выступить против восставших.

Кир пробыл в походе более года. Особенно долго ему пришлось задержаться в Гиркании и Парфии, где восстание против мидийского господства приняло характер народно-освободительной войны. Но в конце концов гирканe и парфяне были приведены к покорности, и Кир вернулся в Экбатаны.

Здесь его ожидало радостное известие: Кассандана родила ему второго сына. Кир назвал его Смердисом и в честь его рождения устроил роскошный пир.

Пробыв несколько месяцев в Экбатанах, Кир снова собрался в поход. Во время предыдущего похода он добрался до пределов Бактрии и Маргианы. Еще тогда у него появилась мысль завоевать эти страны, но ввиду малочисленности войска он не пошел на них. Сейчас же войска было в несколько раз больше, его составляли не только персы и мидяне, но и другие народы, подвластные Киру.

Этот поход затянулся более чем на три года. Маргиану удалось завоевать сравнительно легко, а вот на покорение Бактрии потребовалось куда больше времени и сил. Бактрийцы оказались свободолюбивым народом и хорошими воинами. Они мужественно сопротивлялись и покорились только после того, как Кир захватил их столицу — Бактру.

Отпраздновав в Бактре победу, Кир двинулся на юг. Разрушительным вихрем его войско пронеслось по Гандхаре, Саттагидии, Дрангиане и Кармании. Одни племена и народы персидский царь покорял, подкупая богатыми дарами их вождей; над другими одерживал победы в кровопролитных сражениях. Так или иначе, его признавали своим повелителем и обязывались выплачивать ежегодную дань.

Миновав Карманию, Кир достиг восточных пределов Персии. Персы радостно встречали своего царя. По пути следования к нему присоединялись все новые отряды персидских воинов, которые изъявили желание служить в его победоносной армии.

Приблизительно на месяц Кир задержался в Пасаргадах. Уезжая, он оставил здесь много строителей, которых привел из завоеванных стран, приказав им превратить Пасаргады в цветущий город, достойный называться столицей его обширного царства.

Пройдя вдоль границы Вавилонского царства, Кир вернулся в Экбатаны. По возвращении ему стало известно, что умер его дед Астиаг, а Кассандана родила дочь, которую назвала Атоссой.

Ровно год Кир провел в Экбатанах. Все это время он активно готовился к новому походу, на этот раз на север, в Армению, которая издревле славилась своими богатствами. Со всех концов обширной державы в столицу Мидии по приказанию Кира стекались воины. Когда последние приготовления были закончены, царь выступил в поход во главе огромного войска.

Два года ушло на завоевание Армении. Сначала была покорена восточная часть страны, затем западная. Около года Киру пришлось простоять у стен города Тушпа, расположенного на берегах живописного озера Ван. Город был непри-

ступным, и персам удалось взять его лишь после длительной осады, когда жители, доведенные до отчаяния голодом, сами сдались на милость победителей.

На севере Армении персы достигли реки Кура, подчинив здесь грозных саспиров. Дальше на север Кир не пошел, потому что переправа через Куру оказалась невозможной. Он повернул на запад и добрался до берегов Понта Эвксинского — так в те времена греки называли Черное море. Здесь он подчинил ряд греческих городов. Берегом Понта Эвксинского Кир дошел до того места, где в море впадала река Галис, и захватил Каппадокию, после чего вернулся в Экбатаны.

Завоевание Киром Каппадокии, а также возросшее могущество его державы встревожили лидийского царя Креза. Лидия лежала к западу от персидских владений. После захвата персами Каппадокии граница между двумя государствами стала проходить по реке Галис.

В то время Лидия считалась самым богатым царством в Азии. В Сарды — столицу Лидии — присылали дань греческие города, расположенные в Малой Азии. Кроме того, данниками лидийского царя являлись многочисленные народы, среди которых Геродот называет фригийцев, мисийцев, мариандинов, халибов, пафлагонцев, вифинцев, карийцев и памфилов. Сокровищницы царя Креза в Сардах были полны золота, серебра, драгоценных камней и ювелирных изделий, а сам царь считал себя счастливейшим на земле человеком.

Крез решил отвоевать у персов Каппадокию, пока те не закрепились там окончательно, и стал тщательно готовиться к предстоящей войне. Его союзниками были египетский фараон и вавилонский царь. Кроме того, Крез заручился поддержкой спартанцев, которые, получив от него богатые подарки, клятвенно обещали прийти на помощь по первому зову.

Пока войско готовилось к походу, Крез послал своих людей в Дельфы — главное святилище Эллады — вопросить предсказательницу Пифию, следует ли ему начинать войну с Киром. Через определенное время он получил ответ: «Царь Крез! Если ты пойдешь войной на персов, то сокрушишь великое царство». Истолковав эти слова в свою пользу, лидийский царь очень обрадовался и с удвоенной энергией стал готовиться к войне.

Весной 547 года до н. э. Крез во главе войска выступил в поход. Идя по течению левым берегом реки Галис, он достиг области, которая называлась Птерия. Здесь он рассчитывал дать

сражение Киру и, одержав победу, овладеть Каппадокией. В ожидании персидского войска Крез захватил города птерийцев, а их самих продал в рабство.

Киру было известно о приготовлениях Креза от соглядатаев, которых он посылал в Сарды под видом купцов. Но в его планы не входило воевать с Крезом, по крайней мере в ближайшее время. Теперь же он был поставлен перед необходимостью выступить против него. Персидский царь понимал, что Крез — куда более серьезный противника, чем те, с которыми ему приходилось встречаться раньше. Поэтому к предстоящей войне он стал готовиться с особой тщательностью, отбирая для своего войска самых опытных и храбрых воинов.

Киру пришла мысль подыскать союзников для борьбы с Крезом, и он направил послов к ионянам и эолийцам — грекам, жившим на побережье Малой Азии. От его имени послы просили греков отложиться от Креза и ударить ему в тыл, когда тот будет воевать с персами. И тогда поражение лидийского царя стало бы неизбежным. За эту услугу Кир обещал грекам свободу, но ни ионяне, ни эолийцы не поддержали его.

Когда Киру доложили, что Крез вторгся в Птерию и ждет его там со своим войском, повелитель персов отдал приказ выступать в поход. За несколько дней до выступления Кассандана родила еще одну дочь, которую Кир назвал Роксаной. Принеся благодарственные жертвы богам, Кир в хорошем настроении покинул Экбатаны.

Через месяц противники встретились на поле брани. Войско Кира превосходило по численности армию Креза, зато лидийский царь располагал великолепной конницей. В его распоряжении было много египетских и вавилонских колесниц. Пешую часть лидийского войска составляли греческие гоплиты — тяжеловооруженные воины, которые не имели себе равных в рукопашном бою.

Сражение началось рано утром и длилось целый день. Противники с ожесточением бросались друг на друга и несли большие потери. «В конце концов ни той ни другой стороне не удалось одержать победу, и с наступлением ночи противники разошлись», — пишет Геродот в своей «Истории».

Ночью Кир приблизительно подсчитал своих оставшихся в живых воинов и пришел к выводу, что половина его войска погибла. Поэтому он принял твердое решение не возобновлять битву. Крез, увидев на следующий день, что противник уклоняется от сражения, отошел с остатками своей армии в глубь страны, ведь лидийцы тоже понесли большие потери. Кир не

стал преследовать Креза, предоставив ему возможность спокойно вернуться в Сарды. Вместо этого он дал своему войску как следует отдохнуть и послал за подкреплением.

Добравшись до Сард, Крез не распустил свое войско, а расположил его в окрестностях столицы. В срочном порядке он отправил гонцов в Вавилон, Египет и к спартанцам с просьбой прибыть в Лидию через пять месяцев. Собрав все эти вспомогательные боевые силы и объединив их с лидийским войском, Крез намеревался по окончании зимы возобновить войну с персами. Однако Кир своими решительными действиями разрушил его планы.

Дав воинам отдохнуть после кровопролитного сражения и получив из внутренних районов своего царства подкрепление, Кир уже через два месяца оставил Птерию и вторгся в Лидию. Он медленно продвигался к Сардам, разоряя лидийские земли. Награбленные богатства Кир отправлял в Экбатаны, а жителей продавал в рабство. К началу весны он был уже в нескольких днях пути от лидийской столицы. Большая часть Лидии оказалась в его руках.

Крез, в течение зимы бездеятельно наблюдавший за действиями противника, не на шутку встревожился за свою судьбу, когда увидел, что персы находятся вблизи Сард. К этому времени подоспело подкрепление из Вавилона и Египта, вот-вот должны были прибыть спартанцы. Крез со дня на день готовился выступить в поход.

Как раз в это время к нему прибыли персидские послы. Снаряжая посольство, Кир решил лично отправиться в Сарды и встретиться с Крезом, разумеется скрыв при этом, что он персидский царь. К этому его подталкивало желание осмотреть столицу Лидии и разузнать о численности лидийского войска. Переодевшись знатным мидянином, он вместе с другими послами поехал в Сарды.

Столица Лидии поразила Кира: он не видел более богатого города. Экбатаны в сравнении с Сардами казались невзрачным провинциальным городом. Кир еще больше утвердился в мысли, что за все эти богатства стоит вступить в смертельную схватку, а там будь что будет — или всё, или ничего.

Крез лично принял персидских послов, и Кир впервые встретился с противником лицом к лицу. Представившись старшим среди послов, он сказал Крезу, что персидский царь предлагает ему без боя сдать Сарды; за это обещает сохранить Крезу жизнь и предоставить почетное место в своей свите, а также оставить за ним часть принадлежащих ему богатств.

Услышав подобное заявление, Крез громко рассмеялся, встал с трона и приказал персам следовать за ним. Сначала он спустился с ними в подвал под своим дворцом. В одном из помещений персы увидели штабеля золотых кирпичей, во втором — штабеля серебряных кирпичей, в третьем стояли сундуки, наполненные ожерельями, браслетами и перстнями из драгоценных камней; несколько комнат занимала золотая и серебряная посуда.

Показав сокровища, Крез повел персов на самую высокую башню своего дворца. Отсюда открывался прекрасный вид на Сарды и окрестности. Большое пространство вокруг города было усеяно шатрами, лошадьми и воинами. Столицу окружала высокая стена, а царский дворец был защищен еще более высокой стеной.

Зрелище впечатлило Кира и его спутников. Наблюдая за ними и видя их удивление, Крез сказал:

— Вот и передайте своему царю, что, если он хочет добраться до моих подвалов, ему сначала придется померяться силами с моим войском. Но даже если он и одержит победу в бою, как ему преодолеть городские стены, которые охраняются моими лучшими воинами? Допустим, что и это Киру удастся сделать. Тогда ему потребуются летающие воины, чтобы взобраться на отвесные стены моего дворца. А есть ли они у него? Что касается меня, то я советую ему возвращаться домой и властвовать на своей территории, а я по-прежнему буду царствовать в Лидии.

Сказав это, Крез приказал своим телохранителям выпроводить персов из Сард. Когда Кир и его спутники ехали по улицам города, вдогонку им неслись насмешки лидийцев. Персидский царь едва сдерживал гнев. «Подождите, жалкие людишки, погрязшие в роскоши, — говорил он про себя, — вскоре придет время и вы, все как один, будете ползать у моих ног и слизывать пыль с моих сандалий».

Посещение лидийской столицы только подогрело аппетит Кира. Ни численность лидийского войска, ни высота стен вокруг Сард уже не могли остановить его. Громкая слава и сокровища Креза ни на минуту не давали ему покоя.

На пятый день после того, как персидские послы покинули Сарды, Крез выступил в поход. До последнего дня он ждал прибытия спартанцев, но те так и не появились. «Обойдусь и без них, — решил лидийский царь, — ведь у меня и так достаточно войска, чтобы противостоять Киру».

Удалившись на один дневной переход от столицы, лидийское войско расположилось на широкой равнине, которую пересекала небольшая речка Гилл. Именно здесь Крез намеревался дать бой персам. Разбив лагерь, лидийцы выставили дозорных, чтобы те в любую минуту могли предупредить о появлении противника.

Персы не заставили себя долго ждать. Вскоре дозорные сообщили, что войско Кира приближается.

Ночь перед битвой противники провели в непосредственной близи друг от друга. Их разделяла только река.

На следующий день, едва рассвело, оба войска расположились в боевом порядке. Крез решил сначала бросить в атаку свою многочисленную конницу, поэтому поставил ее впереди. Колесницы он расположил с флангов, а пехоту — позади конницы.

Наблюдая за построениями противника, Кир принял смелое решение: выставил против лидийской конницы всех верблюдов из своего обоза, посадив на них воинов. Сделал он это неспроста, так как знал, что кони боятся верблюдов и не выносят их запаха. За верблюдами расположилась персидская пехота, конница же заняла третью линию построений. Как и у лидийцев, на флангах у персов находились колесницы, но на них Кир не возлагал особой надежды, ибо полагал, что судьба сражения будет решаться в центре.

Как только все было готово к битве, Кир обратился с напутствием к своим воинам беспощадно убивать всех лидийцев и их союзников, только Креза не трогать, как бы тот ни защищался.

Битву начали лидийцы. Грозной лавиной их конница понеслась в атаку, за ней стройными рядами двинулась пехота. Однако когда до передовой линии персов оставалось совсем немного, кони лидийцев, увидев верблюдов и почуяв их запах, стали подниматься на дыбы и сбрасывать всадников. Между тем персы

на верблюдах врезались в ряды противника и в первые же минуты оттеснили его. Лидийцам пришлось оставить коней и сражаться пешими, но вооружение всадников было мало пригодно для пешего боя, поэтому они стали отступать, неся большие потери.

В то время как персы теснили врагов в центре, на флангах вступили в единоборство колесницы. И тут преимущество оказалось на стороне персов: их колесничие проявили себя более опытными воинами.

Во второй половине дня лидийцы обратились в бегство. Крез, увидев, что сражение проиграно, в окружении телохранителей поспешно покинул поле битвы.

День кончился, наступила ночь, а персы все продолжали преследовать неприятеля. Кир хотел во что бы то ни стало настигнуть Креза и пленить его до того, как тот успеет укрыться за стенами Сард. Но в темноте лидийскому царю удалось оторваться от преследователей. Он благополучно добрался до столицы и заперся во дворце.

За полночь бегущие лидийцы достигли Сард. Передовые отряды персов шли за ними по пятам. У городских ворот, которые были открыты, чтобы пропустить лидийских воинов, завязалась ожесточенная схватка. Лидийцы защищались с мужеством обреченных, но и здесь персы взяли верх. Вскоре битва закипела в самом городе. Жители Сард, все, кто мог владеть оружием, поднялись на оборону. Между тем в Сарды проникали все новые и новые отряды персов. К утру лидийская столица оказалась у них в руках. Только царский дворец остался незахваченным.

Большинство жителей Сард было перебито, остальных персы взяли в плен. Их вязали и большими группами выводили за город.

Сами завоеватели едва держались на ногах, устав от ратных трудов и бессонной ночи. Как только последний пленник был выведен из Сард, Кир дал отдых своим воинам и сам проспал крепким сном несколько часов в доме неподалеку от царского дворца.

Восстановив силы, Кир стал обдумывать, как овладеть дворцом Креза. Несколько раз он обошел скалу, на которой возвышался дворец, и пришел к выводу, что взять его приступом будет не так-то просто, а скорее всего невозможно. Но другого способа захватить Креза и его сокровища не было.

Длительная осада, которая могла затянуться на год, а то и больше, не устраивала персидского царя. Он опасался, как бы в ближайшее время на помощь Крезу не пришли вавилонский царь, египетский фараон и спартанцы. Поэтому Кир приказал готовиться к штурму неприступной твердыни.

Около трех дней ушло на подготовку. За это время было изготовлено множество лестниц, сплетены прочные веревки с металлическими крюками на концах.

Наконец начался штурм, который длился целый день, но так и не принес желаемых результатов. Послушные воле своего повелителя, персидские воины самоотверженно карабкались по лестницам на стены, но сверху на них сыпались каменные глыбы, копья и стрелы, лилась кипящая смола. Никто из персов так и не сумел не только подняться на крепостную стену, но даже взобраться на несколько локтей. К вечеру погибшие персы исчислялись сотнями, раненых и искалеченных было еще больше. Поняв, что штурм — дело безнадежное, Кир приказал прекратить его.

Тринадцать дней персы простояли у неприступной стены вокруг дворца царя Креза. После неудачного штурма Кир уже не предпринимал новых попыток овладеть твердыней, пал духом и не знал, что делать дальше. Уединившись, он приказал своим телохранителям никого не впускать к нему, часами то расхаживал взад-вперед, то стоял неподвижно, прислонившись к стене, и думал, думал, думал. Голова шла кругом от бесконечных мыслей.

Как-то в полночь тишину нарушили громкие голоса, доносившиеся снаружи. Прислушавшись, Кир понял, что это его телохранители бранятся с каким-то человеком, который домогается встречи с царем. Так как перебранка долго не смолкала, Кир решил посмотреть, кто и по какому делу хочет его видеть.

Выйдя из дома, он разглядел человека, судя по одежде — перса, и приказал телохранителям подвести незнакомца к нему.

— Кто ты? — спросил Кир.

— Я — Гиреад, перс из племени мардов.

— Что за дело привело тебя ко мне, Гиреад?

— Великий царь! Хочешь верь, хочешь нет, но я только что побывал на стене, ограждающей дворец Креза.

Неожиданное заявление Гиреада и его растрепанный вид рассмешили Кира, и он спросил:

— Уж не на крыльях ли ты поднялся туда, Гиреад?

— Вовсе нет, великий царь, — вполне серьезно ответил Гиреад.

— Тогда каким же образом?

— По веревке.

Кир перестал смеяться, поняв, что Гиреад не шутит, и попросил его рассказать обо всем подробно.

— Сегодня поздно вечером, когда уже стемнело, — начал свой рассказ Гиреад, — я прохаживался у стен дворца, и неожиданно рядом со мной что-то упало сверху. Я испугался: уж не хочет ли какой-нибудь лидиец убить меня, сбросив на голову что-нибудь тяжелое. Укрывшись за большим камнем, я стал наблюдать и вскоре увидел лидийца, спускавшегося вниз со стены по веревке. На земле он стал шарить впотьмах в траве и вскоре поднял свой шлем. Видимо, именно его он сбросил незадолго до этого. Я посмотрел вверх и, убедившись, что там никого нет, решил напасть на лидийца. Одним ударом акинака* я уложил его на месте. Вокруг было тихо, и у меня появилась смелая мысль подняться на стену по веревке. Вскоре я оказался наверху. Пробыв там довольно долго, не увидел ни одного охранника. Тогда я спустился обратно и поспешил к тебе, великий царь, чтобы сообщить об этом. Мне кажется, сам Ахурамазда подсказывает тебе способ, которым можно овладеть дворцом Креза. Только надо торопиться, ведь до утра осталось недолго.

Выслушав Гиреада, Кир воскликнул:

— Клянусь Ахурамаздой! Если завтра я овладею дворцом Креза, то ты, Гиреад, станешь не просто богатым, а сказочно богатым человеком.

Кир тут же приказал созвать военачальников. Когда те явились, царь рассказал им о приключении Гиреада и велел готовиться к штурму, не забыв предупредить, чтобы все делалось в полной тишине и без паники.

Затем он собрал всех своих телохранителей (их было около сотни) и сказал им, что сейчас они отправятся к тому месту, где Гиреад поднимался на стену, и сделают то же самое. Царь распорядился оставить все лишнее, взять с собой только щиты, мечи и длинные веревки.

Стояла душная безлунная ночь. Первый десяток персов во главе с Гиреадом незаметно добрался до стены. Веревку никто не убрал — значит, все спокойно. Вначале Гиреад, а за ним и

* Акинак — кривой персидский кинжал.

остальные благополучно взобрались наверх и спустили вниз еще несколько веревок. Кир послал второй десяток, затем третий, четвертый, пятый и так далее.

Начинало светать, когда наверху оказались все телохранители персидского царя. Пока все было спокойно, и Кир дал знак другим воинам подносить лестницы к стене и взбираться. Но вот сверху донеслись крики и звон оружия.

Лидийцы наконец обнаружили неприятеля и напали на персов. Последние упорно сопротивлялись, давая возможность другим персидским воинам взобраться на стену.

Когда первые лучи солнца пробились из-за горизонта, бой уже кипел по всей протяженности крепостной стены. Персы одолевали лидийцев, не готовых к столь неожиданному нападению, и через два-три часа численное преимущество было на стороне персов. Лидийцы шаг за шагом отступали ко дворцу своего царя. У парадного входа они оказали последнее сопротивление, но были перебиты. Персы толпой ввалились в царские палаты и принялись расправляться с прислугой.

Видя, что неприятель овладел его дворцом, Крез заметался по многочисленным покоям в поисках спасения и вместе с сыном, немым от рождения, укрылся в опочивальне. Но и сюда вскоре ворвались несколько персидских воинов. Один из них, не зная, что перед ним лидийский царь, бросился на Креза с мечом, намереваясь убить его. В этот момент произошло неожиданное: сын Креза, увидев, что отцу угрожает смерть, выступил вперед и громко сказал: «Человек, не убивай Креза!» Это были его первые в жизни слова. Как пишет Геродот, затем он уже до конца жизни говорил. Перс же, хотя и не понимал лидийского языка, услышав имя Креза, опустил меч, благодаря чему тот остался жив.

Так в 546 году до н. э. Кир овладел дворцом Креза и его сокровищами, а самого плененного лидийского царя распорядился принести в жертву богам и сжечь на костре.

Выполняя его повеление, персы соорудили на дворцовой площади большой костер из бревен. Когда все было готово, Креза возвели на костер и привязали к столбу.

Геродот пишет, что Кир лично присутствовал при сожжении Креза. По словам историка, он хотел посмотреть, не спасет ли лидийского царя от неминуемой гибели какое-нибудь божество.

День клонился к закату. Было душно. С запада на Сарды медленно надвигалась большая черная туча, которая вскоре

закрыла собой заходившее солнце. Где-то не очень далеко слышались раскаты грома. В воздухе запахло грозой.

По приказу Кира костер подожгли в нескольких местах. Охватив нижние ярусы, пламя поползло вверх. Было видно, как Крез сначала пробовал освободиться от веревок, но потом, осознав безвыходность положения, отдался на волю судьбы. В эти роковые минуты он вспомнил всю свою жизнь, которой, как он недавно полагал, все должны были завидовать. Внезапно его пронзила мысль: никто при жизни не может считаться счастливым, ибо все во власти судьбы, а судьба не бывает благосклонна все время к одному и тому же человеку. Подумав об этом, Крез горестно воскликнул: «Ах, Солон, Солон, Солон!»

Кир захотел узнать, к кому это он обращается, и услышал в ответ:

«Я отдал бы все мои сокровища, если бы еще являлся их обладателем, лишь бы все владыки мира могли побеседовать с тем, к кому я сейчас взываю».

Кира заинтересовали эти слова, смысла которых он никак не мог понять, и через слуг потребовал разъяснения. И хотя огонь уже подбирался к лидийскому царю, Крез рассказал о том, как много лет назад, когда он был маленьким, а Лидией правил его отец Алиатт, в Сарды прибыл афинянин Солон. Алиатт показал ему все свои сокровища и спросил, встречал ли он когда-нибудь человека более счастливого, чем он, Алиатт. На это Солон ответил, что всякий обладатель сокровищ ничуть не счастливее человека, имеющего лишь пищу на день, если удача не будет сопутствовать ему и он до конца жизни не сохранит своего богатства. Таким образом, Солон презрел сокровища Алиатта и не признал его счастливым. Вскоре он покинул Сарды. Крез тогда был еще ребенком, но ему запомнились слова Солона, и сейчас, в свой предсмертный час, он понял, что Солон был прав насчет непостоянства человеческого счастья.

Слуги тотчас же передали рассказ Киру, и персидский царь задумался. Что же это получается? Он, такой же смертный, как и все остальные, захотел другого человека, который до недавнего времени был обласкан счастьем не меньше его, живым предать огню. А тут еще стрелой пронзила мысль о возмездии свыше, и Кир внезапно переменил свое решение. По его приказу слуги бросились тушить костер, но это казалось делом безнадежным: огонь уже пылал вовсю, еще несколько минут, и всепожирающее пламя доберется до Креза.

Между тем черная грозовая туча нависла над Сардами. Порывы ветра усилились, частые молнии причудливыми зигзагами рассекали небо, оглушительные раскаты грома вселяли ужас в сердца людей — и вот на землю упали первые капли холодного дождя. Через минуту-две начался сильный ливень, который в мгновение ока затушил костер. Крез был спасен.

Кир, невзирая на то, что промок до нитки, неподвижно стоял на прежнем месте. Как и всякий человек своего времени, он был суеверен, и сейчас ему казалось, что именно боги уберегли Креза от верной гибели, послав ливень. Он велел слугам отвязать Креза и вместе с ним удалился во дворец.

Кир и Крез, победитель и пленник, сидели в небольшой комнате, посреди которой весело пылал очаг, наполняя помещение приятным теплом. С ними был только переводчик.

— Скажи, Крез, — негромко спросил Кир, — кто из людей убедил тебя идти против меня войной и вместо друга стать мне врагом?

— Кир! — так же тихо ответил Крез. — Такой совет мне дал не человек, а бог.

— Что же это за божество?

— Эллины называют его Аполлоном; его святилище находится в Дельфах. Именно туда я посылал своих людей вопросить бога о том, стоит ли мне начинать с тобой войну.

— И что же?

— Предсказательница Пифия ответила, что если я пойду на тебя войной, то сокрушу великое царство, — сказал Крез и задумался, но затем продолжал: — Однако теперь я понимаю, что под царством, которое я разрушу, Пифия подразумевала не твое, а мое. Я неправильно истолковал предсказание и жестоко поплатился за это.

— Но почему же ты не уточнил, какое царство должно пасть?

— В том-то и дело, что я об этом не подумал, — ответил Крез.

Долгое время они молчали, наконец Крез снова заговорил:

— Кир, могу ли я свободно высказать тебе свои соображения, или мне подобает молчать?

— Конечно, Крез, ты смело можешь говорить все, что захочешь.

— Тогда скажи мне, чем занимались твои воины с того дня, как вступили на лидийскую землю?

— Как это чем? — удивился Кир. — Они разоряли твое царство, грабили твою столицу, расхищали твои богатства.

— Нет, Кир! — возразил Крез. — Не мое царство и не мои богатства они грабили и продолжают грабить. У меня больше ровным счетом нет ничего, кроме жизни, да и она мне не в радость. Твои воины расхищают **твое** достояние.

Слова Креза поразили Кира своей глубиной. Ему нечего было возразить, и он спросил:

— Какую же опасность для меня, Крез, ты видишь в происходящем?

— Боги сделали меня твоим пленником, — немного подумав, отвечал Крез. — Отныне моя судьба всецело зависит от тебя, и я считаю своим долгом указать тебе на то, чего ты не рассмотрел. Если ты позволишь своим воинам продолжать грабежи, то многие из них станут сказочно богатыми, и не исключено, что тот, кто больше всего награбит, в будущем поднимет против тебя восстание: ведь ему уже будет мало богатства, ему захочется царствовать.

И эти слова Креза Кир счел справедливыми и спросил:

— Так что же ты мне посоветуешь?

— По-моему, — отвечал Крез, — ты должен поставить у всех городских ворот самых верных тебе людей; пусть они отнимают добычу у тех, кто ее выносит, говоря от твоего имени, что половину следует принести в жертву богам. Тогда персы не только не возненавидят тебя за то, что ты силой отнимаешь у них добычу, но, признав справедливость твоих действий, добровольно отдадут ее.

Выслушав своего пленника, Кир очень обрадовался: совет Креза показался ему превосходным.

— Крез! — воскликнул он. — Клянусь Ахурамаздой, ты умеешь говорить и действовать, как подобает мудрому правителю. Проси у меня что хочешь, и я тотчас это исполню.

— Если ты действительно даешь мне такое право, — ответил на это Крез, — то я бы просил взять меня под твое покровительство. Думаю, что буду полезен тебе своими советами.

— Крез! Я исполню не только эту просьбу, но и все другие, если они у тебя будут, — пообещал Кир.

На этом они расстались. Уже давно было пора подумать об отдыхе.

На следующий день Кир, по совету Креза, прекратил грабежи в Сардах и приказал всем воинам покинуть лидийскую столицу. Около городских ворот верные ему телохранители изы-

мали у каждого уходящего из города половину добычи якобы для принесения в жертву богам. И полетели в кучи золотая и серебряная посуда, свертки дорогих тканей, браслеты, ожерелья и многое другое. Результаты превзошли ожидания: изделия из золота и серебра измерялись сотнями талантов*, монет набралось больше ста мешков. Все эти богатства Кир распорядился отнести в подвал царского дворца и сложить в отдельном помещении.

Спустя некоторое время в Сарды прибыли послы от ионян и эолийцев — эллинов, живших на западном побережье Малой Азии. Накануне войны с Крезом Кир предложил им выступить на его стороне, но они отказались. Теперь, когда Лидия оказалась в его руках, эллины изъявляли желание подчиниться ему на тех же условиях, на которых раньше подчинялись Крезу.

Кир принял послов в тронном зале, восседая в окружении свиты. Выслушав их предложения, он рассказал им басню, содержание которой приводит Геродот.

«Какой-то флейтист увидел в море рыбу и принялся играть на флейте, надеясь, что рыба выскочит на сушу. Обманувшись же в своих ожиданиях, он закинул невод, поймал много рыбы и вытащил ее на берег. И вот, увидев бьющуюся в неводе рыбу, он сказал: «Прекратите теперь у меня пляску! Вы ведь даже не захотели выйти поплясать под мою флейту!»

Таким образом Кир отклонил предложение ионян и эолийцев о союзе. Более того, он заявил, что в ближайшее время собирается покорить их поодиночке. Послы вернулись в свои города и сообщили согражданам о грядущей опасности. Ионяне и эолийцы стали обносить свои города дополнительными стенами, готовясь к обороне.

Чуть позже к Киру прибыло еще одно посольство, на этот раз от спартанцев, которые, как известно, были союзниками Креза, но не успели прийти к нему на помощь из-за войны с аргосцами. Когда в Спарте стало известно о поражении Креза, спартанцы в срочном порядке снарядили корабль и отправили в Малую Азию, чтобы быть в курсе событий. Старшим на корабле был некто Лакрин. Прибыв в город Фокея, спартанцы узнали, что Кир собирается войной на ионян и эолийцев. Лакрин с несколькими согражданами отправился в Сарды заявить Киру от имени своего государства, что Спарта не позволит ему разорять эллинские города.

Видя перед собой горстку людей и слушая их угрозы, Кир громко рассмеялся, посоветовал убираться подобру-поздоро-

* Талант — мера веса около 30 кг.

ву и никогда больше не вмешиваться в его дела, иначе им придется радеть не за ионян и эолийцев, а за самих себя.

Не успел Кир выпроводить спартанское посольство, как в Сарды прибыл гонец с известием о том, что в Бактрии началось восстание: персидские гарнизоны перебиты, бактрийцы заявили о своей независимости. Надо было срочно улаживать дела в Сардах и отправляться на восток, за сотни парасангов отсюда. Собрав военачальников, царь объявил о скором выступлении в поход.

Кир решил не продавать пленных лидийцев в рабство. Взяв с них клятву верности, он разрешил им вернуться в свои дома в Сардах. Здесь он оставлял многочисленный персидский гарнизон под командованием перса Табала.

Царь долго думал, как быть с сокровищами Креза: ведь их было так много, что перевезти все сразу в Экбатаны не представлялось возможным. Он решил прихватить с собой только часть, а остальное поручить кому-нибудь на хранение. Но кому? Казначеем у Креза был знатный лидиец Пактий. Крез отзывался о нем как о человеке кристально честном, поэтому именно ему Кир и доверил оставшуюся часть сокровищ.

Сделав последние распоряжения, Кир выступил из лидийской столицы. Вместе с ним навстречу своей новой судьбе отправился и Крез.

Персидский царь ненадолго задержался в Экбатанах, проведя несколько дней в кругу близких, а затем продолжил поход, взяв с собой своего старшего сына Камбиса, которому уже исполнилось пятнадцать лет. Он считал, что Камбису как наследнику пора приобщаться к делам управления.

Лидиец Пактий, оставленный Киром в Сардах в качестве хранителя сокровищ, оказался истинным патриотом своей родины. Как только персидский царь с войском покинул столицу, он стал думать, как освободить Лидию от персидского господства и вернуть ей былое величие. Он решил тайно вывезти царские сокровища из Сард, навербовать на них наемников в ионийских и эолийских городах и с их помощью ликвидировать персидский гарнизон в Сардах.

Удача сопутствовала Пактию. Ему удалось найти немало сторонников среди лидийской знати. С их помощью большая часть сокровищ была незаметно для персов переправлена в греческие города, а вскоре и сам Пактий с единомышленниками покинул Сарды.

Ионяне и эолийцы приветствовали замыслы Пактия. По крайней мере, у них появилась прекрасная возможность избежать персидского порабощения, которым недавно угрожал Кир. Вскоре в распоряжении Пактия оказалась большая и хорошо вооруженная армия из греческих гоплитов, с которой он и выступил в поход на Сарды.

Узнав о грозящей опасности, начальник персидского гарнизона в Сардах Табал укрылся со своими воинами в царском дворце на акрополе*. Правда, у него была возможность покинуть лидийскую столицу, но он отказался от нее, опасаясь, что Кир накажет его за трусость.

Победоносно вступив в родной город, Пактий объявил, что отныне Лидия свободна от персидского господства. Воспрянув духом, лидийцы вооружились: одна часть их обложила осадой акрополь, где засели персы, другая — выступила к восточным границам Лидии, чтобы воспрепятствовать новому вторжению персидских полчищ.

О том, что произошло в Лидии, Кир узнал в Бактрии. Он не мог поверить, что Лидия, на завоевание которой потребовалось столько сил, восстала в самый неподходящий для него момент. Особенно его огорчила потеря несметных сокровищ.

Кир уединился в своем походном шатре и в течение нескольких часов никого не допускал к себе, обдумывая свои дальнейшие действия. Он оказался перед выбором: то ли, оставив в покое мятежников-бактрийцев, самому со всем войском поспешить в Лидию, то ли отправить туда кого-нибудь из своих военачальников. В конце концов царь склонился ко второму варианту, но прежде, чем отдать распоряжения, решил побеседовать с Крезом.

Когда Крезу сообщили о желании Кира видеть его, первое, что пришло ему в голову, — уж не для расправы ли? Однако ничего подобного не произошло. Лишь только Крез вошел в шатер, Кир жестом предложил ему сесть на ковер напротив себя.

— Крез! — после недолгого молчания сказал Кир. — Я поступил так же опрометчиво, как человек, который убил отца, но оставил в живых его детей. Я забрал тебя с собой в качестве пленника, а лидийцам, для которых ты был больше чем отец, позволил по-прежнему жить в Сардах, и после этого еще удивляюсь, что они восстали против меня. Не знаю, чем все это

* Акрополь — верхний город, кремль.

кончится, но если мне удастся справиться с лидийцами, я продам их всех в рабство, чтобы в дальнейшем они не доставляли мне хлопот, а Сарды сотру с лица земли.

Крез испугался за судьбу Сард и народа, которым долгое время правил. Мысль о разрушении прекрасного города привела его в ужас. Он постарался отговорить Кира от этого решения, призвав на помощь всю свою мудрость.

— Царь! Ты абсолютно прав, — начал Крез, тщательно подбирая слова, — но все-таки не следует разрушать древний город, неповинный в предательстве одного человека. Совершенно очевидно, что инициатором восстания является Пактий, которому ты отдал на сохранение сокровища. Его-то ты и покарай, как он того заслуживает, а лидийцам окажи снисхождение. Я думаю, у тебя нет необходимости продавать их в рабство. Достаточно будет запретить им под страхом смерти носить боевое оружие и приказать обучать своих детей игре на музыкальных инструментах и заниматься мелкой торговлей. Вот увидишь, в будущем они из мужей, которые когда-то славились как лучшие в Азии воины, превратятся в женщин. Так что ни тебе, ни твоим преемникам уже не надо будет опасаться нового восстания.

У Креза почти не было надежды на то, что Кир послушается его. Однако тот, немного подумав, сказал, что слова Креза не лишены здравого смысла, и чуть погодя спросил:

— Как ты думаешь, Крез, мне самому следует отправиться в Лидию или достаточно послать кого-нибудь из военачальников?

— Я думаю, Кир, — ответил Крез, — тебе стоит остаться в Бактрии и довести здесь дело до конца, а с усмирением лидийцев справится кто-нибудь другой. Ведь лидийцы уже не те, что были до войны с тобой: лучшие из них погибли в битвах, так что тех, кто остался, будет нетрудно привести к покорности.

После этого Кир отпустил Креза, велел позвать к себе мидянина Мазареса, своего лучшего полководца, и обратился к нему со следующими словами:

— Мазарес! Я посылаю тебя в Лидию усмирить мятежников. Забирай десять тысяч моих лучших всадников и поскорее выступай в поход. В Экбатанах получишь подкрепление. Этого будет достаточно, чтобы обуздать лидийцев и разогнать их союзников — греков. Зачинщика же восстания — Пактия — ты должен схватить и доставить ко мне живым. Я сам решу, как его наказать. Да поможет тебе Ахурамазда!

На следующий день Мазарес во главе десятитысячного конного отряда двинулся в поход. Кир же с остальным войском остался в Бактрии и продолжил борьбу с восставшими.

Спустя несколько месяцев Мазарес с войском, численность которого он увеличил в три раза за счет воинов, присоединившихся к нему в Экбатанах, подошел к границе Лидии. Лидийцы, охранявшие восточные рубежи своей страны, были разбиты в первом же сражении и большей частью попали в плен; лишь немногим удалось добраться до Сард.

Весть о поражении произвела в Сардах сильный переполох. Уже через день столицу Лидии покинули греческие наемники: ввиду надвигавшейся опасности они поспешили на защиту собственных городов. Оставшихся в Сардах воинов было крайне недостаточно для обороны города. Видя, что дело проиграно, Пактий и его сторонники бежали в город Кима и попросили там убежища.

Между тем Мазарес подошел к стенам лидийской столицы и осадил ее. Жители Сард, все, кто мог держать оружие, поднялись на крепостные стены, готовые отразить штурм персидского войска.

Но здесь в дело вступил Табал со своим гарнизоном, укрывавшийся в царском дворце. Они вырвались из окружения, с большими потерями пробились к городским воротам, захватили их и впустили в город воинов Мазареса. В ходе уличных боев персы перебили множество лидийцев и вновь овладели Сардами.

Через несколько дней, наведя порядок в Сардах, Мазарес приказал всем взрослым лидийцам собраться на базарной площади. Взойдя на специальное возвышение, он обратился к лидийцам со следующими словами:

— Кир, сын Камбиса, Ахеменид, царь четырех сторон света, правитель великий и могущественный, повелевает вам, лидийцы, под страхом смерти сдать все боевое оружие, будь то кинжал, меч, копье или что-либо другое. Отныне вам запрещается обучать детей военному искусству. Вместо этого вы должны прививать своим отпрыскам любовь к музыке и танцам, а также к торговле. Тот, кто ослушается повеления великого царя, будет предан смерти или, в лучшем случае, продан в рабство.

В глубоком молчании лидийцы выслушали волю Кира и молча разошлись по домам, поняв, что свободы им больше не видать.

Мазарес не забыл приказания Кира схватить Пактия живым и отправить к нему на суд. Он выяснил, что Пактий находится в Киме, и послал туда вестника с требованием выдать

предателя. Жители Кимы, испугавшись неприятностей, переправили Пактия на остров Лесбос, в Митилену. Однако это убежище показалось Пактию ненадежным: до него дошли слухи, что митиленцы хотят выдать его персам за большую сумму денег. Поэтому он перебрался на остров Хиос и укрылся там в храме богини Афины. Жители острова, узнав, что персы разыскивают Пактия, вытащили его из храма и передали Мазаресу в обмен на местность под названием Атарней на побережье Малой Азии.

Заполучив Пактия, Мазарес заковал его в цепи и под надежной охраной отправил Киру. Следующей его задачей было наказать греческие города, принимавшие участие в недавнем восстании, и он выступил в поход. Сначала он взял штурмом Приену, потом — Магнесию. Оба города были разграблены, а население большей частью продано в рабство. Мазарес хотел захватить и другие города, но тяжело заболел и вскоре умер.

Тем временем Кир наконец справился с восставшими бактрийцами. Оставив в Бактрии сильные персидские гарнизоны, он направился в Экбатаны. Впереди его войска шли тысячи пленных бактрийцев, которых ожидала участь быть проданными в рабство.

По приезде в Экбатаны Кир учинил расправу над Пактием, которого в ожидании царя содержали в темнице. Днем лидийца по царскому повелению выводили на солнцепек и привязывали к столбу, не давая ни капли воды, ночью же заключали в холодное подвальное помещение, наполовину заполненное водой. Бедняга выдержал только пять дней и умер.

Покончив и с этим делом, Кир призвал к себе Гарпага, который много лет назад спас его от смерти, а затем помог захватить Мидийское царство. Он велел ему продолжить завоевание греческих городов в Малой Азии, начатое Мазаресом. Получив от царя многочисленное войско, Гарпаг отправился в поход. Вместе с ним Кир послал своего старшего сына Камбиса: пусть совершенствуется в военном деле.

Сам же царь остался в Экбатанах, решив отдохнуть от ратных трудов в кругу семьи. К этому времени Кассандана родила ему еще одну дочь, которую назвали Артистоной. Теперь у Кира было два сына — Камбис и Смердис — и три дочери — Атосса, Роксана и Артистона. Мать царя, Мандана, за эти годы постарела. Голова ее поседела, но царица не теряла своего величия. Она по-прежнему любила сына и гордилась его великими деяниями. Большую часть свободного времени Ман-

дана посвящала внукам, особенно ей нравился Смердис. Его она любила больше, чем Камбиса, который отличался вспыльчивым нравом. Из внучек царица отдавала предпочтение Атоссе.

Пока Кир отдыхал в Экбатанах, Гарпаг и Камбис один за другим покоряли греческие города. Фокею и Теос им удалось захватить без боя, ибо жители этих городов добровольно переселились в другие места. Остальные же города отчаянно сражались с персами, отстаивая свою свободу, однако потерпели поражение и были покорены. Завоеватели наложили на них ежегодную дань и оставили в каждом городе свои гарнизоны.

Покорив малоазийских греков, Гарпаг и Камбис пошли войной на карийцев, кавниев и ликийцев и покорили их, заставив признать власть персидского царя. На это потребовалось больше года, после чего Гарпаг и Камбис возвратились в Экбатаны.

Тем временем Кир приступил к организации нового похода. На этот раз он хотел захватить земли азиатских эфиопов и Индию.

За несколько месяцев до выступления в поход он с семьей и двором переехал в Пасаргады, город, в котором прошла часть его детства и юность. Но теперь он настолько преобразился, что Кир не узнал его. Оставленные здесь несколько лет назад мастера возвели царский дворец, окружив его живописным парком — парадизом. Были построены храмы, административные здания и казармы для воинов.

Кир объявил, что отныне Пасаргады будут столицей его обширной державы.

Прошло немного времени, и Кир выступил в поход на азиатских эфиопов и индийцев, призвав под свои знамена воинов из ранее завоеванных стран, кроме лидийцев, которым сам запретил заниматься военным делом.

Античные историки не сообщают подробностей этого похода Кира. Более или менее достоверно известно, что на завоевание названных народов ему потребовалось около трех лет. Киру удалось достичь реки Инд и, переправившись через нее, захватить земли по ее течению. Но в глубь Индии он не пошел, так как воины устали, да и местность была труднопроходимой. Ограничившись завоеванным, Кир вернулся в Пасаргады с богатой добычей и многочисленными пленниками.

В 540 году до н. э. Кир задумал еще один поход. Его давно привлекало Вавилонское царство. Он знал, что Вавилон —

красивейший город, да к тому же сказочно богатый. Даже богатства Креза не шли ни в какое сравнение с богатствами вавилонского царя Набонида. Вавилония занимала огромную территорию, которая в случае завоевания могла на четверть расширить территорию Персидского царства. Через Вавилонию можно было проникнуть в Египет, о чем также мечтал Кир. Однако покорить ее было непросто: вавилонский царь Набонид располагал многочисленной армией, состоял в союзе с египетским фараоном, а сам Вавилон — столица царства — был окружен неприступными стенами, высота которых, по рассказам очевидцев, достигала двухста локтей. И все же Кир решил завоевать эту страну.

Опять к его резиденции в Пасаргадах со всех уголков Персидского царства стали стекаться десятки тысяч воинов, готовых послужить своему повелителю, а если потребуется — то и отдать за него свои жизни, лишь бы мечта о завоевании Вавилонии осуществилась.

Когда войско стало достаточно многочисленным, Кир выступил в поход. Для начала он напал на Элам, восточную провинцию Вавилонии, захватил его и остановился в Сузах — эламской столице. Здесь к нему присоединился правитель области Гутиум Губару. Он добровольно перешел на сторону Кира, так как ему было ненавистно правление жестокого и несправедливого Набонида. Кир охотно принял Губару, оказав ему большие почести.

Оставив Сузы, Кир двинулся к берегам реки Тигр. Достигнув Тигра в районе города Опис, к северу от Вавилона, царь велел греческим мастерам соорудить понтонные мосты через реку. Когда это было сделано, персидское войско благополучно переправилось через Тигр.

На противоположном берегу Тигра персов поджидало вавилонское войско, которым командовал сам царь Набонид. У стен Описа произошла битва. Закаленные в частых походах персы наголову разгромили противника; причем решающую роль в этом сражении сыграла персидская конница, численность которой, по сведениям греческого историка Ксенофонта, достигала сорока тысяч.

Остатки вавилонского войска бежали в Вавилон. Когда через два дня Кир подошел к городу, то увидел, что все ворота заперты (а их, по словам Геродота, было ровно сто). Вавилон приготовился к длительной осаде. Из сообщений лазутчиков, побывавших в городе накануне похода, Киру было известно, что вавилоняне располагают большими запасами продовольствия, которого вполне хватит на несколько лет.

Расположив свое войско вокруг Вавилона плотным кольцом, Кир приступил к осмотру оборонительных сооружений древнего города. Несколько дней он в окружении свиты ходил у стен Вавилона, стараясь найти хотя бы одно уязвимое место, но так и не нашел его. Наконец его внимание привлекла река Евфрат, которая протекала через город, деля его на две части.

Царь заметил, что в том месте, где Евфрат втекал в город, крепостная стена покоилась на платформе, которая, в свою очередь, опиралась на каменные колонны, стоявшие в воде. Расстояние между платформой и поверхностью воды было настолько небольшим, что даже маленькая лодка вряд ли могла проникнуть в город. «А что, если воду из Евфрата отвести по отводному каналу? — подумал Кир. — Тогда по обмелевшему руслу можно будет проникнуть в город».

Эта мысль показалась царю весьма удачной, и он послал своих людей разузнать, нет ли вверх по течению Евфрата места, куда можно отвести воду из реки. Вскоре ему доложили, что в нескольких днях пути от Вавилона имеется огромный котлован, вырытый, по словам местных жителей, царицей Нитокрис много лет назад. Сохранились и отводные каналы. Правда, их занесло песком, но если их расчистить, то это как раз то, что требуется.

Сообщение привело Кира в прекрасное расположение духа, и он начал действовать. Часть своего войска он оставил у стен Вавилона следить за тем, чтобы ни один вавилонянин не ускользнул из города и не разведал о намерениях Кира, другую послал расчищать каналы. Приблизительно через месяц земляные работы были завершены; от реки каналы отделяли только перемычки, которые можно было в любое время убрать и спустить воду из Евфрата.

Увидев, что все готово для выполнения его замысла, Кир отобрал несколько тысяч наиболее опытных персидских воинов, в чьей отваге не сомневался, и разделил их на два больших отряда, один из которых поместил у того места, где Евфрат втекал в Вавилон, другой — где река вытекала из города. Теперь оставалось только дать команду разрушить запруды, и судьба Вавилона будет определена.

Настал третий день месяца арахсамну, по вавилонскому календарю (29 октября 539 года до н. э.). В Вавилоне справляли великий праздник в честь бога Мардука. Жрецы Эсагилы — святилища Мардука — принесли обильные жертвы, и на зака-

те солнца началось всеобщее веселье, которое должно было продлиться всю ночь.

К вечеру этого дня запруды на отводных каналах были разрушены, и воды Евфрата несколькими бурными потоками устремились в котлован. Тогда-то Кир и дал приказ персам вступить в город под покровом темноты.

Тысячи персидских воинов, кто на лошадях, кто в пешем строю, по обмелевшему руслу Евфрата к полуночи проникли в Вавилон. Кир лично предводительствовал одним из отрядов, восседая на вороном коне.

Часть персов направилась к городским воротам. Перебив подвыпившую стражу, они отворили ворота, и в город ворвались дополнительные отряды воинов. Через два часа улицы Вавилона были заполнены персами. Всех вавилонян, которые попадались им на пути, они убивали на месте.

К концу ночи Киру с отрядом удалось пробиться к царскому дворцу. Расправившись со стражниками, которые беспечно пировали у ворот, воины Кира ворвались во дворец, где тоже царило веселье. Царские телохранители пытались организовать оборону, но из этого ничего не вышло, так как все они были сильно пьяны.

Наконец Кир победоносно въехал на вороном коне в огромный пиршественный зал, где в кругу приближенных только что пировал вавилонский царь. Но радости при виде поверженного соперника он не испытал: правитель Вавилона был уже мертв. Как сказали Киру, он сам нанес себе удар кинжалом в сердце, узнав, что Вавилон захвачен персами.

Взглянув на мертвеца, Кир увидел перед собой молодого человека. Это его удивило: ведь он знал, что Набонид был уже в годах. Подумав, уж не обманывают ли его, Кир спросил:

— Кто это?

— Это Валтасар, сын царя Набонида, — ответили вавилонские вельможи.

— А где же сам Набонид?

— Его нет в Вавилоне с того самого момента, как наше войско потерпело поражение при Описе: он бежал в Борсиппу и укрылся там.

Таким образом Вавилон — древнейший город на земле — после непродолжительной осады оказался в руках Кира, и он воссел на трон вавилонских царей, на котором в свое время восседали Набопаласар и Навуходоносор.

Немного отдохнув, Кир занялся устройством дел в Вавилоне. Прежде всего он отдал приказ своим воинам прекратить резню в городе, а от вавилонян потребовал немедленной сдачи оружия и через глашатаев предупредил, что если в каком-либо доме будет обнаружено оружие, то все живущие в нем будут казнены. Повинуясь новому повелителю, вавилоняне стали сносить оружие в указанное место, а Кир велел складывать его в нескольких больших помещениях царского дворца, специально отведенных им под арсенал.

Когда с этим было покончено, Кир призвал к себе своего старшего сына Камбиса и Губару, правителя Гутиума, недавно ставшего его союзником. Он приказал им отправиться в Борсиппу, где укрылся царь Набонид, и взять город штурмом, а самого Набонида живым или мертвым доставить к нему в Вавилон.

Чуть позже он разослал гонцов по всем городам Вавилонии, Палестины и Сирии, до недавнего времени подвластным вавилонскому царю. Правителям этих городов было приказано явиться в Вавилон и присягнуть на верность персидскому царю. Ослушникам грозило жестокое наказание. Кир также отправил своих слуг в Пасаргады, чтобы они привезли в Вавилон его мать, жену, дочерей и младшего сына Смердиса.

Своему казначею Митридату Кир поручил заняться подсчетом сокровищ, хранившихся в подвалах царского дворца, причем строго приказал переписать все до последней мелочи.

На третий день к нему явились вавилонские жрецы и предложили посетить Эсагилу — храм бога Мардука. Кир охотно откликнулся на приглашение. Он знал, что жрецы пользуются огромным влиянием среди вавилонян, поэтому хотел заручиться их поддержкой.

В окружении пышной свиты и многочисленных телохранителей Кир отправился в главное святилище Вавилона. На нескольких повозках за ним везли посвятительные дары богу Мардуку — множество золотой и серебряной посуды, свертки дорогих тканей, украшения из жемчуга и драгоценных камней.

У входа в Эсагилу жрецы попросили Кира сменить персидские одежды на вавилонские, как того требовал обычай. Царь без возражений согласился. С него сняли лук и колчан со стрелами, пурпурный кандий* заменили на белую хламиду — традиционное одеяние вавилонской знати, вместо тиары** на голову повязали тюрбан.

---

* Кандий — кафтан.

** Тиара — головной убор.

В сопровождении жрецов Кир вошел в храм и присутствовал при жертвоприношениях. Когда необходимые жертвы были принесены, священнослужители заверили царя, что Мардук благосклонен к нему и одобряет, что он занял место жестокого и несправедливого царя Набонида. Удовлетворенный подобным сообщением, Кир в прекрасном настроении покинул Эсагилу.

В последующие дни он посетил храмы других вавилонских богов, принес им богатые дары и восстановил ежедневные жертвоприношения, отмененные Набонидом. Этими популярными мерами он снискал еще бóльшие симпатии вавилонских жрецов и теперь мог рассчитывать на их помощь в деле управления многолюдным городом.

Спустя неделю Кир принял во дворце старейшин иудейского народа, которые явились к нему во главе с Авассаром и Зоровавелем. От них царь узнал о том, как во времена правления вавилонского царя Навуходоносора иудеев захватили в плен и увели в Вавилон в рабство. Навуходоносор не только разрушил Иерусалим, но и стер с лица земли храм иудейского бога Яхве, прибрав к рукам все сокровища этого храма, в том числе и многочисленные сосуды из золота и серебра.

Иудейские старейшины просили у Кира разрешения вернуться на родину, восстановить древний город Иерусалим и отстроить храм Яхве.

Обдумав просьбу, Кир решил освободить иудеев из вавилонского плена, в котором они пробыли около шестидесяти лет. Ведь в этом случае он мог рассчитывать, что иудеи в благодарность за оказанную милость станут его верными подданными и никогда не поднимутся на восстание ни против него, ни против его потомков.

Кир сообщил старейшинам о том, что разрешает им вернуться на родину и восстановить Иерусалим и храм Яхве. Кроме того, выдал им грамоту следующего содержания: «Я — Кир — царь Вселенной, сын Камбиса, позволяю всем иудеям, живущим в моем царстве, вернуться на родину, вновь отстроить там город Иерусалим и восстановить храм богу Яхве на том же самом месте, на котором он стоял раньше. Главными над иудеями я ставлю их старейшин Авассара и Зоровавеля, а также своего казначея Митридата, дабы они заложили фундамент храма и соорудили всю постройку, высотой в шестьдесят локтей и столько же в ширину, сделав три части здания из отесанных камней и одно отделение из дерева, равным образом как и жертвенник, на котором будут приноситься жертвы Яхве. Расходы по строительству я принимаю на свой счет. Кроме того,

я возвращаю иудеям сосуды, которые некогда похитил из храма царь Навуходоносор. Также я позволяю иудеям вернуться к прежним почитаемым ими обычаям своих предков. За это священнослужители иерусалимские будут молить Яхве о спасении царя и его рода, дабы царство персидское пребывало нерушимым. Всех, кто ослушается моего повеления или станет противодействовать ему, я повелю распять, а имущество конфисковать в пользу царской казны».

В скором времени иудеи оставили Вавилон и направились на родину. Всего в Иерусалим вернулось сорок две тысячи триста шестьдесят человек. Однако многие, не желая бросать свое имущество, остались в Вавилоне.

Спустя некоторое время в Вавилон стали прибывать правители городов и маленьких княжеств из Палестины, Финикии и Сирии, чтобы сложить к ногам Кира богатые дары и засвидетельствовать свое почтение новому повелителю. Кир принимал их в тронном зале дворца и был милостив к ним. Все, кто склонил колени перед великим царем, получили от него ответные подарки и право по-прежнему управлять своими городами и областями.

В финикийские города Тир, Сидон и Библ Кир направил персидские гарнизоны, которые должны были заботиться о безопасности этих городов, но не вмешиваться в их внутренние дела. Вообще он придавал огромное значение Финикии, находившейся на восточном берегу Эллинского моря* и располагавшей многочисленным флотом. Не имея собственного флота, Кир нуждался в финикийских кораблях, чтобы с их помощью контролировать западную часть своей державы, омываемую водами Эллинского моря. Кроме того, без финикийских кораблей было невозможным покорение островов и Египта, а Кир подумывал и об этом.

Последними к Киру прибыли шейхи арабских племен, живших к западу от Вавилонии. Наряду с другими подарками они привезли ему множество смуглых красавиц-арабок, полагая, что персидский царь будет не прочь пополнить ими свой гарем. Кир охотно принял их, но себе оставил немногих, остальных же раздал приближенным.

Между тем в Вавилон вернулись Камбис и Губару. После двухмесячной осады они штурмом взяли Борсиппу и захватили в плен царя Набонида. Когда Набонида привели к Киру,

* Средиземное море.

персидский царь увидел перед собой полусумасшедшего старика. Потеряв царскую власть, Набонид лишился рассудка. Кир понял, что в таком состоянии Набонид не представляет опасности, и решил сохранить ему жизнь. Он приказал поместить Набонида в просторные покои, окружил его прислугой и наложницами, но тем не менее приставил к нему стражу, распорядившись убить его, если вдруг в Вавилоне начнутся беспорядки.

В середине зимы в Вавилон приехали Мандана, Кассандана, Смердис, Атосса, Роксана и Артистона. Теперь Кир почти все свое время посвящал им, предоставив вести государственные дела вельможам. Он очень любил семью и считал общение с близкими верхом человеческого счастья.

С наступлением весеннего месяца нисанну, по вавилонскому календарю, Кир решил устроить пышный праздник для своего войска, во время которого намеревался щедро вознаградить воинов за ратные труды. Накануне он пригласил к себе всех военачальников вплоть до командиров сотен и раздал им мидийское платье, попросив, чтобы в дни праздника они непременно облачились в него. По свидетельству древних историков, именно с этого момента персы стали носить мидийскую одежду.

На первый день праздника намечался торжественный выезд царя из дворца. Еще до рассвета по обеим сторонам широкой улицы, ведущей к царскому дворцу, выстроились пешие воины. Среди них находились люди с бичами, готовые обрушить удары на любого, кто попытается нарушить порядок.

И вот ворота царского дворца распахнулись и через них вывели несколько десятков быков, предназначенных для жертвоприношений вавилонским богам. За быками вели коней, которых собирались принести в жертву богу солнца. За ними ехала священная колесница Ахурамазды, запряженная четверкой белоснежных лошадей, с золотым дышлом и вся в венках. За ней двигалась колесница Митры — бога дневного света, тоже запряженная белыми лошадьми и украшенная венками. Далее следовала еще одна колесница, вороные кони которой были покрыты пурпурными попонами. Позади несли на большой жаровне священный огонь.

Наконец из ворот выехал на колеснице сам Кир. Он был одет в красные анаксириды* и пурпурную тунику с белой по-

* Анаксириды — длинные узкие штаны.

лосой посередине, а поверх — в длинный пурпурный кандий. Широкие рукава кандия были откинуты и обнажали мускулистые руки царя, украшенные золотыми браслетами. Голову Кира венчала прямая тиара, обвитая диадемой, в которой фиолетовые полосы чередовались с белыми. За спиной у царя висели лук и колчан со стрелами.

При виде Кира все простерлись ниц, даже персы, которые до этого никогда не становились перед ним на колени. Видимо, они сделали это под впечатлением роскошного облачения и великолепного вида царя. Как бы там ни было, но с тех пор персы постоянно падали ниц перед своими царями.

Кира сопровождали триста телохранителей верхом на лошадях, в красивых нарядах и с дротиками в руках. За ними персидские юноши вели около двухсот прекрасных скакунов, украшенных золотой сбруей и покрытых полосатыми попонами: они предназначались в награду победителям спортивных состязаний, которые Кир намеревался устроить на равнине перед Вавилоном.

Далее следовало войско царя. Сначала шли две тысячи копьеносцев, затем десять тысяч всадников, которые некогда положили начало персидской коннице, — ими командовал военачальник Хрисант. За всадниками двигались расположенные по четыре в ряд колесницы под командой перса Артабата.

Посетив Эсагилу и некоторые другие вавилонские храмы и оставив там богатые подарки и животных для жертвоприношений, Кир во главе процессии направился к самым большим и красивым воротам Вавилона, носившим имя богини Иштар, и выехал из города.

Недалеко от Вавилона на широкой равнине заранее было приготовлено место для спортивных состязаний и всеобщего пиршества. Здесь царь приказал остановиться. Жрецы-маги принесли обильные жертвы персидским богам, затем начались конные ристания. Участвовавшие в них всадники должны были проскакать круг длиной в два парасанга.

Кир тоже принял участие в скачках и одержал победу. Вторым к финишу пришел простой персидский воин. Царь щедро наградил его и пригласил на пир в свой шатер. Не остались без подарков и другие участники скачек.

После этого Кир устроил несколько заездов колесниц; затем соревновались стрелки из лука и метатели дротиков.

Тем временем многочисленные слуги варили и жарили мясо на кострах, раскладывали изысканные яства на пестрых коврах и выставляли вино. Как только состязания закончились, началось пиршество и продлилось до утра.

На следующий день Кир приступил к раздаче денег своим воинам. Каждый простой воин получил кожаный мешочек, туго набитый монетами. Десятских Кир наградил двумя такими мешочками. Сотские и тысяцкие получили дома в Вавилоне. Высшим военачальникам достались целые города, с которых они имели право собирать ежегодные налоги в свою пользу.

Лишь поздно вечером второго дня Кир вернулся во дворец. Праздник закончился. Жизнь в Вавилоне входила в обычное русло.

Неожиданно тяжело заболела жена Кира Кассандана. Царь приставил к ней лучших вавилонских докторов, однако их усилия не принесли облегчения больной царице: ей становилось все хуже. Вскоре Кассандана впала в беспамятство и, пролежав в таком состоянии несколько дней, умерла. В Вавилоне был объявлен траур.

Похоронив жену, Кир собрался покинуть Вавилон. Управление городом, равно как и всей Вавилонией, он передал своему старшему сыну Камбису, а в качестве советника при нем оставил Губару. Сделав последние распоряжения, царь направился в Сузы — столицу Элама. Этот город очень нравился ему, и он решил провести в нем три весенних месяца.

После этого срока Кир отправился в поездку по стране. Сначала он посетил Персию, затем проехал по Мидии, ненадолго остановившись в Экбатанах, и лишь зимой вернулся в Вавилон.

Впоследствии Кир нигде подолгу не задерживался и часто менял резиденции.

Кир не отступился от своих замыслов покорить острова Эллинского моря и захватить Египет. Однако это требовало времени, и поэтому подготовка к новым завоеваниям растянулась на годы. В финикийских городах по приказу царя строился многочисленный флот. В качестве гребцов на кораблях Кир выделил тысячи рабов, чья прежняя жизнь была связана с морем. Часть персидских пехотинцев, расставшись с сушей, пересела на корабли и обучалась морскому делу. В южнопалестинских городах Газа и Аскалон Кир разместил многочисленные персидские гарнизоны. Впоследствии они должны были стать ядром армии, которую он собирался бросить на Египет. Здесь же находились большие склады оружия и продовольствия.

Но в разгар этих приготовлений Кир резко изменил свои планы.

В 530 году до н. э., на двадцать девятом году своего царствования, Кир задумал отодвинуть границу своей державы на северо-восток, завоевав территории, которые заселяли массагеты. Но прежде чем пойти на них войной, он решил собрать подробные сведения об их нравах, обычаях, религиозных верованиях, вооруженных силах и богатстве. По его зову к нему в Сузы явились купцы, посетившие страну массагетов, чтобы рассказать все, что знали об этом племени.

Одни из них поведали Киру, что страна массагетов отделена от Персидского царства рекой Аракс, за которой начинается бескрайняя равнина. На Араксе имеется множество больших и малых островов, заселенных людьми, основным занятием которых является рыбная ловля. Жители равнины занимаются преимущественно кочевым скотоводством, разводят лошадей и овец; земледелие им неизвестно.

Другие рассказали, что в стране массагетов много меди и золота, но нет серебра и железа, поэтому все орудия труда массагеты изготовляют из меди, а золото применяют для украшения головных уборов, поясов и конской сбруи, а также для инкрустации оружия.

Из рассказов третьих Кир узнал, что сражаются массагеты как на лошадях, так и в пешем строю. Всадники у них вооружены луками и короткими пиками, пехотинцы же пользуются копьями, боевыми секирами и кинжалами. Защитными доспехами им служат небольшие кожаные щиты и медные панцири.

Четвертые сообщили повелителю персов, что каждый массагет берет себе в жены только одну женщину, но если вдруг почувствует влечение к другой, то вешает свой колчан на ее кибитку и затем вступает с ней в близкие отношения.

Пятые очень удивили Кира рассказом о том, что массагеты убивают своих стариков, а их мясо варят в одном большом котле с мясом животных и поедают; причем умереть таким способом у массагетов считается верхом блаженства. Тех же, кто погиб на войне или на охоте, они хоронят в курганах.

Купец-грек из Милета сказал, что единственным богом, которого почитают массагеты, является Солнце. Ему они приносят в жертву лошадей, так как считают, что самому быстрому богу следует жертвовать самых быстрых животных.

Выслушав рассказы купцов, Кир какое-то время сидел в задумчивости, затем спросил:

— А кто правит массагетами?

В ответ он услышал, что в настоящее время власть над массагетами принадлежит царице Томирис. Это сообщение немало удивило Кира, и он поинтересовался, как случилось, что

женщина управляет таким многочисленным народом. Ему объяснили, что Томирис сравнительно недавно стала царицей массагетов: год назад умер массагетский царь, а его единственный сын Спаргапис еще не достиг совершеннолетия, поэтому власть временно перешла к Томирис.

Кир осведомился о возрасте Томирис, и ему сказали, что ей не более тридцати лет и она недурна собой.

Кир вновь погрузился в раздумья. Вскоре в его голове родилась мысль о сватовстве к Томирис. Уж ему-то, повелителю огромной державы, она вряд ли посмеет отказать. А если они поженятся, то и страна массагетов достанется ему в качестве приданого жены.

Царь поделился своими соображениями с приближенными, и те поддержали его хитроумный план.

В скором времени к царице массагетов было отправлено почетное посольство с богатыми дарами и предложением выйти замуж за повелителя Персидского царства.

Приближался Великий день — день летнего солнцестояния, когда все массагетские роды собирались вместе, чтобы принести обильные жертвы своему единственному богу — Солнцу. День и ночь к центру Туранской долины стекались десятки тысяч людей. По всей обширной степи слышался скрип колес кибиток, щелканье кнутов, блеяние овец и топот копыт.

Царица Томирис первая прибыла на место. Она разбила свой стан у подножия священного холма, на котором, согласно традиции, предстояло совершить жертвоприношения. Днем царица принимала в своем шатре старейшин прибывавших родов, угощала их кобыльим молоком и справлялась, как у них идут дела: хорош ли приплод скота в этом году, высока ли трава на пастбищах, у кого кто родился, а кто умер, не дожив до великого праздника.

Теплыми ночами Томирис в одиночку поднималась на вершину священного холма и отсюда подолгу любовалась огнями костров, мерцавших в темноте на много хатров* вокруг.

В ожидании праздника Томирис посетила высокий курган невдалеке от священного холма. Здесь под толстым слоем земли покоились останки ее мужа, погибшего на охоте год назад. Царица велела слугам установить на вершине кургана три больших котла. По ее приказу было зарезано двенадцать овец;

* Хатр — мера расстояния у древних племен Средней Азии, равная 1,5 км.

их кровью окропили курган, а мясо сварили в котлах и устроили небольшой поминальный пир.

Наконец настал Великий день. В предрассветных сумерках десятки тысяч празднично одетых массагетов собрались у священного холма. Царица Томирис в замшевом платье, плотно облегавшем ее стройное тело, и в остроконечной войлочной шапке, украшенной золотыми бляхами, взошла на вершину холма. В руках у нее был длинный узкий клинок. Два дюжих массагета под уздцы подвели к ней вороного жеребца со спутанными передними ногами. Едва первый луч восходящего солнца блеснул из-за горизонта, массагеты, державшие коня, заставили его приподняться на дыбы, и Томирис хорошо рассчитанным движением руки полоснула острым клинком ему по горлу. Темная кровь хлынула из глубокой раны, оросив землю холма. Это и была первая жертва Солнцу, принесенная царицей массагетов в Великий день.

То же самое вслед за царицей проделали старейшины родов. Всего в жертву было принесено несколько сотен лошадей. Затем началось всеобщее веселье. Массагеты варили и жарили на кострах конину, пили хмельной кумыс; повсюду слышались протяжные степные песни. Девушки устроили пляски и хороводы у костров. Юноши состязались в скачках, стрельбе из луков и борьбе.

В разгар веселья к шатру Томирис прибыли послы Кира. Царица массагетов приняла богатые дары персидского царя и выслушала его предложение выйти за него замуж. Она попросила послов подождать ответа, сама же собрала на совет старейшин всех массагетских родов.

Царица велела слугам показать дары персидского царя. На дорогие покрывала были выложены свертки пестрых тканей, золотые цепи, серебряные чеканные сосуды, оружие, инкрустированное драгоценными камнями, жемчужные ожерелья, браслеты из электра*, украшенные рубинами, и многое другое. Никогда еще не видели такой роскоши в массагетских степях. Старейшины долго не могли успокоиться; они восхищенно переглядывались и щелкали языками, выражая свое одобрение. Каждый из них мечтал стать обладателем хотя бы малой части этих сокровищ.

Одна Томирис держалась спокойно и хранила молчание, давая старейшинам возможность вдоволь налюбоваться диковинными вещами. Затем она трижды хлопнула в ладоши, и слуги поспешно убрали дары Кира.

---

* Электр — сплав золота и серебра.

Томирис жестом заставила старейшин замолчать и сказала:

— Все, что вы видели, мудрые старейшины, — это лишь маленькая толика из того, с чем прибыли ко мне послы от персидского царя Кира.

Среди собравшихся послышались возгласы изумления. Томирис поняла настроение старейшин и поспешила успокоить их.

— Нет, — продолжала она, — все, что принесли послы, я вам показала, ничего не утаив. Но на словах Кир мне передал, что хотел бы видеть меня своей женой. Он обещал, что я буду жить в великолепном дворце, в моем распоряжении будут дорогие наряды и изящные украшения, за мной будут ухаживать сотни рабов и слуг. Предложение лестное, не правда ли? Но подумайте, что за этим стоит. Нет, не моей руки и сердца домогается повелитель персов, а царства массагетов, так как, по древнему обычаю, все, чем владеет жена, переходит в собственность мужа. Могу ли я, ваша царица, ответить согласием на предложение Кира? Нет, нет и еще раз нет!

Старейшины, восхищенные словами своей царицы, одобрительно зашумели. Они единодушно высказались за то, что их правительница поступает правильно, отклоняя дары Кира и его предложение о замужестве.

Были приглашены персидские послы, и Томирис сообщила им о своем решении. Отказ царицы очень огорчил посланников Кира. С большой неохотой они забрали дары своего царя и собрались в обратный путь. Но прежде чем они выступили, царица одарила каждого из них шестью жеребцами из своих табунов и кожаным мешочком с золотым песком. По распоряжению Томирис отряд молодых массагетов проводил послов до Аракса.

Когда послы вернулись в Сузы и сообщили Киру об отказе Томирис, повелитель персов сильно разгневался. Он понял, что хитростью ему не удастся овладеть страной массагетов, и решил сделать это силой. Во все концы обширной державы он разослал гонцов с приказом воинам срочно прибыть в Сузы.

На протяжении месяца к столице Элама стекались верблюды, кони и воины. Люди бросали нивы и пастбища, брали оружие и, простившись с родными местами, шли умирать за своего повелителя.

Когда к концу лета 529 года до н. э. равнина в окрестностях Суз заполнилась шатрами и палатками, Кир, проведя военный

смотр, приказал выступить в поход. Сам он выехал впереди на своем любимом коне в окружении приближенных.

Несколько недель потребовалось многочисленному войску, чтобы добраться до Аракса. Очутившись на берегах реки, Кир велел греческим мастерам приступить к возведению понтонного моста.

Появление на берегах Аракса несметного войска и строительство моста через реку не осталось незамеченным массагетами. К царице Томирис помчались гонцы с уведомлением о приближении врага.

Узнав о намерении Кира вторгнуться в страну массагетов, Томирис отправила глашатая сказать повелителю персов следующее: «Царь Кир! Отступись от своего намерения. Ведь ты не можешь знать заранее, пойдет тебе на благо или нет сооружение моста через Аракс. Оставь это, царствуй над своей державой и не завидуй тому, что мы властвуем над нашей. Но ты, конечно, не захочешь последовать этому совету и пойдешь на нас войной. В таком случае переправляйся спокойно в нашу страну, так как мы отойдем от реки на расстояние трехдневного пути. А если ты предпочитаешь допустить нас в свою землю, то поступи так же».

Выслушав слова царицы массагетов, Кир велел персидским вельможам собраться на совещание. Он изложил им суть дела и просил каждого дать совет, как ему поступить. Собравшиеся единодушно сошлись во мнении, что Киру следует ожидать массагетское войско на своей земле.

Тогда Кир предоставил слово лидийскому царю Крезу, своему почетному пленнику, советами которого он всегда дорожил. Большой мастер красноречия, Крез сказал:

— Царь! Я еще раньше обещал отвращать всякую беду, грозящую тебе. В настоящем деле я держусь другого мнения, чем твои вельможи. Тебе не следует допускать врагов в собственную землю, потому что, потерпев поражение, ты погубишь свою державу. Ведь совершенно ясно, что, одолев тебя, массагеты не вернутся в свои степи, а вторгнутся в твои владения. В случае же победы над врагами твой успех будет вовсе не так велик, как если бы ты победил массагетов в их стране и стал преследовать бегущих. Я хочу сравнить твои преимущества и их: ведь разбив неприятеля, ты сможешь прямым путем вторгнуться во владения Томирис. Да и, кроме того, Киру постыдно подчиняться женщине и позволять ей вторгаться в свою страну. По-моему, тебе следует перейти Аракс и проникнуть в глубь их страны на один дневной переход, а затем попытаться одолеть массагетов следующим образом. Как мне из-

вестно, им совершенно незнакома роскошь персидского образа жизни и недоступны многие наслаждения. Поэтому тебе нужно устроить в своем стане обильное угощение для них, зарезав побольше баранов, и сверх того — выставить побольше сосудов с вином и всевозможных яств. Приготовив все это, ты с остальным войском, кроме небольшого отряда, снова отойдешь к Араксу. Если я не обманываюсь, то враги при виде такого обилия яств и вина набросятся на них, быстро захмелеют, и тебе представится прекрасная возможность перебить их, как стадо беспомощных баранов.

Какое-то время Кир обдумывал, кого ему послушаться: своих приближенных или Креза. Наконец он встал с трона и объявил, что принимает совет Креза.

В тот же день Кир послал гонцов к Томирис сказать, чтобы она отступила, так как он намерен переправиться в ее владения и там дать сражение.

Тем временем мост через Аракс был построен, и Кир отдал приказ начать переправу, изъявив желание лично наблюдать за прохождением войска по мосту. Его трон под балдахином был установлен в небольшом удалении от моста, и царь как на ладони мог видеть неисчислимую вереницу животных и воинов.

Сначала по мосту прошла конница. За конным войском следовали воины на верблюдах. Вслед за ними по дощатому настилу прогрохотали сотни колесниц. К вечеру подошли пешие войска. Впереди шли персы с пышными бородами и волосами, окрашенными охрой.

Переправа продолжалась и ночью. Кир, удалившись на отдых в свой походный шатер, уже не видел, как в темноте по мосту прошли фригийцы, писидийцы, армяне в шлемах из прутьев, бактрийцы в косматых бараньих шапках, гирканы, вооруженные увесистыми дубинами.

Утром следующего дня перед царем прошли по мосту воины в плащах и шлемах из перьев с тяжелыми серповидными мечами в руках. За ними потянулись саттагиды, гандарии, ортокорибаны, макроны и представители других народов, подвластных персидскому царю.

Три дня и три ночи переправлялось войско Кира через Аракс. Наконец прошли обозы. Последним по мосту прогалопировал Кир в окружении приближенных. Пепеправа закончилась.

Неспокойно было в эти дни в массагетских степях. До самых отдаленных кочевий долетела весть о приближении грозного противника. Десятки тысяч воинов-массагетов поспешили к становищу своей царицы, чтобы стать под ее знамена.

Томирис собрала на совет вождей. Долго они совещались и в конце концов решили разделить войско на три части. Командование передовыми отрядами было доверено юному Спаргапису, сыну Томирис, остальное войско находилось под началом царицы.

На прощание Томирис посоветовала сыну, который впервые отправлялся на войну, остерегаться коварства персов. Она приказала ему не вступать в открытое сражение с основными силами противника до подхода главного войска массагетов, а частыми мелкими стычками препятствовать его продвижению.

Пообещав это матери, Спаргапис вскочил на коня и во главе дружины ускакал к юго-западным рубежам страны, откуда приближалась опасность.

Геродот в «Истории» рассказывает, что в первую ночь после переправы через Аракс Киру приснился Дарий, сын его близкого родственника Гистаспа из рода Ахеменидов, с крыльями на плечах, одно из которых осеняло Азию, другое — Европу. Проснувшись, царь стал размышлять о смысле сновидения и вскоре пришел к выводу, что сон имеет важное значение. Он велел позвать к себе Гистаспа и в беседе с глазу на глаз сказал ему:

— Гистасп! Твой старший сын злоумышляет против меня. Мне это точно известно, и я скажу тебе откуда. Боги пекутся обо мне и заранее открывают мне грозящую беду. Прошлой ночью я видел во сне Дария с крыльями на плечах, причем одним крылом он осенял Азию, а другим — Европу. В этом я усматриваю одно: твой сын посягает на мою жизнь. Поэтому возвращайся в Персию и разберись во всем.

Гистасп, обеспокоенный тем, как бы из-за случайного сновидения гнев царя не распространился на него самого, ответил Киру:

— Царь! Лучше бы не родиться тому персу, который посягнет на твою жизнь. А если есть такой, то да погибнет он, и как можно скорее. Ведь это ты из рабов сделал персов свободными и из данников другим народам — владыками всех. А если сновидение возвестило тебе, что мой сын замышляет мятеж, то я отдаю его в твои руки: поступай с ним как тебе угодно.

Кир знал Гистаспа как самого преданного из своих приближенных, поэтому поверил в искренность его слов. После этого Гистасп, переправившись через Аракс, возвратился в Персию, чтобы в угоду Киру схватить Дария и держать его под стражей до окончания похода.

Кир же продолжал поход. Следуя совету Креза, он отобрал несколько тысяч воинов и вместе с ними углубился в страну массагетов на один дневной переход. Здесь царь приказал разбить лагерь, разостлать на земле около шатров и в шатрах ковры и разложить на них лучшие яства, а также выставить побольше сосудов с вином, но ни к чему не притрагиваться до завтрашнего дня. Сам же с несколькими телохранителями ночью покинул лагерь и присоединился к остальному войску.

На следующий день на рассвете к персидскому лагерю подошел отряд массагетов под предводительством Спаргаписа. Еще ночью Спаргапис через своих разведчиков узнал, что персы удалились от основных сил на день пути, и решил напасть на них.

Схватка была недолгой. Невзирая на то, что оставленные Киром персы храбро защищались, массагеты перебили всех до одного.

Спаргапис решил в качестве добычи захватить в персидском лагере все, что можно было увезти на лошадях, и отдал воинам приказ обыскать лагерь. Найдя в шатрах и подле них много вкусной еды и вина, массагеты уселись пировать. Спаргапис, опьяненный легкой победой, забыл об увещеваниях матери и наравне с остальными предался веселью.

Тем временем Кир во главе персидской конницы внезапно обрушился на пировавших массагетов. Большую часть степняков персы перебили, остальных захватили в плен. В числе пленников оказался и Спаргапис.

Через два дня Томирис узнала об участи третьей части своего войска и сына. Сильный гнев охватил царицу массагетов, и она отправила гонца к Киру со следующим посланием:«Кровожадный Кир! Не кичись своей победой. Не силой оружия в честном бою, а плодом виноградной лозы, которая лишает рассудка, ты одолел моего сына. Так вот, послушайся теперь моего доброго совета: выдай Спаргаписа и других пленников и уходи подобру-поздорову с нашей земли. Если же ты этого не сделаешь, то клянусь тебе богом Солнца, владыкой массагетов, я действительно напою тебя кровью».

С нескрываемым самодовольством Кир выслушал слова Томирис, однако не придал им значения и даже не подумал возвратить царице сына.

Спаргапис же, находясь в плену, понял, какую роковую ошибку он совершил. Его мучили угрызения совести за бессмысленно погубленную третью часть войска массагетов. Не найдя лучшего способа смыть с себя позор, он решил покончить с собой. Но как сделать это со связанными руками, не имея возможности ни встать, ни сесть? И тогда царевич пошел на хитрость и через охранников попросил Кира освободить его от пут, поклявшись богом Солнца, что не сбежит. Кир поверил словам Спаргаписа и приказал развязать его. Когда же охранники разрезали ремни, стягивающие его руки и ноги, Спаргапис выхватил из ножен одного из них кинжал и заколол себя.

Кир отослал Томирис труп ее сына с советом прекратить сопротивление и покориться ему.

Велико было горе Томирис, когда ей доставили бездыханное тело Спаргаписа, ее единственного сына. Однако предаваться скорби было некогда. Похоронив сына, царица с основными силами массагетов выступила против Кира.

Через несколько дней два войска встретились на широкой равнине. Так как Томирис пришла на место битвы первой, она выбрала более выгодную позицию, расположив своих воинов на возвышенности. Учла она и то, что солнце в начале сражения будет светить массагетам в спину, а персам в глаза.

Впереди Томирис выставила густую цепь лучников. Именно они должны были начать битву. За лучниками расположились пешие воины, вооруженные копьями, секирами и кинжалами. На них возлагалась задача сдержать натиск персидских колесниц и вклиниться в ряды противника. Далее, по замыслу Томирис, в бой должна была вступить массагетская конница, правда, не вся: два отряда по нескольку тысяч всадников царица укрыла в зарослях кустарника на левом и правом флангах. В решающий момент они должны будут ударить по противнику.

Сражение началось на рассвете. Геродот пишет, что «эта битва... была самой жестокой из всех битв между варварами». Сначала противники осыпали друг друга тучами стрел и потеряли убитыми и ранеными по нескольку тысяч воинов.

Когда персидские лучники исчерпали запас стрел, Кир бросил в атаку колесницы. Массагетские стрелки оставались еще в строю и, не теряя самообладания, расстреливали из луков лошадей, запряженных в колесницы. В результате в первые же минуты атаки большинство персидских колесниц было выведено из строя; натиск остальных сдержали пешие воины.

Во второй половине дня в единоборство вступила конница. В какой-то момент сражения персидские всадники потеснили массагетских, но Томирис быстро исправила положение, бросив в атаку два запасных конных отряда. Персидские ряды дрогнули и шаг за шагом стали отступать. Вскоре отступление персов превратилось в паническое бегство.

Сражение закончилось поздно вечером. Почти все персидское войско пало на поле битвы. В гуще сражения погиб и Кир. Геродот не говорит, как именно был убит великий полководец древности, зато рассказывает, что на следующий день после сражения Томирис велела отыскать труп Кира. Когда ей доставили тело персидского царя, она отрубила голову, опустила ее в мех, наполненный кровью, и сказала: «Кир, ты погубил меня, так как хитростью захватил моего сына, хотя я и осталась в живых и одолела тебя в битве. Я обещала напоить тебя кровью, и сейчас мне представился случай выполнить свое обещание. Пей же, кровожадный Кир!»

Таков печальный конец Кира, основателя персидского царства. Его тело и голову Томирис отдала персам, уцелевшим в битве, и они отвезли их в Пасаргады. Камбис приказал возвести усыпальницу, в которой и захоронил останки своего великого отца.

С тех пор прошло двадцать пять столетий. Неумолимое время разрушило дворцы, возведенные Киром и его преемниками, его же гробница возвышается и сегодня.

НЕИСТОВЫЙ КАМБИС

После Кира царская власть по старшинству досталась Камбису. Его младший брат Смердис, назначенный отцом правителем Бактрии, в момент гибели Кира находился в своем уделе. Приехав в Пасаргады на похороны и пробыв там около месяца, он вновь собрался в Бактрию. Перед отъездом Камбис потребовал от Смердиса принести клятву верности, что тот и сделал в присутствии персидских вельмож.

Камбис недолго печалился о смерти отца. Неограниченная власть вскружила ему голову. Еще при жизни Кира он неоднократно проявлял себя деспотом по отношению к тем, кто по положению был ниже его, и многих из приближенных казнил в припадке гнева. Кир не одобрял подобных действий сына и часто наставлял его, что настоящий правитель должен быть великодушным и обходительным с подданными, если хочет, чтобы они в один прекрасный день не составили против него заговор. Но Камбис отказывался внимать государственной мудрости отца и оставался самим собой.

Став царем, Камбис решил жениться на своей сестре Атоссе, которую давно любил. Однако этому мешал обычай, запрещающий брать в жены родных сестер. Не зная, как быть, Камбис призвал законотолкователей и спросил у них, нет ли закона, разрешающего вступать в брак с сестрами. Законотолкователи ответили, что такого закона не существует, но тут же в угоду ему сказали, что есть другой закон, позволяющий царю делать все, что ему заблагорассудится. Тогда Камбис, отбросив все условности, женился на Атоссе, хотя этому противилась его бабка Мандана, которая была еще жива.

Чтобы не слышать упреков Манданы, Камбис решил из Пасаргад перебраться в Вавилон. Кроме Атоссы он прихватил с собой и другую сестру — Роксану, так как тоже был неравнодушен к ней. Только самую младшую дочь Кира — Артистону — Мандане удалось оставить при себе, что и спасло ее от сомнительной чести стать женой своего брата.

Однако Камбису так и не удалось добраться до Вавилона, где он надеялся предаться всем радостям жизни, какие давала

власть. Во время остановки в Сузах ему стало известно, что на окраинах Персидского царства одно за одним вспыхнули восстания. Гибель Кира для тамошних жителей послужила сигналом к началу борьбы за освобождение от персидского господства.

Разгневанный Камбис во главе войска выступил на подавление мятежников.

Два года расправлялся он с непокорными народами и совершил немало жестокостей: безжалостно сжигал селения, стирал с лица земли целые города, тысячами убивал людей, переселял племена, разрушал храмы и капища богов, разорял могилы. Многим персам его жестокость казалась чрезмерной, но они молчали, боясь попасть в опалу. Крез, которого Камбис, подобно Киру, повсюду возил с собой, однажды попытался наставить его на путь истины, но царь тут же заставил его замолчать, пригрозив страшными пытками.

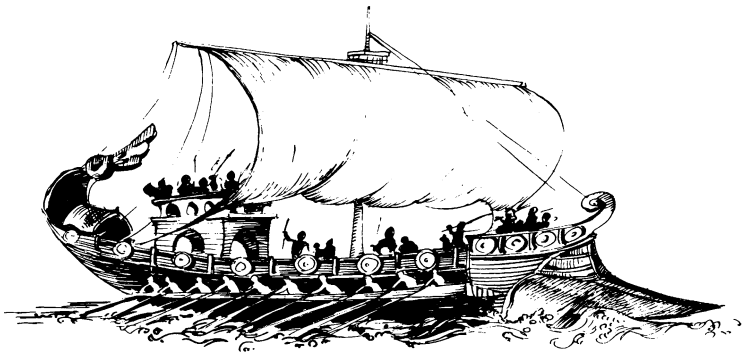
Восстановив порядок на окраинах государства, Камбис прибыл в Вавилон и приступил к организации похода на Египет. К этому его побуждало желание сравняться в славе со своим великим отцом, который завоевал множество стран и народов.

Еще Кир мечтал покорить Египет. Готовясь к войне с египтянами, он приказал финикийцам построить многочисленный флот, с помощью которого намеревался переправить в Египет персидских воинов. Теперь флот был готов, и Камбис выехал в Финикию осмотреть его.

Путь царя лежал через Палестину. Остановившись в Иерусалиме, Камбис увидел, что иудеи, которых Кир отпустил из вавилонского плена, успели отстроить город и возвели новый храм богу Яхве. Он подумал, что если иудеи и дальше будут с таким же рвением укреплять свой город, то со временем, чего доброго, отложатся от него. Поэтому царь издал указ: «Я — Камбис, сын Кира, царь четырех сторон света, приказываю народу иудейскому прекратить укрепление Иерусалима, а все стены вокруг города, которые уже возведены, уничтожить; храм разрешаю оставить».

Поручив своим людям проследить за выполнением указа, Камбис двинулся к финикийскому городу Тир. Городские власти устроили ему торжественный прием. Однако царя интересовало только одно — корабли. По первому его требованию финикийцы показали флот, состоявший из нескольких сот кораблей.

С огромным удовольствием Камбис смотрел с высоты тирских стен на суда, проплывавшие мимо в строгом боевом по-



рядке. Царь пожелал совершить морскую прогулку и несколько дней плавал на флагманском корабле вдоль восточного побережья Эллинского моря. За ним следовал весь финикийский флот.

Во время пребывания в Финикии к Камбису прибыло два посольства: одно с острова Кипр, другое — с Самоса от царя Поликрата. И те и другие предлагали персидскому царю дружественный союз. Камбис, зная, что у них также есть корабли, охотно принял предложения. Он рассчитывал использовать военно-морские силы Кипра и Самоса в войне против египтян.

Удовлетворенный посещением Финикии, Камбис вернулся в Вавилон и приступил к набору войска.

Пока шли приготовления к походу, Камбис подыскивал повод для нападения на Египет. Неожиданно на помощь пришел один египетский врач, который служил еще Киру. Он посоветовал Камбису просить у фараона Яхмоса его дочь себе в жены. Египтянин утверждал, что Яхмос очень любит дочь и вряд ли отдаст ее Камбису, опасаясь, как бы тот не сделал ее простой наложницей. Отказ фараона породниться с Камбисом можно будет расценить как оскорбление царского достоинства; это и послужит поводом к войне.

Камбис последовал совету и послал в Египет послов. Когда те спустя месяц вернулись в Вавилон с женщиной, облаченной в роскошные одеяния, царя это огорчило: ведь он ожидал, что Яхмос откажет в его просьбе. Тем не менее он решил взглянуть на египтянку, распорядился привести ее и обратился к ней с приветствиями, как к дочери Яхмоса.

— Царь Камбис! — сказала в ответ женщина. — Фараон Яхмос обманул тебя. Он нарядил меня в эти роскошные одежды и прислал к тебе под видом родной дочери. На самом же деле я — Нитетис, дочь Уахиб-Ра, прежнего фараона Египта, которого Яхмос сверг с престола.

Гнев Камбиса был неописуем. В ярости он вскричал:

— Ну теперь уж я точно переверну Египет вверх ногами!

С Нитетис же поступил более чем милостиво: спросив, не желает ли она вернуться на родину, и получив отрицательный ответ, подарил ей богатый дом в Вавилоне и окружил вниманием, подобаемым дочери фараона.

В конце 526 года до н. э. персидское войско было готово выступить в поход на Египет. Пеших воинов Камбис намеревался отправить морем и, препоручив лучшим военачальникам, послал их в Финикию, чтобы там они сели на корабли и на них добрались до Египта. Конницу и колесницы царь решил вести сам по суше.

Незадолго до выступления в Вавилон явился отряд греческих воинов, которыми командовал уроженец города Галикарнас Фанес. Камбис удостоил Фанеса аудиенцией и узнал от него, что греки, прибывшие с ним, служили в качестве наемников фараону, а сам он, Фанес, был над ними начальником. Однако недавно они поссорились с Яхмосом из-за малого жалованья. Фараон приказал бросить их в тюрьму, но Фанесу с товарищами удалось бежать. Они захватили корабль и добрались до Ликии, что в Малой Азии, а оттуда уже прибыли в Вавилон.

Побеседовав с Фанесом, Камбис пришел к заключению, что галикарнасец может сослужить ему хорошую службу, так как прекрасно разбирается в военном деле и неплохо осведомлен о положении дел в Египте. Поэтому царь предложил Фанесу поступить к нему на службу, пообещав поставить его начальником над малоазийскими греками, которых собирался взять в поход. Фанес поблагодарил царя за доверие и дал слово указать персидскому войску сухопутный путь в Египет, заверив, что лучшего проводника Камбису не найти.

Камбис решил взять в поход и своего младшего брата Смердиса, так как опасался, что тот, воспользовавшись его отсутствием, поднимет против него восстание. Смердис явился по первому зову брата-царя и привел с собой около двадцати тысяч бактрийских всадников.

Последнее, что сделал Камбис перед выступлением, — это удалил от себя Атоссу, которая была для него одновременно и сестрой и женой, и женился на Роксане. Ее он тоже взял с собой в поход, заметив в шутку, что они проведут в Египте прекрасный медовый месяц.

Наконец персидское войско покинуло Вавилон. По сообщению Геродота, его путь лежал до сирийского города Газа, а оттуда до Ианиса, расположенного на границе Аравии и Сирии. Дальше тянулась совершенно безводная Синайская пустыня, которую можно было преодолеть за три-четыре дня при наличии запасов воды. Дав войску отдохнуть в Ианисе, Камбис отправил послов к арабам с просьбой обеспечить пресной водой его воинов и лошадей во время перехода через пустыню. Арабы дали согласие и снарядили три каравана с водой, послав их в три разных места, где персидское войско должно было останавливаться на привал.

Таким образом Камбис миновал безводную Синайскую пустыню и достиг пределов Египта. Три дня персы отдыхали на берегах озера Сербонида, затем снова двинулись в путь и вскоре добрались до Пелусийского устья Нила. Финикийские корабли со второй частью персидского войска были уже здесь. Вместе с ними сюда же прибыли и самосские корабли под командованием Силосонта, брата самосского царя Поликрата.

Объединив свое войско, Камбис двинулся к городу Танис, где, по донесениям лазутчиков, находилась египетская армия. Во время пути ему стало известно, что недавно умер фараон Яхмос и на трон вступил его сын Псамметих. Осведомившись у Фанеса о Псамметихе, Камбис узнал, что тот абсолютно бездарный полководец, и если он лично командует египетским войском, то можно рассчитывать на легкую победу.

Достигнув Таниса, Камбис увидел, что египтяне расположились лагерем у стен города. Так как близилась ночь, царь приказал персам остановиться на ночлег невдалеке от неприятеля.

Рано утром он построил свое войско для битвы. Египтяне тоже приступили к построению. Когда солнце взошло уже довольно высоко, оба войска были готовы к сражению. И по численности и по вооружению персы значительно превосходили противника.

Камбис хотел было начать сражение, но его внимание привлекла небольшая группа египтян, которая отделилась от своих построений и направилась к боевой линии персов. Перед собой они вели двух связанных человек. Достигнув середины расстояния, отделявшего оба войска, египтяне останови-

лись, поставили связанных людей на колени и убили их. Камбис подумал, что это жертвоприношение перед битвой, но тут к нему подъехал на коне Фанес и сказал, что убитые — его сыновья, остававшиеся в Египте, и сделано это в отместку за то, что он привел персов в их страну. Вне себя от ярости галикарнасец просил Камбиса поскорее начинать сражение.

Приказав Фанесу вернуться на место, Камбис дал сигнал к бою. Первой в атаку пошла персидская конница и сразу же потеснила противника. С флангов на египтян налетели персидские серпоносные колесницы. Затем мерным шагом в наступление пошла персидская и греческая пехота. Часа через три-четыре египтяне были обращены в бегство. До позднего вечера персидские всадники преследовали их. Они не знали пощады, убивая каждого, кто попадался под руку. Лишь в сумерках погоня прекратилась и преследователи вернулись к Танису. Воспользовавшись этим, остатки египетской армии во главе с фараоном Псамметихом берегом Нила добрались до Мемфиса — столицы Египта.

Камбис предоставил своим воинам несколько дней для отдыха. В первый же день после битвы он отправил корабль в Мемфис к Псамметиху с предложением сдаться, причем обещал сохранить фараону жизнь. Но через некоторое время стало известно, что Псамметих распорядился убить посланников Камбиса, а корабль потопить.

Вне себя от гнева Камбис приказал сниматься с лагеря и уже через пять дней на кораблях вверх по течению Нила добрался до Мемфиса. После нескольких неудачных попыток взять столицу Египта штурмом он обложил город, оставив здесь половину своего войска; другая половина разоряла селения по обоим берегам Нила.

Более полугода персы простояли у стен Мемфиса. Наконец у осажденных египтян кончились съестные припасы и вода, и они вынуждены были сдаться на милость победителям. Но Камбис приказал безжалостно расправляться с мемфисцами, только фараона Псамметиха, его семью и египетских вельмож велел схватить живыми, что и было сделано.

Девять дней персидские воины бесчинствовали в египетской столице. На десятый день Камбис приказал прекратить грабежи и убийства.

Теперь пришел черед Псамметиха и знатных египтян. Камбис велел посадить фараона с его вельможами у городских ворот. Дочь Псамметиха и других египетских девушек из знат-

ных семей приказал переодеть в одежды рабынь и с кувшинами в руках послать к Нилу за водой. Несколько раз они, понукаемые персидскими надсмотрщиками, проделывали путь от дворца к Нилу и приносимой водой поили лошадей Камбиса. И всякий раз, когда они проходили через ворота, их отцы, сидевшие здесь под присмотром персидских стражников, горестно рыдали и проклинали злосчастную судьбу. Только Псамметих, глядя на унижение своей дочери, хранил скорбное молчание.

Затем Камбис распорядился провести через ворота сына Псамметиха и две тысячи его сверстников. Их должны были повесить на берегу Нила в отместку за убийство персидских послов и потопленный корабль. Юношей вели с петлями на шее, во рты им засунули кляпы, вымазанные в нечистоты. Узнавая среди них своих сыновей, египетские вельможи рыдали еще сильней: они догадывались, какая участь ожидала их детей. Однако и на этот раз Псамметих сумел сдержать себя, хотя и увидел своего сына впереди обреченных.

Но вот у ворот показался египтянин в оборванных одеждах. Это был человек преклонного возраста. Левой рукой он опирался на клюку, правую же вытянул, прося подаяния у персидских стражников. Всмотревшись в него, Псамметих узнал приближенного своего отца, в свое время самого влиятельного после фараона человека в Египте. Окликнув его по имени, Псамметих стал бить себя по голове и разразился рыданиями.

Поведение его показалось странным персидским стражникам, и они тут же доложили Камбису. Последнего тоже весьма удивили действия Псамметиха. Он послал вестника спросить фараона, почему тот не рыдал при виде униженной дочери и обреченного на смерть сына, а заметив нищего старика, вдруг не сдержался. И услышал в ответ: «Царь! Мои несчастья слишком велики, чтобы их оплакивать. Несчастья же человека, который на склоне дней своих из роскоши впал в нищету, достойны слез».

Когда вестник передал Камбису эти слова, они показались царю справедливыми и даже тронули его. А Крез, сопровождавший Камбиса в этом походе, заплакал. Прослезились и некоторые персы из царской свиты. Тогда Камбис решил помиловать сына Псамметиха, а самого фараона велел привести во дворец. Слуги бросились выполнять распоряжение царя, но было поздно: сына фараона уже повесили. Псамметих же был доставлен во дворец. Камбис освободил фараона из-под стражи, вернул ему дочь и разрешил остаться в Мемфисе.

Пробыв в Мемфисе более месяца, Камбис решил посетить город Саис в дельте Нила, где, как ему сказали, находились гробницы Яхмоса и его предшественников. Он задумал разрушить гробницу Яхмоса и тем самым выместить свою злобу за прошлое оскорбление, когда фараон прислал к нему в Вавилон не свою дочь, а Нитетис.

По прибытии в Саис Камбис приказал показать ему усыпальницу Яхмоса, велел слугам извлечь мумию фараона из саркофага и принялся бичевать ее. Вскоре он устал, и глумление над мумией продолжили его телохранители. Они искололи ее копьями, вырвали волосы на голове и разрубили на несколько частей. Однако этого Камбису показалось мало, и он приказал предать мумию огню.

Надругавшись над останками Яхмоса, Камбис устроил роскошный пир. Три дня пировали персы со своим повелителем в саисском дворце. Со всего города сюда доставлялись лучшие яства и вина. Сотни египтянок, отличавшихся привлекательной внешностью, ублажали ненасытных победителей. Забыв о своей жене Роксане, Камбис предавался распутству с красивыми чужеземками.

Затем он собрал с города огромную дань и вернулся в Мемфис, где его уже ожидали послы ливийцев, киренцев и баркейцев. Первым царь принял ливийское посольство. Ливийцы сложили к его ногам богатые дары и заверили, что признают его власть и обязуются выплачивать ежегодную дань. Забрав дары, Камбис отпустил их домой, сказав в назидание, чтобы они и не думали восставать против него, иначе он всех их продаст в рабство.

Дарами киренцев и баркейцев Камбис остался крайне недоволен — они привезли слишком мало, приказал им возвращаться в свои города и через два месяца привезти в десять раз больше. Если же они не сделают этого, он сам явится в Кирену и Барку и возьмет столько, сколько захочет.

Часть добычи царь раздал воинам в награду за ратные труды, причем не скупился, и воины за щедрость называли его достойным сыном Кира Великого.

Прошло немного времени, и Камбис задумал совершить поход на Карфаген — большой финикийский город на севере Африки на берегу Эллинского моря. Ему много рассказывали о его несметных богатствах. Именно они и побуждали Камбиса действовать.

В Карфаген можно было попасть двумя путями: сухопутным и морским. Первый путь был трудным и небезопасным, поэтому Камбис от него сразу отказался. Вторым путем можно было за несколько недель добраться до Карфагена на финикийских и греческих кораблях. Однако когда царь сообщил начальникам финикийских кораблей о своем намерении покорить Карфаген, то встретил сопротивление. Финикийцы наотрез отказались доставить персидских воинов к стенам Карфагена. Не желая ссориться с финикийцами, Камбис на время отложил поход.

Но ему не сиделось на месте: жажда завоеваний толкала его к организации нового похода. Царь осведомился, какие народы живут вверх по течению Нила. Ему сказали, что там находятся земли эфиопов и аммониев.

Сколько ни допытывался Камбис у египетских купцов, он никак не мог собрать более или менее достоверные сведения об этих народах. Тогда он решил отправить посольство в Эфиопию с поручением подробнее разузнать о жизни эфиопов и особенно о том, какими богатствами они располагают. А чтобы придать посольству мирный характер, вручил послам дары, которые они должны были передать от его имени правителю эфиопов. Среди даров были пурпурное одеяние, золотые браслеты и ожерелье, алебастровый сосуд с благовониями и кувшин финикийского вина.

Более трех месяцев отсутствовали послы Камбиса. Царь уже думал, не погибли ли они. Но однажды ему доложили, что послы вернулись целы и невредимы. Камбис тут же вызвал их к себе и приказал рассказать обо всем виденном и слышанном.

Из их рассказа Камбис узнал, что эфиопы — красивые и рослые люди, а царем над собой они поставили самого высокого и сильного человека. Эфиопский царь удостоил их приемом и принял дары Камбиса. Особенно ему понравилось вино, которого он никогда не пробовал. Что же касается золотого ожерелья и браслетов, то они нисколько не удивили правителя. Он сказал, что в Эфиопии золота так много, что из него изготовляют оковы для узников. А чтобы персы не сомневались в правдивости его слов, он повел их в темницу, дабы те своими глазами убедились.

Упоминание о золоте особенно порадовало Камбиса: несомненно, завоевание Эфиопии даст ему огромные богатства и тысячи рабов, самых сильных и выносливых в мире.

В подарок от царя эфиопов послы привезли очень большой лук. Камбис попробовал натянуть его, но все его попытки оказались напрасны, настолько тугой он был. Царь предложил

натянуть лук своим приближенным, но и у них ничего не получилось. Тогда за дело взялся младший брат Камбиса Смердис, который отличался крупным телосложением и необыкновенной силой, за что получил прозвище Танаоксар — богатырь. Собравшись с силами, он натянул лук, тронул пальцем тетиву, и она зазвенела, как струна египетской арфы. Это пришлось не по душе Камбису; его обуяла зависть, но он совладал с собой и ничем не выказал ее.

Итак, Камбис твердо решил идти в поход на эфиопов, а заодно покорить и аммониев. С собой он взял стопятидесятитысячное войско. На финикийских кораблях персы по Нилу добрались до Фив — второй египетской столицы. Здесь Камбис разделил войско на две части: пятьдесят тысяч воинов должны были покорить аммониев, а сто тысяч царь лично повел в Эфиопию.

Проводниками Камбису служили послы, недавно побывавшие в стране эфиопов. Сделав запасы воды из Нила, персы под предводительством своего повелителя углубились в пустыню. Через несколько дней у них кончилась вода и истощились съестные припасы. Воины стали убивать вьючных животных: кровью утоляли жажду, а мясо употребляли в пищу.

Положение усугубилось песчаной бурей, жертвами которой стало несколько тысяч воинов. Приближенные советовали Камбису, пока не поздно, повернуть назад. Однако царь и слушать не хотел об этом и упрямо шел вперед. По пути иногда попадались небольшие оазисы. Как правило, каждому воину хватало лишь по кружке живительной жидкости, но этого было крайне недостаточно, чтобы утолить жажду. Ежедневно умирало по нескольку сот воинов. Наконец дело дошло до людоедства: по жребию убивали каждого десятого и съедали. Увидев это, Камбис решил прекратить поход и велел повернуть назад. Обратный путь ознаменовался новыми жертвами. В конечном счете до Фив добралась едва ли половина войска.

Здесь Камбис дал воинам долговременный отдых и решил ждать известий от отряда, который был послан против аммониев. Но известий не было. Тогда царь отправил своих людей по следам отряда и через три недели узнал следующее. Отряд благополучно добрался до города Оасис. Отдохнув там, персы двинулись к городу Аммон — столице аммониев. Но в пути их застигла страшная песчаная буря, и все пятьдесят тысяч человек оказались заживо погребенными под толстым слоем песка. Спастись удалось только единицам, которые и рассказали об этом несчастье.

Так кончился поход Камбиса на эфиопов и аммониев. С остатками войска царь спустился вниз по Нилу в Мемфис, навсегда отказавшись от мысли покорить эти два народа.

Камбис долго не мог обрести покоя. Уединившись во дворце, он лишь изредка допускал к себе наиболее близких людей. По ночам его одолевала бессонница, а если и удавалось ненадолго заснуть — снились кошмары: он видел персидских воинов то барахтающимися в песке, то поедающими мясо своих товарищей, то утоляющими жажду кровью.

Ни беседы с мудрым Крезом, ни общество любимой жены Роксаны не могли вернуть Камбису прежнего спокойствия. Царь стал крайне раздражителен. Его выводил из себя любой шум, и виновник сразу же отдавался в руки палачей. Рабы, прислуживавшие ему за столом и в опочивальне, сновали возле него бесшумными тенями, стараясь неосторожными движениями не вызвать новую вспышку гнева у своего повелителя.

Так продолжалось несколько месяцев.

Между тем в Египте умер священный бык Апис, которого египтяне почитали, как бога. Около трех месяцев по всей стране продолжались поиски нового Аписа. Найти его было делом непростым, так как существовало множество примет, по которым определяли Аписа. Прежде всего он должен был быть черной масти и иметь белый четырехугольник на лбу. В истории Египта бывали случаи, когда Аписов искали годами. Но на этот раз египтяне справились всего за три месяца.

Нового Аписа привели в Мемфис, где он должен был жить в специальном храме. По этому случаю мемфисские жрецы объявили всенародное гулянье. Египтяне облачились в праздничные одежды, в столице стоял шум веселья, слышались музыка и пение.

Камбис из своего дворца видел веселье большого города, но расценил это как радость по случаю его неудачного похода. Он приказал городским правителям срочно явиться во дворец. Когда же те предстали перед ним, спросил:

— Почему египтяне так не радовались, когда я победителем вступил в Мемфис, а сейчас, когда я потерял бóльшую часть своего войска, они устроили всеобщий праздник с веселыми пирушками и плясками?

Египетские вельможи ответили, что им явился бог в виде быка Аписа и, как всегда в таких случаях, весь Египет веселится.

Камбис не поверил:

— Вы лжете. Бог не может явиться на землю в виде быка.

Египтяне пробовали возражать, но царь велел своим телохранителям убить их здесь же, у него на глазах.

Когда все было исполнено, он приказал привести египетских жрецов и спросил о том же. Жрецы подтвердили сказанное убитыми вельможами, и это настолько взбесило Камбиса, что он воскликнул:

— Вы тоже лжете! Я вам докажу, что бык не может быть богом. Приведите своего Аписа сюда, и мы посмотрим, бог он или не бог.

В ответ жрецы покачали головами, давая понять Камбису, что не могут выполнить его приказание, ибо это будет святотатством.

— Ну что ж, тогда быка приведут во дворец мои слуги! — взревел Камбис и послал своих телохранителей.

Вскоре Апис был доставлен в зал, где Камбис восседал на троне в окружении приближенных. Египетские жрецы находились тут же. Увидев быка, царь выхватил у одного из телохранителей меч и нанес несколько ударов Апису. Животное взревело от боли, из глубоких ран хлынула темная кровь, залив каменный пол, украшенный мозаикой.

При виде этого Камбис громко рассмеялся и воскликнул, обращаясь к египетским жрецам:

— Ах вы, жалкие людишки! Разве это бог, с кровью и плотью, да еще уязвимый железом? А если бог, то египтяне достойны такого бога. Но вам, лживые жрецы, уже не придется больше безнаказанно издеваться надо мной, — и велел телохранителям хлестать жрецов бичами.

Затем он послал несколько отрядов персидских воинов на улицы Мемфиса с приказанием убивать всякого празднично одетого египтянина. Раненого же Аписа добили копьями. Царь распорядился зажарить мясо быка и угостил им своих стражников, впрочем, и сам не отказался отведать кусочек под кувшин финикийского вина.

Случай с Аписом был только началом тех безумств, которые Камбис совершил впоследствии. Спустя несколько дней после расправы со священным быком и бесчинств персов в Мемфисе царю донесли, что во время его похода на эфиопов и аммониев фараон Псамметих якобы подбивал египтян к восстанию. Камбис не потребовал никаких доказательств причастности Псамметиха к заговору, которого на самом деле не существовало. Он поверил на слово и решил разделаться с фараоном, причем так, чтобы доставить ему как можно больше страданий.

Во дворце был большой бассейн, в котором обитало несколько крокодилов. Именно здесь Камбис задумал учинить расправу над Псамметихом. Он распорядился поставить у бассейна свой трон и привести фараона с дочерью. Когда это было сделано, царь, поудобнее усевшись на троне, велел своим телохранителям изнасиловать дочь фараона на виду у всех. Затем девушку хлестали кнутами до тех пор, пока ее тело не

превратилось в кровавое месиво, после чего полуживую египтянку бросили в бассейн, где она стала добычей крокодилов.

Все это происходило на глазах у Псамметиха. Когда крокодилы растерзали тело дочери, он изменившимся от пережитого голосом сказал:

— Я проклинаю тебя, персидский царь, и взываю ко всем египетским богам, чтобы они послали тебе еще более страшную смерть.

Камбис только рассмеялся в ответ и дал знак слугам бросить Псамметиха в бассейн к крокодилам, сказав при этом с издевкой:

— Отправляйся, Псамметих, к своей дочери, мне не хотелось бы разлучать вас.

И тут к царю подошел его младший брат Смердис:

— Камбис! Не следует тебе этого делать, ты и так за последнее время совершил немало безумств. Вспомни о нашем отце Кире. Разве он так учил тебя обходиться с подданными?

Камбис, который привык к беспрекословному повиновению, был ошеломлен. Устремив на брата полный ненависти взгляд, царь процедил сквозь зубы:

— А ты, Смердис, забыл, как отец учил тебя во всем подчиняться и угождать мне, твоему старшему брату? Ты вздумал требовать от меня пощады для мятежника, который заслуживает более страшного наказания, чем то, которое я придумал для него. О Смердис, советую тебе впредь быть осторожнее в словах, теперь же убирайся с глаз моих.

Поняв, что дальше спорить с Камбисом бесполезно, Смердис покинул помещение. Что касается Псамметиха, то его все же бросили в бассейн на съедение крокодилам.

Камбис не простил Смердису его поступка, расценив справедливое замечание брата не иначе как оскорбление своего царского достоинства. В какой-то момент он даже хотел казнить Смердиса, но побоялся, что это вызовет пересуды у персов, а некоторые из них, возможно, попытаются отомстить за Смердиса, который пользовался всеобщей любовью и уважением. Поэтому Камбис решил отослать его из Египта. Он вызвал Смердиса и приказал ему удалиться в Персию, в Сузы. Смердис повиновался и с небольшим отрядом телохранителей покинул Мемфис.

Три или четыре месяца спустя Камбису приснилось, будто к нему из Персии явился вестник и сообщил, что Смердис воссел на царский трон в Сузах и персы, оставшиеся дома, провозгласили его царем. Сновидение очень взволновало Камбиса, у

него возникли опасения, что Смердис действительно может составить против него заговор, и тогда прощай не только царская власть, но и жизнь. На этот раз царь твердо решил разделаться с братом.

Он пригласил к себе Прексаспа, которому обычно доверял дела особой важности, и в беседе с глазу на глаз поручил убить Смердиса. Прексасп поехал в Сузы. Прибыв туда, он распустил слух, будто попал в опалу к царю и тот прогнал его от себя. Вскоре ему удалось сблизиться со Смердисом и войти к нему в доверие. Однажды на охоте в окрестностях Суз Смердис, увлеченный погоней за дикими животными, оторвался от основной группы. Этим обстоятельством воспользовался Прексасп и с несколькими верными ему людьми настиг царского брата и предательски убил его. Тело же они закопали на берегу Хоаспа и тщательно замаскировали место погребения, чтобы слуги Смердиса не обнаружили его.

Так был убит младший сын Кира Великого, которого персы втайне мечтали видеть своим царем.

Внезапное исчезновение Смердиса породило множество слухов. Поговаривали, что он бежал на окраину Персидского царства, скорее всего в Бактрию, стал управлять ею в качестве наместника и собирать войско против брата-царя.

Тем временем Прексасп вернулся в Мемфис и рассказал Камбису, как все было. Камбис остался доволен. Ему казалось, что в лице брата он уничтожил серьезного противника. Однако он допустил одну оплошность: сообщил об участи Смердиса своей жене Роксане, родной сестре и его, и Смердиса. Смерть брата глубоко опечалила Роксану, она замкнулась в себе и возненавидела Камбиса.

Живя в Мемфисе, Камбис любил тешить себя разного рода кровавыми зрелищами, самым невинным из которых было наблюдать, как скармливают крокодилам провинившихся рабов-египтян. Однажды ему доставили носорога. Царь распорядился соорудить нечто вроде небольшого амфитеатра, на арену которого стали посылать по нескольку безоружных человек и выпускать на них грозного зверя. Камбис приходил в неописуемый восторг, наблюдая за тем, как носорог поочередно расправлялся со своими жертвами. Наконец это зрелище ему надоело, и он натравил на носорога десяток тигров. С тремя полосатыми хищниками носорогу удалось-таки справиться, остальные же, набросившись с разных сторон, растерзали его самого.

Затем излюбленной забавой Камбиса стали львы. Они содержались в глубокой яме, и царю нравилось приходить сюда и наблюдать за ними. По нескольку дней по его приказу львов морили голодом, а потом бросали им на съедение преступников.

Тяга к острым ощущениям натолкнула Камбиса на мысль подвести к яме со львами длинный ров, в конце которого он приказал поставить кресло. Сидя на нем, царь наблюдал, как слуги поднимали решетку, как голодные львы выходили из ямы в ров, нюхали воздух и, учуяв человека, крались к нему, припадая к земле. Подпустив их на расстояние прыжка, Камбис дергал шнур, и сверху падала железная решетка, ограждая его от львов.

Восторг царя был неописуем. Он неоднократно предлагал попробовать этот трюк своим приближенным, но те любезно отказывались, что давало Камбису повод называть их трусами, а себя — самым бесстрашным человеком на земле.

Однажды он придумал новую забаву — стравить львенка со щенком и пригласил посмотреть на эту схватку Роксану. Борьба продолжалась около часа. Наконец львенок стал одолевать щенка. Тогда другой щенок, брат первого, сорвался с привязи, и вдвоем они загрызли львенка.

Камбис с удовольствием наблюдал за кровавой схваткой. Роксана же, сидевшая рядом с ним, тихо заплакала. Увидев ее слезы, царь спросил, почему она плачет, неужели ей стало жалко львенка?

— Вовсе нет, — ответила Роксана. — Меня поразило то, что брат пришел на помощь брату.

— Что же тут особенного? — удивился Камбис. — Это в порядке вещей.

— Просто я вспомнила Смердиса. За него вряд ли кто отомстит.

Поняв, на что она намекает, Камбис вскричал:

— Ну-ну! Поосторожнее в словах, Роксана! — и приказал ей удалиться в свои покои.

Несколько дней спустя Камбис решил помириться с женой, пригласив к себе на обед. Сидя за столом, Роксана взяла с подноса кочан салата, ощипала его и спросила супруга, какой салат красивее, ощипанный или с листьями. Удивившись вопросу, царь тем не менее ответил, что с листьями салат, конечно, красивее. Тогда Роксана сказала:

— Камбис, ты поступил с домом Кира, как я с этим салатом. Ты сделал его полупустым, убив нашего брата Смердиса.

Камбис вскипел от гнева, схватил со стола нож, которым разрезали мясо, и вонзил его в сердце Роксаны. Издав протяж-

ный стон, царица упала. Кликнув слуг, обезумевший царь приказал бросить труп жены в бассейн с крокодилами.

Чтобы забыться, Камбис окружил себя красивыми египтянками и предавался развлечениям. Но это не приносило желаемого успокоения. По ночам в кошмарных снах ему являлся образ Роксаны, и он слышал ее укоризненный голос: «Будь ты проклят, безумец. Сначала ты убил брата, потом меня; за это до конца дней своих ты так и не узнаешь, что такое покой». Камбис просыпался в холодном поту, звал слуг, требовал вина и, напившись, снова забывался в тревожном сне. Но хмель проходил, и все начиналось сначала.

Однажды Камбис устроил пир и пригласил на него всех своих приближенных. В разгар веселья он спросил у Прексаспа, который по его поручению убил Смердиса:

— Скажи, Прексасп, кем меня считают персы? Что говорят обо мне?

— Государь! — ответил Прексасп. — Персы воздают тебе великую хвалу, называют тебя своим благодетелем, только вот говорят, что в последнее время ты слишком пристрастился к вину.

— Стало быть, они считают меня пьяницей и безумцем?! — распаляясь, воскликнул Камбис. — А что по этому поводу думаете вы, мои приближенные? — и он окинул сотрапезников испытующим взглядом.

В пиршественном зале установилась гнетущая тишина, предвещающая грозу. Тогда один из присутствующих, который служил еще Киру Великому, поднялся и сказал, желая разрядить обстановку:

— Государь, ты гораздо более велик, чем твой отец Кир, так как не только владеешь всей его державой, оставленной тебе в наследство, но и завоевал Египет, а также господствуешь на море.

Эти слова польстили Камбису. Его лицо на какое-то время просветлело, но тут он обратил внимание на Креза, сидевшего в замудчивости невдалеке, и спросил у него:

— Ну а ты, Крез, что скажешь?

Крез встрепенулся и, подумав, сказал:

— Камбис! Я думаю, ты не можешь сравниться со своим отцом, ведь у тебя нет сына.

— Да, Крез, ты, как всегда, прав. Сына у меня действительно нет, я сам убил его. Да будет вам известно, что Роксана была беременна, а я велел бросить ее на съедение крокодилам.

На несколько минут царь поник головой, но затем, залпом выпив полный кубок вина, окинул гостей безумным взглядом. На глаза снова попался Прексасп.

— Так ты, Прексасп, утверждаешь, что персы считают меня пьяницей и думают, что я способен только поднимать кубки с вином? О, они глубоко заблуждаются, и я сейчас докажу это. Если я попаду стрелой в самое сердце твоему сыну, значит, персы несут вздор. Если же промахнусь — значит, они говорят правду.

Прексасп пробовал было возражать, но Камбис приказал слугам подать лук и привести сына Прексаспа, который был у него в услужении. Когда приказание было выполнено, царь велел мальчику стать у дверей, сам же взял лук, натянул тетиву, прицелился и выпустил стрелу. Она со свистом рассекла воздух и вонзилась в тело мальчика. Вскрикнув, сын Прексаспа упал.

Камбис приказал слугам осмотреть рану. Когда те доложили, что стрела угодила прямо в сердце, царь со злым смехом обратился к Прексаспу:

— Надеюсь, теперь тебе ясно, что я не безумец. А вот персы, пожалуй, не в своем уме.

Прексасп стоял белый как полотно. В глазах его застыл ужас. Тем не менее, опасаясь за свою судьбу, он чуть слышным голосом сказал:

— Повелитель! Я думаю, что никто не может так метко стрелять, как ты, — и упал без чувств.

Камбис громко расхохотался и велел слугам убрать из пиршественного зала Прексаспа и труп его сына.

После этого пир продолжался еще несколько часов. Гости старались быть веселыми, но веселье было показным. Они трепетали от ужаса. Каждый про себя молил богов удержать Камбиса от очередного злодеяния. Казалось, боги услышали их мольбы, и до конца пира царь больше никого не тронул.

Прошло всего несколько дней — и новое злодеяние. Камбис велел своим телохранителям схватить двенадцать знатных персов, которых заподозрил в заговоре. По его приказанию их по самые головы закопали в землю, лишив пищи и воды. Несколько дней царь приходил смотреть на них; ему было интересно, кто протянет дольше. Он даже обещал сохранить жизнь тому из них, кто переживет остальных, но грубо нарушил свое обещание и последнему, оставшемуся в живых, сам раскроил голову мечом.

Крез, пытаясь образумить деспота, как-то в беседе сказал:

— Царь! Не подчиняйся всецело юношескому пылу, но сдерживайся и властвуй над собой. Тебе следует сохранять благоразумие и предусмотрительность, ибо это неотъемлемые качества мудрого правителя. А ты убиваешь людей — своих же соплеменников, хватая их без всякой причины, и умерщвляешь даже детей. Если ты и дальше так намерен поступать, то берегись, как бы персы не восстали против тебя! Твой отец Кир просил меня наставлять тебя и давать советы, какие я считаю полезными.

Он хотел еще что-то добавить, но Камбис бесцеремонно перебил его:

— И ты, Крез, еще смеешь давать мне советы! Ты, кто так «хорошо» управлял своим царством и дал такой «мудрый» совет моему отцу Киру, побудив его перейти реку Аракс и напасть на массагетов, в то время как они сами хотели перейти на нашу территорию. Ты погубил и себя, дурно управляя своей страной, и Кира, который следовал твоим советам. Но это не пройдет тебе даром. Я давно уже искал случая расправиться с тобой.

Сказав это, Камбис схватился за лук. Но пока доставал стрелу из колчана, Крез выбежал из помещения. Тогда царь, вне себя от ярости, послал слуг схватить его и казнить.

Слуги схватили Креза, но убивать не стали. Они знали своего повелителя, знали о его привязанности к старику. Знали, что пройдет совсем немного времени и он будет сожалеть о своем поступке. Вот тогда-то они и приведут к нему Креза, живого и невредимого, за что Камбис, несомненно, наградит их. Если же царь не спросит о Крезе — значит, он не раскаивается, и тогда они умертвят старика. Рассудив так, слуги спрятали Креза в укромном месте.

Через несколько дней Камбис как ни в чем не бывало спросил, где Крез, почему не является к нему? Слуги напомнили, что он сам велел казнить старика. Услышав это, Камбис сильно огорчился. И тогда слуги открыли свой секрет. Камбис велел немедленно привести Креза и, когда тот вошел, крепко обнял его. Слуг же царь поблагодарил за спасение Креза и каждому из них в награду дал много денег. Однако тут же он пригласил судей и спросил у них, что по закону полагается за невыполнение царского повеления. Судьи ответили: «Смертная казнь».

— Вот видите, — обратился Камбис к слугам, — вы заслуживаете смерти, — и приказал телохранителям расправиться с нарушителями его воли.

Креза он восстановил в положении и больше никогда не угрожал ему расправой. Однако и Крез впредь опасался советовать что-либо безумному царю.

Долгое пребывание во дворце вконец надоело Камбису, и он решил развеяться. В окружении телохранителей царь отправился к месту захоронения египетских фараонов. Проникнув в усыпальницы, он велел вскрыть несколько саркофагов и изрубил мумии мечом, а все ценности из гробниц забрал себе.

В другой раз Камбис посетил храм бога Пта и разрушил его скульптурные изображения. То же самое он сделал и в святилище Кабиров, куда не дозволялось входить никому, кроме жрецов. Этим самым он в очередной раз доказал и персам и египтянам, что не в своем уме: ведь по меркам того времени ни один здравомыслящий правитель не стал бы издеваться над чужеземными святилищами и обычаями без видимой причины.

Шел 522 год до н. э. Уже четвертый год персы владели Египтом, а их царь бесчинствовал в завоеванной стране. Неизвестно, какие злодеяния еще учинил бы Камбис, если бы не одно событие в Персии, которое заставило его спешно покинуть Египет.

Отправляясь в поход на Египет, Камбис оставил смотрителем царского дворца в Сузах мидянина Патизифа. Последний служил еще Киру Великому и зарекомендовал себя с хорошей стороны. Однако никто и не догадывался, что под маской верного царедворца скрывался опасный заговорщик. Дело в том, что Патизиф принадлежал к касте мидийских магов, которые со дня завоевания Мидии Киром мечтали о восстановлении независимости.

Патизиф пристально следил за делами персидского царя. Верные люди из Египта доносили ему о безумствах Камбиса. Ему было известно и о недовольстве персов своим царем. Слухи об убийстве Смердиса также не прошли мимо его внимания. Он был уверен, что кончину младшего сына Кира держат в тайне и что об этом известно лишь немногим. Этим-то и решил воспользоваться Патизиф.

У него был брат по имени Гаумата, который внешне походил на покойного Смердиса. Маг нисколько не сомневался, что персы предпочтут видеть своим повелителем доброго и справедливого Смердиса, а не деспотичного Камбиса.

Патизиф посвятил Гаумату в свой замысел и, как только Гаумата дал согласие, провозгласил его царем. Как ни странно, «восшествие» Гауматы на престол под именем Смердиса

прошло успешно. Его признали персы в Сузах; Вавилония, Мидия и Лидия тоже поспешили заверить нового царя в верноподданничестве.

Однако в Египте находился настоящий царь — Камбис. Под его началом была хоть и не очень большая, но верная ему армия. Кроме того, Камбис, имея в распоряжении финикийские корабли, оставался хозяином восточной части Эллинского моря. С этим нельзя было не считаться. Но к моменту его возвращения из Египта заговорщики надеялись собрать большое войско из вавилонян, мидян и других народов, которых тяготило господство персов. С этим-то войском они и собирались вступить в единоборство с Камбисом.

Сделав своего брата царем, Патизиф решил отправить к Камбису в Египет гонца с требованием добровольно отказаться от царской власти и явиться в Сузы, чтобы преклонить колени перед новым повелителем Персидского царства.

Месяц спустя гонец Патизифа прибыл в Мемфис и сообщил Камбису о том, что его брат Смердис провозгласил себя царем. Это известие ошеломило царя: ведь до сих пор он был уверен, что Смердис мертв. У него возникли подозрения относительно того, действительно ли исполнил Прексасп поручение убить Смердиса. За ним тут же послали слуг, и когда тот явился, Камбис сказал:

— Прексасп, ко мне из Суз явился гонец и сообщил, что мой брат Смердис объявил себя царем. Что ты на это скажешь?

— Повелитель! — воскликнул Прексасп. — Неправда, что твой брат Смердис восстал против тебя. Вам уже никогда не придется ссориться друг с другом. Ведь я сам лично исполнил твое повеление и своими руками предал тело Смердиса земле; могу даже и место его погребения показать. Разве только теперь и мертвые воскресают, тогда можно ожидать, что и египетский фараон Псамметих, который умер на твоих глазах, восстанет против тебя. Если же в мире все осталось, как прежде, то, конечно, Смердиса больше нечего опасаться.

— Тогда кто же тот, кто в Сузах воссел на царский трон?

— А это можно проверить. Думаю, нужно допросить гонца, кто его послал требовать от тебя повиновения царю Смердису.

Совет Прексаспа показался разумным Камбису. Тотчас же привели гонца.

— Человек! — обратился к нему Прексасп. — Ты говоришь, что явился гонцом от Смердиса, сына Кира Великого.

Так вот, скажи нам правду и иди с миром: сам ли Смердис лично отправлял тебя в Египет, или это от его имени сделал кто-то другой?

Было видно, что вопрос Прексаспа заставил гонца задуматься.

— Что касается меня, — наконец произнес он, — то я ни разу не видел Смердиса, сына Кира, с тех пор, как он ушел в египетский поход. Поручение мне дал маг, которого царь Камбис назначил смотрителем дворца. Именно он сказал мне, что царь Смердис посылает меня гонцом в Египет.

— Повелитель! — обратился Прексасп к Камбису. — Я уверен, что этот человек сказал сущую правду и его стоит отпустить.

Камбис дал знак телохранителям проводить гонца.

— И все же мне пока не понятно, кто восстал против меня, обманом присвоив имя Смердиса! — с раздражением воскликнул царь.

— Государь, мне кажется, я знаю, кто это сделал.

— Тогда скажи.

— Только один человек в Сузах способен на такой поступок. Это маг Патизиф, которого ты оставил смотрителем своего дворца. А на трон он посадил своего брата Гаумату. Я и раньше обращал внимание на поразительное внешнее сходство Гауматы со Смердисом. Этим и воспользовались заговорщики.

— Если это так, то мне надо срочно отправляться в Персию.

— И чем скорее, государь, тем лучше.

Сборы были недолгими. Оставив своим наместником в Египте знатного перса Арианда и отдав ему третью часть войска для поддержания порядка в завоеванной стране, Камбис выступил из Мемфиса.

Будучи уже в Сирии, Камбис однажды остановился на ночлег в небольшой деревушке. Рано утром, когда он вскакивал на коня, отломался наконечник ножен его меча и острие клинка глубоко рассекло ему бедро. Предоставив врачу наскоро перевязать рану, Камбис продолжил путь в колеснице. Однако к вечеру рана воспалилась и причиняла сильную боль. А на следующее утро царь уже не мог ступить и шагу. Врач внимательно осмотрел рану и сказал, что у него заражение и ему необходим покой. Царь вынужден был подчиниться в надежде на то, что, отлежавшись несколько дней, продолжит путь. Однако ему становилось все хуже и хуже.

На двадцатый день болезни Камбис почувствовал, что скоро умрет. Он призвал к себе знатнейших персов, чтобы сказать свое последнее слово.

— Персы! — тихо начал умирающий царь. — Я хочу поведать вам свою тайну. Слушайте меня внимательно. В Египте я видел сон. Мне приснилось, будто брат мой Смердис, которого я прогнал от себя, восседает на моем троне. Из опасения, что он действительно лишит меня власти, я решил расправиться с ним и послал в Персию Прексаспа, чтобы тот умертвил его. Когда Прексасп выполнил мое поручение, я жил без опасений. Я и не думал о том, что кто-нибудь после устранения Смердиса восстанет против меня. Но случилось неожиданное: маг Патизиф и его брат Гаумата обманным путем захватили царскую власть в Сузах, причем последний присвоил имя Смердиса. Теперь они владеют Персидским царством. Смердис мертв, я лежу при смерти, так что на вас, персы, возлагается ответственность не допустить, чтобы власть снова перешла к мидянам. Если вы отвоюете ее у мидян, то и впредь останетесь свободными; если же не сделаете этого — быть вам рабами. Заклинаю вас сразу после моей смерти идти в Сузы и расправиться с Патизифом и Лжесмердисом.

Сказав это, Камбис впал в беспамятство. Бывшие при нем персы разразились громкими рыданиями и в знак печали разодрали на себе одежды.

На следующий день Камбис умер, не приходя в себя. Он процарствовал всего семь лет и пять месяцев. Так как у него не было детей, то унаследовать его власть было некому, и между персами начались споры. Некоторые из тех, кто слышал последнюю речь царя, отказывались верить, будто маги захватили власть. Им казалось, что Смердис жив и это на самом деле он провозгласил себя царем. Поэтому они призывали остальных идти в Сузы и преклонить колени перед новым повелителем.

Но были и такие, которые верили, что в Сузах заправляют заговорщики. Они высказались за войну с узурпатором Гауматой-Смердисом.

В стороне от всех держался Дарий, сын Гистаспа, который принадлежал к роду Ахеменидов и приходился умершему Камбису троюродным братом. Пока шли споры, он, собрав вокруг себя верных людей, тайно завладел телом Камбиса и направился в Персию, в Пасаргады, где намеревался предать останки царя земле.

Я — ДАРИЙ, СЫН ГИСТАСПА, АХЕМЕНИД

Между тем у Гауматы, ставшего благодаря своему брату Патизифу персидским царем, дела шли хорошо, если не сказать — превосходно. Он уже около четырех месяцев продержался у власти, которая заметно окрепла после смерти царя Камбиса. Большинство населения свято верило тому, что ими на самом деле правит Смердис, сын Кира Великого. Чтобы еще больше расположить к себе подданных, Гаумата разослал вестников ко всем подвластным народам и объявил через них об освобождении от податей и несения военной службы на три года. Эта мера оказалась чрезвычайно популярной и была радостно воспринята широкими слоями населения, на котором лежало бремя налогов.

Что касается персов, то значительная часть их, так и не разобравшись в чем дело, тоже признали Гаумату своим царем и не сомневались, что ими правит Смердис. Лишь некоторые представители знати, чувствуя обман, отнеслись к нему как к узурпатору и подумывали о низвержении. Но таких было немного, к тому же они действовали разрозненно.

Одним из тех, кто тяготился правлением Гауматы, был Отан, сын Фарнаспа. По происхождению и богатству он принадлежал к числу наиболее влиятельных людей в Персии, был одним из тех, кто ежедневно являлся в царский дворец, чтобы наравне с другими представителями знати принимать участие в управлении государством, как это было заведено еще Киром Великим. Отан жил в Сузах, в большом красивом доме.

С самого начала ему казалось странным то, что новый царь никогда не появлялся в тронном зале и не призывал к себе никого из знатных персов для решения особо важных государственных дел, как поступали Кир и Камбис. Обычно от его имени говорил смотритель дворца Патизиф. Не прошло мимо внимания Отана и внезапное исчезновение брата Патизифа Гауматы. До того как царем был объявлен Смердис, Гаумата свободно разгуливал по дворцу, часто устраивал с многочисленными друзьями из знатных персов развеселые пирушки. А тут вдруг исчез, причем исчез бесследно, как в воду канул.

Однажды, перебирая в памяти все, что ему было известно о Гаумате, Отан вспомнил, что в начале своего царствования Камбис за какую-то небольшую провинность приказал отрезать Гаумате уши. Впоследствии тот скрывал свое увечье длинными волосами, поверх которых надевал еще и пышный парик.

Все, казалось бы, предельно просто — надо проверить, есть уши у царя или нет. Но как это сделать, ведь царь не показывается подданным на глаза и никого не подпускает к себе, окружив себя многочисленной стражей, среди которой нет ни одного перса.

Однако у него есть жены, размышлял дальше Отан, с которыми он поочередно проводит ночи. Среди них и Атосса, дочь Кира Великого, приехавшая в Сузы незадолго до смерти Камбиса. Но ей не доверишься в столь опасном деле. «А что, если... — подумал Отан, — а что, если я выдам за царя свою дочь Федиму. Уж на нее-то можно положиться».

Придя к такому заключению, Отан посвятил дочь в свой замысел. В порыве патриотизма Федима поддержала отца. Отан сразу же сообщил царю о своем намерении породниться с ним. К его удивлению, уже на следующий день явились царские слуги, чтобы забрать девушку во дворец.

На прощание Отан сказал Федиме:

— Дочь моя! Ты благородного происхождения, молода и хороша собой. Прости меня, что я потребовал от тебя поступиться своей честью. Однако ты должна пойти на это во имя своего народа. Ведь если выяснится, что твой муж не Смердис, а тот, кем я его считаю, он дорого заплатит за то, что властвует над персами и делит ложе с лучшими персиянками. Он не должен остаться безнаказанным. Поэтому сделай так: когда ночью он, насладившись любовью, уснет, ощупай его уши. Если они у него окажутся — значит, ты стала женой Смердиса, сына Кира Великого; если же нет, то тот, кого мы принимаем за царя, на самом деле маг Гаумата.

— Отец, я постараюсь исполнить все, о чем ты меня просишь, — заверила Федима и в окружении царских слуг отправилась во дворец.

Когда настала ночь, Федиму повели в опочивальню царя. В помещении царила кромешная темнота; все светильники были потушены, если они вообще там были. Слуги вышли, и девушка не знала, что делать дальше. Наконец из глубины комнаты донесся голос, приказав ей приблизиться. Осторожно, чтобы в темноте не наткнуться на что-нибудь, Федима пошла на голос

и добралась до постели. Здесь ее обхватили цепкие руки и увлекли на ложе.

До полуночи царь наслаждался близостью с новой женой. Наконец, насытившись, уснул. Судя по ровному дыханию, сон был крепким. Федима осторожно протянула руку и, ощупав голову царя, убедилась, что ушей у него нет, как и предполагал отец.

Федима долго еще не могла заснуть. Сон сморил ее только под утро. А когда она проснулась, то обнаружила, что тот, кто с ней делил ночью ложе, уже ушел.

На следующий день Федима, под видом, что забыла прихватить с собой кое-что из вещей, послала домой верную служанку и велела сказать отцу всего два слова: «Их нет», смысл которых был понятен только им двоим.

Когда Отан услышал эти слова, его сомнения развеялись. Теперь он точно знал, что Персией правит не Смердис, а маг Гаумата, обманом захвативший власть.

Несколько дней спустя Отан пригласил своих самых преданных друзей — Аспафина и Гобрия и в доверительной беседе рассказал им о своем открытии. Те тоже подозревали, что царь не настоящий, теперь их подозрения подтвердились.

— Что же нам делать? — спросил Отан.

— Надо свергнуть узурпатора с престола, — заявил Аспафин.

— Но ведь нас только трое, — не без сожаления заметил Гобрий. — Что мы сможем сделать против полчища телохранителей и слуг, которыми окружил себя Гаумата? Как доберемся до лжецаря?

Замечание Гобрия заставило всех задуматься. Наконец Аспафин произнес:

— Надо заручиться поддержкой других знатных персов.

— Ты прав, Аспафин! — поддержал его Гобрий. — Пусть каждый из нас привлечет к нашему союзу по одному человеку, которому особенно доверяет. Тогда нас будет уже шестеро. Что касается меня, то я, например, не прочь посвятить в наши дела Мегабиза, верой и правдой служившего Киру и его сыну Камбису.

— А я могу положиться на Интафрена, — сказал Отан.

— Ну а ты, Аспафин, кого можешь предложить нам в сообщники? — спросил Гобрий.

— Лучше Гидарна мне, пожалуй, никого не найти, — ответил Аспафин.

— Вот и хорошо, — заключил Гобрий. — Тогда давайте через пять дней пригласим их на охоту и там подробно обсудим, как нам действовать дальше.

На этом заговорщики расстались.

Пять дней спустя шестеро знатных персов, каждый в окружении небольшой свиты, верхом на лошадях отправились на охоту. Целый день они охотились восточнее Суз. Лишь к вечеру устроили привал. Слуги разбили шатер и приготовили обильный ужин из добытой дичи.

Во время трапезы, расположившись в шатре, Отан, Гобрий и Аспафин посвятили трех остальных в свой план. Как они и предполагали, Мегабиз, Интафрен и Гидарн одобрили их начинание. Уже вшестером они принялись обсуждать подробности свержения Гауматы.

Около полуночи снаружи вдруг раздался лай гончих псов: верный знак того, что к охотничьей стоянке кто-то приближается. Все шестеро тревожно переглянулись. У каждого мелькнула мысль — уж не царские ли это телохранители нагрянули, чтобы схватить их. Не проронив ни слова, они взялись за мечи и вышли посмотреть, в чем дело.

Невдалеке от шатра слуги развели несколько костров, благодаря чему стоянка хорошо освещалась и была видна издалека. Собаки убежали навстречу приближавшимся незнакомцам. Теперь их лай доносился с восточной стороны. Вскоре послышался топот конских копыт, по которому можно было определить, что приближается довольно большой отряд всадников.

С оружием наготове, окруженные слугами с луками, заговорщики ждали. Вскоре в полосе, освещенной кострами, показались силуэты первых всадников. Всего около сотни шагов отделяло их от шатра.

Потерявший терпение Гобрий сделал несколько шагов вперед и громко крикнул:

— Эй, кто там едет?

— Я — Дарий, сын Гистаспа, Ахеменид! — почти тут же донесся ответ.

Лица заговорщиков вмиг просветлели — они хорошо знали Дария. А его принадлежность к боковой ветви царского рода Ахеменидов была лучшим подтверждением того, что перед ними друг, а не враг. С чувством облегчения они вложили мечи в ножны, а слугам приказали разойтись.

Между тем Дарий подъехал совсем близко и высокоподнятой рукой приветствовал встречавших его. Свет костров неплохо освещал место, и Дарий узнал всех шестерых.

Отан помог Дарию спешиться и пригласил в шатер.

Заговорщики подождали, пока гость утолит голод, затем подняли кубки с вином за его здоровье и благополучие.

— Сын Гистаспа, какими судьбами тебя занесло в эти края, да еще ночью? — спросил Гобрий.

— Я направляюсь в Сузы, достопочтенные мужи, — последовал ответ.

— Что же влечет тебя туда в столь смутное время? — вступил в разговор Отан.

Было видно, что вопрос заставил Дария призадуматься. Однако через пару минут он ответил:

— Нелады в нашем государстве.

— А что же, по-твоему, неладного происходит? — спросил Отан, переглянувшись с сообщниками.

Дарий снова задумался. Молчали и остальные. Было слышно, как потрескивает масло в светильниках.

— Я не знаю, как вы, достопочтенные мужи, — наконец заговорил Дарий, — но ни я, ни мой отец Гистасп, которого Камбис поставил своим наместником в Персии, не верим в то, что нашим государством правит Смердис. То же самое утверждает и старый Крез, ныне живущий в Пасаргадах...

— А кто же тогда, по-твоему, царствует над персами? — перебил его Отан.

— Точно не знаю, но только не Смердис, ведь Камбис на смертном одре открыл нам свою тайну, что убил своего брата. Так что власть сейчас в руках самозванца. Вот я и еду в Сузы, чтобы выяснить, кто же он, а выяснив, постараюсь свергнуть его с престола, — сказал Дарий, потупив взор.

Заговорщики снова переглянулись. Теперь им было совершенно ясно, что Дарий с ними заодно. Не произнося ни слова, они закивали головами. Это означало, что все согласны с тем, чтобы посвятить Дария в заговор.

— Сын Гистаспа, — заговорил Отан, — тебе незачем ехать в Сузы для того, чтобы узнать, кто нами теперь правит. Мы можем сказать это прямо сейчас.

— Неужели?! — воскликнул Дарий, окинув всех удивленным взглядом.

— Да-да, нам это известно, — подтвердил Отан. — Царскую власть захватили маг Патизиф и его брат Гаумата, объявивший себя Смердисом.

— Более того, Дарий, — добавил Гобрий, — не ты один помышляешь свергнуть узурпатора. Мы уже заключили союз с этой целью и, собравшись здесь, размышляем, как это лучше сделать.

Дарий был ошеломлен. Он не знал, что и сказать.

— А мы-то с отцом думали, — заговорил он, собравшись с мыслями, — что, кроме нас, никто не догадывается, что царский скипетр в руках самозванца. Нужно было открыть персам глаза, поэтому я и спешил в Сузы. Но, оказывается, не только я помышляю о восстановлении справедливости. Есть еще в Персии благородные и отважные люди! И я, достопочтенные мужи, благодарю судьбу за то, что она свела меня с вами. Однако нам надо приступить к делу как можно скорее. Промедление смерти подобно!

Произнося последние слова, Дарий вскочил с места, ладонь его правой руки легла на рукоять меча, глаза заблестели. Присутствовавшие поняли, что в этот миг они обрели истинного вождя, способного отважно броситься в бой и увлечь за собой остальных.

Отан, который был старше всех по возрасту, попросил Дария успокоиться и сесть на место.

— Сын Гистаспа! — сказал он. — Отец твой — доблестный муж. Я нисколько не сомневаюсь, что и ты не уступаешь ему доблестью. Однако зачем так торопиться? Благоразумнее приступить к нашему непростому делу более осмотрительно. Во-первых, нас должно быть больше; во-вторых, мы должны разработать четкий план...

Отан хотел еще что-то сказать, но Дарий перебил его:

— Достопочтенные мужи! Если вы примете совет Отана, то знайте — вас ожидает жалкая гибель. Пока вы будете судить-рядить, кто-нибудь непременно донесет на вас Гаумате. Я считаю, что лучше всего нам действовать немедленно, на свой страх и риск. Наше единственное преимущество перед узурпатором — внезапность. Так что давайте выступим против Гауматы сегодня же.

Видя, как Дарий разгорячился, Отан решил немного остудить его пыл.

— Если уж ты вынуждаешь нас торопиться, не оставляя времени на размышления, то скажи, как нам проникнуть во дворец и напасть на Патизифа и Гаумату? Неужели ты не знаешь, что там расставлена многочисленная стража? Как мы пройдем мимо нее?

— Отан! — не унимался Дарий. — На многое можно ответить не словом, а делом. Об ином можно рассуждать бесконеч-

но, но за словами никогда не последует славного деяния. Эту истину я слышал еще от Кира Великого, будучи безусым юнцом. Надеюсь, и тебе она известна. Ты спрашиваешь, как мы проникнем во дворец? Изволь, я отвечу. Вряд ли кто из стражников станет задерживать столь знатных людей, как мы: либо из почтения к нам, либо из страха перед нами. Если же это не сработает, у меня есть самый благовидный предлог: я скажу, что только что прибыл из Пасаргад и желаю передать царю важное известие от отца. Ну а если и в этом случае стражники откажутся пропустить нас, тогда мы перебьем их и проникнем в покои Гауматы.

Отан больше не возражал. Другие тоже молчали. Наконец молчание прервал Гобрий.

— Друзья! — воскликнул он. — Когда еще, если не сейчас, нам представится удобный случай отвоевать власть или доблестно погибнуть в борьбе за нее? Теперь нами, персами, управляет мидянин, маг, и к тому же безухий. Доколе нам терпеть этот срам? Поэтому я за то, чтобы принять план Дария и завтра же выступить против самозванца.

Гобрия поддержали Мегабиз, Интафрен, Гидарн и Аспафин. Последним в знак согласия поднял руку Отан.

Как только забрезжил рассвет, заговорщики снялись со стоянки и направились в сторону Суз, которые находились на расстоянии дневного перехода. В середине дня они увидели в небе двух коршунов, преследуемых семью ястребами. Между ними завязался неравный бой. И так как численное преимущество было на стороне ястребов, то они растерзали коршунов.

— Друзья! — воскликнул Дарий, когда схватка закончилась. — Это знамение свыше. Под двумя коршунами следует подразумевать Патизифа и Гаумату, а семь ястребов, одержавших над ними победу, — это мы, ибо нас тоже семеро. Вот видите, Ахурамазда дает знак, что он с нами и что мы одержим победу.

Все согласились с Дарием и с хорошим настроением добрались до Суз.

Кроме семерых заговорщиков был еще один человек, который наверняка знал, что Персией управляет не Смердис, а маг Гаумата. Это, конечно же, Прексасп. Ему, как никому другому, было известно, что Смердис мертв, так как он собственноручно убил его.

Сразу после кончины Камбиса Прексасп направился в Сузы. Опасаясь в будущем возмездия за убийство царевича Смердиса, он распустил слух, что ничего подобного не делал: Камбис, мол, перед смертью все выдумал и оговорил его. Многие поверили ему, но только не Патизиф и Гаумата. Уж кто-кто, а они-то были уверены, что убийство Смердиса — дело рук Прексаспа. Поэтому из опасения, как бы Прексаспу не взбрело в голову проговориться, они решили привлечь его на свою сторону и пригласили во дворец. В беседе с глазу на глаз назвали его своим другом, а также попросили строго хранить тайну убийства Смердиса и никому не выдавать обмана, с помощью которого они одурачили персов.

Прексасп спросил, что же он будет иметь за свое молчание. Маги были готовы к такому повороту дела и заранее приготовили для Прексаспа сундук, наполненный драгоценностями. Прексасп долго рассматривал сокровища, но потом заявил, что этого мало: его молчание стоит большего. Маги заверили, что это только их первый взнос за услугу; впоследствии, когда они окончательно укрепятся во власти, он получит в несколько раз больше.

Подумав, Прексасп согласился и клятвенно заверил, что никому даже словом не обмолвится об убийстве Смердиса. Его отпустили домой, позволив забрать с собой сундук с сокровищами и выделив в качестве носильщиков нескольких телохранителей.

Прошло несколько месяцев. Прексасп хранил молчание. Между тем Патизиф и Гаумата нутром чуяли, что об их обмане знают уже многие. Соглядатаи и шпионы, «око» и «уши» царя, докладывали, что время от времени на улицах и торговой площади Суз можно услышать разговоры о царе-самозванце, обманом захватившем власть в государстве. Боясь разоблачения, маги решили сделать следующее.

Они снова пригласили к себе Прексаспа, снова выставили перед ним сундук с драгоценностями и попросили выступить перед персами с речью, в которой он заверил бы соплеменников, что Смердис жив и правит ими именно он, а не кто-нибудь другой.

Довольный очередным подношением, Прексасп согласился. Маги назначили ему день и отпустили.

В ожидании назначенного часа Прексасп много думал о своей жизни, о предстоящем выступлении, и совесть заговорила в нем. Ведь из личной выгоды он покрывает обман и действует против своих же соплеменников, хотя давно мог бы раскрыть им правду и даже возглавить борьбу против самозван-

ца. Поэтому он решил вскрыть обман, пусть даже это будет стоить ему жизни.

И вот день настал. Прексасп явился во дворец. На площади уже собралось много персов, пришедших сюда по повелению лжецаря. В сопровождении Патизифа и нескольких телохранителей Прексасп взошел на башню. Увидев его, персы притихли. Собравшись с духом, Прексасп заговорил.

В своей речи он перечислил родословную Ахеменидов, начав с родоначальника Ахемена. Дойдя до Кира Великого, напомнил соплеменникам о блестящих победах, одержанных под его предводительством. Упомянул и о деяниях Камбиса, царя-безумца, который причинил немало вреда своим же приближенным, в частности и ему, Прексаспу, убив из лука его сына.

Теперь ему нужно было сказать главное, и он сделал паузу, чтобы собраться с духом. Стоявший рядом маг Патизиф не сомневался, что дальше Прексасп скажет о восшествии на престол Смердиса и заверит слушателей, что царь настоящий. Однако случилось обратное.

— Персы! — что было силы крикнул Прексасп. — Настало время, когда вы должны узнать всю правду. Так вот знайте: я действительно убил Смердиса по приказу Камбиса, убил вот этими руками, да пошлют боги на меня за это страшные проклятия. Не верьте тому, что Смердис — ваш царь. Вами правит Гаумата и его брат Патизиф, мидийские маги...

Стоявший рядом Патизиф затрясся от гнева и процедил сквозь зубы: «Предатель», затем повернулся к телохранителям, чтобы приказать им схватить Прексаспа, но было поздно — Прексасп сделал шаг вперед к краю башни и бросился вниз.

Такова была славная кончина Прексаспа. Персы впоследствии вспоминали о нем как о достойном и доблестном человеке.

Это событие произошло как раз в тот день, когда семь знатных персов — Отан, Гобрий, Аспафин, Интафрен, Гидарн, Мегабиз и Дарий Ахеменид — окончательно договорились выступить против самозванца и направились в Сузы.

Прибыв в столицу, заговорщики решили не расходиться и переночевать в доме у Отана. Здесь они узнали о происшедшем накануне и утвердились во мнении, что нужно действовать незамедлительно.

Рано утром они принесли необходимые жертвы богам, спрятали под кафтанами акинаки и мечи и отправились во

дворец, взяв с собой наиболее преданных слуг, тоже вооруженных, чтобы те в случае необходимости помогли своим господам справиться с царскими телохранителями.

Когда заговорщики подошли к дворцовым воротам, стражники почтительно расступились и пропустили их во внутренний двор. Миновав дворцовую площадь, они приблизились ко входу в царские покои. Здесь охрана была усиленная — кроме стражников, еще несколько евнухов, которые и стали расспрашивать о цели визита. Даже заявление Дария, что он срочно прибыл из Пасаргад с важным известием для царя, не убедило евнухов. Тогда Дарий решил, что настало время действовать. Он мгновенно извлек из-под кафтана меч и уложил на месте трех евнухов, не готовых к вооруженному нападению. Дария поддержали остальные заговорщики, вооруженные копьями и секирами.

Дарий крикнул Отану и Гидарну, чтобы они со слугами задержали стражников. Сам же с Гобрием, Интафреном, Аспафином и Мегабизом, прорвавшись сквозь кольцо стражи, устремился по дворцовым переходам к царским покоям. Еще со времен Кира и Камбиса, когда они имели свободный доступ во дворец, им было неплохо знакомо расположение помещений. Тем не менее Дарий, встретив в одном из коридоров мальчика-пажа, приставил к его горлу акинак и сказал:

— Немедленно веди нас к царю, иначе умрешь.

Перепуганный до смерти паж исполнил требование, и вскоре заговорщики очутились у дверей царской опочивальни. Здесь им пришлось вступить в бой с четырьмя телохранителями. В схватке был ранен в бок Мегабиз. Остальные же, уложив телохранителей, ворвались в покои.

Там царил полумрак. Тем не менее заговорщики различили в глубине комнаты двух человек. Это были Патизиф и Гаумата.

Патизиф только что проник в спальню к брату через потайную дверь, чтобы сообщить о внезапном нападении. Увидев заговорщиков, он схватил со стены лук, Гаумата — копье. Но пустить в ход лук Патизиф не мог из-за слишком малого расстояния, действия же Гауматы имели бóльшой успех: умело орудуя копьем, он ранил Аспафина в бедро, а Интафрена — в голову. Однако Дарий и Гобрий набросились на него и через несколько минут уложили на месте.

Тем временем Патизиф выбежал в соседнее помещение и попытался запереть за собой дверь, но Дарий и Гобрий помешали ему сделать это. Здесь было еще темнее, чем в опочивальне, поэтому Гобрий, опасаясь, как бы маг не ускользнул, на-

бросился на него, и они покатились по полу, сцепившись в рукопашной схватке. В суматохе Гобрий выронил свой акинак, так что теперь у противников силы были равны.

Между тем Дарий никак не мог сориентироваться в кромешной темноте.

— Помоги мне, — услышал он вдруг хриплый голос Гобрия.

— Боюсь, как бы тебя не задеть, — крикнул в ответ Дарий.

— Бей наугад!

Дарий нанес удар. В тот же миг раздался вопль. Дарий понял, что кого-то ранил. Но кого?

— Гобрий, ты цел? — спросил он.

— Да. Ты ранил мага. Сейчас я его прикончу, — и, вцепившись в горло Патизифу, Гобрий задушил его.

Дарий на ощупь помог подняться ему на ноги. Немного отдышавшись, они вдвоем втащили труп Патизифа в опочивальню, которая освещалась всего одним светильником. Но этого было достаточно, чтобы осмотреться.

Труп Гауматы лежал посреди комнаты. Раненный в бедро Аспафин сидел, прислонившись к стене. Интафрен, пораженный в голову, лежал неподалеку от Гауматы и стонал. Видимо, рана была серьезной и доставляла ему нестерпимую боль. Вскоре в опочивальню вполз Мегабиз, весь в крови, и, увидев Дария и Гобрия, спросил:

— Ну что, вы их убили?

— Да, Мегабиз, маги мертвы.

— Значит, мы одержали победу. Хвала Ахурамазде... — произнес он и от потери крови лишился чувств.

Тем временем подоспели Отан и Гидарн со слугами. Справившись со стражниками, они сразу же устремились на помощь товарищам.

Осмотрев тела магов, Отан и Гидарн отрубили им головы и в сопровождении Дария и Гобрия направились к выходу из дворца. Раненые Аспафин, Интафрен и Мегабиз остались в опочивальне на попечении слуг.

На дворцовой площади уже собралось сотни две персов, привлеченных шумом сражения. Заговорщики показали им окровавленные головы магов и велели созвать ко дворцу всех персов, проживавших в Сузах.

Через час дворцовая площадь была заполнена народом. Дарий, Гобрий, Отан и Гидарн поднялись на башню, с которой вчера бросился Прексасп, и показали головы магов своим соплеменникам. Персы пришли в восторг, многие даже пустились в пляс. Но Дарий сказал, что еще не время веселиться;

надо браться за оружие и уничтожить в столице всех мидийских магов.

Персы с готовностью бросились исполнять приказ, а заодно уничтожать и остальных мидян.

Погромы мидийских домов продолжались весь день и закончились только с наступлением ночи. Были убиты сотни мидян. Всех магов, которых удалось найти, казнили. Впоследствии персы ежегодно отмечали этот день, называя его днем «избиения магов».

Пять дней спустя, когда волнения в Сузах улеглись, Отан, Гидарн, Гобрий, Интафрен, Аспафин, Мегабиз и Дарий собрались в тронном зале царского дворца. Те из них, кто получил ранения, уже подлечились. Правда, Аспафин при ходьбе сильно хромал, а Интафрен ослеп на один глаз. Собраться же их заставили неотложные дела: нужно было решить, каким быть государственному устройству Персии.

Они уселись в креслах, расставленных в круг недалеко от пустующего царского трона. Первым по старшинству выступил Отан.

— Достопочтенные мужи, соратники, друзья! — воскликнул он. — Что касается меня, то я придерживаюсь мнения, что не следует опять вверять верховную власть одному человеку — царю. Это чрезвычайно опасно. Вы прекрасно помните, до чего доходило своеволие Камбиса. Разве может государство считаться благополучным, если царь-самодержец волен творить все, что ему заблагорассудится? Даже если царем становится самый благородный человек, богатство, роскошь и безграничная власть делают его высокомерным и не в меру честолюбивым. Он уже мнит себя сверхчеловеком и начинает творить преступные деяния. Деспотичное начало берет верх над справедливостью. В деспоте пробуждается зависть к богатству подданных, и под любым предлогом он расправляется с ними, чтобы присвоить их имущество. Он ненавидит лучших, зато любит дурных людей, которые из личной выгоды льстят ему и дают никчемные советы. Более всего он склонен внимать клевете. С ним невозможно ладить. Кроме того, единоличный правитель в силу своей неограниченной власти нарушает обычаи предков и законы, казнит людей без суда. Так что царская власть, по-моему, не подходит для Персии, и я предлагаю упразднить ее. А вы что думаете по этому поводу?

Так сказал Отан и сел на свое место, предоставляя возможность высказаться другим. После него говорил Мегабиз.

— Я вполне разделяю мнение Отана о царской власти, — начал он, — и предлагаю сосредоточить власть в руках лучших людей, представителей персидской знати. Ведь именно от лучших людей исходят лучшие решения в государственных делах. А так как мы с вами и есть лучшие среди персов и по богатству, и по благородству происхождения, то пусть верховная власть останется за нами. К тому же мы это заслужили, решившись выступить против самозванца.

После Мегабиза слово взял Дарий.

— Достопочтенные мужи! Что до меня, то я за сохранение в Персии царской власти. Ведь нет ничего прекраснее правления одного наилучшего человека. Вспомните Кира Великого. Царь безупречно управляет народом, исходя из наилучших побуждений. Только при царской власти в государстве сохраняются покой и порядок. Совершенно обратное наблюдается, когда государством управляют немногие лучшие люди. Каждый из них стремится первенствовать и претворять лишь свои замыслы. Между ними начинается яростное соперничество за первенство, отчего в государстве возникают смуты, доходящие до кровопролития. В междоусобной борьбе лучших победу одерживает сильнейший, который в конечном счете объявляет себя единоличным правителем. Но скольких усилий и жертв стоит народу и государству такой путь к единовластию! Так не лучше ли нам сейчас, пока еще все в наших силах, остановиться именно на царской форме правления во избежание смут и кровопролития в будущем. Вспомните, откуда у нас, персов, свобода? Кто даровал ее нам: лучшие люди или единодержавный правитель? Любой из вас, не усомнившись, ответит: единодержавный правитель. А имя ему — Кир Великий. Так что мы крепко должны держаться за царскую власть и не нарушать обычаев и установлений наших предков.

Речь Дария оказалась самой убедительной. Довольно долго все сидели, раздумывая над его словами. Наконец Отан нарушил молчание:

— Достопочтенные мужи! Наши мнения разошлись, и я предлагаю решить дело голосованием. Итак, кто из вас за власть лучших мужей?

Руку поднял Мегабиз. Через мгновение к нему присоединился Отан. Остальные даже не пошевелились.

— Кто за сохранение царской власти? — снова прозвучал голос Отана.

Первым руку поднял Дарий. Затем Аспафин, Гидарн, Гобрий и Интафрен. На лице Дария появилась улыбка: его мнение одержало верх, он победил, невзирая на то что был самым молодым из собравшихся.

— Итак, друзья, — опять заговорил Отан, — решено: один из нас станет царем, будь то по жребию или по решению персидского народа. Лично же я хочу заявить, что не собираюсь ни сам царствовать, ни быть подвластным кому бы то ни было. Я предпочитаю остаться в стороне от борьбы за царскую власть, но с условием: ни сам я, ни мои потомки никогда не будут подчиняться тому из вас, кто станет царем, а также его потомкам.

Слова Отана поразили остальных.

— Ты благородный человек, Отан, — ответил за всех Дарий. — И уж если ты так решил, то я лично обещаю, что, если вдруг мне выпадет стать царем, — ты будешь у меня в большом почете. А что скажут остальные?

Остальные поддержали Дария, и Отан удалился из тронного зала.

Шестеро оставшихся приняли еще несколько решений. Прежде всего они договорились, что тот, кто станет царем, будет ежегодно посылать Отану богатые дары за то, что он первым задумал восстание и привлек на свою сторону других. Во-вторых, было решено, что, когда царь будет избран, остальные смогут входить к нему во дворец без доклада, за исключением тех случаев, когда царь будет у своей жены. В-третьих, царь должен брать себе в жены женщин только из семей участников заговора. О том же, кому из шестерых быть царем, решили следующее: чей конь заржет первым завтра утром, когда они выедут за городские ворота, тот и будет царствовать.

Вернувшись домой, Дарий вызвал к себе своего конюха по имени Эбар. В беседе с глазу на глаз он рассказал ему о предстоящем состязании и спросил, не знает ли тот какого-нибудь хитрого средства, чтобы его конь завтра заржал первым.

— Господин! — ответил Эбар. — Если только от этого зависит, быть тебе царем или нет, то я устрою все наилучшим образом: есть у меня одно верное средство.

Дарий не стал расспрашивать подробнее, только сказал:

— Раз ты и впрямь знаешь какую-то хитрость, неизвестную другим, то поспеши, ведь завтра утром все должно решиться.

После этого Дарий удалился на покой, а Эбар вывел из стойла одну кобылицу, которую жеребец Дария особенно любил, и привязал ее к столбу посреди двора. Затем вывел и жеребца, долго водил его вокруг кобылицы и наконец пустил покрыть ее, после чего вновь разлучил их.

Рано утром, когда Дарий проснулся и пришел в конюшню, Эбар доложил, что полдела сделано. Помощники конюха приготовили жеребца Дария к выезду, сам же Эбар сел на кобылу

и направился к городским воротам, сказав господину, что они вскоре увидятся и пусть он не беспокоится.

Встретившись в условленном месте, Аспафин, Гидарн, Гобрий, Интафрен, Мегабиз и Дарий рысью добрались до городских ворот и выехали за пределы города. Утро было душное и пасмурное. Чувствовалось приближение грозы, но невзирая на это шестеро знатных персов погоняли своих коней. Каждый из них лелеял надежду, что именно его конь заржет первым.

Когда они отъехали от столицы примерно на парасанг, дорогу им пересек одинокий всадник. И тут конь Дария вдруг зафыркал и громко заржал. Незнакомым всадником был не кто иной, как Эбар, а под ним была та самая кобылица, которую жеребец Дария покрыл прошлой ночью; поэтому сейчас, почуяв подругу, он призывно заржал.

Персы остановили своих скакунов и спешились. Дарий же, вне себя от радости, остался в седле.

Неожиданно сверкнула молния, и несколько мгновений спустя раздались раскаты грома. Это было расценено как знамение: Гобрий, Гидарн, Интафрен, Мегабиз и Аспафин пали на колени и поклонились Дарию как царю.

Так, по сообщениям древних историков, Дарий, сын Гистаспа, из рода Ахеменидов в сентябре 522 года до н. э. стал персидским царем. Впоследствии он приказал высечь на каменной стеле изображение всадника, а внизу написать: «Дарий, сын Гистаспа, обрел себе Персидское царство доблестью своего коня и конюха Эбара».

Дарий стал царем в смутное время. Многие страны, население которых признавало власть мидийского мага Гауматы, узнав о воцарении перса Дария из рода Ахеменидов, открыто заявили о своем отпадении от Персии. Времени сидеть сложа руки не оставалось, надо было принимать срочные меры по наведению порядка в государстве. Поэтому Дарий недолго пробыл в Сузах. Прежде всего он устроил свои личные дела: взял в жены Атоссу и Артистону — дочерей Кира Великого. Атосса до этого уже была женой сначала своего родного брата Камбиса, а затем — мага Гауматы. Федима, дочь Отана, и Пармис, дочь Смердиса и внучка Кира, также стали царскими женами.

В конце сентября 522 года до н. э. Дарий покинул Сузы и направился в Пасаргады, где его ждали отец Гистасп и дед Арсам. Прибыв на место, Дарий в присутствии знатных персов прошел обряд посвящения на царство в небольшом храме, ко-

торый находился в том же парке-парадизе, где возвышалась гробница Кира Великого.

В сопровождении отца и деда Дарий посетил усыпальницу основателя Персидской державы. Над входом они увидели надпись: «Здесь покоюсь я, Кир, великий царь над царями». Поднявшись по крутым ступенькам, они очутились на самом верху, в небольшом помещении, где находились золотое ложе, стол, уставленный изысканной посудой, и золотой саркофаг, в котором покоились останки Кира. Стены были увешаны дорогими коврами и оружием. На каменной плите, на которой стоял саркофаг, с одной стороны была высечена надпись: «Человек! Я — Кир, создатель державы персов и царь Азии. Поэтому не завидуй мне за этот памятник». Надпись на другой стороне плиты гласила: «Я был другом моим друзьям; я был самым искусным наездником и стрелком из лука и лучшим охотником; я мог совершить все!»

Дарий несколько раз перечел последнюю надпись, особенно его впечатлили слова: «Я мог совершить все!» Повторяя их, Дарий почувствовал, как у него забилось сердце и кровь прилила к голове. «Я тоже смогу совершить все!» — мысленно произнес он.

Выйдя из усыпальницы, Дарий, Гистасп и старый Арсам в окружении приближенных отправились во дворец, где все было готово для пира.

На следующий день в Пасаргады прибыл гонец из Суз с известием о восстании в Эламе. Расспросив гонца, Дарий узнал, что восстание поднял некто Ассина, сын Упадармы, эламит по происхождению. Он говорил: «Я — царь Элама». Ему удалось сплотить вокруг себя несколько тысяч соплеменников, с которыми он и намеревался идти на столицу — на Сузы.

Дарий рассмеялся и воскликнул:

— Несчастные, я передавлю вас, как букашек!

Царь послал против восставших эламитов многочисленный отряд персидских всадников. Полмесяца спустя с мятежом было покончено, а Ассина, предводитель повстанцев, был доставлен в Пасаргады в оковах. Дарий распорядился высечь его и посадить на кол.

Как раз в тот момент, когда царь наблюдал за казнью Ассины, прибыл гонец из Вавилонии с известием, что и там вспыхнуло восстание. Подробности Дарий узнал чуть позже от других гонцов. Оказалось, что на восстание вавилонян поднял человек по имени Нидинту-Бел, сын Анири, провозгласивший себя царем Навуходоносором, сыном Набонида.

— Это посерьезнее смуты в Эламе, — сказал Дарий и, вызвав к себе военачальников, приказал готовить армию к выступлению.

В начале персидского месяца варказан (вторая половина октября 522 года до н. э.) Дарий во главе большой армии выступил в поход против восставшего Вавилона. Он двигался не спеша, но нигде и не задерживался дольше чем на ночлег. Сузы, которые лежали на его пути, он намеренно обогнул с южной стороны, ибо знал, что, заедь он в столицу, пребывание там продлится несколько дней.

Царь захватил с собой всех своих жен. Во время остановок на ночлег их шатры ставились вокруг его шатра, который всегда находился в центре лагеря. Ночевал он с каждой поочередно, как делал это, живя во дворце.

От военачальников Дарий требовал соблюдения строжайшей дисциплины и порядка как во время дневных переходов, так и ночью. Особое внимание он уделял устройству лагеря. Как уже говорилось, его шатер ставился в центре лагеря, а вокруг — шатры его четырех жен. Затем размещались палатки военачальников, за которыми располагались всадники и колесницы. Дальше по кругу устанавливали свои палатки пешие воины. Это делалось на случай внезапного ночного нападения. Тогда пехотинцы, взявшись за оружие и построившись плотным кольцом, дадут возможность всадникам и колесничим приготовиться к бою.

Внешнее кольцо персидского войска во время ночлега состояло из конных лучников. На них возлагались функции ночной стражи.

Подобный порядок завел еще Кир Великий. Дарий же решил усовершенствовать его. Так, во время дневных переходов он пускал вперед пехотинцев, за ними — колесницы, а в хвосте ставил всадников. Это не позволяло войску растягиваться, ибо пехотинцы, двигаясь умеренным шагом, задавали темп всему войску.

Около месяца потребовалось Дарию, чтобы добраться до берегов Тигра. Здесь ему стало известно, что противоположный берег занят войсками Нидинту-Беда.

Дарий дал своему войску два дня на отдых, затем снялся с лагеря и двинулся вверх по реке. Вавилоняне последовали в том же направлении, но противоположным берегом, и остановились тогда же, когда и персы. На следующий день Дарий повторил маневр. Нидинту-Бел тоже. Было совершенно оче-

видно, что вавилоняне заняли выжидательную позицию: они не собирались переправляться, чтобы вступить с персами в битву, а если последние предпримут попытку переправы, то они (вавилоняне) будут всячески мешать этому.

Персидский царь долго раздумывал, как поступить. Наконец ему пришла мысль разделить свое войско на три части. Одну часть, самую большую, состоявшую преимущественно из пехотинцев и колесничих, он намеревался оставить в лагере, а два конных отряда под покровом ночи послать вверх и вниз по реке, чтобы они незаметно переправились через Тигр. На следующий день, по его плану, следовало на виду у противника начать переправу. В решающий момент, когда внимание вавилонян будет приковано к форсирующим реку персидским пехотинцам, всадники нападут на них. Завяжется схватка, и это позволит большей части персов с наименьшими потерями перейти Тигр и вступить в сражение.

Собрав военачальников, Дарий рассказал им о своем плане. Принимавшие участие во многих сражениях и видавшие виды военачальники одобрили замысел своего царя, найдя его весьма удачным.

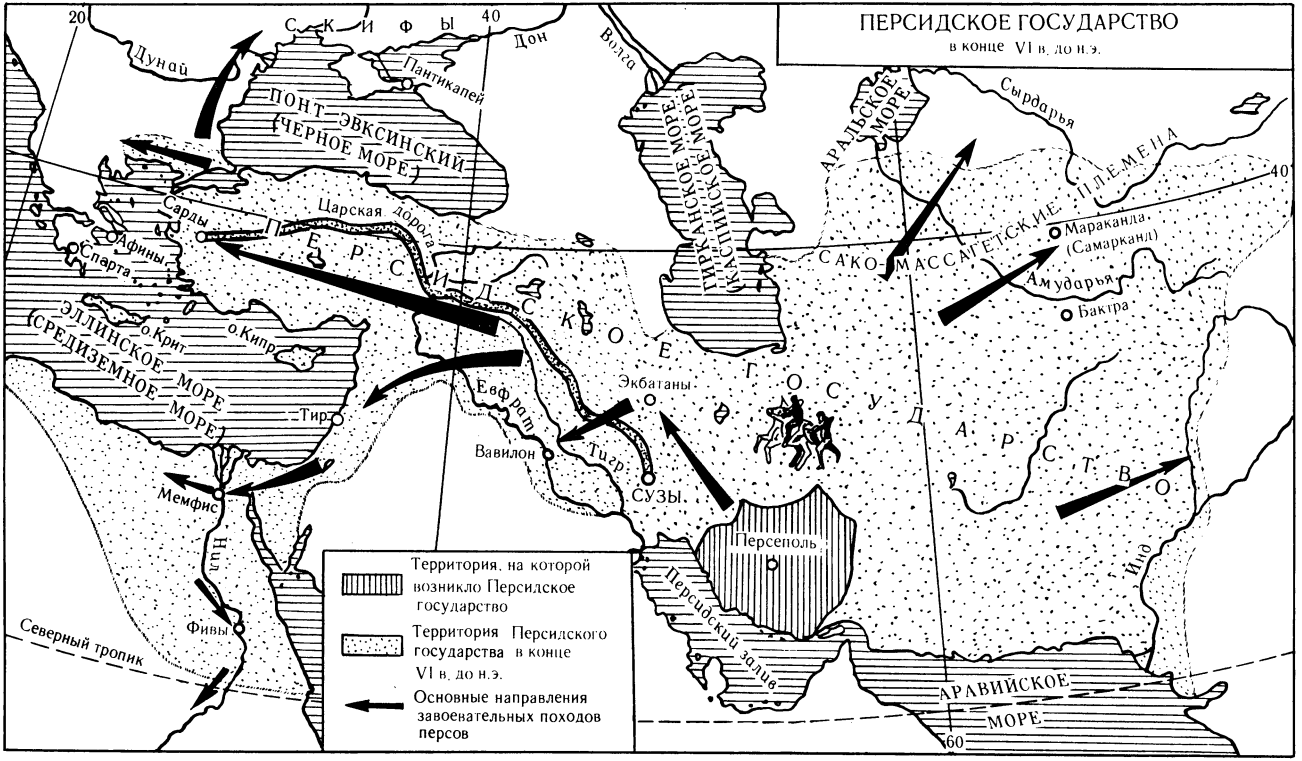
Проведение этой боевой операции Дарий назначил на 24-й день персидского месяца ассиядий (декабрь 522 года до н.э.). Накануне ночью персидская конница, разделившись на два отряда, под покровом темноты покинула лагерь и, удалившись от лагеря на достаточное расстояние, беспрепятственно переправилась через Тигр. На другом берегу персы спрятались в прибрежных зарослях тростника и стали терпеливо дожидаться рассвета.

На следующий день, едва солнце взошло над землей, войско Дария начало переправу. Воины сняли с себя всю лишнюю одежду, оставив лишь анаксириды (узкие штаны). У каждого из них был надутый кожаный мех, который помогал держаться на плаву.

Дарий переправлялся через Тигр на большом бревенчатом плоту в окружении множества плотов с телохранителями.

Когда персы приблизились к другому берегу на расстояние выстрела из лука, вавилоняне осыпали их тучами стрел. До двухсот персов было убито, многие получили ранения. Однако это существенно не повлияло на ход переправы. Расстояние между противниками медленно сокращалось.

Персам оставалось преодолеть еще около сотни локтей, как вдруг с берега, занятого вавилонянами, донеслось громкое улюлюканье. Дарий понял: это конница вступает в бой. И действительно, вскоре с правого фланга показались первые пер-


ПЕРСИДСКОЕ ГОСУДАРСТВО
в конце VI в. до н.э.
20
40
60
С К И Ф Ы
Дунай
Дон
Волга
Пантикапей
ПОНТ ЭВКСИНСКИЙ (ЧЕРНОЕ МОРЕ)
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
Сырдарья
Сарды
Царская дорога
П Е Р С И Д С К О Е Г О С У Д А Р С Т В О
САКО-МАССАГЕТСКИЕ ПЛЕМЕНА
Мараканда (Самарканд)
Амударья
Бактра
Афины
Спарта
о.Крит
о.Кипр
ЭЛЛИНСКОЕ МОРЕ (СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ)
Тир
Экбатаны
Евфрат
Вавилон
Тигр
СУЗЫ
Персеполь
Мемфис
Нил
Фивы
Инд
Персидский залив
АРАВИЙСКОЕ МОРЕ
Северный тропик
Территория, на которой возникло Персидское государство
Территория Персидского государства в конце VI в. до н.э.
Основные направления завоевательных походов персов

сидские всадники. Через две-три минуты они врезались в ряды вавилонян. Завязалась кровавая сеча.

Не прошло и десяти минут, как слева на вавилонян налетел еще один отряд персидской конницы. Зажатые с двух сторон, вавилоняне уже почти не обращали внимания на переправлявшихся персов. Это позволило последним благополучно добраться до берега и вступить в бой.

Противник, окруженный с трех сторон и уступавший персам как силой оружия, так и храбростью, долго держаться не мог. Часа через два вавилоняне дрогнули и начали отступать. Вскоре их отступление превратилось в паническое бегство.

Дарий приказал организовать погоню и сам лично возглавил ее на колеснице, запряженной четверкой резвых лошадей и управляемой опытным возницей. В руках у царя был лук. То и дело он накладывал на тетиву стрелу и, прицелившись в когонибудь из вавилонян, пускал ее. Его искусство стрельбы из лука было безупречным: ни одна стрела не знала промаха.

Дарию хотелось во что бы то ни стало схватить вождя мятежных вавилонян Нидинту-Бела. Но тот как сквозь землю провалился. Тогда царь допросил нескольких захваченных в плен вавилонян и узнал, что Нидинту-Бел покинул поле сражения еще до того, как его армия начала отступать. Дарий понял, что на этот раз Нидинту-Бел ускользнул от него, и приказал прекратить погоню, опасаясь угодить в ловушку.

На обратном пути царь велел своим воинам сосчитать потери вавилонян. Уже в лагере ему доложили, что мятежники потеряли более десяти тысяч убитыми, несколько тысяч попало в плен. Потери персов составили чуть больше тысячи.

Не теряя времени, Дарий на следующий же день повел свою армию к Вавилону. В пути ему стало известно от местных жителей, что Нидинту-Бел с приближенными укрылся в крепости Зазана на берегу Евфрата, недалеко от Вавилона. Царь решил идти туда и захватить Нидинту-Бела.

Уже на подступах к крепости мятежники неожиданно напали на передовые отряды персов, поэтому они в начале сражения понесли большие потери. Однако, разобравшись в обстановке, Дарий бросил на вавилонян конницу и серпоносные колесницы. Дело кончилось тем, что противника загнали в Евфрат и большую часть перебили. Но и на этот раз среди убитых и захваченных в плен Нидинту-Бела не оказалось. Нетрудно было догадаться, что предводитель мятежников на корабле направился в Вавилон, представлявший собой надежное убежище.

Через два дня персы достигли столицы Вавилонии. Город приготовился к осаде: все ворота были заперты, на стены высыпали тысячи вавилонян, которые не скупились на насмешки и оскорбления в адрес персов. Дарий понял, что здесь ему придется задержаться надолго.

Несколько раз персы пытались штурмовать стены Вавилона, но безрезультатно. Тогда Дарий решил попробовать способ, с помощью которого Кир Великий в свое время овладел столицей Вавилонии: перекрыть Евфрат и по руслу реки пробраться в город. Но и эта попытка не имела успеха. Вавилоняне неусыпно дежурили в тех местах, где под крепостной стеной проходило русло, и забрасывали персов камнями всякий раз, когда те пытались проникнуть в город.

Неудачи сказались на настроении персидского царя. Дарий стал очень раздражительным, и приближенные старались не попадаться ему на глаза. Еще больше он обозлился, когда однажды, проезжая верхом на коне под стенами Вавилона, услышал, как один вавилонянин, обладавший необычайно громким голосом, крикнул ему: «Повелитель персов! Тебе никогда не овладеть нашим городом, так что лучше убирайся отсюда восвояси! Так говорит Нидинту-Бел, наш царь!»

Дарий обещал щедрую награду тому, кто придумает, как захватить мятежный город. И таковой нашелся. Это был Зопир, сын того самого Мегабиза, который принимал активное участие в свержении Гауматы. Он-то и придумал хитроумный план, хотя это многого ему стоило.

Зопир приказал своим слугам, чтобы те отрезали ему уши и нос, безобразно остригли волосы, а спину исполосовали плетью. Все эти истязания сын Мегабиза перенес с необычайной стойкостью, зная, что идет на великое дело.

В подобном виде Зопир явился к царю. Увидев и едва узнав его, Дарий ужаснулся:

— Зопир! Кто и почему так тебя изувечил?

— Повелитель! — твердым голосом ответил Зопир. — Я сам себя изувечил, ибо не могу больше терпеть издевательства вавилонян над твоим царским величеством.

— Несчастный! — сказал Дарий. — Неужели ты думаешь, что вавилоняне скорее сдадутся, увидев тебя без носа и ушей? Не сошел ли ты с ума, так искалечив себя?

— Нет, повелитель, я не сошел с ума. Наоборот, я сделал это сознательно. У меня есть план, согласно которому Вавилон можно будет захватить в ближайшее время, если ты, конечно, примешь этот план. Мои увечья — часть его. Открой я

тебе преждевременно свой замысел, ты не позволил бы мне так поступить с собой. Но коль уж это случилось, прошу тебя, выслушай меня.

— Ну что ж, говори.

— Так вот, — продолжал Зопир, — я перебегу к вавилонянам и скажу, что это ты приказал изувечить меня. Уверен, они поверят мне и даже предоставят возможность отомстить за поругание, если я попрошу их об этом. А ты, государь, через десять дней после моего бегства поставь у ворот, которые носят имя царицы Семирамиды, тысячу плохо вооруженных человек. Я уговорю вавилонян сделать вылазку и захватить их в плен, причем постараюсь сделать так, чтобы командовать этой операцией поставили меня. Таким образом в Вавилон проникнут твои воины, на которых можно будет рассчитывать в нужную минуту.

— Но ведь вавилоняне могут убить их, — перебил Зопира Дарий.

— Я так не считаю, — не раздумывая, ответил Зопир. — Во всей Азии не сыщешь людей, более жадных до наживы, чем вавилоняне. Они оставят пленников в живых только ради того, чтобы впоследствии продать их и выручить за это деньги. На седьмой день после пленения этой тысячи поставь еще две тысячи персов у ворот Нина. Их я тоже захвачу. А двадцать дней спустя прикажи четырем тысячам персов расположиться у Халдейских ворот. И эти станут легкой добычей вавилонян.

— Зопир! — воскликнул Дарий. — Эдак ты переманишь в Вавилон все мое войско!

— Нет, повелитель, не беспокойся, — успокоил его Зопир и продолжал: — Наконец еще через двадцать дней пошли все остальное войско на приступ вавилонских стен. В городе поднимется суматоха, все поспешат на стены отражать штурм. Воспользовавшись этим, я освобожу пленных персов и постараюсь с ними захватить Белские и Киссийские ворота, а захватив, открыть их для твоих воинов, так что во время штурма надо сосредоточить там наиболее решительных воинов.

Таков был план Зопира. Выслушав его, Дарий удивился сообразительности сына Мегабиза:

— Зопир, ты необычайно находчивый человек, раз смог найти выход из почти безвыходного положения. Клянусь, если твой план сработает и мы захватим Вавилон, я окружу тебя почетом, каким твой отец не пользовался даже у Кира Великого. Да поможет тебе Ахурамазда!

На этом они расстались.

На следующий день Зопир покинул персидский лагерь. Он заранее условился с несколькими своими слугами, что они имитируют погоню за ним. В кафтане нараспашку, безоружный, мнимый перебежчик бегом направился к одним из ворот Вавилона. На приличном расстоянии за ним гнались несколько персов, подняв громкий крик, чтобы привлечь внимание дежуривших на стенах вавилонян.

Уловка сработала. Вавилонские стражники, заметив перебежчика и погоню за ним, приняли все за чистую монету и решили впустить беглеца в город. Несколько человек по приказу своего командира спустились со стены и чуть приоткрыли створки ворот.

Очутившись в Вавилоне, Зопир попросил отвести его к царю. Стражники по одеждам определили, что перебежчик — важный человек, и решили исполнить его просьбу.

Часа через два Зопира доставили к Нидинту-Белу. Увидев изувеченного перса, царь-самозванец долго рассматривал его и наконец спросил:

— Кто ты и что тебя заставило перебежать на нашу сторону?

— Я — Зопир, сын Мегабиза. Царь изувечил меня за то, что я дал ему совет снять осаду Вавилона и увести войско, так как у персов нет шансов взять город. Дарий даже грозился убить меня, но сегодня мне удалось незаметно от стражников развязать путы и бежать.

— Стало быть, ты наш друг? — спросил Нидинту-Бел.

— Да, я пришел вам на благо, а Дарию — на погибель. Персидский царь дорого поплатится за то, что причинил мне. Я знаю его тайные замыслы и, о повелитель вавилонян, могу сослужить тебе хорошую службу.

— Ну что ж, Зопир, сын Мегабиза, — произнес Нидинту-Бел, — твои слова заслуживают доверия. Я разрешаю тебе остаться в Вавилоне. Однако ты сказал, что можешь причинить персам немало вреда. Хотел бы я знать — каким образом?

— О несравненный Нидинту-Бел! — воскликнул Зопир, искусно разыгрывая из себя мстителя. — Поставь меня начальником хотя бы над частью своих воинов, и вот увидишь — дней через десять я брошу к твоим ногам тысячу персов, а может быть, и больше.

— Зопир, уж не хвастовство ли это?

— Клянусь вавилонскими богами, что нет! — с жаром ответил Зопир.

— Ну что ж, посмотрим. А пока отдохни в моем дворце.

На этом аудиенция закончилась, и слуги отвели Зопира в покои, предоставленные ему Нидинту-Белом.

Прошло пять дней, а царь-самозванец все не вызывал Зопира к себе, о нем словно забыли. Правда, перебежчику была предоставлена полная свобода передвижения, и за это время он успел неоднократно побывать на стенах осажденного города.

Шестой день, седьмой — никаких изменений. Зопир уже начал беспокоиться: время идет, а ему не удалось еще достичь главного, за чем он явился в Вавилон, — назначения начальником отряда вавилонских воинов.

На восьмой день Зопир добился повторной аудиенции у царя.

— О доблестный Нидинту-Бел! — обратился он к царю-самозванцу. — Чувство мести не дает мне покоя ни днем, ни ночью. Прошу тебя, дай мне хотя бы пятьсот всадников; с ними я сделаю вылазку из города и перебью несколько сот врагов.

На этот раз Нидинту-Бел уступил настойчивости Зопира и предоставил в его распоряжение отряд вавилонских всадников численностью в восемьсот человек, решив посмотреть, что из этого выйдет.

Добившись своего, Зопир стал готовиться к вылазке. На десятый день своего пребывания в Вавилоне он со стены увидел, что к воротам Семирамиды, как и было условлено, направляется тысяча пеших персов. Настало время действовать.

Восемьсот вавилонских всадников во главе с Зопиром выехали через ворота Семирамиды, напали на персов и окружили их. Те пробовали защищаться, но силы оказались неравными: персы были вооружены значительно хуже своих противников. Перебив до двухсот из них, вавилоняне оттеснили остальных к воротам и загнали в город.

Известие об этой небольшой, но блестящей победе с быстротой молнии облетело Вавилон. Имя Зопира было у всех на устах.

Когда Нидинту-Бел увидел пленников, он воскликнул, обращаясь к Зопиру:

— Сын Мегабиза, я не ожидал от тебя такого успеха!

— О царь, это только начало, — с деланной скромностью ответил Зопир. — Если бы ты предоставил мне больше воинов, было бы еще не то.

— Сколько тебе надо воинов?

— Ну хотя бы четыре тысячи.

— Ты получишь их.

Пока происходил этот разговор, вавилоняне, собравшиеся на дворцовой площади, скандировали, показывая на пленников: «Смерть персам!»

Опасаясь, как бы Нидинту-Бел не внял их требованиям, Зопир сказал:

— Я на твоем месте не стал бы их убивать без пользы, а заключил в темницу. Впоследствии, когда Дарий уберется от стен Вавилона, их можно будет продать в рабство и получить хорошие деньги.

— И то правда, — согласился Нидинту-Бел.

Став начальником четырех тысяч воинов, Зопир начал готовиться к следующей вылазке.

На седьмой день после того, как тысяча персов была захвачена в плен вавилонянами, Дарий послал двухтысячный отряд к воротам Нина. Согласно предварительной договоренности, Зопир с вверенными ему вавилонянами напал на соплеменников. Бой длился недолго. Как и в первый раз, воины Зопира окружили персов и, пользуясь численным преимуществом, частично перебили их, а остальных загнали в город.

Эта победа еще больше возвысила Зопира в глазах Нидинту-Бела и вавилонян. О нем говорили, что он послан богами спасти Вавилон. Обрадованный успехами Зопира, царь-самозванец спросил у него, чего бы тот желал себе в награду.

— Царь, я перешел на твою сторону не ради награды, а ради мести. Отчасти я уже удовлетворен, но мне хотелось бы еще больше досадить Дарию. Впрочем, я не отказался бы взять себе в услужение дюжину персов, если ты не возражаешь.

— Что ты, Зопир! — воскликнул Нидинту-Бел. — Да бери хоть целую сотню!

— Ты щедр и великодушен, повелитель, — сказал ему Зопир, — но мне хватит и дюжины.

Лично отобрав из числа пленных двенадцать соплеменников, Зопир увел их в свои покои. Когда они остались наедине, он обратился к ним со следующими словами:

— Персы! Каждый из вас знает, кто я, но никто не догадывается, почему я здесь и почему воюю с вами на стороне вавилонян. Так вот, выслушайте меня. В Вавилон я перебежал с соизволения царя Дария, чтобы ускорить падение мятежного города. И то, что вы очутились в плену, тоже устроено мною и Дарием. Беспечные вавилоняне даже не подозревают, что, заперев вас в городе, уготовили себе погибель. Через два дня я сделаю вид, что вы мне чем-то не угодили, высеку вас и отправлю обратно в заключение. Каждый из вас захватит с собой кое-что из оружия, спрятав его в складках одежды, и передаст своим товарищам. На ваше место я, пользуясь доверием Нидинту-Бела, возьму других двенадцать персов и поступлю с ними так же. Через некоторое время многие из вас будут при

оружии, которое вскоре пригодится. Вы посвятите в мой замысел своих товарищей, только сделайте так, чтобы никто из вавилонян не узнал об этом.

Выслушав Зопира, персы пришли в неописуемый восторг и поклялись в точности выполнить все его указания.

Четыре раза Зопир менял персов, снабжая каждую группу мечами и кинжалами. Причем делал это так искусно, что ни один вавилонянин не заподозрил неладного.

Между тем истекло двадцать дней. Действуя строго по уговору, Дарий послал еще четыре тысячи своих воинов к Халдейским воротам осажденного Вавилона, и Зопир напал на них. Вавилонские всадники покинули город и окружили врагов. Персы и не пытались отступать. Увидев преимущество вавилонян, они сдались в плен и покорно проследовали в город.

В ознаменование этой победы Нидинту-Бел устроил пир в царском дворце. Он и его приближенные провозгласили здравицы в честь Зопира. В разгар пира царь-самозванец приказал всем замолчать и объявил, что назначает предприимчивого перса главным начальником вавилонского войска. Это сообщение было встречено одобрительными криками. Тут же наполнили до краев кубки, и все выпили за нового главнокомандующего.

По прошествии еще двадцати дней персы по приказанию Дария пошли на приступ вавилонских стен. Все вавилоняне, способные носить оружие, поднялись на крепостные стены, чтобы отразить штурм. Зопир, как главнокомандующий, лично руководил обороной. Однако в середине дня он, сославшись на то, что ему надо срочно переговорить с Нидинту-Белом, покинул стену. Несколько вавилонских воинов хотели было сопровождать его, но Зопир отказался от их услуг и приказал оставаться среди защитников.

Вместо дворца Зопир верхом на коне направился к тому месту, где содержались пленные персы. Увидев его, стражники спросили, что привело сюда главнокомандующего во время штурма. Зопир солгал им, что дела на стенах обстоят худо — требуется подмога. Это известие обеспокоило стражников, и они спросили, не лучше ли им будет поспешить на помощь согражданам. Зопир ответил, что именно об этом и хотел их просить.

Закончив разговор, Зопир удалился. Стражники же, забыв о своих прямых обязанностях, поспешили на крепостные стены. Впрочем, они оставили трех человек присматривать за пленниками.

Спустя пятнадцать минут Зопир вновь появился у ворот тюрьмы. На этот раз он не стал вступать в разговор с тремя ос-

тавшимися здесь стражниками, а, ловко орудуя мечом, уложил их на месте. Затем открыл ворота тюрьмы и освободил соплеменников, которых было более шести тысяч.

— Персы! — воскликнул Зопир. — Сейчас мы отправимся к Киссийским и Белским воротам, захватим их и впустим в Вавилон наших воинов. В пути держитесь вместе и постарайтесь по возможности сами добыть себе оружие.

— Веди нас скорее, Зопир! — последовало в ответ.

Около часа потребовалось им, чтобы добраться до упомянутых ворот. Двумя потоками пронеслись персы по улицам Вавилона, вооружаясь по пути всем, что могло служить оружием. Достигнув цели, они перебили вавилонян-охранников и настежь открыли обитые медью створки ворот. Их соплеменники, с нетерпением ждавшие этой минуты с внешней стороны, устремились в город.

Судьба Вавилона была решена. К исходу дня все персидское войско ворвалось в город и приступило к безжалостному истреблению вавилонян. В полночь Дарий въехал в захваченный город на боевой колеснице и проследовал прямо в царский дворец. Здесь ему доложили о поимке предводителя мятежников Нидинту-Бела. Гнев Дария был настолько велик, что он приказал привести самозванца и тут же казнил его, посадив на кол.

Так Вавилон был захвачен персами вторично.

Пока Дарий осаждал Вавилон, от него отложились Мидия, Парфия и Армения. Волнения охватили Элам и Персию.

Наиболее широкий размах приобрело восстание в Мидии, которое возглавил знатный мидянин Фраорт, объявивший себя царем. На его сторону перешло войско, расквартированное в Экбатанах.

Дарий призвал к себе Гидарна и сказал, что назначает его начальником карательной экспедиции и дает в его распоряжение половину своего войска.

— Гидарн! Отправляйся в Мидию и наведи там порядок, — произнес он на прощание.

Около десяти тысяч всадников и несколько сот колесниц Дарий послал против мятежного Элама, где восстанием руководил некто Мартия. Как только персидские всадники и колесницы достигли Элама, мятежники сдались без боя, убив Мартию.

Своему отцу Гистаспу Дарий велел идти с войском в Парфию. Между тем пришло сообщение, что Гидарн разбил войско Фраорта в Мидии, однако самому Фраорту с несколькими

тысячами мятежников удалось спастись, и они направились в соседнюю Парфию. Отец царя Гистасп очутился в трудном положении: ему противостояло многочисленное войско мятежников. Лишь получив от сына-царя дополнительное подкрепление, он дал мятежникам бой у города Патиграбана и наголову разбил их. Это произошло в апреле 521 года до н. э. Фраорт и на этот раз сумел избежать пленения и гибели, хотя во время боя находился в самой гуще сражения. С немногими приверженцами он возвратился в Мидию и сумел привлечь на свою сторону множество мидян, которым было ненавистно владычество персов.

Дарий, внимательно следивший за ходом событий из Вавилона, понял, что Фраорт чрезвычайно опасен, и решил лично выступить против него. Царь привлек к походу вавилонян, пообещав им прощение за недавний мятеж, и это вдвое увеличило численность его войска.

Правителем Вавилона Дарий оставил смекалистого и отважного Зопира.

Перед отъездом он посетил гробницу царицы Семирамиды. Его привлекла надпись, гласившая: «Если кому-то из царей будут нужны деньги, то пусть откроет мою усыпальницу и возьмет, сколько надо». А так как Дарий действительно нуждался в деньгах, он и приказал открыть гробницу. Однако, войдя туда, не обнаружил ни саркофага с останками Семирамиды. ни денег. Увидел только надпись, высеченную на стене погребальной камеры: «Дурной ты человек и до денег жадный — иначе не стал бы тревожить мертвых».

Поняв, что знаменитая древняя правительница Вавилона посмеялась над ним, Дарий тем не менее не стал в отместку разрушать ее ложной усыпальницы и приказал слугам опять замуровать вход.

Прибыв в Мидию, Дарий узнал, что Фраорт находится в городе Кундуруш. Туда-то и направился персидский царь со своим войском, чтобы наконец расправиться с ненавистным мятежником.

Осенью 521 года до н. э. под стенами Кундуруша произошло кровопролитное сражение. С обеих сторон полегло много воинов. Однако победа ввиду численного превосходства досталась персам. Фраорт же и на этот раз бежал с поля битвы с немногими всадниками. Дарий отправил за ним погоню. Вскоре Фраорт был пойман и доставлен в Экбатаны, где его дожидался Дарий.

Царь жестоко обошелся с пленником, причинившим ему столько хлопот. Фраорта приковали цепями у входа во дво-

рец. Сначала ему отрезали нос, через несколько дней — уши и язык, а затем выкололи глаза. Ему не давали ни есть, ни пить, так что в конце концов он умер от голода и жажды. В день его смерти по приказанию Дария на кол были посажены его ближайшие сообщники.

Подавив восстания в Мидии и Парфии, Дарий решил заняться Арменией. Туда он послал своего военачальника Дадаршиша, верой и правдой служившего еще Киру Великому. Дадаршиш дал восставшим армянам три сражения, и в трех одержал победу, однако в последнем погиб сам. Лишившись военачальника, персидское войско какое-то время бездействовало, и мятежники стали собирать новые силы. Узнав об этом, Дарий направил в Армению дополнительное войско под командованием Ваумисы, и персы разбили мятежников сначала в местности Изара, а окончательно — в Аутиаре. Таким образом восстание в Армении также было подавлено.

Конец 521 и начало 520 года до н. э. ознаменовались подавлением мятежей в Маргиане, Бактрии и Арахосии. Однако этим занимались полководцы Дария; сам же царь уехал в Сузы, где приступил к разработке территориально-административной реформы Персидского царства.

Для удобства управления Дарий разделил свое обширное царство на двадцать три провинции. В надписи на Бехистунской скале, сохранившейся до наших дней, приводится их перечень в следующем порядке: Персия, Элам, Вавилония, Ассирия, Аравия, Египет, Киликия, Лидия, Иония, Мидия, Армения, Каппадокия, Парфия, Дрангиана, Арейя, Хорезм, Бактрия, Согдиана, Гандара, Сака, Саттагидия, Арахосия и Мака. Эти провинции стали называться сатрапиями, и во главе каждой Дарий поставил правителя-сатрапа (от древнеперсидского «хшатрапаван» — блюститель страны).

Сатрапы являлись наместниками царя. Они должны были поддерживать порядок в своей сатрапии и подавлять восстания. Ввиду этого каждый имел собственную армию, разрешалось иметь и личную гвардию численностью в тысячу отборных воинов. Сатрапы обязаны были собирать подати с населения своих сатрапий, изыскивать новые налоги и все эти поступления передавать в царскую сокровищницу в Сузы, которые стали постоянной резиденцией Дария I.

Геродот в своей «Истории» сообщает о податях, которыми Дарий обложил каждую сатрапию. Так, Иония ежегодно выплачивала 400 талантов серебра, Лидия — 500 талантов, Киликия поставляла 360 лошадей и 500 талантов серебра. Вавило-

ния и Ассирия платили 1000 талантов и, кроме того, посылали в Сузы пятьсот оскопленных мальчиков. С Мидии Дарий ежегодно требовал уплаты 450 талантов. Такие же высокие подати платили и другие сатрапии. Всего, по сведениям Геродота, Дарий каждый год получал в качестве денежного налога 14 560 талантов. Какую-то часть этих денег он тратил на содержание армии и строительство новых дворцов и городов, остальное приказывал расплавлять и сливать в глиняные сосуды специальной фомы. Когда серебро или золото остывали, сосуд разбивали, а слитки складывали на хранение в сокровищницу.

Дарий велел изготовить много золотых табличек со следующим текстом: «Дарий, царь великий, царь царей, царь страны, сын Гистаспа, Ахеменид, говорит: «Царство, которым я владею, которое даровал мне Ахурамазда, величайший из богов, простирается от Согдианы до Эфиопии, от Индии до Лидии. Да хранит Ахурамазда меня и мой дом». Эти таблички были разосланы по городам Персидского царства и, как того хотел Дарий, должны были служить напоминанием каждому правителю, будь то сатрап, местный царек или комендант крепости, о том, кто их повелитель.

Вслед за этим Дарий приказал ученым грекам, жившим у него при дворе, составить карту Персидского царства сообразно с новым территориально-административным делением. Когда карта была составлена, царь долго рассматривал ее, и у него появилась мысль построить хорошую дорогу от берегов Эллинского моря до Суз, что в значительной степени облегчило бы прохождение торговых караванов.

Эта дорога, получившая название «царской», строилась несколько лет десятками тысяч рабов и преступников. Геродот, побывавший в Персии, оставил описание этого пути от Эллинского моря до Суз. «На всем его протяжении есть царские стоянки и отличные постоялые дворы, и весь путь проходит по населенной и безопасной стране. Двадцать таких стоянок расположено на пути через Лидию и Фригию на расстоянии 94,5 парасанга. Из Фригии путь ведет непосредственно к реке Галису, где есть горный проход, через ворота которого необходимо пройти для переправы через реку. У ворот прохода находится сторожевое укрепление с сильной охраной. За рекой следует Каппадокия, и по ней на расстоянии 104 парасангов до границы Киликии расположено 28 стоянок. На этой границе надо пройти через два прохода и миновать два сторожевых укрепления; на пути через Киликию — три стоянки на расстоянии 15,5 парасанга. Границу Киликии и Армении образует судоходная река по имени Евфрат. В Армении находит-

ся 15 стоянок с заезжими домами и сторожевым укреплением на протяжении 56,5 парасанга. Из этой Армении путь ведет в Матиену; здесь 34 стоянки на расстоянии 136 парасангов. По этой стране протекают четыре судоходные реки. Через все эти реки надо переправляться на судах. Первая река — Тигр, затем вторая и третья под одним названием Забат. Но это — разные реки, и начинаются они не в одной местности. Первая из упомянутых рек течет из Армении, а вторая — из Матиены. Четвертая же река называется Гинд. Ее Кир в свое время разделил на 360 каналов. Затем путь идет в страну Киссию, где на расстоянии 42,5 парасанга находится 11 стоянок до реки Хоаспа, которая также судоходна. На ней лежит город Сузы. Всех этих стоянок от Сард до Суз 111 и столько же постоялых дворов».

Дополняя Геродота, другой греческий историк — Ксенофонт — сообщает, что «царская дорога» являлась не только торговым путем, но и почтовой магистралью: по ней мчались курьеры с царскими посланиями. На стоянках имелись запасные лошади и гонцы, которые тотчас же сменяли прибывших и, взяв у них царское послание, мчались дальше. «Бывают случаи, — пишет Ксенофонт, — что даже ночью не останавливаются эти разъезды, и дневной гонец сменяется ночным, а при таком порядке... гонцы совершают свой путь скорее, чем журавли». Таким образом царское послание могло всего за семь суток прибыть из Суз в Сарды, в то время как торговому каравану на прохождение этого пути требовалось три месяца.

Разделив царство на сатрапии, Дарий решил провести денежную реформу. До него монету в Персии чеканили Кир Великий и Камбис, однако их деньги не пользовались особой популярностью, значительно уступая вавилонской монете. Дарий задумал чеканить золотые монеты, по массе равные вавилонскому сиклю (8,4 г). Эти монеты стали называться дариками (от древнеперсидского слова «дари» — золото). Для их чеканки использовалось золото, в котором процент примесей был незначительным, поэтому дарики вскоре вытеснили другие деньги и стали основной монетой в торговом обращении Персидской державы. Любопытно заметить, что на дариках чеканилось изображение стрелка из лука.

Дарий не оставил без внимания и организацию военного дела. Он создал постоянную армию, ядром которой стала его личная гвардия. Последняя состояла из двадцати тысяч отборных всадников, десяти тысяч копьеносцев и десяти тысяч царских телохранителей, так называемых «бессмертных», во главе которых стоял хазарапат. «Бессмертных» потому, что их потери в бою немедленно восполнялись и численность всегда оста-

валась неизменной. Гвардейцы не расставались с оружием даже в мирное время. Это были профессиональные воины.

Что касается других родов войск, то в мирное время воины жили в военных поселениях и занимались сельским хозяйством: сообща обрабатывали выделенные им наделы земли и платили подати, а также упражнялись в военном деле. В зависимости от рода войск их наделы назывались наделами «лука», «пращи», «копья», «лошади» или «колесницы».

Царь лично проводил ежегодные смотры войск в поселениях, расположенных поблизости от столицы. В сатрапиях же этим занимались сатрапы и специальные чиновники, посылаемые туда царем. За хорошее содержание войск командиры и начальники получали повышение по службе и награды в виде ценных подарков, а за плохое — отстранялись от должностей и подвергались наказаниям.

На деньги, полученные с сатрапий, Дарий приступил к строительству нового царского дворца в Сузах, который по своим размерам и великолепию должен был превзойти дворцы в Вавилоне, Сардах и Экбатанах. До наших дней сохранились лишь развалины этого дворца, однако найдена надпись, по которой можно судить о грандиозности сооружения. Вот она:

«Я — Дарий, царь великий, царь царей, царь стран, царь этой земли, сын Гистаспа, Ахеменид.

Говорит Дарий-царь: «Сей есть дворец, который я построил в Сузах. Украшения для него были доставлены издалека. Земля была вырыта в глубину, пока достигли каменистого грунта. Когда место для фундамента было вырыто, то был насыпан гравий, в одних местах в сорок локтей вышиной, в других — в двадцать локтей вышиной. На этом гравии я возвел дворец. Все работы по рытью земли, по засыпке гравия, по ломке кирпича выполнил народ вавилонский. Кедр был доставлен с гор, называемых Ливан. Народ ассирийский доставил его в Сузы. Дерево йака* было доставлено из Гандары и Кермана. Золото, здесь употребленное, доставлялось из Сард и Бактрии. Самоцветы, ляпис-лазурь и сердолик, которые здесь употреблены, доставлялись из Согдианы. Употребленная здесь темно-синяя бирюза доставлялась из Хорезма. Употребленные здесь серебро и бронза доставлялись из Египта. Украшения, которыми расписана стена, доставлены из Ионии. Слоновая кость, которая употреблена здесь, доставлена из Эфиопии, Индии и Арахосии. Каменные колонны, которые здесь употреблены, доставлены из селения, называемого Абирадуш, в Эламе.

* Йака — дерево твердой породы, растет на Иранском плато.

Рабочие, которые тесали камень, были ионийцы и лидийцы. Золотых дел мастера, которые работали над золотом, были мидяне и египтяне. Люди, которые делали кирпич, были вавилоняне. Люди, которые работали по дереву, были лидийцы и египтяне. Люди, которые орнаментовали стену, были мидяне и египтяне.

Говорит Дарий-царь: в Сузах великолепное сооружение я велел построить, и великолепным оно стало.

Меня да хранит Ахурамазда, и Гистаспа, моего отца, и мою страну».

К этому следует добавить, что дворец был обнесен паркомпарадизом, в котором произрастали деревья разнообразных пород и водились животные. Когда царь хотел отдохнуть от государственных дел, он выходил в парадиз, чтобы побродить по тенистым аллеям, иногда даже охотился.

Приблизительно в это время Дарий приказал заложить еще одну резиденцию — Персеполь, как его назвали греки. Новый город был возведен недалеко от Пасаргад — древней персидской столицы. На строительство Персеполя потребовались годы.

Такие реформы Дарий провел в первые годы своего царствования.

В последние дни 521 года до н. э. в Вавилоне снова вспыхнул мятеж. Взбунтовались вавилоняне, которые участвовали в походе Дария на Мидию против Фраорта. Они были возмущены тем, что царь оставил их без вознаграждения. Семьи погибших требовали денежной компенсации за смерть своих отцов и братьев.

Правитель Вавилона Зопир пытался подавить недовольство силами своего гарнизона, но персов было не так много, чтобы справиться с вавилонянами, взявшимися за оружие. Поэтому Зопир со своими воинами укрылся за стенами дворца и немедля отправил нескольких гонцов к царю в Сузы с просьбой прислать подкрепление.

Узнав о вавилонском мятеже, Дарий послал туда Интафрена во главе сильного войска.

Когда Интафрен прибыл к Вавилону, городские ворота оказались закрытыми. Однако удача вскоре улыбнулась ему. Так как среди вавилонян на этот раз не было единства, то нашлись люди, которые открыли персам ворота. Объединив свои войска, Интафрен и Зопир устроили в Вавилоне резню. Убивали всех, кто пытался оказать сопротивление.

Через день вавилоняне были усмирены.

Интафрен и Зопир послали к Дарию гонца спросить, как им следует обойтись с мятежниками. Приказ царя был безжалостен: разрушить в городе все ворота, распять три тысячи знатных вавилонян на городских стенах, остальных жителей продать в рабство, Вавилон заселить представителями других племен. Интафрену и Зопиру потребовалось несколько месяцев, чтобы претворить волю Дария в жизнь.

После этого Интафрен вернулся в Сузы и сразу направился во дворец, чтобы доложить Дарию об успешном завершении карательной экспедиции. По существующему уговору, он, как один из семи персов, свергнувших Гаумату, имел право входить к царю без доклада. Однако у входа в царские покои его задержали страж дверей и докладчик царя, сообщив, что Дарий в настоящий момент находится с одной из своих жен. Интафрену показалось, что они говорят неправду. Распалившись, он выхватил саблю и предпринял еще одну попытку. Но безуспешно. Проклиная все на свете, Интафрен покинул дворец.

Когда Дарию стало известно о поступке Интафрена, он подумал, не сделано ли это с согласия остальных пяти персов, принимавших участие в свержении Гауматы и пользовавшихся особыми правами. Царь призвал к себе каждого из пяти поодиночке и стал допытываться, одобряют ли они поведение Интафрена. Все пятеро — Аспафин, Гидарн, Гобрий, Мегабиз и Отан — заявили, что поступать столь разнузданно Интафрен не имел никакого права.

У Дария возникли опасения, что Интафрен замыслил мятеж против него. Поэтому он велел схватить Интафрена с родней и бросить в темницу, чтобы в ближайшее время казнить.

В течение нескольких дней к дворцовым воротам приходила жена Интафрена. Она плакала и умоляла царя пощадить мужа и его близких. Однако Дарий не удостоил ее приемом. Но так как бедная женщина продолжала приходить, царь послал слугу сказать ей: «Женщина! Царь Дарий, вняв твоим мольбам, дарует жизнь одному из твоих близких. Выбирай, кого ты хочешь!»

Подумав, женщина ответила: «Если царь согласен сохранить жизнь одному из моих близких, то я выбираю брата».

Узнав о таком ее решении, Дарий удивился и велел осведомиться, почему она предпочитает спасти жизнь брата, а не мужа или сына. На это жена Интафрена ответила: «Повелитель! Если богам будет угодно, то мужа я себе еще найду и сыновей от него родить смогу. Но брата у меня уже больше не будет, так как мои отец и мать умерли».

Подобный ответ пришелся по душе Дарию, и он повелел освободить не только брата этой женщины, но и ее старшего сына. Интафрена же и остальных его родственников по мужской линии распорядился казнить.

С самого начала его царствования до Дария доходили слухи о том, что сатрап Лидии Орет ведет себя слишком самостоятельно.

Что же за человек был этот Орет?

Он происходил из знатного персидского рода. Службу начал еще при Кире Великом, отличился в войнах сначала в качестве тысяцкого, затем как командир десяти тысяч воинов был замечен основателем Персидского царства и назначен наместником Лидии. Он не участвовал в походе Камбиса на Египет, увеличил свое войско в несколько раз и вел себя как самостоятельный правитель. Правда, высылал царю подати, которыми была обложена Лидия. Когда же Камбис умер и царем стал маг Гаумата, Орет перестал платить дань, оставляя деньги себе. Он не признал Гаумату, но и ничего не делал, чтобы содействовать свержению самозванца, о чем мечтали персы его круга. Он думал лишь о единоличном правлении в Лидии и захвате богатого острова Самос.

В то время Самосом управлял тиран Поликрат, слывший не только богатым человеком, но и счастливым правителем. В его распоряжении был многочисленный флот, что позволяло Поликрату господствовать в восточной части Эллинского моря. Орет такого флота не имел, поэтому он задумал погубить Поликрата хитростью и написал ему, будто бы царь Дарий решил расправиться с ним, Оретом, и присвоить его сокровища. Письмо заканчивалось такими словами: «Прошу тебя, Поликрат, спаси меня и мои сокровища; бóльшую половину я отдам тебе, остальное оставлю себе, чтобы без нужды дожить остаток своих дней при твоем дворе. С моими деньгами ты станешь в несколько раз богаче и сможешь подчинить себе Элладу. Если ты не веришь, что у меня так много денег, то пришли ко мне верного человека и я покажу их ему».

Поликрат послал в Лидию своего писца Меандрия. Орет же, дабы скрыть свой обман относительно размеров богатства, велел слугам наполнить сундуки обыкновенными камнями, а сверху присыпать их монетами и драгоценностями. Прибыв в Сарды, Меандрий увидел сундуки полными до краев и, приняв все за чистую монету, по возвращении на Самос сообщил своему правителю, что Орет действительно сказочно богат.

Тогда Поликрат решил лично вступить с Оретом в переговоры и направился в Лидию. Их встреча произошла в городе Магнесия. Увидев, что Поликрат прибыл с незначительной охраной, Орет велел перебить его телохранителей, а самого Поликрата распять.

Но захватить Самос ему так и не удалось: у него по-прежнему не было нужного количества кораблей, и он не смог переправиться на остров.

Затем Орет совершил еще одно злодеяние: убил наместника Даскилейской области Митробата и его сына Кранаспа за то, что они упрекнули его коварной расправой с Поликратом Самосским. Так как Митробат и Кранасп были уважаемыми в Персии людьми, Дарий решил покарать Орета и послал в Сарды гонцов с приказанием Орету срочно явиться в Сузы на суд. Однако тот проигнорировал приказ царя; более того, коварно убил его гонцов. Это было уже оскорблением царского величества.

Но в тот момент Дарий не мог послать против Орета войско, так как в Вавилоне, как уже говорилось, вспыхнул мятеж. Приходилось учитывать и многочисленность войска Орета. Поэтому Дарий решил по-другому расправиться со строптивым правителем Лидии.

Он призвал к себе на совет тридцать знатнейших персов и сказал:

— Персы! Орет не принес Персии добра, зато причинил немало зла. Поликрата Самосского, нашего союзника, он погубил своим коварством. От его руки пали Митробат и Кранасп. Он отказался прибыть в Сузы, как я ему велел, и убил моих вестников, показав этим свою безграничную наглость. Так вот, мы должны обуздать его, покарав смертью, пока он не натворил еще больших зол. Кто из вас возьмется исполнить мое поручение, но только хитро, без лишнего шума? Кто из вас доставит мне Орета живым или мертвым?

Все тридцать персидских вельмож тут же заверили царя, что готовы выполнить его поручение. Однако Дарию нужен был всего один человек. Он предложил бросить жребий, который и выпал Багею, сыну Артонта.

Собираясь в Сарды, Багей написал несколько писем, дал их прочесть царю, а затем, изложив свой замысел, попросил его приложить к ним царскую печать. Дарий исполнил просьбу Багея, и тот направился в Лидию.

В Сардах Багей сразу явился к Орету и передал письма, оставив у себя только два. Секретарь Орета одно за другим огласил их. Очередь дошла до двух последних. Одно из них Багей

подал секретарю, и тот зачитал его. Оно было значительно короче предыдущих и гласило: «Персы! Царь Дарий запрещает вам служить телохранителями у Орета».

Услышав эти слова, Орет велел телохранителям схватить Багея, но те отказались выполнить приказ. Багей использовал заминку и сам зачитал последнее письмо: «Царь Дарий повелевает персам в Сардах умертвить Орета. За это он щедро вознаградит их».

При последних словах телохранители обнажили мечи и убили своего правителя.

Три месяца спустя Багей вернулся в Сузы и бросил к ногам Дария голову и правую руку Орета. Доставил он и сокровища, которые нашел во дворце в Сардах, и многочисленных рабов.

Позднее Дарий отправил войско в Египет, где со времен Камбиса правителем был знатный перс Арианд. До царя дошли слухи, что тот собирается отложиться. Подтверждением служили доставленные из Египта серебряные монеты с изображением Арианда. Было ясно, что он из честолюбия решил подражать царю, чеканившему полновесные золотые дарики. Более того, соглядатаи докладывали Дарию, что Арианд создал сильную армию из египтян, ливийцев и греческих наемников, заключил союз с греческими городами Кирена и Барка, расположенными на севере Африканского континента, и вел переговоры с Карфагеном о совместной борьбе на море в случае похода Дария на Египет.

Поэтому Дарий снарядил большую армию, поставив во главе ее своих лучших военачальников. На финикийских кораблях персы добрались до Египта. Карфагеняне не успели, а может не захотели, прислать на помощь Арианду свои корабли. Миновав Дельту, персидское войско по Нилу достигло Мемфиса и осадило древнюю египетскую столицу. Арианд, видимо, приготовился к длительной осаде, но среди его приближенных нашлись предатели, которые выдали его царским военачальникам. Арианд в оковах был доставлен в Сузы, где Дарий казнил его.

Новым сатрапом Египта Дарий назначил человека из знатнейших персов. Известно, что царь приказал ему прорыть канал от Нила к Красному морю, который значительно сократил бы морской путь из Египта в Персию.

Трудно сказать, как долго рылся этот канал, но когда его наконец закончили, Дарий велел изготовить из гранита несколько десятков одинаковых столбов с надписью:

«Я — Дарий, царь великий, царь царей, царь многоплеменных стран, царь этой земли великой, далеко раскинувшейся, сын Гистаспа, Ахеменид.

Говорит Дарий-царь: «Я перс. Из Персии я завоевал Египет. Я приказал прорыть этот канал от реки Нил, которая течет в Египте, до моря, которое простирается от Персии. Затем этот канал был прорыт, как я повелел, и корабли пошли из Египта через этот канал в Персию, так как была моя воля».

Эти столбы были установлены в нескольких местах на берегах канала; один из них сохранился до наших дней.

Однажды страж дверей доложил Дарию, что какой-то эллин добивается приема.

— Кто такой? — спросил царь.

— Он не назвал своего имени, сказал только, что раньше услужил тебе.

— Ну что ж, — подумав, сказал Дарий, — приведи его, посмотрим, чего он хочет.

Вскоре в царский покой в сопровождении стража дверей вошел рослый эллин в белоснежном хитоне, поверх которого была наброшена хламида*. Приблизившись к трону, он преклонил колена перед повелителем Азии и Египта, но падать ниц не стал, как это делали персы и представители других народов, подвластных Дарию.

Сколько Дарий ни всматривался в лицо эллину, он так и не смог вспомнить, где и когда видел его. Не желая гадать, царь спросил:

— Кто ты, эллин, и почему утверждаешь, что прежде услужил мне?

— Я — Силосонт, сын Эака, брат Поликрата Самосского, — ответил эллин. — Я участвовал в походе Камбиса на Египет; там-то мы и встретились с тобой, о великий царь. Однажды ты увидел меня на рынке в Мемфисе. На мне был красный гиматий**, который очень понравился тебе. Ты начал торговаться со мной. Я же, видя твое желание во что бы то ни стало заполучить этот плащ, подарил его тебе, отказавшись взять с тебя деньги, хотя ты мне их настойчиво предлагал.

— Да-да, теперь я вспомнил! — воскликнул Дарий. — Так это ты сделал мне подарок, когда я еще и не помышлял о царской власти?! По правде сказать, подарок был незначитель-

* Хламида — короткий плащ.

** Гиматий — длинный плащ.

ным, но моя благодарность будет велика: в награду ты получишь столько золота и серебра, что станешь вдвое богаче.

Царь думал, что Силосонт начнет рассыпаться в благодарностях, как это обычно делали греки, с которыми ему приходилось иметь дело. В ответ же услышал:

— О великий царь, не дари мне ни золота, ни серебра, но пожалуй мне родной город Самос, где ныне, после убийства Оретом моего брата Поликрата, властвует Меандрий, человек низкого происхождения и недостойный называться правителем. Отдай мне Самос, но только без кровопролития и не обращая самосцев в рабство.

— Но как же случилось, что власть на Самосе досталась этому Меандрию, который, как ты сказал, не достоин ее? — спросил Дарий.

— Отправляясь в Лидию к Орету, мой брат вверил Меандрию на хранение свой скипетр. Когда же пришла весть об убийстве Поликрата, Меандрий объявил себя тираном Самоса. На деньги Поликрата он велел воздвигнуть алтарь Зевсу, окружив его священным участком. Несколько месяцев спустя он созвал собрание полноправных граждан Самоса и произнес перед ними речь. «Самосцы! — сказал он. — Как вам известно, Поликрат вручил мне скипетр, а следовательно, и власть над вами. Однако я не хочу царствовать. Я и раньше не одобрял владычества Поликрата над людьми, равными с ним, и сейчас порицаю всякого, кто помышляет об этом. Поэтому я низлагаю с себя власть тирана и провозглашаю на Самосе демократию. Однако я вправе просить, чтобы вы выплатили мне в виде особой награды шесть талантов из сокровищ Поликрата и пожаловали пожизненно жречество при алтаре Зевса: ведь это я воздвиг ему святилище и вернул вам свободу». Один из уважаемых самосцев по имени Телесарх возразил Меандрию: «Да ты не достоин быть нашим правителем, так как ты негодяй и мерзавец. Не лучше ли тебе подумать, как отчитаться перед нами за деньги, которые ты присвоил». Меандрий понял, что если он откажется от власти, то кто-то другой станет тираном вместо него, а ему не видать ни шести талантов, ни жречества при алтаре Зевса. Он распустил собрание, возвратился на акрополь, а на следующий день пригласил знатнейших самосцев к себе якобы для того, чтобы представить им отчет. Когда же те явились, Меандрий велел наемникам, которые были у него в подчинении, схватить их и заключить в темницу.

— Теперь мне все ясно, Силосонт, — произнес Дарий, когда эллин закончил свой рассказ. — Я считаю вполне справедливой и законной твою просьбу. Через несколько дней я дам окончательный ответ, а пока будь моим почетным гостем.

Царь велел стражу дверей проводить Силосонта и предоставить ему покои во дворце.

Несколько дней Дарий обдумывал, как быть с Самосом. Большой остров в Эллинском море, располагавший многочисленным флотом, представлялся лакомым куском. Подчини он его, восточная часть Эллинского моря окажется у него в руках. Вслед за Самосом можно будет захватить другие острова, заселенные греками, и организовать поход на материковую Элладу. Новые завоевания значительно расширят пределы Персидской державы, пополнят казну золотом и серебром, а ему, Дарию, принесут громкую славу. Его будут называть достойным наследником Кира Великого, основателя Персидского царства, а также и Камбиса, присоединившего к Персии Египет.

Так в голове у Дария родился грандиозный план покорения Эллады. Царь поделился соображениями с приближенными, и они единодушно одобрили замысел своего повелителя.

После этого Дарий призвал Силосонта и сказал ему:

— Силосонт! Я решил послать на Самос большое войско, которое наведет там порядок, а тебя уже сейчас назначаю правителем острова.

— Благодарю тебя, о великий царь! — воскликнул Силосонт и, опустившись на колени, поцеловал подол царского кафтана.

Спустя месяц большое войско, преимущественно из персидских пехотинцев, выступило из Суз. Командовал этим войском Отан, один из семи персов, свергнувших мага Гаумату.

Три месяца потребовалось персам, чтобы добраться до побережья Эллинского моря. Здесь Отан приказал ионийским грекам предоставить в его распоряжение корабли, и на них персы беспрепятственно переправились на Самос.

Между тем самосский тиран Меандрий тяжело заболел. Поговаривали даже, что он вот-вот умрет. Теперь от его имени островом правил его брат Ликарет. Он приказал казнить всех знатных самосцев, томившихся в темнице на акрополе.

Как раз в это время на Самос переправились персы. Узнав, что вместе с ними на остров прибыл Силосонт, брат Поликрата, самосские граждане обрадовались и без сопротивления впустили персов в город. Только акрополь оставался не занятым персами: там засели Меандрий, Ликарет и верные им воины-наемники.

Когда здоровье Меандрия улучшилось, он призвал к себе Ликарета посоветоваться, как поступить: то ли сдаться персам, то ли, воспользовавшись подземным ходом, прорытым

еще в правление Поликрата, бежать из города, прихватив с собой все сокровища. Ликарет посоветовал второе, и Меандрий согласился.

Они посвятили в план своего третьего брата, Харилая, но тот наотрез отказался бежать. Более того, обвинил братьев в трусости и потребовал вверить ему командование наемниками, заявив, что будет сражаться до последнего и сполна отплатит персам за вторжение на Самос.

Меандрий и Ликарет удовлетворили просьбу брата и собрались в путь. Однако прежде, чем покинуть акрополь, послали к персам вестника с предложением уладить дело миром, назначив время для переговоров.

На следующий день Меандрий и Ликарет, забрав с собой лучшие сокровища Поликрата, подземным ходом пробрались к берегу моря, сели на корабль и, никем не замеченные, покинули Самос.

В это время Харилай вывел из акрополя наемников и напал на персов. Последние, настроенные на мирные переговоры, не ожидали нападения и в начале схватки понесли значительные потери. Это сильно разгневало Отана, и он бросил в бой дополнительные силы. Вскоре лишь немногим наемникам удалось вновь укрыться на акрополе. Гневу Отана не было предела. Он приказал убивать всех самосцев, не жалея ни женщин, ни детей. Силосонт напомнил ему о повелении Дария не причинять вреда мирным жителям Самоса, но Отан не захотел его даже слушать. Он приказал прекратить резню только тогда, когда большая часть самосцев была перебита.

Оставшиеся в живых наемники пытались спастись по подземному ходу, но действовали неосторожно. Персы обнаружили их, когда они уже выбрались из подземелья и искали на побережье надежное укрытие, и перебили всех.

Так персы подчинили Самос, отдав его в управление на правах данника Силосонту. Через полмесяца весть об этом достигла Суз. Дарий преисполнился гордости: Самос стал его первым территориальным приобретением и вместе с тем был удобным форпостом для дальнейших завоеваний. Царь отправил приказ Отану вернуться в столицу, оставив на Самосе сильный гарнизон.

Дарий был азартным охотником. Он считал охоту лучшим средством совершенствования в верховой езде и стрельбе из лука, что высоко ценилось у персов. «Чтобы не одряхлеть во дворце, нужно почаще выбираться на охоту», — часто говаривал царь.

Он не упускал случая поохотиться в окрестностях Суз. Иногда вместе с ним отправлялись и некоторые из его жен. Особенно любили это занятие Артистона и Атосса, дочери Кира Великого. Они были хорошими наездницами, в совершенстве владели искусством стрельбы из лука и радовали царя своим присутствием на охоте.

Раз в год Дарий устраивал большую охоту, приглашая принять участие в ней знатнейших персов.

Однажды во время такой охоты царь, спрыгивая с коня, чтобы добить раненого зверя, вывихнул себе ногу. Вывих оказался настолько сильным, что нога распухла и доставляла нестерпимую боль. Дария на колеснице доставили во дворец, где осмотреть поврежденную ногу взялись египетские врачи. Но когда они стали вправлять вывих, царю стало еще хуже, и, осыпав врачей бранью, он прогнал их.

Несколько дней и ночей царь провел без сна из-за сильной боли. Видя, насколько серьезно повреждение, и опасаясь ухудшения, Дарий даже подумывал об ампутации: пусть он лишится ноги, зато сохранит жизнь. Однако жены и приближенные сумели отговорить его от этого. А вскоре ему сообщили, что в Сузах находится греческий врач Демокед, попавший сюда вместе с рабами Орета. Дарий послал разыскать его.

В тот же день Демокеда нашли. Он действительно находился среди рабов Орета и выполнял грязную работу, недостойную человека его знаний. В изорванном рубище и в оковах его потащили к царю. Когда в таком виде он предстал перед Дарием, царь спросил, владеет ли он искусством врачевателя. Демокед отрицательно покачал головой, опасаясь, что, если откроется правда, его никогда не отпустят на родину, в Элладу.

Царь не поверил ему и приказал принести плети, намереваясь посредством пыток добиться от него признания. Увидев плети из плотной воловьей кожи, Демокед заявил, что знаком с врачеванием, но давно не занимался им и поэтому вряд ли сможет быть полезным царю. Его слова снова показались Дарию неубедительными, и он приказал слугам взяться за плети. Уже после нескольких ударов по спине Демокед взмолился о пощаде.

— Хорошо, хорошо, — проговорил он дрожащим голосом, — я берусь излечить твой недуг, о великий царь.

С помощью эллинских целительных снадобий и успокоительных средств Демокед вернул Дарию сон. День и ночь он не отходил от царя, выполняя любое его желание. Когда Дарий бодрствовал, Демокед рассказывал ему об Элладе. Однажды царь попросил эллина рассказать о себе.

— Я родился и вырос в городе Кротон, в Италии, — начал Демокед. — Мой отец, Каллифонт, был человеком крутого нрава. Он никогда не любил меня, отдавая предпочтение двум старшим сыновьям. С раннего возраста отец пристроил меня в храм Асклепия — покровителя врачей, чтобы я постиг у тамошних жрецов тайны исцеления недугов. В юности я был одним из слушателей известного по всей Элладе мудреца Пифагора, который в то время жил в Кротоне. Учение Пифагора заставило меня глубже проникнуть в суть многих вещей; до конца дней своих я буду благодарен судьбе за то, что она свела меня с этим великим человеком... Однако вскоре жизнь в отцовском доме стала для меня несносной, особенно когда отец заявил, что лишает меня наследства; и я решил покинуть родину.

Сказав это, Демокед прослезился. Было видно, как дорого ему воспоминание о любимом городе. Выдержав паузу, Дарий спросил:

— А чем знаменит твой город?

— О великий царь! — сказал Демокед. — Кротон — красивейший из эллинских городов, расположенных в Италии. Климат в тех местах полезен для здоровья, поэтому кротонцы отличаются отменной физической силой. Вообще кротонцы известны как превосходные воины, но еще больше прославились как атлеты. Однажды на Олимпийских играх, которые проводятся в Элладе раз в четыре года, семь кротонцев опередили в беге других атлетов. С тех пор в Элладе бытует поговорка: «Последний из кротонцев был первым среди остальных эллинов». И сейчас в Кротоне живет знаменитый Милон, который неоднократно выходил победителем в борьбе на Олимпийских играх. Скажу тебе по секрету, что в младшую дочь этого человека я был влюблен, люблю и сейчас, но вот уже несколько лет не видел ее. Ах, если бы богам было угодно, чтобы я снова вернулся на родину...

Тут Демокед прервался. Видимо, воспоминание о возлюбленной заставило его замолчать и задуматься.

— Где же ты странствовал с тех пор, как покинул Кротон? — спросил Дарий.

— Сначала я нашел пристанище на острове Эгина, — ответил Демокед. — Там я превзошел своим искусством всех прочих врачей, хотя у меня не было инструментов, необходимых для врачевания. На Эгине я прожил два года, затем перебрался в Афины. На четвертый год меня пригласил к себе Поликрат Самосский. Он дал мне два таланта серебра за то, что я согласился стать его личным врачом. Когда Поликрат был убит, я находился при нем и вместе с другими из его свиты стал рабом Орета. Затем ты приказал убить Орета, и я вместе с прочими

рабами оказался в Сузах. Теперь я у тебя. Вот и вся моя история.

В последующие дни Дарий еще не раз расспрашивал Демокеда об Элладе. Эллин охотно делился с царем всем, что ему было известно. И невдомек ему было, что повелителя Персии неспроста интересует Эллада. Дарий же, слушая рассказы кротонца, еще больше утвердился в мысли завоевать Элладу.

Через две недели после того, как Демокед взялся лечить царя, Дарий начал ходить. Сначала он прихрамывал, но вскоре хромота прошла и повелитель Персии вернулся к своим обычным делам.

Однажды, призвав к себе Демокеда, Дарий в присутствии приближенных пожаловал ему две пары оков, изготовленных из чистого золота. Принимая этот необычный подарок, Демокед заметил:

— О великий царь! Не желаешь ли ты в награду за исцеление сделать меня вдвойне несчастным?

Дарию понравились слова Демокеда, и он, рассмеявшись, сказал:

— Ну что ты, Демокед, конечно же, нет. Просто я хочу, чтобы ты стал моим личным врачом.

После этого царь отправил Демокеда в сопровождении евнухов в свой гарем. Когда кротонец очутился на женской половине дворца, евнухи сообщили царским женам, что он и есть тот самый врач, который исцелил царя. Тогда каждая из женщин щедро одарила Демокеда золотыми дариками и драгоценными камнями. Подарков оказалось так много, что врачеватель не смог их унести, и евнухам пришлось помочь ему.

Кроме этого Демокед получил от Дария огромный дом в Сузах и был принят в число сотрапезников царя: он имел право присутствовать на пирах, которые Дарий часто устраивал во дворце, приглашая на них знатнейших персов. Вообще ему было позволено все, кроме одного — возвращения на родину.

По прошествии нескольких месяцев за Демокедом прислала Атосса. Предположив, что царицу поразил какой-то недуг, кротонец тотчас же явился. Его предположение подтвердилось: Атосса действительно заболела. У нее на груди появился нарыв. Естественно, что царица не могла в таком состоянии делить ложе с Дарием. Она уже несколько раз отказывалась посетить царя, ссылаясь на недомогание.

Осмотрев нарыв, Демокед сказал, что вылечит его. Однако попросил царицу при случае оказать ему взаимную услугу.

Атосса поклялась выполнить любую его просьбу, если она не будет постыдной для нее.

Около месяца потребовалось на исцеление царицы. Каждый день Демокед приходил во дворец, чтобы осмотреть ее и проделать необходимые процедуры. И всякий раз Атосса просила кротонца рассказать что-нибудь об Элладе. Она расспрашивала его об эллинских городах, о нравах и обычаях эллинов, об одежде и украшениях, которые носят женщины Эллады. Демокед охотно откликался на ее просьбы и поведал ей значительно больше, чем царю.

Отлично справился он и со своим делом как врач. Нарыв у царицы прошел, от него не осталось и следа. Желая вознаградить кротонца, Атосса предложила ему золото и дорогие ткани, но Демокед от всего отказался.

— Вспомни, царица, наш недавний уговор, — сказал он.

— О чем же ты хочешь меня просить?

— Я хочу, чтобы ты помогла мне вернуться в Элладу.

— Каким образом? Неужели тебе неизвестно, что Дарий приказал зорко следить за тобой, опасаясь, как бы ты не сбежал?

— А ты убеди его послать меня в Элладу в качестве соглядатая: ведь не секрет, что царь готовит туда поход.

— Но с моей стороны это будет изменой супругу и повелителю.

— Позволь напомнить тебе об обещании выполнить любую просьбу. Ты поклялась именем своего отца Кира и призвала в свидетели Ахурамазду.

— Да, это так, — согласилась Атосса. — Ну что ж, будь по-твоему, хитрый эллин. Раз я обещала — значит, исполню.

На этом они расстались.

Некоторое время спустя Атосса ночевала у Дария и как бы случайно завела разговор:

— Мой повелитель! Ты царствуешь уже несколько лет, но не покорил еще ни одного народа, как это сделали до тебя мои отец и брат. Я считаю, что тебе, властителю огромных сокровищ и повелителю сотен тысяч людей, просто необходимо прославить себя великими подвигами. Пусть персы знают, что над ними властвует настоящий муж. Победоносная война и захват новых земель и богатств принесут тебе двойную пользу: во-первых, это прославит тебя в веках, во-вторых, персы и другие подвластные народы, занимаясь войной, не будут помышлять о восстаниях против тебя. Пока ты еще молод, я советую тебе начать войну. Если же станешь медлить, то многое потеряешь: ведь старость не за горами.

Слова Атоссы были не новы для Дария. Она и раньше, как только стала его женой, неоднократно призывала его к великим деяниям. Ей, дочери великого отца, родившейся в дни славы и небывалых побед, казалось ничтожно малым то, что Дарий лишь сохранял целостность великой Персидской державы и не помышлял расширить ее пределы, ограничившись островом Самос. Глядя в глаза Атоссы, Дарий всегда видел в них упрек, и это глубоко задевало его честолюбие.

Царь долго лежал с закрытыми глазами, обдумывая ответ, и наконец произнес:

— Жена! Ты давно не посещала меня и поэтому ничего не знаешь о моих намерениях. Все, о чем ты говоришь, не дает покоя и мне. Да будет тебе известно, что я задумал в ближайшее время идти походом на скифов.

— О нет, мой господин! Не следует идти на скифов, единственным достоянием которых являются безбрежные степи да табуны низкорослых лошадей. Они будут в твоей власти, как только ты пожелаешь. Не лучше ли тебе двинуть свое войско на Элладу? Мне много рассказывали о богатстве эллинских городов, и я хочу, чтобы мне прислуживали эллинские женщины. Так что ради меня, дочери Кира Великого, ты должен идти на Элладу. К тому же у тебя есть человек, который располагает подробными сведениями об этой стране и может быть проводником. Я имею в виду Демокеда.

И вновь слова Атоссы заставили Дария задуматься. Лишь минут через десять царица услышала его ответ.

— Уж коль скоро мне, по-твоему, следует обратиться против Эллады, то прежде всего нужно послать туда соглядатаев из персов, и Демокеда с ними. Они все разузнают и сообщат мне о положении дел в Элладе. Вот тогда-то я и начну войну с эллинами.

Атоссу подобное решение чрезвычайно обрадовало: ей удалось одновременно и разжечь у мужа желание воевать с эллинами, и выполнить просьбу Демокеда. И все обошлось, как ей казалось, без измены с ее стороны.

Атосса послала слугу сказать Демокеду, что выполнила свое клятвенное обещание: в ближайшее время он по повелению царя поедет в Элладу. Демокед обрадовался и стал дожидаться приглашения во дворец. Вскоре прибыл посыльный с приказанием кротонцу явиться к царю.

Одевшись в лучшие одежды, Демокед направился во дворец. Царь принял его в тронном зале. Помимо телохранителей здесь находилось пятнадцать знатных персов.

Демокед простерся ниц перед повелителем Персии и лежал до тех пор, пока Дарий не разрешил ему встать. Когда кротонец поднялся, царь сказал:

— Демокед! Я повелеваю тебе вместе с пятнадцатью моими приближенными отправиться на кораблях в Элладу. Ты будешь у них проводником и посетишь с ними крупнейшие эллинские города. Я разрешаю тебе посетить и твой родной город Кротон. Более того, ты можешь взять с собой все свое добро и отвезти подарки отцу и братьям. Я даже дам тебе отдельный грузовой корабль, на который ты погрузишь все, что сочтешь нужным. Но помни! Ты обязательно должен вернуться, и тогда получишь вдвое больше того, что уже имеешь.

Демокед с вниманием выслушал повеление Дария. Однако ему показалось, что царь хочет его испытать, разрешая забрать с собой все богатство. Поэтому он, опасаясь, как бы Дарий не отменил своего решения, сказал, что оставит все свое добро в Сузах.

— Ну что ты, Демокед, — заметил царь. — Не стоит отказываться. Все, что у тебя есть, отвези на родину — пусть там знают, какой ты сейчас богатый человек.

— Хорошо, великий царь, я сделаю, как ты велишь, — согласился Демокед, увидев, что Дарий вполне искренен.

После этого царь отпустил кротонца собираться в дорогу. Пятнадцати же знатным персам, которые должны были ехать вместе с Демокедом, он сказал:

— Персы! Вы объедете все побережье Эллады и все, что увидите и услышите, должны записывать, чтобы по возвращении предоставить свои записи мне. Кроме того, следите за Демокедом, чтобы он не сбежал. Помните, вы должны привезти кротонца обратно в Сузы живым и невредимым.

Через несколько дней Демокед и персы выехали из Суз. Их путь лежал в финикийский город Сидон. Там уже были приготовлены два военных корабля и один грузовой. На этих судах Демокед и его спутники вскоре достигли островов Эгейского моря и, посетив наиболее крупные из них, направились к берегам материковой Эллады. Там они ненадолго остановились в Афинах и Мегарах, побывали на Эгине, затем обогнули Пелопоннесский полуостров и заглянули в Коринф, расположенный на берегу Саронического залива.

Демокед все это время пребывал в прекрасном настроении. Персы же, выполняя поручение Дария, подробно записывали все, что видели и слышали.

Из Коринфа персидские корабли, пройдя вдоль берегов Эпира, направились к Италии. Первым италийским городом, который они посетили, был Тарент. Правитель Тарента Арис-

тофилид радушно встретил путешественников и в их честь устроил роскошный пир.

Во время пира Демокеду удалось сообщить Аристофилиду, что персы, приехавшие с ним, — соглядатаи царя Дария. Он убедил правителя Тарента схватить их и заключить в темницу, что и было исполнено. С двух военных кораблей, на которых приплыли персы, были сняты паруса, убраны весла, а гребцы удалены.

Глубокой ночью Демокед пробрался на грузовой корабль, на котором находилось его богатство. Команду этого корабля ему еще раньше удалось расположить к себе. Переговорив с капитаном-финикийцем, он за щедрое вознаграждение убедил его покинуть Тарент и доставить его, Демокеда, в Кротон. Под покровом ночи корабль вышел в море и через несколько дней был в Кротоне.

Тем временем персы, плененные в Таренте, добились у Аристофилида освобождения, сумев доказать ему, что Демокед и их предал, и его, Аристофилида, обманул. Получив свои корабли, они пустились в погоню и прибыли в Кротон через три дня после Демокеда. За это время тому удалось в народном собрании убедить сограждан не выдавать его персам и вообще не впускать их в город, ибо они — соглядатаи царя Дария. Кротонцы так и поступили.

Персы же отправили в город вестника со словами: «Кротонцы! Подумайте, что вы делаете. Ведь вы укрываете беглого раба, который принадлежит самому повелителю Азии. Неужели вы полагаете, что царь Дарий снесет подобное оскорбление? Когда царь пойдет войной на Элладу, то именно на ваш город он нападет прежде всего и, захватив его, всех вас продаст в рабство».

Однако горожане не испугались угроз и не выдали Демокеда, который был теперь у них в большом почете. Так что, простояв в кротонской гавани несколько дней, персам пришлось возвращаться. Перед самым их отплытием Демокед передал им письмо для Дария, в котором благодарил царя за огромное богатство, полученное от него, и сообщал, что ему удалось-таки сосватать дочь знаменитого на всю Элладу борца Милона.

На обратном пути два персидских корабля попали в шторм, и их отнесло к берегам Япигии. Там измученные невзгодами персы стали добычей местных жителей, которые продали их тарентскому изгнаннику Гиллу. Последний отвез их на своем корабле в Персию, за что получил щедрое вознаграждение от Дария.

Дарий не очень огорчился, узнав о неудаче разведывательной экспедиции в Элладу. Единственное, что его расстроило, — это бегство Демокеда, ведь в его лице он потерял хорошего врача.

В последнее время Дарий все чаще возвращался к мысли о походе на скифов. Его уже мало прельщала Эллада с ее городами, разбросанными по многочисленным островам, и изрезанной морем сушей; просторы скифских степей манили повелителя Персии куда сильнее. Подчинение обширных территорий к северу от его державы, за Понтом Эвксинским, где небеса соприкасаются с землей, — вот подвиг, достойный великого царя!

Однажды, перебирая глиняные таблички и пергаментные свитки, хранившиеся в царском архиве, Дарий отыскал мидийскую хронику времен правления царя Киаксара. В ней повествовалось о том, как в Мидию вторглись огромные полчища скифов во главе с царем Мадиесом. Скифы разгромили мидийское войско и распространили свое владычество по всей Азии. Персы тоже платили им дань. Затем скифы пошли походом на Египет. У сирийского города Аскалон их встретил фараон Псамметих с большими откупными дарами, которыми склонил завоевателей не разорять Египет. Двадцать восемь лет скифы господствовали в Азии. Зачастую их не удовлетворяла дань, которую им выплачивало подвластное население, и они занимались грабежами. Но в конце концов бесчинствам скифов был положен конец. Однажды царь Киаксар и знатные мидяне пригласили в Экбатаны на пир скифских вождей с их дружинами, напоили их и всех перебили. Остальные скифы, лишившись своих предводителей, вынуждены были покинуть пределы Азии.

Сведения о бесчинствах скифов в Азии показались Дарию прекрасным поводом для мести.

С этого момента мысль о покорении скифских степей пьянила Дария сильнее, чем вино, доставляемое в Сузы с острова Хиос. Где бы он ни был — думал только об этом.

Кир Великий, покорив многие народы, создал Персидскую державу. Камбис присоединил к ней Египет. Он же, Дарий, увеличит территорию Персии вдвое, а может и втрое. Во главе многочисленного войска он дойдет до крайних пределов земли, где царит вечный мрак и обитают низкорослые люди, порожденные этим мраком. У них груды ненужного им золота, которое они крадут у грифонов. Добравшись до предела земли, он разгадает загадку вселенной; он станет богом, в своем могуществе подобным на Ахурамазду.

Но пока это были только мечты.

Временами, опускаясь на землю с высот своих мечтаний, он понимал, что для осуществления такого грандиозного предприятия, как покорение необъятной Скифии, потребуется немало сил. Прежде всего надо собрать войско более многочисленное, чем было у Кира и Камбиса, и обеспечить его необходимым продовольствием. Кроме того, нужно определить, каким путем идти на скифов: то ли через Кавказские горы, то ли через пролив Геллеспонт, который отделяет Азию от Европы. Необходимо также собрать хотя бы приблизительные сведения о народе, который он хочет покорить.

Дарий решил начать с последнего. Однако, к его разочарованию, в царском архиве никаких сведений о скифах не нашлось. Тогда царь послал гонцов в Ионию с приказом правителям тамошних эллинских городов срочно прибыть к нему, прихватив с собой всех купцов, которым приходилось бывать в Скифии.

Первым в Сузы явился Гистиэй — тиран города Милет. Он привез с собой нескольких купцов, посетивших Скифию по торговым делам. Призвав их к себе, Дарий велел рассказать все, что им было известно о местах проживания скифов, об их нравах и обычаях.

Эллины начали с происхождения скифского народа и рассказали то, что им приходилось слышать от самих скифов. По их словам, скифы вели свое происхождение от человека по имени Таргитай. У него было три сына: Липоксай, Арпоксай и Колаксай. Умирая, Таргитай завещал им Скифию. Сразу после его смерти с неба упало четыре золотых предмета: плуг, ярмо, секира и чаша. Первым увидел эти вещи Липоксай и решил подобрать их. Как только он приблизился к ним, золото вдруг запылало. Липоксай в испуге отступил. Затем к предметам, упавшим с неба, подошел Арпоксай. И снова золото запылало слепящим глаза пламенем. Арпоксай тоже отошел. Тогда настала очередь третьего брата — Колаксая. Когда он приблизился к золотым вещам, пламя погасло. Колаксай взял вещи и отнес к себе домой. На следующий день старшие братья навестили младшего и уступили ему право царствовать.

От Липоксая произошло скифское племя авхатов, от Арпоксая ведут свое происхождение катиары и траспии, а Колаксай является родоначальником паралатов. Впоследствии эти скифские племена разделились на несколько других.

Дарию также рассказали, что по Скифии протекает много рек, наиболее крупными из которых являются Истр, Тирас, Гипанис и Борисфен*.

* Современные Дунай, Днестр, Буг и Днепр.

— В настоящее время, — сообщил один из эллинов, — по берегам Гипаниса живут каллипиды, которые смешались с эллинами, основавшими в тех местах свои колонии. За каллипидами простираются владения ализонов. Они совмещают занятия скотоводством и земледелием. На север от ализонов живут скифы-земледельцы. Они выращивают зерно как для собственного потребления, так и на продажу эллинам. Севернее скифов-земледельцев обитают невры, а дальше тянется равнина, вовсе не заселенная людьми.

— Мне приходилось плавать по Борисфену, — добавил другой эллин. — По берегам этой реки тоже обитают скифы-земледельцы, которых мы, эллины, называем борисфенитами. Севернее проживают андрофаги. Я бывал у них и совершенно точно знаю, что это племя не скифское. За андрофагами, насколько мне известно, уже нет поселений людей, там простирается лесистая равнина.

От других эллинов Дарию стало известно, что восточнее скифов-земледельцев начинаются владения сколотов, или царских скифов. Это наиболее многочисленное из скифских племен. Сколоты ничего не сеют и не пашут, а занимаются кочевым скотоводством. Сколоты — воинственное племя; они считают всех прочих скифов подвластными себе. Владения сколотов на востоке доходят до реки Танаис*. Далее обитают меланхлены — нескифское племя. Севернее земли меланхленов простирается болотистая и малозаселенная страна. Большую часть года там царит зима с сильными морозами и обильными снегопадами. Живут там гипербореи — северные люди. Однако о них никто ровным счетом ничего не знает.

Услышав о гипербореях, Дарий подумал: «Не об этой ли стране говорится в «Авесте»**: «Десять месяцев там зимние, два — летние; в зимние месяцы там воды холодные, земли холодные, растения холодные, а когда зима кончается, там большое половодье».

Эллинские купцы, которые прибыли в Сузы чуть позже, сообщили царю о многих скифских обычаях. Так, Дарию стало известно, как скифы совершают жертвоприношения богу войны. В честь его они насыпают высокие курганы, на вершинах которых втыкают в землю мечи. Этим-то мечам и приносят в жертву коней и прочих животных. Кроме того, во время войны скифы отбирают в жертву одного человека из каждой сотни пленников. Обреченным перерезают горло и собирают кровь в сосуд. Затем этой кровью окропляют священный холм и меч,

* Танаис — современный Дон.

** «Авеста» — священная книга персидско-мидийских жрецов.

воткнутый на его вершине. Трупы жертв разрубают на части и разбрасывают вокруг холма.

Узнал Дарий и еще об одном кровавом обычае скифов: когда скиф убивает первого врага, он пьет его кровь. Головы всех убитых врагов скифы приносят своему царю: ведь только тот из них, кто сложит голову врага к ногам царя, получает свою долю из добычи. С отрубленных голов скифские воины снимают скальпы и пользуются ими как полотенцами для рук во время пиров. Тот из скифов считается доблестным воином, у кого больше таких полотенец. Бывалые воины, участвовавшие во многих битвах, из скальпов врагов шьют себе плащи. Кожей, содранной с убитых, многие скифы обтягивают колчаны для стрел.

Много дней Дарий слушал рассказы о скифах и все больше утверждался в правильности своего решения.

Царь официально еще не объявил о походе, а при дворе уже знали, что предстоит большая война. Слухи об этом вскоре проникли за стены дворца, быстро облетели столицу и стали расползаться по Персии.

Наконец Дарий велел знатнейшим персам, жившим в Сузах, явиться к нему во дворец. Он также вызвал в столицу сатрапов всех сатрапий и тиранов ионийских городов, подвластных ему.

Когда все собрались в тронном зале, повелитель Персии произнес речь:

— Я знаю, ваши мечи заржавели в ножнах, а боевые кони застоялись в стойлах. Вы уже давно не воевали по-настоящему, как это было при Кире Великом. А ведь он любил повторять, что народ, который предпочитает мирную жизнь войне, становится изнеженным; он уже не в состоянии господствовать над другими народами и из повелителя может превратиться в раба и данника того народа, который окажется воинственнее и сильнее. Однако я не допущу этого. Я поведу вас в поход на Скифию — страну, обширную по территории, богатую скотом и удобную для земледелия. Скифы — народ многочисленный, но они разрозненны; между их племенами, как мне удалось выяснить, нет единства и согласия. Поэтому мы легко завоюем их. Тем более что я хочу отомстить им за вторжение в Азию, где они господствовали целых двадцать восемь лет, собирая дань с азиатских народов, в том числе и с персов. Итак, решено — через пять месяцев мы выступаем в поход. К этому времени из восточных, северных и южных сатрапий в Сузы прибудут войска. Воины из западных сатрапий и Египта при-

соединятся к основному войску по пути. В походе будут принимать участие финикийцы со своими кораблями и ионийские эллины в качестве пехотинцев. Мы выступим из Суз в первый день месяца адуканиш*. По «царской дороге» доберемся до Сард, оттуда достигнем вод Боспора Фракийского, который отделяет Азию от Европы. Переправившись через Боспор, мы очутимся во Фракии, миновав которую вторгнемся в скифские земли. Я все сказал. Теперь мне хотелось бы выслушать ваше мнение по поводу предстоящего похода.

Никто из персов не решался первым высказать свои соображения. Какое-то время в тронном зале царило молчание. Наконец выступили первые желающие. Это были молодые персы, которые мечтали о боевых подвигах. Они с энтузиазмом одобрили замысел царя, заверив, что последуют за ним хоть на край света.

Но вот слово взял младший брат царя Артабан, приехавший из Лидии, где был сатрапом.

— Царь! — воскликнул Артабан. — Я знаю, что мои слова не понравятся тебе, но считаю своим долгом сказать их, и не сомневайся, что говорю я от чистого сердца и желаю тебе только добра. По-моему, ты решился на безнадежное и весьма рискованное дело. Поход, задуманный тобой, носит признаки безумия. Ты собираешься выступить против народа, о котором практически ничего не знаешь, кроме того, что тебе наговорили не заслуживающие доверия греки. Неужели ты не понимаешь, что совершаешь такую же ошибку, какую совершил в свое время Кир Великий, выступив против массагетов? Он поплатился жизнью за неосмотрительность, а массагеты по-прежнему свободны. Или ты забыл, как Камбис ходил походом на эфиопов? Он так и не дошел до их страны, похоронив в пустыне десятки тысяч персидских воинов. Так что, пока не поздно, одумайся и отмени свое решение.

Слова Артабана разозлили Дария, но он сдержал свой гнев, дав брату знак удалиться.

— Кто еще хочет что-нибудь сказать? — спросил Дарий, когда Артабан покинул тронный зал.

Тогда из группы эллинов, стоявших в стороне от персидских вельмож, вышел Гистиэй — тиран Милета. Дарий любил этого эллина за мудрость и высоко ценил его советы.

Подойдя к царю и низко поклонившись, Гистиэй спросил:

— Великий царь, помнишь ли ты, чтобы я когда-нибудь давал тебе плохой совет?

---

* Персидский месяц адуканиш соответствовал марту—апрелю современного календаря и был первым месяцем года.

— Нет, Гистиэй, такого еще не было, — ответил Дарий.

— Так прислушайся же, государь, к моим словам и на сей раз. Ты идешь в страну, о которой тебе известно лишь то, что она необъятна, как море. Какие богатства ты собираешься захватить там? Народ, населяющий Скифию, дикий и нищий; скифы не строят жилищ и не приумножают своих богатств неустанным трудом. Подобно сухим листьям, гонимым ветром в осеннюю пору, они кочуют по своим степям и существуют за счет грабежа. Путь в Скифию далек и сопряжен со многими опасностями. Государь, откажись от похода!

Глаза Дария сверкнули злобой, но и на этот раз он сдержался от вспышки необузданного гнева.

— Ты мудр, Гистиэй, — сквозь зубы процедил он, — но в тебе говорит хитрый эллин. Ты боишься сопровождать меня в походе и поэтому отговариваешь. Но напрасно. Поход состоится! Ты же отправляйся в Ионию и займись приготовлением кораблей и строительством моста через Боспор, по которому мое войско переправится во Фракию.

После этого царь распустил подданных, заявив, что не желает больше выслушивать мнения, подобные мнениям Артабана и Гистиэя. Поход на Скифию состоится — вот и все: такова воля царя царей Дария, сына Гистаспа, Ахеменида.

На следующий день во все концы обширной державы помчались сотни гонцов с приказом присылать в Сузы золото, колесницы, верблюдов и мулов, конных и пеших воинов.

На протяжении пяти месяцев в Сузы стекались войска. Приходили пешие и конные воины из Арахосии, Армении, Бактрии, Дрангианы, Саттагидии и других сатрапий. Прибыли индийские князья и привели с собой боевых слонов. Как и во времена Кира Великого, долина перед персидской столицей заполнилась шатрами. Слышался разноязычный гомон людей, ржание лошадей, крики верблюдов. По ночам огромный лагерь освещался тысячами костров и со стен Суз было хорошо видно, что там происходит.

За полмесяца до выступления в поход Дарий посетил Пасаргады — древнюю персидскую столицу. Он побывал в усыпальнице Кира Великого и принес обильные жертвы богам. Возвращаясь в Сузы, он заехал в Персеполь, строительство которого не было еще завершено. Из сокровищницы персепольского дворца он забрал все золото, считая, что в походе оно будет нужнее.

В Сузах царь отдал последние распоряжения. Управление Персией на время своего отсутствия он вверил персидским ста-

рейшинам, институт которых существовал с древних времен и не был упразднен даже Киром.

За три дня до выступления к Дарию явился знатный перс Эобаз, трое сыновей которого должны были идти в поход. Он обратился к царю с просьбой оставить дома хотя бы одного сына.

— Странные вещи ты говоришь, Эобаз, — сказал Дарий. — В то время как со мной в Скифию отправляются все мои родственники, способные перенести лишения и тяготы походной жизни, — даже моя жена Артистона изъявила готовность разделить со мной опасности, — ты просишь, чтобы я разрешил остаться дома одному твоему сыну. А ведь он смог бы сослужить мне хорошую службу как воин или даже как командир отряда. Однако, уважая твои седины, я удовлетворю твою просьбу: пусть все твои сыновья останутся с тобой.

Услышав слова Дария и не вникая в их подтекст, Эобаз в знак глубокой благодарности простерся ниц перед царем. Потом, пятясь, он удалился из царских покоев.

Дарий же, как только Эобаз ушел, приказал телохранителям схватить его сыновей. Вскоре все трое стояли со связанными руками перед повелителем Персии.

— И эти-то молодцы предпочитают остаться дома в то время, когда представилась возможность прославить себя подвигами?! — воскликнул царь, осмотрев трех рослых персов, и, не долго думая, приказал умертвить всех троих. Через несколько минут три бездыханных трупа лежали у его ног.

— А теперь позовите Эобаза.

Когда того привели, царь сказал:

— Эобаз, как и обещал, я не беру твоих сыновей в поход — мне не нужны трусы; они останутся в Персии, но только мертвыми — такова моя воля.

В первый день месяца адуканиш 514 года до н. э. Дарий I выступил из Суз в поход на Скифию. Из родственников он взял с собой братьев Артана и Артафрена, третий брат, Артабан, который отговаривал его от похода, должен был присоединиться в Сардах. Муж его сестры Теасп тоже отправился с ним. Кроме того, царя сопровождали пять его сыновей, трое из которых родились еще до его вступления на престол и уже возмужали. Старшим среди них был Артобазан. Ему Дарий поручил командовать десятитысячным отрядом персидской конницы, а двое младших были при нем тысяцкими. Четвертому сыну царя, Ксерксу, было шесть лет, а пятому — Арсаму — недавно исполнилось четыре года. Дарий придерживался мне-

ния, что его сыновья должны сызмальства приобщаться к военному делу.

Опасности похода решила разделить с царем его жена Артистона, младшая дочь Кира Великого. Дария это очень радовало: она была его любимой женой. Других жен он и не принуждал сопровождать его, считая, что Артистона вполне сможет скрасить будни похода.

Персидское войско, насчитывавшее, по сведениям Геродота, семьсот тысяч человек, двинулось по «царской дороге». Впереди выступали пешие полки, за ними — колесницы и конница. По всей протяженности дороги, соединявшей Сузы с Сардами, заранее были заготовлены продовольственные склады, так что воины и животные на стоянках получали все необходимое. По пути следования к войску присоединялись новые отряды.

Царь находился среди конницы. Он ехал в огромной крытой повозке, которую тянули десять волов. При нем постоянно находилась Артистона и маленькие Ксеркс и Арсам.

Временами Дарию надоедало его походное жилище на колесах, и он приказывал подать свою боевую колесницу, запряженную четверкой великолепных лошадей, сажал с собой Ксеркса и Арсама и во весь опор мчался вдоль дороги. В таких случаях его сопровождало только несколько десятков конных телохранителей. Воины, шествовавшие походной колонной, сторонились и приветствовали повелителя Персии звоном оружия.

Обычно Дарий останавливался лишь тогда, когда уставали кони. Он выбирал какое-нибудь возвышенное место и оттуда подолгу наблюдал за прохождением многочисленной армии. Подобное зрелище доставляло ему огромное удовольствие. Он гордился тем, что вся эта масса вооруженных людей послушна одному его слову или взмаху руки. Ободренный виденным, царь возвращался в свою повозку, где его ждала Артистона.

Три месяца добиралось персидское войско до Сард. Дав воинам пятидневный отдых, Дарий двинулся к Боспору Фракийскому и вскоре прибыл к городу Византий в Калхедонской области, где был построен мост через пролив. Здесь его уже ожидали финикийцы и шестьсот их кораблей. Сюда же прибыли и правители эллинских городов, подвластные царю: Гистиэй из Милета, Мильтиад из Херсонеса, Гиппокл из Лампсака, Метродор из Проконнеса и другие.

Дарий сразу же изъявил желание осмотреть мост, возведенный в самом узком месте пролива. Более ста кораблей, скрепленных канатами, были поставлены в ряд. Они служили осно-

ванием для дощатого настила, длина которого достигала трех с половиной греческих стадиев*. По обеим сторонам настила были установлены высокие перила, украшенные скрещенными секирами, золочеными щитами и серебряными знаменами в виде орлов с распростертыми крыльями.

В сопровождении свиты Дарий прошелся по мосту и убедился, что сооружение достаточно прочное.

— Кто руководил работами по возведению моста? — осведомился царь. — Я хочу по заслугам вознаградить этого человека.

— Мандрокл из Самоса, — последовал ответ.

— Приведите его ко мне.

Когда Мандрокл предстал перед Дарием, последний поблагодарил его и щедро одарил золотыми дариками, дав столько, что бедный до этого самосец сделался богатым человеком.

Дарий велел каменотесам в срочном порядке воздвигнуть на берегу Боспора Фракийского две мраморные стелы. На них ассирийской клинописью были высечены названия всех народов, которых царь вел с собой в поход на Скифию.

Переправа через пролив затянулась на несколько дней. В первый день Дарий, восседая на троне, лично наблюдал за прохождением воинов по мосту. Но на следующий день это занятие наскучило ему, и он распорядился подать корабль. Взойдя на него вместе с Артистоной и маленькими сыновьями, Дарий отплыл к северному выходу из Боспора, где начинался Понт Эвксинский. Царь хотел полюбоваться морем. Его трон установили на вершине отвесного утеса, о подножие которого разбивались морские волны, и Дарий погрузился в раздумья. Перед ним расстилалось бескрайнее водное пространство цвета расплавленного олова, к шуму прибоя примешивались крики чаек, бакланов и альбатросов.

Последние лучи заката позолотили гребни волн, море потемнело, и царю стало не по себе. Он поднялся с трона и, сняв с головы золотую тиару, бросил ее в морскую пучину — как своего рода дар примирения.

Вернувшись к переправе, Дарий велел грекам плыть на кораблях к устью Истра и, поднявшись вверх по реке на полтора десятка парасангов, построить мост, по которому он намеревался в скором времени провести свое войско в глубь Скифии. Для доставки необходимого материала царь выделил грузо-

* Стадий — греческая мера длины, равная 192 метрам.

вые финикийские корабли. Ответственным за это назначил Гистиэя.

К концу пятого дня персидское войско переправилось через Боспор Фракийский. Последними по мосту прошли «бессмертные» — личная гвардия царя.

Миновав значительную часть Фракии, персы подошли к истокам реки Теар. Здесь Дарий дал войску трехдневный отдых. На память о своем пребывании на берегах Теара он распорядился воздвигнуть стелу с высеченной на ней надписью: «Источники Теара дают наилучшую и прекраснейшую воду из всех рек. К ним прибыл походом на скифов самый доблестный из всех людей — Дарий, сын Гистаспа».

Отсюда Дарий двинулся дальше и, пройдя через землю одрисов, достиг небольшой реки под названием Артеск. Царь обратил внимание, что земля в этих местах сплошь усыпана камнями. Через глашатаев он приказал, чтобы каждый воин подобрал камень размером с кулак и положил его в общую кучу. После прохождения всего войска на берегу Артеска остался большой курган из камней.

Затем начались владения гетов. Они оказали персам вооруженное сопротивление, но были покорены.

Вскоре войско Дария достигло берегов Истра. Мост через реку был уже готов, и персы благополучно переправились на другой берег. Дарий намеревался разрушить мост, но Кой, сын Эрксандра, начальник гоплитов с острова Лесбос, который был у царя в большом почете, отговорил его.

— Великий царь! — сказал он. — Ты вступаешь на территорию незнакомой страны. Так не благоразумнее ли будет сохранить мост через Истр, а охранять его оставить эллинов. Совершенно очевидно, что ты без труда покоришь скифов, они не смогут противостоять твоему многочисленному войску. А когда война будет закончена, какая-то часть воинов сможет вернуться домой; им-то и пригодится мост. Но вполне может случиться, что ты не найдешь скифов в их бескрайних степях и вынужден будешь повернуть назад. И вновь мост сослужит добрую службу. Многие из твоей свиты, вероятно, думают, что я ратую прежде всего за себя, желая остаться у моста, чтобы стеречь его. Но это не так: я пойду с тобой, ничуть не страшась опасностей, которые поджидают нас в Скифии.

— Друг мой! — сказал Дарий. — Ты подал разумный совет, и я принимаю его. Когда, завоевав Скифию, я возвращусь в Персию, приди ко мне — я щедро вознагражу тебя.

Затем он велел принести веревку, собственноручно завязал на ней шестьдесят узлов и передал ее Гистиэю, под руководством которого был построен мост через Истр, со словами:

— Гистиэй! Я назначаю тебя старшим по охране моста. Начиная с завтрашнего дня, каждый день развязывай по одному узлу на этой веревке. Если по истечении шестидесяти дней я не вернусь сюда, разрушьте мост и на кораблях отправляйтесь по домам. Но до этого вам надлежит денно и нощно охранять мост. Этим вы окажете мне большую услугу.

— О великий царь! Я в точности выполню все, что ты велишь, — ответил Дарию Гистиэй.

На следующий день персидское войско покинуло берега Истра.

О приближении персов скифам стало известно еще тогда, когда те были в стране гетов. Строительство моста через Истр подтверждало намерения персидского царя вторгнуться в их степи. В центральные районы Скифии были посланы гонцы с уведомлением о надвигающейся опасности.

В считанные дни вся Скифия пришла в движение. Три скифских вождя — Иданфирс, Скопасис и Таксакис — собрались на военный совет. Обсудив положение вещей, они пришли к мнению, что не смогут противостоять полчищам Дария в открытом бою: необходима помощь соседей. В спешном порядке они отправили вестников к таврам, агафирсам, неврам, андрофагам, меланхленам, гелонам, будинам и савроматам. Вожди этих племен приглашались на большой военный совет.

Когда совет собрался, от скифов выступил Иданфирс, так как слыл прекрасным оратором и человеком, умевшим убеждать других.

— Доблестные вожди и старейшины! Для вас уже не новость, что персидский царь, переправившись по мосту через Боспор, вторгся на наш материк. Он прошел по Фракии, покорил гетов и теперь готовится напасть на скифские земли. Но вам не следует тешить себя надеждой, что, покорив нас, скифов, персидский царь оставит вас в покое. Ничего подобного: вы тоже станете жертвами его алчности. Так что давайте с самого начала объединимся и выступим против общего врага. Только так мы сможем отстоять свою свободу.

Вслед за Иданфирсом выступили Скопасис и Таксакис и тоже призвали к объединению.

Несколько часов длились бурные споры. В конце концов вожди гелонов, будинов и савроматов заявили, что помогут скифам. Предводители же агафирсов, андрофагов, невров, меланхленов и тавров, посовещавшись, ответили так: «Скифы! Вряд ли персы вторглись бы в вашу страну, если бы много лет

назад ваши деды и прадеды не нанесли им обиды первыми, поработив их собственную страну и наложив на них дань. Тогда боги были на вашей стороне. Но времена изменились, и теперь они покровительствуют персам. Совершенно ясно, что персы хотят отомстить вам за былые обиды. Что касается нас, то мы не причиняли зла персам в прежние времена, не станем и теперь враждовать с ними. Только в том случае, если они нападут на нас, мы возьмемся за оружие. А пока мы будем соблюдать мир».

Итак, создать мощный оборонительный союз против персов не удалось. Высказав свое мнение, вожди агафирсов, андрофагов, меланхленов, невров и тавров разъехались. Правители же скифов — Иданфирс, Таксакис и Скопасис, — а также вожди будинов, гелонов и савроматов продолжили военный совет. Они разработали план военных действий: в открытое сражение с персами не вступать, а прибегнуть к тактике медленного отступления, во время которого угонять скот, засыпать колодцы и источники, по возможности уничтожать траву в степи.

Войско решено было разделить на две части. Первым отрядом, который по численности втрое уступал второму, поручалось командовать Скопасису. К нему присоединялись савроматы. Этот отряд должен был встретить персов и отступать к реке Танаис, не вступая в большое сражение с противником.

Иданфирс и Таксакис объединяли свои дружины. К ним присоединялись будины и гелоны. Они тоже должны были отступать, но только в другом направлении. Кроме того, опытный в военном деле Иданфирс предложил заманить персов в земли тех племен, которые отвергли союз, чтобы вовлечь и их в войну.

— Раз они не пожелали добровольно выступить против персов, — сказал он на военном совете, — мы поставим их пе-

ред необходимостью взяться за оружие.

Разрабатывая такой план, скифские вожди рассчитывали измотать персов бесполезным блужданием по бескрайней степи. По их мнению, противника очень скоро утомит погоня за неуловимыми скифами и он вынужден будет повернуть назад.

Не теряя времени даром, скифы приступили к действиям. Вскоре отряд Скопасиса двинулся навстречу персам. Кибитки с женщинами и детьми, а также весь скот были отправлены на север. Немного погодя вслед за Скопасисом выступили Иданфирс и Таксакис.

Удалившись от берегов Истра, войско Дария вскоре вышло на степные просторы. Местность позволяла двигаться не походной колонной, как раньше, а растянуться цепью на приличное расстояние. Пешие полки персов находились в середине, колесницы и конница занимали фланги. Царь по-прежнему ехал в своей крытой повозке в окружении «бессмертных». Если возникала необходимость собрать военный совет, Дарий отдавал приказ разбить свой походный шатер; в нем-то и собирались военачальники, чтобы вместе с царем обсудить текущие вопросы.

На третий день пути им повстречались первые скифы. Это были разведчики Скопасиса, получившие задание подробнее разузнать о численности противника и его намерениях. Несколько раз скифы с гиканьем приближались к персам на расстояние полета стрелы, осыпали непрошеных гостей стрелами и отходили обратно в степь. Персидские всадники пускались в погоню, но ни поймать, ни убить хоть одного скифа им не удавалось.

Через несколько дней путь персам преградило войско скифов под командованием Скопасиса, по донесениям, несколько

десятков тысяч — все на лошадях. Дарий поначалу решил, что скифы построились для сражения, и если бы не вечер, бросил бы своих воинов в бой. Но солнце уже клонилось к закату, и царь решил отложить сражение на завтра. Однако, когда рассвело, скифов не оказалось. Они отступили ночью, растянувшись по степи длинной цепью. Вся трава была вытоптана копытами их лошадей на большом пространстве, что создало для персов проблему: чем прокормить лошадей и вьючных животных. Для боевых слонов, которые также имелись в войске Дария, корм приходилось доставлять из тех мест, где скифы не уничтожили травяной покров.

И все же Дарий принял решение двигаться вслед за скифами, надеясь, что те в конце концов прекратят отступление и вступят в открытое сражение. Однако проходили дни, а скифы и не думали останавливаться. Зато они давали о себе знать, по ночам нападая на персидский лагерь небольшими группами.

Вскоре персы вышли к реке Танаис. Скифы уже переправились, и их отряд в несколько тысяч всадников расположился на противоположном берегу, чтобы помешать противнику переправиться.

Когда персы попытались с помощью надувных мешков и плотов форсировать водную преграду, скифы обстреляли их из луков, нанеся немалые потери. Так что Дарию пришлось приостановить переправу основных сил и перебросить на другой берег два больших отряда конницы, которая оттеснила кочевников от реки. Только после этого остальное войско смогло переправиться через Танаис.

За Танаисом начинались владения савроматов. Последние, как и скифы, приготовились к вторжению персов, отправив женщин, детей, стариков и скот на север.

Миновав Савроматию, войско Дария вступило во владения будинов. Здесь — то же самое: все население бежало, колодцы были засыпаны или отравлены, трава вытоптана.

Пройдя страну будинов, персы достигли реки Оар, за которой начиналась пустыня. Здесь царь решил дать отдых своему войску.

Пока персы отдыхали, отряд Скопасиса незаметно обошел их с севера и возвратился в Скифию, где соединился с войском Иданфирса и Таксакиса. Обнаружив исчезновение скифов, Дарий растерялся. Какое-то время он обдумывал свои дальнейшие действия и в конце концов решил продолжать преследование, для чего вынужден был повернуть свое войско на запад. Вскоре персидские разведчики обнаружили местонахождение скифов, сообщив, что их численность увеличилась втрое.

Дарий стремился нагнать противника. Его не оставляла мысль навязать ему сражение. Но скифы по-прежнему отступали, строго выдерживая разрыв в день пути.

Согласно предложению Иданфирса, одобренному военным советом, скифы отступили во владения меланхленов. Персы устремились за ними. Столкнувшись с угрозой персидского порабощения, меланхлены присоединились к скифам, увеличив их войско.

Затем скифы вторглись в пределы андрофагов. Последние, подобно меланхленам, предпочли союз со скифами персидскому рабству. Так же поступили и невры.

На очереди была страна агафирсов, но последние выслали к границам своих владений многочисленное войско и пригрозили скифам сражением, если те не оставят их в покое. Посовещавшись, скифские вожди пришли к единому мнению, что для них чрезвычайно опасно вступать в битву с агафирсами, имея в тылу персидское войско, и повернули в свои степи, увлекая за собой Дария.

На своей территории скифы активизировали военные действия. Отказываясь от большого сражения, они участили мелкие столкновения с противником. Обычно отряд скифских всадников в несколько сот человек близко подступал к персидской коннице и провоцировал ее на погоню. Вне себя от злости персы устремлялись за скифами, но на расстоянии в несколько парасангов от основного войска на них со всех сторон нападали скифы, поджидавшие в засаде. Из преследователей персы превращались в преследуемых. Во время бегства многие из них становились жертвами скифских лучников.

На день приходилось по два-три таких столкновения. Кроме того, скифы нападали и по ночам. Во время одной из таких ночных вылазок они угнали большой табун персидских лошадей. А однажды Дарий лишился почти половины своих колесниц. И случилось это вот как. Раздраженный появлением очередного отряда скифов, царь бросил на них колесницы. Растянувшись длинной цепью по степи, персидские колесничие заставили спасаться бегством не только тех скифов, которые были виновниками погони, но и тех, которые поджидали в засаде. Персам удалось даже уничтожить около двух сотен вражеских воинов. Однако остальные все же перехитрили их и на этот раз, заманив в болотистую местность. Завязнув в болоте, колесницы утратили маневренность, а скифы, повернув назад, в рукопашном бою перебили всех колесничих.

Дарию было жаль оставлять столько колесниц в болоте, и он послал пехотинцев отбить их у скифов. Но последние, вне-

запно напав на персов, наполовину уничтожили их отряд. Уцелевшие персы ни с чем вернулись к царю.

Потеряв терпение, Дарий решил вступить в переговоры со скифами и послал вестников к их вождям. Он велел сказать им следующее: «Скифы! Зачем вы все время убегаете от меня? Ведь это постыдно. К тому же у вас есть выбор. Если вы считаете себя сильными, то остановитесь и сразитесь со мной; если же нет, то признайте меня своим владыкой и принесите мне в дар землю и воду. Признав мое владычество, вы останетесь жить в своей стране, только будете ежегодно выплачивать мне дань».

Скифские вожди выслушали слова Дария и, посовещавшись, через тех же вестников дали ему такой ответ: «Царь персов! Ты укоряешь нас тем, что мы убегаем от тебя. Но ты заблуждаешься, считая нас трусами. Мы вовсе не спасаемся бегством из страха перед смертью. Такова наша тактика. Так воевали наши деды и прадеды, так воюем и мы — их достойные потомки. Ты спрашиваешь, почему мы не вступаем в открытое сражение с тобой. А зачем оно нам? Посуди сам: у нас нет ни городов, ни возделанных полей. Мы не боимся их разорения и поэтому не считаем нужным вступать в бой с тобой. Однако у нас есть могилы предков, и если ты непременно хочешь сразиться с нами, то найди их и попробуй разрушить. Вот тогда-то ты и узнаешь, станем мы сражаться за эти могилы или нет. И еще. Ты велишь нам прислать тебе в дар землю и воду. Но ты не дождешься их. Вместо этого мы пришлем другие дары, которых ты вполне заслуживаешь. А за то, что ты возомнил себя нашим владыкой, ты еще дорого заплатишь».

Через два дня в персидский стан прибыл скифский гонец и передал Дарию дары своих вождей: птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Царь спросил скифа, что означают эти дары, но тот ответил, что ему велено только вручить их и возвращаться.

— Царь! Если ты и твои приближенные достаточно умны и проницательны, то вы должны сами понять значение этих даров, — сказал в заключение посланник.

Дарию было над чем поломать голову. Сидя в своей повозке и рассматривая дары, он старался проникнуть в их тайный смысл и в конце концов решил, что скифы признают его власть и в знак покорности приносят ему землю и воду, как он того и требовал: ведь мышь живет в земле, питаясь, как и человек, ее дарами; лягушка же обитает в воде. Вот тебе земля и вода. Птицу Дарий отождествил из-за быстроты ее полета с конем, без которого было немыслимо существование скифов. Относительно стрел царь решил, что скифы складывают свое оружие к его ногам и отказываются от сопротивления.

Сделав подобные выводы, Дарий тем не менее сомневался в их правильности. Поэтому он собрал на совет своих приближенных, чтобы выслушать и их мнения. В угоду повелителю было высказано немало разных предложений, но ни одно из них не понравилось Дарию. Последним из приглашенных на совет выступил Гобрий, который в свое время участвовал в свержении мага Гауматы. Объясняя смысл скифских даров, он сказал следующее:

— Великий царь! По-моему, скифы, прислав тебе эти дары, хотели сказать: «Персы! Если вы, как птицы, не улетите в небо, или не зароетесь в землю, как мыши, или не поскачете в болото, как лягушки, то никогда не вернетесь домой, пронзенные этими стрелами».

Выслушав все мнения, Дарий распустил собравшихся. Гобрия же просил задержаться. Когда они остались вдвоем, царь угрюмо промолвил:

— Как это ни прискорбно, Гобрий, ты, видимо, правильно истолковал смысл скифских даров. Нам никогда не покорить кочевников. Я окончательно убедился в непокорности этого племени. Но что же мне делать? Как поступить? Что предпринять? Что ты мне посоветуешь, друг мой Гобрий?

— Повелитель! Надо возвращаться, пока скифы не извели нас, заставляя гоняться за собой по степи.

— И опять ты прав, Гобрий, надо возвращаться, — почти шепотом проговорил Дарий.

На следующий день персидское войско, оставив преследование скифов, повернуло на юго-запад, направляясь к берегам Истра, к тому месту, где через реку был переброшен мост.

Противники поменялись ролями: теперь персы отступали, скифы преследовали их, докучая внезапными нападениями. В результате персы теряли по нескольку тысяч человек ежедневно.

Между тем лето подходило к концу. За последний месяц не выпало ни одного дождя. Погода стояла жаркая, отчего трава, ранее покрывавшая степь пышным зеленым ковром, совершенно высохла. Из-за нехватки корма в персидском войске начался падеж животных. Один за другим издохли боевые слоны. Лошади гибли сотнями. Более выносливыми оказались мулы и верблюды.

Дарий облегченно вздохнул, когда его войско вышло к берегам Танаиса. Но вскоре радость сменилась разочарованием.

Часть скифского войска, обогнав персов, уже переправилась через Танаис и встретила противника, приступившего к переправе, лавиной стрел. Воды Танаиса обагрились кровью.

Дарий предпринял еще несколько попыток преодолеть реку — и так же неудачно.

И тут... скифы неожиданно отступили, предоставив противнику возможность спокойно выбраться на другой берег.

Два дня спустя персов постигла еще одна беда: скифы подожгли сухую траву. Казалось, горела вся степь, а так как ветер дул в сторону персов, то они очутились в пелене дыма и гари. Войско пришло в смятение: люди задыхались, многие пали жертвами удушья, вьючные животные вышли из повиновения и в невообразимой суматохе сбивали людей, затаптывая их до смерти.

Приближенные советовали Дарию возвратиться к Танаису, но царь и слышать не хотел об этом: спасение он видел только в движении вперед.

Повинуясь воле своего повелителя, персидские воины побросали повозки и вьючных животных и устремились вперед, туда, откуда на них надвигалась лавина огня. Многие стали жертвами всепожирающего пламени, но большинству все же удалось прорваться. Однако радости в этом было мало, так как они очутились посреди выжженного пространства. Ряды персов окончательно расстроились, пехотинцы смешались с всадниками, там-сям можно было видеть колесницы. Более организованно держались «бессмертные». Их численность значительно сократилась, но они по-прежнему окружали плотным кольцом своего повелителя.

Два дня шли персы по выжженной степи. Запасы воды кончились. Животные и люди страдали от нестерпимой жажды. Кто уже не в силах был бороться с жаждой, тот падал и умирал. Умирали по-разному: одни — молча, другие — со стонами, некоторые — с мольбами о помощи. Те, кто держался на ногах, проходили мимо умирающих, не обращая на них внимания. Всех гнало вперед стремление выжить. Милосердию здесь не было места.

Когда наконец выжженное пространство осталось позади, персы вздохнули с облегчением. Они утолили жажду из небольшой речушки, встретившейся им на пути, подкрепились лошадиным мясом и расположились на ночлег.

Ночь прошла спокойно. Однако утром персы с ужасом увидели вблизи своего лагеря скифское войско, построенное для битвы.

Случись это месяц назад, Дарий возблагодарил бы богов и судьбу за то, что они предоставили ему возможность сразиться со скифами в открытом бою. Но теперь им овладел панический страх. Он взглянул на свое войско. Оно напоминало сборище оборванцев, измученных до предела лишениями последних дней. К тому же от него едва осталась половина. Где мидийская пехота? Где бактрийская конница? Где знаменитые своей быстротой египетские колесницы? Где лучники из Арахосии? Где индийские боевые слоны? Их нет! Они почти все остались в необъятных степях Скифии. А здесь — сброд, не способный на воинский подвиг; это толпа, вызывающая у скифов лишь смех.

И вспомнилась Дарию плачевная кончина Кира Великого. Он не был в том походе на массагетов, но его отец Гистасп много рассказывал о том, как бесславно закончил дни свои основатель Персидской державы. «Неужели и мне уготована такая же судьба? — подумал Дарий. — Нет, не такая, а много хуже. Кир погиб от массагетских стрел и копий, в бою, как настоящий воин, мне же, великому царю, царю царей, суждено стать скифским рабом, которому выколют глаза, чтобы лишить возможности убежать, и заставят до конца дней доить коров и кобыл. Ну нет — только не это...» И рука Дария потянулась к акинаку, висевшему в ножнах на прошитом золотом поясе.

Однако мысль о самоубийстве исчезла так же внезапно, как и возникла: решимость покинула царя. В изнеможении он сел и погрузился в молчание, лишь изредка бросая тревожные взгляды на скифов, которые по-прежнему стояли в отдалении, готовые к бою. Непонятно, почему они не начинают битву?

Медленно тянулось время. Солнечный диск неспешно совершал свой обычный путь по небосклону. Миновал полдень, еще несколько часов — и солнце стало клониться к закату. И тут случилось неожиданное: скифское войско повернуло и начало отходить, а вскоре и вовсе исчезло, поглощенное вечерними сумерками.

Дарий не мог понять случившегося, но на душе стало легче. Появилась надежда на спасение.

С наступлением темноты он пригласил на совет своих военачальников.

— Я нуждаюсь в дельном совете. Кто подскажет мне, как нам с наименьшими потерями вернуться домой? — спросил он у собравшихся.

Все только пожимали плечами и молчали. Никто так и не посоветовал царю ничего определенного. Наконец заговорил Гобрий.

— Мне кажется, государь, — тихо произнес он, — что лучше будет, если ты этой же ночью оставишь на произвол судьбы слабосильных воинов и вьючных животных и в окружении «бессмертных» и конницы, еще способной к бою, поспешишь к берегам Истра, до которого всего несколько дней пути. Если великому Ахурамазде будет угодно, ты благополучно доберешься до Истра и на эллинских кораблях возвратишься домой. Другого выхода я не нахожу.

Дарий услышал от Гобрия то, о чем уже и сам подумывал. Однако его мучили сомнения, не покинули ли эллины мост: ведь шестьдесят дней, отведенные им на охрану моста, давно истекли. Когда царь сказал об этом Гобрию, тот, не колеблясь, ответил:

— Не думаю, чтобы Гистиэй и другие предводители эллинов разрушили мост и покинули берега Истра. Они, как никто другой, заинтересованы в твоем благополучии, государь, ведь только от тебя зависит — быть им впредь правителями в своих городах или нет.

— Да, Гобрий, в твоих словах есть резон, — сказал Дарий. — Считай, что ты убедил меня. Мы выступаем сегодня же ночью, после полуночи. Что касается «бессмертных», то они готовы тронуться в путь хоть сейчас, но их будет недостаточно для моей охраны. Так что вам, мои военачальники, я приказываю собрать лучших всадников и отвести их подальше от лагеря, распустив слух, что им поручено охранять ночью лагерь от скифов. И помните: все должно делаться в строжайшей тайне, чтобы никто не узнал о нашем бегстве.

На этом Дарий распустил совет, а два часа спустя в окружении «бессмертных» покинул лагерь. Вскоре к нему присоединился отряд конницы приблизительно в двадцать тысяч всадников. Ориентируясь в ночи по звездам, повелитель Персии удалялся все дальше от остатков своей армии, обреченной на гибель.

На следующий день персидским воинам, которые остались в лагере, стало известно, что Дарий бросил их на произвол судьбы. Они были возмущены предательством царя и проклинали его. Среди них так и не нашлось предводителя, который смог бы сплотить их. Некоторые поплелись вслед за бежавшим царем, но вскоре поспешно вернулись в лагерь, принеся с собой весть о приближении скифов.

И действительно, через несколько минут появилось скифское войско. Кочевники неслись во весь опор на персидский лагерь. Сотни персов погибли от стрел еще до того, как скифы приблизились к ним вплотную. Затем завязалась рукопашная

схватка. Персы дрались с остервенением обреченных. Каждый из них знал, что непременно погибнет, и поэтому хотел продать свою жизнь подороже. В этой битве от персидских мечей, секир и копий полегло немало скифов. Но преимущество было на стороне последних. К вечеру битва закончилась. Персы были уничтожены, за исключением нескольких тысяч, которых скифы взяли в плен. Добив раненых, победители уселись пировать прямо на поле брани.

Еще до начала сражения отряд скифов в несколько сот человек под предводительством Скопасиса отправился к Истру, чтобы перебить эллинов, стерегущих мост, а сам мост уничтожить.

Достигнув реки, они напали на эллинов. Гистиэй построил своих воинов фалангой и отразил нападение кочевников. Отдельным скифам, правда, удалось пробиться к мосту, и они пытались поджечь его горящими стрелами, но эллины не допустили пожара, своевременно залив огонь водой.

Видя, что к мосту не подступиться, Скопасис решил вступить в переговоры. Он послал эллинам глашатая, владевшего их языком, и велел ему сказать следующие слова: «Эллины! Мы уничтожили войско персидского царя; его самого постигла печальная участь, так что поскорее разрушайте мост, уходите подобру-поздорову и благодарите своих богов за то, что они не отняли у вас возможности спастись».

Эллины, хотя и не поверили словам скифов, думая, что те бахвалятся, поняли, что дела Дария плохи. Поэтому они собрались на совет. Первым выступил правитель Херсонеса Мильтиад.

— Мне кажется, что скифы говорят правду. Но даже если это и не так и Дарий еще жив, мы все равно должны разрушить мост. Этим мы дадим шанс городам Ионии освободиться от персидского владычества, и потомки прославят наши имена в веках.

Слова Мильтиада вызвали оживленные споры среди собравшихся. Было видно, что большинство готово поддержать херсонесского тирана. Тогда слово взял Гистиэй.

— Соратники! — воскликнул он. — Я вижу, что совет Мильтиада пришелся по душе большинству из вас. Что до меня, то я придерживаюсь другого мнения. Не мне вам говорить, что власть каждого из нас всецело зависит от Дария; это с его высочайшего соизволения мы являемся правителями в своих городах. Не станет царя — нашей власти придет конец,

ибо каждый город предпочтет демократию господству тирана. А кого из вас удовлетворит подобный исход? Так что мы должны до конца хранить верность Дарию, который, как мне кажется, еще жив и скоро прибудет сюда.

Слова Гистиэя произвели на собравшихся куда большее впечатление, чем выступление Мильтиада. Даже те, кто до этого согласился с мнением херсонесского правителя, теперь приняли сторону правителя Милета.

После непродолжительной паузы Гистиэй продолжил:

— А пока мы будем ждать подхода Дария, нам предстоит сделать две вещи: частично разобрать мост со стороны скифов и послать за помощью к Мегабазу, которого Дарий оставил во Фракии с восьмидесятитысячным отрядом.

И этот совет Гистиэя был встречен с одобрением. Не теряя времени, эллины взялись за дело. Сразу же отправили гонцов к Мегабазу, а на следующий день начали разбирать мост. Вскоре дощатый настил был убран на расстояние полета стрелы от скифского берега реки. Теперь противник лишился возможности поджечь деревянную переправу через Истр.

Проходили дни. Наконец из Фракии прибыл Мегабаз со своим войском. Он хотел было переправиться на другой берег Истра и идти на помощь Дарию, но эллины убедили его не делать этого: местонахождение царя неизвестно и во время поисков можно угодить в ловушку. Мегабаз послушался совета.

Однажды ночью воинов, которые несли ночную стражу на мосту, привлекли громкие крики и звон оружия с другого берега. Долго они прислушивались и всматривались в темноту, но так и не могли понять, что же там происходит. Послали за Гистиэем.

Между тем рассвело, и когда Гистиэй прибыл на мост, то увидел на противоположном берегу персов. Он понял, что это остатки войска Дария. Приказав своим людям наладить переправу, Гистиэй на корабле поплыл на другую сторону. Час спустя он уже преклонил колена перед Дарием.

Царь кратко поведал о судьбе, постигшей его войско, и попросил как можно скорее переправить своих воинов на другой берег Истра, потому что основные силы скифов могут нагрянуть с минуты на минуту.

Гистиэй с присущим ему рвением бросился выполнять приказ. К полудню мост был восстановлен, а к вечеру немногочисленный отряд персов был уже на другом берегу реки. После этого Дарий распорядился поджечь мост. Целую ночь над Истром пылало яркое пламя. К утру от моста остались лишь обгоревшие сваи, но Дарий уже не видел этого. Отвергнув пред-

ложение Гистиэя доставить его к Боспору на кораблях, он тронулся в путь в окружении воинов Мегабаза, своих «бессмертных» и уцелевшего отряда конницы.

В скором времени Дарий прибыл в город Сест на берегу Геллеспонта, где его ожидали финикийские корабли. Прежде чем переправиться на азиатский берег, он призвал к себе Мегабаза:

— Мегабаз, я оставляю тебя с твоим войском во Фракии. Восточную часть этой страны я покорил, идя походом на скифов, тебе же предстоит завоевать западную. На северо-запад от Фракии, насколько мне известно, лежит Македония. Так вот, я хотел бы, чтобы и македоняне платили мне дань. Ты понял? Если ты завоюешь для меня эти земли, я сделаю тебя их сатрапом. Кроме того, ты получишь от меня много золота и драгоценных камней, а одну из своих дочерей я отдам тебе в жены.

— О великий царь! Клянусь Ахурамаздой, я выполню твое повеление! — заверил Мегабаз.

На следующий день Дарий перебрался на азиатский берег и направился в Сарды. Прибыв в столицу Лидии, он вспомнил, что не отблагодарил Гистиэя за то, что тот дождался его на Истре. Вспомнил и о Кое из Митилены, который в свое время дал ему дельный совет. Поэтому царь послал в Милет и Митилену гонцов с повелением Гистиэю и Кою срочно прибыть в Сарды.

Когда Гистиэй и Кой явились, Дарий спросил Гистиэя, что бы тот хотел иметь в награду за услугу.

— Мой повелитель! — сказал Гистиэй. — Твоей милостью я уже являюсь правителем Милета и считаю, что этого вполне достаточно. Но если ты решил дать мне еще больше, то я попросил бы у тебя во владение местность под названием Миркин во Фракии, к востоку от реки Стримон.

— Позволь узнать, Гистиэй, зачем тебе дикая местность, заселенная варварами? — спросил Дарий.

— Я хочу основать там город и заселить его выходцами из Милета.

— Ну что ж, раз ты так решил, то бери Миркин и владей им.

Кой попросил Дария сделать его тираном Митилены. Оставаясь верным своему слову, царь позвал писца и продиктовал ему приказ о назначении Коя правителем Митилены, после чего скрепил пергамент своей печатью.

Поначалу Дарий не собирался долго задерживаться в Сардах, но жизнь в столице Лидии пришлась ему по душе, и он решил остаться там на какое-то время. Месяц спустя он вызвал из Суз своих жен и приказал приехать в Сарды всем царедворцам, которых оставил в Сузах, отправляясь в поход на скифов. Таким образом, всем стало ясно, что царь временно делает Сарды своей резиденцией, чего не было ни при Кире Великом, ни при Камбисе.

Долгое время Дария не покидали воспоминания о неудачном походе. Он очень сожалел о потере многотысячного войска. О, если бы он мог предвидеть ход событий, то никогда не повел бы свою армию в Скифию, а двинул бы ее на Элладу, как ему советовали многие, и наверняка к этому времени уже подчинил бы себе большинство эллинских городов! Однако постепенно горечь разочарования прошла, и царь вернулся к обычной жизни. Он стал выезжать на охоту в окрестности Сард, устраивал пиры и вершил суд.

Год спустя к Дарию прибыл Мегабаз. Он привел с собой в Сарды много рабов-фракийцев и рассказал, как сравнительно легко ему удалось подчинить западные фракийские племена. Македония, по словам Мегабаза, тоже признала владычество персов, и в знак покорности македонский царь Александр отдал в гарем Мегабазу свою сестру Гигею.

Донесение Мегабаза очень обрадовало Дария. Фракия и Македония представляли собой хороший плацдарм для подготовки похода на Элладу, и он вновь вернулся к мысли о покорении эллинов.

Царь собирался воздать хвалу деяниям Мегабаза, но заметил, что тот хочет что-то сказать.

— Что у тебя еще, Мегабаз? — спросил он.

— Повелитель! Мне кажется, что ты поступил не очень дальновидно, разрешив хитрому эллину Гистиэю основать на берегах Стримона, в Миркине, город. Его действия вызывают опасения у меня. Посуди сам: всего за год Гистиэй переселил туда множество эллинов не только из Милета, но и из других городов Ионии. Он расположил к себе тамошних варваров, которые увидели в нем своего вождя. По его повелению из Миркина вывозится много корабельного леса, из которого на верфях Милета строят корабли. Кроме того, Гистиэй приступил к разработке серебряных рудников и уже получает огромный доход. Если и дальше так пойдет, то в скором времени Гистиэй станет могущественным человеком, в его распоряжении будут и деньги, и корабли, и хорошо обученные воины, готовые выполнить любое его повеление. А это опасно. Так что,

повелитель, мой тебе совет: прикажи Гистиэю явиться к тебе и заставь прекратить начатое им. Когда же он окажется в твоих руках, сделай так, чтобы он больше уже не вернулся ни в Милет, ни на берега Стримона.

Дарий поблагодарил Мегабаза за совет и пообещал обдумать его. В этот же день он устроил в честь Мегабаза роскошный пир, на котором покорителю Фракии и Македонии было даровано право возлегать на ложе рядом с повелителем Персии.

Во время пира Дарий, отведав мясных блюд, собирался есть гранат. Едва он разрезал плод, его брат Артабан спросил:

— Государь! Что бы ты хотел иметь в таком же количестве, как зерен в плоде граната?

Не долго думая, Дарий ответил:

— Я хотел бы, чтобы в моем окружении было больше таких людей, как Мегабаз.

После того как Мегабаз покинул Сарды, Дарий обдумал все, что тот сообщил ему о действиях Гистиэя. Царь долго размышлял над тем, как ему поступить с милетским тираном. С одной стороны, Гистиэй был ему другом, царь чтил его как мудрого советника; с другой — возведение города на Стримоне и строительство кораблей на милетских верфях действительно вызывали опасения. Дарий представил себе, какие последствия это может иметь, и пришел к заключению, что деятельности Гистиэя нужно положить конец. Он отправил в Миркин гонца с письмом следующего содержания: «Гистиэй! Я часто вспоминаю о тебе и не вижу, чтобы кто-то из эллинов был преданнее тебя как лично мне, так и моему государству. Признаюсь, мне иногда не хватает твоего общества. К тому же я задумал в ближайшее время совершить великие деяния, поэтому прошу тебя явиться ко мне как можно скорее, ибо желаю сообщить тебе о своих планах и спросить твоего совета».

Гистиэй прибыл в Сарды раньше, чем того ожидал Дарий. Такая поспешность лишний раз убедила царя в его исключительной преданности.

— Гистиэй! — сказал Дарий при встрече с ним. — Я послал за тобой, потому что соскучился. Ты мудрый человек и верный друг, мне всегда было приятно беседовать с тобой. Ты хорошо поступил, что явился по первому моему зову. Я предлагаю тебе оставить Милет и недавно основанный город и поселиться при моем дворе. Ты станешь моим советником и сотрапезником.

Как ни велика была честь, оказываемая ему царем, Гистиэй все же попробовал убедить Дария, что принесет ему больше пользы, оставаясь в Милете. Однако Дарий стоял на своем, и Гистиэю пришлось подчиниться его воле.

— Повелитель! В своем письме ты говорил, что собираешься совершить великое деяние. Если не секрет, скажи, что именно ты задумал? — спросил Гистиэй, видя, что дальнейшие споры о возвращении на родину бесполезны.

— Я намереваюсь идти походом на Индию. Ведь Кир Великий подчинил только тех индийцев, которые живут по берегам Инда, а мне хотелось бы иметь данниками и другие индийские племена, у которых, по рассказам купцов, много золота и прочих богатств. Индийцы — народ оседлый, живут по деревням и городам, и мне не придется гоняться за ними, как за скифами. Думаю, что этот поход принесет мне и славу, и огромное богатство.

— И когда же ты собираешься выступить?

— Скоро, Гистиэй, скоро, — ответил Дарий.

На этом они расстались.

Через месяц Дарий покинул Сарды, пробыв там около полутора лет, и направился в Сузы. Сатрапом в Лидии он оставил своего брата Артафрена, а правителем приморской области поставил знатного перса Отана, сына Сисамна. Вместе с царем отправился и Гистиэй, уговорив повелителя Персии назначить правителем Милета своего двоюродного брата Аристагора.

По пути в Сузы Дарий решил заглянуть в Экбатаны — древнюю столицу Мидии. Не доехав до нее, он остановился в крепости Бехистун. Тамошние места славились обилием дичи, и царю захотелось поохотиться здесь.

Во время охоты внимание Дария привлекла отвесная скала, возвышавшаяся неподалеку от дороги из Сард в Экбатаны. Царь решил сделать на ней клинописные надписи, которые запечатлели бы всю его деятельность с момента вступления на престол. Он продиктовал писцам текст и приказал перевести с персидского языка на эламский и аккадский.

Надпись начиналась так: «Я — Дарий, царь великий, царь царей, царь в Персии, царь стран, сын Гистаспа, внук Арсама, Ахеменид. Говорит Дарий-царь: «Мой отец — Гистасп, отец Гистаспа — Арсам, отец Арсама — Ариарамн, отец Ариарамна — Теисп, отец Теиспа — Ахемен. Поэтому мы называемся Ахеменидами. Искони мы пользуемся почетом, искони наш

род был царственным. Восемь человек из моего рода были до меня царями. Я — девятый. Девять нас были последовательно царями. По воле Ахурамазды я — царь»*.

Далее шло перечисление сатрапий, входивших в состав Персидского царства, и повествовалось о том, как Дарий отнял власть у мага Гауматы и сам стал царем. Затем подробно описывалось, как ему удалось подавить многочисленные восстания, вспыхнувшие в разных местах в самом начале его царствования. Единственное, о чем не упомянул повелитель Персии, — это о походе на скифов, который окончился полным провалом.

Когда текст надписи был готов, Дарий вызвал к себе коменданта крепости Бехистун и поручил ему собрать каменотесов и резчиков по камню.

— Через год надпись на скале должна быть готова. Я лично приеду посмотреть, — наказал царь коменданту Бехистуна.

На подготовку индийского похода Дарию потребовалось около года. На этот раз его войско состояло преимущественно из пехотинцев, а по численности значительно уступало той армии, которую царь водил в Скифию.

Наконец выступили в поход. Пройдя по Дрангиане и Саттагидии, персидское войско достигло среднего течения Инда. Переправившись через реку, Дарий вторгся во владения индийских племен и покорил некоторые из них. Однако он не рискнул идти в глубь Индии.

Перебравшись на противоположный берег, царь собирался вернуться в Персию. Но прежде призвал к себе кариандинца Скилака, слывшего отважным мореходом, и приказал ему на нескольких кораблях спуститься вниз по течению Инда к морю. Скилак должен был разузнать о племенах в низовьях Инда.

После этого Дарий благополучно вернулся в Сузы, оставив в завоеванных землях военные гарнизоны.

Десять последующих лет прошли спокойно. Дарий больше не водил персов в походы. Он мирно жил то в Сузах, то в недавно построенном Персеполе, то в Пасаргадах, то в Вавилоне, то в Экбатанах.

Гистиэй все это время находился при царе. Хотя последний и оказывал ему великие почести, Гистиэю давно прискучила

* Хрестоматия по истории Древнего Востока / Под ред. М. А. Коростовцева, И. С. Кацнельсона, В. И. Кузищина. Т. 2. М., 1980. С. 24.

бездеятельная жизнь в Персии. Он мечтал о возвращении в Ионию, но Дарий ни за что не хотел его отпускать. Всякий раз, когда милетянин обращался к повелителю Персии с просьбами отпустить его хотя бы на месяц, тот отвечал: «Я уже однажды отпустил кротонца Демокеда, который, очутившись на родине, сразу забыл о своих обещаниях вернуться. Так что, Гистиэй, не стану я рисковать, ты мне нужен здесь».

Однако Гистиэй не думал сдаваться и продолжал искать способ вернуться на родину. Вскоре ему стало известно, что его двоюродный брат и преемник в Милете Аристагор попал в немилость к брату Дария Артафрену, сатрапу Лидии. «А что, если убедить Аристагора поднять восстание против персов, — подумал Гистиэй. — Тогда царь точно пошлет меня в Ионию уладить тамошние дела».

Ухватившись за эту идею, Гистиэй тайно отправил в Милет верного человека передать Аристагору следующее послание: «Аристагор! Мне совершенно точно известно, что царь Дарий хочет расправиться с тобой. Не знаю, чем ты не угодил ему и его брату Артафрену, но дело серьезное. Так что не лучше ли тебе, не дожидаясь расправы, поднять города Ионии на восстание против персов? Ионяне достаточно сильны, чтобы свергнуть персидское господство. Они легко смогут добыть себе свободу, если будут действовать решительно. Подумай над моим советом, Аристагор».

В начале 500 года в Сузы пришла весть о том, что в Ионии вспыхнуло восстание. Объединившись и призвав в союзники афинян, ионийские эллины напали на Сарды. Столица Лидии оказалась в руках повстанцев — кроме акрополя, в котором засел персидский гарнизон во главе с Артафреном. Чуть позже в Сардах вспыхнул пожар, и большая часть города была уничтожена огнем. Ходили слухи, будто пожар учинили афиняне.

Узнав об этом, Гистиэй весьма обрадовался.

Дарий же, получив сообщение и выяснив, что виновниками пожара были афиняне, распалился гневом. Он поклялся жестоко покарать восставших, особенно афинян, и приказал одному из слуг каждый день перед обедом трижды повторять ему: «Государь! Помни об афинянах!»

Раздумывая о причинах восстания, Дарий заподозрил Гистиэя в причастности к событиям в Ионии: уж не он ли тайно подговорил ионян, в частности своего двоюродного брата Аристагора, подняться на мятеж против персов? Царь решил испытать Гистиэя и вызвал его к себе.

— Гистиэй! — сказал он. — Тебе уже известно, что твой преемник Аристагор, которому ты поручил правление Милетом, взбунтовал против меня всю Ионию. Заручившись под-

держкой афинян, он поджег Сарды — один из красивейших городов моего царства. Как могло такое произойти? Уж не ты ли надоумил Аристагора подняться на мятеж? Если так, то смотри, как бы тебе не пришлось раскаиваться.

Спокойно выслушав Дария, Гистиэй ответил:

— Царь! Неужели ты подозреваешь меня в измене? Но с какой стати я стал бы злоумышлять против тебя? Чего мне еще недостает при твоем дворе? Если мой преемник и родственник взбунтовался против тебя, то знай, что сделал он это по собственному почину. Теперь ты понимаешь, повелитель, какую ошибку ты допустил, забрав меня к себе? Если бы я остался в Ионии, ни один город не осмелился бы восстать. Но положение еще можно исправить. Отправь меня в Ионию, и я, клянусь богами, прекращу там беспорядки.

Гистиэю нужно было скрыть истину, и это у него прекрасно получилось. Поверив в искренность своего советника и сотрапезника, царь отпустил его в Ионию с надеждой, что тот убедит ионян сложить оружие.

Вслед за этим Дарий послал войско в Сарды на выручку своему брату Артафрену, который из последних сил отражал приступы ионян, находясь на акрополе лидийской столицы. Во главе этого войска он поставил Давриса, женатого на одной из его дочерей. Вскоре персы вытеснили ионян из Сард и, разделившись, стали завоевывать их города. У реки Марсий произошла кровопролитная битва, в которой погибло две тысячи персов и десять тысяч ионян и союзных с ними карийцев. Еще раз противники встретились у города Педас. Здесь уже персы потерпели поражение, но быстро оправились от него и продолжили разорение ионийских городов.

Видя, что инициатива перешла к персам, предводитель восстания Аристагор покинул Милет и с группой соратников направился во Фракию, в Миркин. Но там на его отряд напали фракийцы, посланные Мегабазом. Аристагор погиб в сражении.

Между тем восстание продолжалось. Теперь восставшие сконцентрировали свои силы на море. Они располагали достаточным количеством кораблей, чтобы не допустить персов на острова. Кроме того, на кораблях подвозилось продовольствие в приморские города, осажденные персами.

К этому-то времени в Ионию и прибыл Гистиэй. Ионяне спросили у него, почему он так настойчиво побуждал Аристагора восстать против персов и этим навлек на них большую беду. Опасаясь разоблачения, Гистиэй солгал, будто Дарий задумал переселить финикийцев в Ионию, а ионян — в Финикию. Он, как истинный ионянин, не мог этого допустить.

Ионяне поверили Гистиэю и сделали его одним из руководителей восстания. Жители Лесбоса предоставили ему восемь кораблей. С этими кораблями Гистиэй отплыл через Геллеспонт к городу Византий. Заняв там удобную позицию, он стал захватывать все корабли, идущие из Понта Эвксинского. Вскоре в его распоряжении был целый флот.

На пятый год восстания Дарий послал в Ионию финикийский флот в шестьсот кораблей. Ионяне смогли выслать только триста пятьдесят три триеры. У небольшого острова Лада, близ осажденного Милета, произошло морское сражение. Используя численное преимущество, персы нанесли ионянам сокрушительное поражение. Лишь немногим ионийским кораблям удалось спастись.

Имея в своем распоряжении несколько триер и отряд опытных воинов, Гистиэй еще несколько месяцев нападал на персов, но в конце концов попал в плен к персидскому военачальнику Гарпагу. Последний передал пленника Артафрену, а тот казнил его, сказав перед казнью:

— Гистиэй, мне совершенно ясно, что именно ты являешься организатором восстания. Из-за собственной прихоти ты подбил ионян на мятеж, а они расплатились за это десятками разрушенных городов, сотнями потопленных кораблей, тысячами убитых, десятками тысяч проданных в рабство.

Уже мертвому, Гистиэю отрубили голову и, набальзамировав, отослали в Сузы к Дарию. Царь выразил неодобрение тем, что виновника восстания не доставили к нему живым, хотя такая возможность была. Как он ни был зол на Гистиэя, но все же приказал слугам обмыть его голову и удостоить погребением: ведь царь помнил о заслугах милетского правителя.

В 494 году до н. э. с восстанием было покончено: пал центр восстания — Милет, в течение долгого времени выдерживавший осаду персов. Город был разрушен, а жители полностью уничтожены. К концу этого же года были приведены к покорности и все другие восставшие города Ионии.

Дарий вздохнул с облегчением. Семь лет борьбы с эллинами потребовали от него большого напряжения сил.

На протяжении нескольких лет каждый день перед обедом слуга трижды повторял Дарию одни и те же слова: «Государь! Помни об афинянах!»

Расправившись с ионийскими эллинами, царь решил отомстить афинянам за пожар в Сардах. Но это был лишь предлог для нового похода. В действительности же Дарий уже давно мечтал о завоевании всей Эллады.

Год Дарий готовил армию к походу на эллинов. Во главе ее он поставил Мардония, сына Гобрия, который хорошо знал военное дело. К тому же он приходился царю зятем: совсем недавно Дарий выдал за него свою дочь Артозостру.

Перед выступлением войска из Суз Дарий сказал ему:

— Мардоний! Я давно думаю о покорении Эллады. Теперь для этого появилась реальная возможность. Ты должен гордиться, что именно тебе выпала честь завоевать Элладу. Я даю тебе большое войско и шестьсот кораблей. Ни один эллинский город не сможет устоять перед такой силой. Но помни: эллины коварны; имея с ними дело, надо держать ухо востро, особенно с афинянами. Именно с них ты и начнешь покорение Эллады и расквитаешься за сожжение Сард. А теперь ступай, Мардоний, и да пребудет с тобой милость Ахурамазды.

Прибыв к Геллеспонту, Мардоний переправил часть своего войска на европейский берег и препоручил ее другим военачальникам, приказав им двигаться вдоль побережья на запад — через Фракию в Македонию. Сам же с остальными воинами отправился в том же направлении, только морем. Вскоре он достиг острова Фасос и захватил его без сопротивления со стороны местного населения.

Оставив на Фасосе гарнизон, Мардоний направился к берегам Халкидики, куда должна была подойти сухопутная часть его войска. Когда флот проплывал мимо мыса Афон, на море разыгрался сильный шторм, ставший причиной гибели до трехсот персидских кораблей: одни затонули вместе с экипажами, другие разбились об афонские утесы. Велики были и людские потери. По свидетельству Геродота, Мардоний потерял около двадцати тысяч человек.

Эта катастрофа означала крах всей экспедиции. Однако Мардоний не потерял самообладания. Уцелевшие корабли он отвел в Афонскую бухту и оставил там, ибо они требовали основательного ремонта, а с оставшейся частью пехотинцев берегом отправился на поиски отряда, который шел сушей.

Мардоний дошел до Македонии, так и не встретив своих, и решил расположиться лагерем, чтобы дать воинам отдохнуть. Однажды ночью на персидский лагерь напали фракийцы из племени бригов. Персам удалось отразить нападение ценой огромных потерь. Сам Мардоний был ранен в ночной схватке: фракийская стрела пробила ему левое плечо.

Отряд был бы непременно уничтожен, если бы на следующий день не подошла часть персидского войска, двигавшаяся сушей. Залечив рану, Мардоний повел персов против бригов и жестоко покарал их: селения бригов были разрушены и сожжены, а пленные угнаны в рабство.

Не решившись идти на Элладу со значительно поредевшим войском, Мардоний повернул назад, переправился через Геллеспонт и в конце 492 года до н. э. предстал перед Дарием в его дворце в Сузах. Повелитель Персии не на шутку разгневался на нерадивого полководца и отстранил его от командования.

— Отныне, Мардоний, тебе нет места при моем дворе. Убирайся прочь и не смей попадаться мне на глаза, иначе горько пожалеешь об этом, — произнес Дарий, еле сдерживая себя.

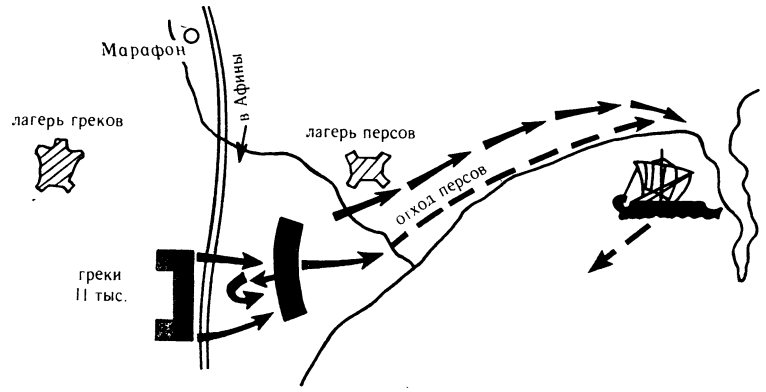
Неудача Мардония хотя и глубоко разочаровала Дария, но не охладила его воинственного пыла. Он безотлагательно приступил к организации нового похода против эллинов. Вместо Мардония во главе двадцатитысячного экспедиционного корпуса, состоявшего из отборных воинов, царь поставил знатного мидянина Датиса и своего племянника Артафрена. По городам Ионии был разослан его приказ приступить к постройке военных и грузовых кораблей, необходимых для перевозки воинов и лошадей во время предстоящего похода. Одновременно Дарий отправил глашатаев во многие города Эллады с повелением требовать «земли и воды» в знак подчинения.

Геродот пишет, что, когда послы Дария прибыли в Спарту, раздраженные требованием персидского царя спартанцы бросили их в глубокий колодец, сказав, что там они найдут и землю и воду. Афиняне же сбросили непрошеных гостей в пропасть, куда обычно бросали преступников. Узнав об этом, Дарий велел войску срочно выступать и как можно скорее наказать дерзких афинян и спартанцев.

Летом 490 года до н. э. Датис и Артафрен покинули Сузы и направились в Ионию, где их ожидал флот, построенный ионянами по приказу Дария. Сев на корабли, персы поплыли к берегам острова Эвбея, на котором находился город Эретрия. Дарий велел Датису и Артафрену разрушить этот город, так как эретрийцы принимали участие в восстании ионийских эллинов. Шесть дней Эретрия мужественно оборонялась, но в городе нашлись предатели и открыли ворота врагам. Ворвавшись в город, персы разрушили его до основания, а жителей обратили в рабство.

После разрушения Эретрии персы направились к берегам Аттики*. Афинский изгнанник Гиппий, сын бывшего тирана Писистрата, посоветовал Датису и Артафрену сначала разорить всю область, а затем подступить к Афинам и обложить их

* Аттика — область в Средней Греции, которой владели афиняне.



осадой. Он утверждал, что в городе есть люди, которые охотно откроют персам ворота.

В Аттике персы высадились в районе Марафона. Здесь их уже поджидало десятитысячное афинское ополчение и отряд в тысячу воинов из союзного с Афинами города Платеи. Этим войском командовал Мильтиад, который некогда принимал участие в походе Дария на скифов и дал эллинам совет разрушить мост через Истр.

12 сентября 490 года до н.э. между персами и афинянами произошло сражение, вошедшее в историю под названием Марафонской битвы. Невзирая на численное превосходство, персы потерпели поражение, потеряв убитыми около 6400 человек. Потери победителей были значительно меньше — всего 192 воина. Кроме того, афинянам удалось захватить персидский лагерь и отбить у противника семь кораблей.

Сразу же после сражения персы сели на корабли и поспешили к Афинам. Датис и Артафрен намеревались захватить город в то время, когда его защитники находились в Марафоне, занимаясь погребением своих павших соотечественников. Однако полководец Мильтиад разгадал их план и с войском поспешил на выручку родному городу. Афиняне двигались так быстро, что прибыли в Афины раньше персов. Увидев это, Датис и Артафрен повернули свои корабли и отправились домой, в Персию, по пути захватив с собой пленных эретрийцев, чтобы хоть как-то загладить вину перед Дарием за неумелое ведение войны.

Когда Дарию стало известно о поражении персидского войска при Марафоне, он разъярился. «Дважды я посылал отборное войско против дерзких афинян, и оба раза меня постигала неудача. Неужели боги афинян сильнее нашего Ахурамазды? Нет! Я никогда не поверю в это и поэтому приступаю к формированию нового войска. Пусть на подготовку следующего похода уйдет два, пусть три года, но я не успокоюсь до тех пор, пока численность моего войска не станет такой, что на каждого эллина придется по двадцать, а то и по тридцать персидских воинов. Вот тогда и посмотрим, какой вид будут иметь эллинские храбрецы!» — так размышлял Дарий, бродя ночами в одиночестве по своему дворцу в Сузах.

Встретившись с вернувшимися из неудачного похода Датисом и Артафреном, Дарий не стал их наказывать за позорное поражение. Эретрийцев же, которых ему привели полководцы-неудачники, приказал поселить в местности под названием Ардарикка, где они должны были добывать раданаку*, пока не вымрут от вредного и изнурительного труда.

Итак, Дарий задумал еще один поход на Элладу. По его мнению, на этот раз ее следовало завоевать одним махом от Аттики до острова Сицилия. Разумеется, что организация грандиозной военной операции требовала такой тщательной подготовки, какой Азия еще не видела со времен скифского похода.

В середине 489 года до н. э. царь вызвал в Сузы сатрапов всех сатрапий, тиранов ионийских городов, правителей отдельных областей и зависимых от него царьков и князей, какими, например, были индийские раджи из районов, подвластных Персии. Состоялся большой военный совет, на котором Дарий поставил перед каждым определенные задачи по подготовке нового похода. Одни сатрапии должны были доставлять в Малую Азию продовольствие, другие — лошадей, верблюдов и мулов, третьи — оружие и так далее. Строительство флота численностью более тысячи кораблей было возложено на финикийцев и ионян. С индийских раджей Дарий потребовал боевых слонов. На выполнение всего этого царь давал три года. В заключение военного совета он объявил, что сам поведет войско на Элладу.

После этого Дарий уехал в Персеполь, где собирался провести некоторое время в роскоши тамошних дворцов и поохотиться на диковинных животных и птиц в парадизе.

---

* Раданака — нефть; в те времена использовалась как горючий материал для светильников.

Возраст повелителя Персии приближался к семидесяти годам. Государственные дела и суета дворца стали его утомлять, и ему все чаще хотелось тишины и уединения, а недавно построенный Персеполь как раз и был таким местом, где можно было вкусить и того и другого. Дарий умышленно оставил в Сузах своих сыновей и гарем, взяв с собой только свою любимую жену Артистону, которая на протяжении многих лет была для него верным другом и прекрасной собеседницей.

Однажды, бродя с Артистоной по персепольскому дворцу, Дарий обратил внимание на настенную надпись, которую сам велел высечь много лет назад.

— Прошу тебя, Артистона, прочти мне, что там написано.

Послушная желанию своего царственного супруга, Артистона принялась читать: «Великий бог Ахурамазда, который создал все то великолепие, которое видимо, который создал благоденствие для человека, который одарил Дария-царя разумом и доблестью. Говорит Дарий-царь: «По воле Ахурамазды я — такого нрава, что для правдивого я друг, для несправедливого я — недруг. Не таково мое желание, чтобы слабый терпел несправедливость ради сильного, но и не таково мое желание, чтобы сильный терпел несправедливость ради слабого. Мое желание — справедливость. Лживому человеку я не друг. Я не вспыльчив. Когда я во гневе, я твердо держу это в своей душе, я твердо властвую над собой. Человеку, который содействует мне, я воздаю в меру его содействия. Человека, который вредит, я наказываю в меру причиненного им вреда. У меня нет желания, чтобы человек вредил, и нет желания, чтобы, если он навредил, он не был бы наказан. Человек, который приносит в меру своих сил, доставляет мне удовлетворение, я ему благоволю и бываю весьма доволен. Как военачальник я — отличный военачальник... Я обладаю неутомимой силой в руках и ногах, как всадник я — отличный всадник. Как стрелок из лука я — отличный стрелок из лука как в пешем, так и в конном строю. Как копьеметатель я — отличный копьеметатель как в пешем, так и в конном строю. Это — способности, которыми одарил меня Ахурамазда, и я сумел использовать их. По воле Ахурамазды то, что мною совершено, я совершил благодаря этим способностям, которыми Ахурамазда одарил меня. О, подданный, знай твердо, каков я есть, и каковы мои способности, и каково мое превосходство. Пусть тебе не покажется ложью то, что мною совершено»*.

---

* Хрестоматия по истории Древнего Востока / Под ред. М. А. Коростовцева, И. С. Кацнельсона, В. И. Кузищина. Т. 2. С. 37.

Когда Артистона замолчала, Дарий еще долго стоял в задумчивости, опершись на царский посох. Затем произнес:

— Эту надпись я велел высечь около трех десятков лет назад, когда мне не было и сорока. Тогда я действительно был полон сил и энергии, сейчас же — постарел и тяжесть прожитых лет все больше дает знать о себе.

— Ну что ты, мой повелитель, — возразила ему Артистона. — Ты по-прежнему силен и ловок. Вчера на охоте в парадизе твоя стрела не знала промаха, а льва ты уложил на месте всего тремя ударами копья...

— Нет, Артистона, это не то, — грустно сказал Дарий, перебив жену. — Лев, который принимает мясо из рук человека, — это не лев. Окажись я сейчас в пустыне наедине с настоящим львом, он легко разделался бы со мной. А ведь были времена...

Артистона больше не пыталась утешать Дария. Она хорошо знала, что он терпеть не может фальши и лести.

Прошло более двух лет. Сборы в поход на Элладу подходили к концу. Как доложили Дарию, финикийцы и ионяне завершили строительство флота. Из областей, которые лежали восточнее Суз, на запад потянулись отряды воинов. Они проходили через столицу. Почти каждую неделю Дарий устраивал на равнине перед Сузами военные смотры. Он хотел лично убедиться в боевой готовности различных родов войск. Как правило, осмотрев тот или иной отряд и признав его годным для войны, царь назначал над ним начальника из числа персидских вельмож и отправлял по «царской дороге» к берегам Эллинского моря.

При дворе все ожидали, когда же повелитель Персии покинет столицу и начнет поход. Но Дарий не спешил.

Как раз в это время среди сыновей Дария начались споры, кому из них быть царем. По древнему персидскому обычаю, царь перед походом должен был назначить наследника престола. Так было, например, когда Кир Великий, собираясь идти на массагетов, назначил своим преемником Камбиса. Это надлежало сделать и Дарию.

Среди его десяти сыновей от разных жен главными претендентами на престол были Артобазан и Ксеркс.

Артобазан утверждал, что именно ему должна достаться царская власть, так как он старший из братьев. Ксеркс же основывал свои притязания на том, что он — сын Атоссы, дочери Кира Великого, и к тому же родился после того, как Дарий стал царем, следовательно, он и является истинным наследником.

Дарию было известно о споре, но он не спешил разрешить его. Время шло, а царь все колебался с принятием решения. Однако вскоре помог случай.

В Сузы прибыл спартанский царь Демарат, лишенный на родине царской власти. В беседе с ним Дарий как-то попросил его помочь в деле с престолонаследием. Демарат охотно откликнулся на просьбу:

— О великий царь! У нас в Спарте власть наследует тот из царевичей, который родился после того, как его отец вступил на престол. Если и ты примешь это во внимание, то твоим наследником должен стать Ксеркс.

Дарий признал совет Демарата правильным и отдал престол Ксерксу. С Артобазана же взял клятву во всем подчиняться брату-царю.

Уладив дело с престолонаследием, Дарий уже собирался покинуть Сузы, как из Египта пришла неожиданная весть: в дельте Нила вспыхнуло восстание. Из позднейших донесений стало известно, что восставшие египтяне и примкнувшие к ним ливийцы полностью уничтожили персидские гарнизоны и даже провозгласили своего царя.

Это круто изменило ход событий. Теперь о походе на Элладу не могло быть и речи. Дарий отложил его до тех пор, пока в Египте не будет наведен порядок.

Однако повелителю Персии так и не суждено было выступить во главе войска против мятежных египтян: тяжелая болезнь приковала его к постели.

Врачи, которые ухаживали за Дарием, к осени 486 года до н. э. признали болезнь неизлечимой. Царь протянул еще до месяца варказан (октябрь). Последние дни своей жизни он провел в полном беспамятстве и умер, так и не придя в себя.

Дарий прожил семьдесят два года, из них тридцать шесть лет был царем. За годы его царствования Персидская держава значительно окрепла, в большой степени благодаря проведенным им реформам. Его наследником стал Ксеркс. Кроме него и Артобазана у Дария было еще восемь сыновей: Ариабигн, Ариомард, Арсам, Арсамен, Ахемен, Гистасп, Гобрий и Масист. Все они в годы царствования своего брата Ксеркса стали военачальниками и сатрапами.

Так закончилось царствование персидского царя Дария I, сына Гистаспа, из рода Ахеменидов, который остался знаменит в истории как великий реформатор.

Началось правление его сына Ксеркса.

КСЕРКС — ЗАКЛЯТЫЙ ВРАГ ЭЛЛАДЫ

«Говорит Ксеркс-царь: «Мой отец — Дарий. Отцом Дария был Гистасп. Отцом Гистаспа был Арсам. Гистасп и Арсам были оба живы, когда Дарий стал царем. Он совершил много выдающегося. Такова была воля Ахурамазды. У Дария были и другие сыновья, но именно меня он сделал своим наследником. Когда Дарий сошел с трона, я стал царем вместо него. Да хранит Ахурамазда меня и мое царство».

Эту надпись Ксеркс велел высечь крупной клинописью на стене у входа в тронный зал, как только закончился траур по отцу. Он считал, что подданные, перед тем как попасть к нему на прием, в обязательном порядке должны прочесть надпись. Впрочем, так думала и его мать Атосса. Старая царица очень гордилась, что именно ее сын стал повелителем Персии. По крайней мере, династическая линия Кира Великого не пресеклась: ведь в жилах Ксеркса текла ее, Атоссы, кровь, а она была дочерью основателя Персидской державы.

Ксеркс вступил на престол в тридцатисемилетнем возрасте, то есть в расцвете жизненных сил. К этому времени он имел нескольких жен и детей от них. Своих старших дочерей он уже успел выдать замуж за представителей персидской знати. Сыновья же пока находились при нем.

Больше всего Ксеркс опасался своего старшего сводного брата Артобазана. Последний, по его мнению, мог в любое время составить заговор, опираясь на могущественных родственников по материнской линии. От него во что бы то ни стало нужно было избавиться — и чем скорее, тем лучше. Своими мыслями на этот счет Ксеркс однажды поделился с матерью, которая всегда была ему хорошей советчицей. Разделив опасения сына, Атосса одобрила его замысел и даже порекомендовала двух евнухов, которые считались непревзойденными отравителями. Они-то и отравили Артобазана по приказу царя несколько месяцев спустя. Да причем так ловко это сделали, что никто при дворе и не догадался, что царевич умер не своей смертью.

Вместо того чтобы сразу приступить к активной государственной деятельности, Ксеркс предался развлечениям. Казалось, неограниченная власть, которой он теперь обладал, вскружила ему голову, и он хотел сполна насладиться ею. Он устраивал роскошные пиры и охоты, часто менял резиденции. За год царь успел побывать в Персеполе, Пасаргадах, Экбатанах и Вавилоне. В этих путешествиях его сопровождала многочисленная свита и десятитысячный отряд «бессмертных» в качестве охраны. Особое удовольствие Ксеркс испытывал от посещения царских сокровищниц. Вид несметных богатств вселял в него веру, что он всемогущ и непобедим.

Между тем продолжалось восстание в Египте. Армия, которую туда послал еще Дарий, застряла на Синайском полуострове. Сотни тысяч воинов, предназначенных для похода на Элладу, бездействовали в Малой Азии, ложась тяжким бременем на местное население, которое обязано было кормить их.

Так долго продолжаться не могло, нужно было принимать решительные меры по наведению порядка в Египте, иначе, того и гляди, вспыхнут восстания в других сатрапиях. Это понимали влиятельные царедворцы и вельможи. Это понимала и властная Атосса.

Именно она заставила сына отказаться от образа жизни, который он вел в течение года. Прислушавшись к ее увещеваниям, Ксеркс решил покончить с восставшими египтянами. Он снарядил в Египет сильную армию и поставил во главе ее своего единоутробного брата Ахемена. Последний использовал для переброски воинов в Египет финикийские и ионийские корабли. В короткий срок ему удалось расправиться с египетскими повстанцами. По его приказу тысячи наиболее активных мятежников были казнены. Летом 484 года до н.э. Ахемен доложил брату-царю, что в Египте наведен порядок.

Узнав об этом, Ксеркс решил посетить древнюю страну фараонов. Он направился туда сухопутным путем через Сирию, Финикию и Палестину, останавливаясь в таких крупных городах, как Библ, Сидон, Тир и Иерусалим. Наконец он прибыл в Мемфис, где Ахемен устроил ему пышный прием.

В Египте Ксеркс задержался на три месяца, проводя время в пирах и развлечениях. Он даже совершил увеселительную прогулку по Нилу до первого порога, где заканчивались южные пределы Персидской державы. Впрочем, царь не оставался в стороне и от государственных дел. Так, он уничтожил остатки самоуправления в египетских номах (районах), назначив туда начальниками и сборщиками податей персов. А когда к нему пришли египетские жрецы с просьбами разрешить вос-

становить старые храмы и построить новые, Ксеркс категорически запретил это.

— Ваши боги, египтяне, — заявил он, — не могут быть выше и могущественнее нашего Ахурамазды, поэтому я упраздняю их культ. Отныне вы, как и мы, будете поклоняться Ахурамазде.

Оставив сатрапом Египта Ахемена, Ксеркс удалился в Персию.

— Царь! Неужели ты забыл, — обратилась к Ксерксу Атосса, когда тот вернулся из Египта, — что твой отец собирался завоевать Элладу? За последние годы жизни он основательно подготовился к вторжению в эту страну, и только смерть помешала его планам. Почему же ты, его наследник, ничего не предпринимаешь, чтобы надеть ярмо на строптивых и высокомерных эллинов? Когда же наконец ты двинешь на них то многочисленное войско, которое собрал твой отец? Или ты — не сын своего отца и военной славе предпочитаешь пиры и другие развлечения?

Слова Атоссы глубоко задели честолюбивого Ксеркса, и он все чаще стал задумываться о походе на Элладу.

Между тем в Сузы вернулся из изгнания полководец Мардоний, которого Дарий отстранил от двора за неумелое ведение военных действий в 492 году.

Мардоний был сыном Гобрия, одного из семи персов, свергнувших мага Гаумату. В самом начале царствования Дарий выдал за Гобрия свою сестру; от этого брака и родился Мардоний. Таким образом, Мардоний приходился двоюродным братом Ксерксу. Будучи сверстниками, они в детстве вместе играли, а в молодые годы — охотились. Кроме того, Мардоний был женат на единоутробной сестре Ксеркса Артозостре, к которой царь относился с большой любовью и уважением.

Ксеркс радостно встретил Мардония.

Как-то, будучи наедине с повелителем Персии, Мардоний сказал:

— Государь! Беспечно с твоей стороны оставлять афинян без наказания за все зло, которое они причинили персам. Ведь именно по их почину была сожжена большая часть Сард во время ионийского восстания, это они сбросили послов твоего отца в пропасть и разгромили армию Датиса и Артафрена при Марафоне. Ныне ты можешь сполна отомстить им. После подавления египетского мятежа у тебя появилась прекрасная возможность повернуть свое войско против Афин и всей Элла-

ды. Этот поход принесет тебе славу не только среди персов... Новые завоевания возвеличат тебя над Киром, Камбисом и Дарием.

В другой раз Мардоний заметил:

— Государь! Эллада — прекрасная страна. Ее земля изобилует маслинами, виноградом и пшеницей, а море, омывающее владения эллинов, кишит рыбой. Там много великолепных городов. Только ты один достоин обладать Элладой.

Все это Мардоний говорил прежде всего потому, что рассчитывал во время похода стать главнокомандующим персидского войска, а после покорения Эллады сделаться ее сатрапом. Однако, как бы там ни было, его обращения к царю показались последнему убедительными, и Ксеркс заявил при дворе о своем решении идти на Элладу в ближайшее время.

Частичным подтверждением того, что царь действительно склонился к мысли о завоевании Эллады, является случай, описанный Плутархом. Однажды, когда Ксеркс обедал в кругу сотрапезников, перед ним поставили блюдо с сушеным виноградом. Прежде чем отведать лакомство, царь спросил у слуги:

— Откуда эти ягоды?

— О повелитель! Они привезены из Эллады.

— Тогда я не притронусь к ним до тех пор, пока не завладею страной, где они произрастают! — воскликнул Ксеркс.

Осенью 483 года до н.э. Ксеркс собрал чрезвычайное совещание персидских вельмож, чтобы выслушать их мнения по поводу предстоящего похода и обсудить вопросы, связанные с его подготовкой. Отовсюду в Сузы съехались сатрапы, военачальники и прочие высокопоставленные сановники.

— Персы! — обратился к ним Ксеркс. — Я собрал вас, чтобы открыть вам мой замысел. Я намерен вести войско на Элладу. Вы прекрасно знаете, что еще мой отец Дарий хотел покорить эллинов, и особенно афинян, которые причинили персам немало зла. Но его уже нет в живых, и ему не дано свершить задуманное. Поэтому за начатое им дело берусь я и не успокоюсь до тех пор, пока не предам огню Афины и не захвачу другие эллинские города. Однако завоевание Эллады — это только часть того, что я собираюсь совершить. Покорив эллинов, я двинусь дальше в Европу и дойду до самых крайних ее пределов, наложив ярмо рабства на все народы, там живущие. Когда я совершу это, то держава, которую создал мой дед Кир Великий, будет располагаться на трех континентах: в Азии, Ли-

вии* и Европе. Я сказал все, что хотел. Но чтобы вы не думали, что я ни с кем не советуюсь, предоставляю каждому из вас возможность высказать свое мнение.

После царя слово взял Мардоний — сторонник похода на Элладу.

— Повелитель! — воскликнул он. — То, что ты только что сказал, прекрасно и заслуживает одобрения. Ты — достойный преемник Кира Великого и Дария. Эллада, как и вся остальная Европа, является для нас, персов, лакомым куском, и мы не должны отказываться от него. Что касается эллинов, то они не представляют собой опасных противников. Я в этом убедился несколько лет назад, когда с войском достиг Македонии, не встретив со стороны эллинов никакого сопротивления. Дошел бы и до Афин и обязательно разрушил их, если бы не проклятый шторм у берегов Афона, уничтоживший бóльшую половину моего флота и армии. У эллинов, несомненно, есть некоторые преимущества: они разговаривают на одном языке и поклоняются общим богам. Но они не могут использовать это на благо себе и постоянно воюют между собой. У них не проходит ни одного года без междоусобных войн. При этом они далеко не лучшие в мире воины. Да и смогут ли они противостоять тебе, великий царь, если ты поведешь на них всю мощь Азии? Я убежден, что они не сумеют оказать организованного сопротивления. Если они все же объединятся и рискнут вступить в открытое сражение с нами, то узнают, что на войне персы доблестнее их. Так что, государь, тебе следует как можно скорее провести сборы и выступать в поход. Там, в Европе, тебя ожидают огромные богатства и слава, которая не померкнет в веках. Да поможет тебе Ахурамазда!

Так сказал Мардоний. Когда он умолк, в тронном зале, где проходило совещание, воцарилась тишина. Большинство присутствующих одобряло замысел царя и считало, что сказано уже достаточно. Те же, кто в душе был против похода, молчали из опасения попасть в немилость. Тогда Артабан, брат покойного Дария I и дядя Ксеркса, подал знак, что хочет высказаться.

— Говори, Артабан! — разрешил ему Ксеркс.

— Государь! — начал Артабан. — Я знаю, что мои слова придутся тебе не по душе, но совесть все же заставляет меня высказать все, что я думаю о походе, который ты задумал. Было время, когда твой отец, а мой брат Дарий собирался идти на скифов. Я был одним из немногих, кто отговаривал его от

* Ливией в те времена называли Африку.

этого похода. Но он не послушал меня, назвал трусом. В результате Дарий потерпел сокрушительное поражение, оставив почти всех своих воинов лежать мертвыми в скифских степях. Дикие варвары-скифы, вооруженные лишь луками да стрелами, взяли верх над вооруженными до зубов персами. Задумывался ли сам Дарий над причиной поражения? Думаю, нет! Тем не менее она очевидна и заключается в том, что Дарий возомнил себя выше богов, а боги, как известно, не терпят этого. Вот они и наказали его за высокомерие и гордыню. То же может случиться и с тобой, государь. Ты собираешься идти против народа, который гораздо доблестнее скифов. Ни для кого не секрет, что эллины одинаково храбро сражаются как на суше, так и на море. Это видно из того, что афиняне, значительно уступавшие по численности войску Датиса и Артафрена, одержали над ними победу при Марафоне. А сколько хлопот доставили нашему флоту ионяне, пока мы не разгромили их при острове Лада, выставив против них вдвое больше кораблей? Итак, царь, мой тебе совет: не подвергай себя опасности без крайней нужды. Откажись не только от похода, но и от мысли о завоевании Эллады и Европы. Оставайся в своей стране и управляй ею, всячески заботясь о том, чтобы сохранить ее для своих потомков.

У Ксеркса едва хватило терпения дослушать Артабана до конца. Когда же тот наконец закончил, царь дал волю своему гневу.

— Артабан! Ты — брат моего отца! — грозно вскричал он. — Только это и спасает тебя от наказания за твою вздорную речь. Но все-таки я имею огромное желание заклеймить тебя позором, так как ты — трус. Более того, я заявляю, что в то время, как все персы, которые могут носить оружие, пойдут со мной на Элладу, ты останешься в Сузах с женщинами, детьми и стариками.

Сказав это, Ксеркс распустил собравшихся.

Вечером того же дня царь дал знать своим женам, что ни с одной из них не желает сегодня делить ложе. С наступлением ночи он уединился в опочивальне и погрузился в глубокие раздумья, стараясь проанализировать услышанное днем. Его мысли путались, голова шла кругом. В ушах звучал голос Артабана, который старался отговорить его от похода на Элладу.

Днем слова дяди показались Ксерксу вздорными и не достойными представителя царского рода Ахеменидов. Но те-

перь, в спокойной обстановке, совет Артабана казался царю весьма мудрым и разумным. «И действительно, зачем мне Эллада? — думал он. — Моя собственная держава и без того достаточно обширна. Мои сокровищницы полны серебра и золота, причем ежегодно они пополняются. Миллионы подданных и рабов готовы выполнять мою волю. Так чего же мне еще надо? Зачем лишний раз подвергать себя опасности, бросая вызов судьбе, как это однажды сделал мой отец? Нет, я не пойду на Элладу!»

Неожиданная перемена в образе мыслей еще больше разгорячила царя. Он поднялся с ложа и стал расхаживать по опочивальне. Подойдя к окну, настежь распахнул его. В комнату ворвалась ночная прохлада. Дышать стало легче.

«Однако многие, в том числе и Мардоний, утверждают, — продолжал размышлять царь, — что эллины могут первыми напасть на меня. Но это же вздор! Ведь сам Мардоний говорил, что они постоянно ссорятся друг с другом, и раздорам их нет конца. Как же они договорятся между собой о совместных действиях? А если некоторые из них и сумеют объединиться, то не постигнет ли их та же участь, что и мятежных ионян в годы царствования моего отца? Нет, никогда эллины не поднимутся против меня. И я не стану вторгаться в их страну».

Поразмышляв еще немного, Ксеркс принял твердое решение: похода на Элладу не будет.

Тем временем ночь подходила к концу, и сон сморил повелителя Персии.

Под утро Ксерксу приснилось, будто перед ним предстал высокого роста человек, облаченный в царские одеяния. Он долго укоризненно смотрел на Ксеркса, а затем сказал: «Выходит, что ты, царь персов, изменил свое решение и раздумал идти войной на Элладу? Но не ты ли приказал персам готовиться к походу? Нехорошо же ты поступаешь, меняя свои взгляды чаще, чем твои жены платья. Смотри, как бы всемогущие боги не наказали тебя за это. Мой тебе добрый совет: придерживайся того пути, который избрал накануне». Царь хотел было спросить у призрака, кто он — уж не посланник ли самого Ахурамазды, но видение исчезло.

Проснувшись утром, Ксеркс не придал сновидению особого значения и велел вельможам вновь собраться в тронном зале.

Заняв свое место на троне, Ксеркс окинул всех пристальным взглядом. Он искал Артабана, но его не было.

— А где же Артабан? — спросил царь.

— Повелитель! Ведь ты сам вчера дал понять ему, что не желаешь видеть его при дворе, — ответствовал дворецкий.

— Это было вчера, а сегодня я передумал. Пошлите за моим дядей.

Прошло около часа, пока появился Артабан. Все это время Ксеркс неподвижно сидел на троне, устремив взгляд в одну точку. Персидские вельможи в нерешительности переминались с ноги на ногу, боясь нарушить тишину. Лишь изредка кое-кто из них бросал исподлобья осторожные взгляды на царя. Все терялись в догадках: что же сегодня задумал повелитель? Некоторым казалось, что Ксеркс послал за Артабаном лишь для того, чтобы публично объявить ему о наказании за вчерашнюю речь. Но они ошиблись.

Появился Артабан. Подойдя к трону в сопровождении царских слуг, он преклонил колена перед царственным племянником. Среди собравшихся послышался оживленный шепот и даже смех. Ксеркс поднялся с трона и властным жестом приказал всем замолчать.

— Встань, Артабан! — обратился он к дяде. — Не для того я велел позвать тебя, чтобы ты слизывал пыль с моей обуви. Вчера я был несправедлив к тебе, назвав трусом за то, что ты честно изложил свое мнение. Ныне я прошу прощения, что оскорбил тебя. Прости меня, Артабан, сын Гистаспа, за недостойные слова! Вам же, персы, я хочу сказать, что раздумал идти войной на эллинов. Артабан прав: нечего подвергать себя опасности без крайней нужды. Так что спокойно оставайтесь дома. Те же из вас, кто явился в Сузы по моему зову, возвращайтесь в свои сатрапии и займитесь обычными делами.

На лицах у персов появилось недоумение. Как так! Только вчера царь собирался дойти до самых крайних пределов Европы, а сегодня круто изменил свое решение! Что с ним произошло всего за одну ночь? Неужели все-таки подействовали увещевания Артабана?

Те, кто в душе был против похода, и на этот раз, невзирая на радость, хранили благоразумное молчание: а вдруг царь решил испытать их?

Больше всех удивлен был Мардоний. Он хотел было о чем-то спросить царя и даже сделал несколько шагов в направлении трона, но слова повелителя Персии заставили его остановиться.

— Собрание закончено! Расходитесь! — и в сопровождении телохранителей Ксеркс покинул зал.

Остаток дня и вечер Ксеркс провел в одиночестве. Допоздна он бродил по тихим аллеям парадиза. Телохранители бесшумными тенями следовали за ним, остерегаясь неосторожным движением или звуком нарушить ход мыслей своего повелителя.

Около полуночи Ксеркс лег спать, вновь не пригласив к себе в опочивальню никого из жен. И снова ему приснился тот же сон, что и накануне. Человек был облачен в те же одеяния, только на этот раз он был более суров. «Сын Дария! — произнес он. — Ты, кажется, на самом деле отказался от похода, не придав должного значения моим словам? Тогда знай, что если ты не выступишь в поход, то лишишься трона и жизни. Персам не нужен такой нерешительный и трусливый царь».

Проснувшись в холодном поту, Ксеркс не на шутку встревожился.

«Что бы могло означать это сновидение? — терялся он в догадках. — И кто этот призрак, уже вторую ночь настойчиво требующий, чтобы я непременно начал войну с эллинами? Может быть, послать за снотолкователями-магами? Нет, только не за ними. Эти шарлатаны опять что-нибудь напутают, как это уже не раз бывало. Пошлю-ка я лучше за Артабаном. Он — человек благоразумный и мудрый. С ним-то мы все и обсудим», — и Ксеркс дернул за шнур у изголовья кровати. Где-то за дверями опочивальни зазвонил колокольчик, и через несколько мгновений на зов царя явились телохранители.

— Идите к Артабану и скажите ему, что я хочу его видеть по очень срочному делу.

Когда Артабан, разбуженный среди ночи, явился, Ксеркс сказал ему:

— Артабан! Признав твой совет правильным, я изменил свое решение и отказался от похода на Элладу. Но вот уже дважды ко мне во сне является призрак и требует, чтобы я непременно выступал против эллинов. В последний раз он даже угрожал мне свержением с трона и смертью, если я не выполню его требования. Уж не сам ли Ахурамазда настаивает на войне? Как мне быть? Посоветуй что-нибудь.

Артабан внимательно выслушал Ксеркса и после непродолжительного молчания ответил царю так:

— Государь! Я уверен, что люди видят во сне то, о чем думают днем. Ты же все последнее время говорил и размышлял о походе. Это и нашло отражение в твоих снах. Так что тебе не следует принимать близко к сердцу то, что ты увидел и услышал во сне. Что же касается войны с эллинами, то я абсолютно уверен в правильности твоего решения. Ты поступаешь осмот-

рительно и мудро. И вот еще что: держи подальше от себя Мардония, а то он не даст тебе покоя.

Слова Артабана успокоили Ксеркса, и он, почувствовав облегчение, отпустил дядю. Однако до конца ночи так и не уснул.

Спустя два дня страж дверей доложил Ксерксу, что Артабан просит принять его по срочному делу. Царь велел пропустить его. Когда Артабан вошел, Ксеркс заметил, что тот сам не свой.

— Что случилось, Артабан? — спросил он. — Чем ты так взволнован?

— Царь! — дрожащим голосом проговорил Артабан. — Видно, боги и вправду решили вмешаться в твои дела. И мне прошлой ночью во сне явился призрак, который раньше посещал тебя. Он сказал так: «Артабан! Ты стараешься всячески отговорить царя от похода на Элладу, и это тебе неплохо удается. Однако ты, несчастный, знать не знаешь, что тем самым вмешиваешься в то, что предначертано судьбой. И если ты не прекратишь свои старания, то будешь жестоко наказан. А Ксерксу напомни, что за неповиновение его ждет ниспровержение с престола и смерть». Сказав это, призрак протянул ко мне руку, как бы желая дотронуться до моего лица, но ладонь его вдруг вспыхнула ярким пламенем, которое ослепило меня, и я проснулся. Вот такой сон я видел прошлой ночью, и после этого мои собственные суждения о природе сновидений показались мне вздорными и нелепыми. Теперь я совершенно уверен, что поход на Элладу угоден богам, а их волей пренебрегать не стоит.

Сообщение Артабана встревожило Ксеркса. Он не знал, что и сказать. Какое-то время они сидели молча, затем Артабан снова заговорил:

— Государь! На своем веку я неоднократно был свидетелем тому, как другие народы одерживали верх над персами. Я помню, чем кончилась затея Кира Великого покорить массагетов, помню и поход Камбиса на эфиопов, был участником похода Дария на скифов. Поэтому я и отговаривал тебя от войны с эллинами, считая, что она может оказаться гибельной для тебя. Но, поскольку этой войны хотят сами боги, тебе следует начать ее. Снова собери персидских вельмож и отдай им приказание возобновить подготовку к походу. Иного выхода из положения я не вижу.

— Да, Артабан, пожалуй, я так и сделаю, — согласился Ксеркс.

Через полмесяца персидские вельможи снова собрались в тронном зале царского дворца в Сузах. Ксеркс объявил им, что по велению богов должен идти войной на Элладу. Затем он определил каждому из сатрапов, что тот должен делать. Одни обязаны были снаряжать корабли, другие — пеших воинов, третьи — конницу, четвертые — колесницы и так далее.

— И помните: кто снарядит свое войско лучше других, тот получит от меня достойное вознаграждение, — торжественно пообещал Ксеркс, желая тем самым побудить сатрапов к соревнованию, и добавил: — Местом общего сбора я назначаю город Криталлы в Каппадокии. Так что заканчивайте снаряжение своих отрядов и направляйтесь прямо туда.

Сам же Ксеркс всецело посвятил себя организации похода. При участии Мардония и других военачальников он разработал маршрут следования персидской армии в Европу. По совету Мардония царь распорядился прорыть канал через Афонский перешеек, по которому можно было бы провести корабли во время похода, не опасаясь шторма. Сооружение этого канала было поручено двум знатным персам: Бубару, сыну Мегабаза, и Артахею, сыну Атрея.

Чтобы переправить многочисленное войско в Европу, нужен был мост. Ксеркс спросил у Мардония, какое место на всем протяжении Геллеспонта удобнее всего для возведения переправы. Мардоний, у которого имелась карта, указал на город Абидос:

— Государь! Думаю, что лучшего места нам не найти. Ширина пролива здесь чуть больше двадцати ашлу*.

— Прекрасно! — воскликнул Ксеркс.

— Но лучше всего, государь, построить два моста — это вдвое ускорит переправу, — добавил Мардоний.

— Да, неплохо бы, — согласился Ксеркс, — но кому поручить работы по возведению мостов?

— Насколько мне известно, египтяне и финикийцы весьма преуспели в этом деле, вот им и поручи строительство, — посоветовал Мардоний.

— Пусть будет так!

Оставался еще один немаловажный вопрос — снабжение многочисленного войска продовольствием в пути. Ксеркс рас-

* Ашлу — мера длины в древнем Междуречье, равная 59 метрам.

порядился построить пять продовольственных складов: один — в Левке Акте, на побережье Фракии, другой — в Тиродизе, третий — в Дориске, четвертый — в Эйоне, пятый — в Македонии. Специально назначенные царем люди доставляли туда из Азии зерно, муку, сушеные финики и другие съестные припасы.

Осенью 481 года до н.э., на исходе пятого года своего царствования, Ксеркс выступил в поход на Элладу.

Выезд царя из Суз представлял собой грандиозное зрелище. Впереди процессии следовала тысяча отборных персидских всадников, все на вороных жеребцах. За ними шла тысяча отборных пехотинцев с копьями. Их доспехи сияли позолотой в лучах утреннего солнца. Затем десять юношей, отпрысков знатнейших персидских семей, вели под уздцы десять священных коней. За ними следовала священная колесница Ахурамазды, запряженная восьмеркой лошадей белой масти. Далее ехал сам Ксеркс в колеснице, запряженной четверкой. Он был облачен в роскошное одеяние, голову его венчала тиара из золотых пластинок. Выпрямившись во весь рост, Ксеркс держался за поручни, а колесницей управлял возничий Патирамф. За колесницей двигалась огромная крытая повозка, которую тащила дюжина волов. Она предназначалась для отдыха царя в пути. Вплотную за ней ехали повозки царских жен, значительно уступавшие размерами повозке повелителя Персии; каждая из них была запряжена шестью волами. Затем маршировала тысяча пехотинцев. За ними, сдерживая горячих скакунов, следовала тысяча всадников. После них шли десять тысяч «бессмертных». К наконечникам их копий были прикреплены украшения из золота и серебра в виде плода граната. И замыкал шествие десятитысячный отряд персидской конницы на лошадях разной масти.

Растянувшись более чем на парасанг, процессия тронулась по «царской дороге». Около двух месяцев понадобилось, чтобы добраться до Фригии. Ксеркс решил сделать остановку в городе Келены, где еще во времена Дария был возведен великолепный дворец. Здесь царь намеревался сам немного отдохнуть и дать отдых своей многочисленной свите.

На подступах к Келенам Ксеркса встретил богач Пифий, по происхождению лидиец. Он слыл самым богатым после царя человеком и в свое время преподнес Дарию дерево и виноградную лозу с плодами, изготовленные из чистого золота. Теперь же он устроил Ксерксу и всему его окружению роскошный прием.

Во время пира во дворце Пифий сказал Ксерксу:

— Царь! Я готов предоставить тебе для ведения войны с эллинами все деньги, которые у меня есть. Не откажи мне, твоему рабу, в любезности принять их в дар.

Удивленный неожиданным предложением, Ксеркс спросил:

— Неужели, Пифий, ты так богат, что можешь взять на себя все расходы по содержанию столь многочисленного войска, как мое? Сколько же у тебя денег?

— Совсем недавно, — ответил лидиец, — я произвел подсчет своего состояния и теперь могу сказать, что у меня две тысячи талантов серебра, а до четырех миллионов золотых дариков недостает всего семь тысяч монет. Все эти деньги я приношу тебе в дар. Самому мне будет достаточно средств на жизнь от моих рабов и поместий.

Слова Пифия очень обрадовали Ксеркса.

— Пифий! — воскликнул он. — С тех пор, как я покинул Сузы, еще ни один человек не предлагал мне денег на ведение войны. Ты же не только оказал моему войску великолепный прием, но и готов пожертвовать всем своим состоянием ради меня. Это заслуживает похвалы и достойно вознаграждения! Я объявляю тебя своим другом и даю тебе семь тысяч дариков, которых не хватает до четырех миллионов, — пусть сумма будет полной. Владей этим богатством и впредь будь таким же великодушным, как сейчас!

Сказав это, Ксеркс велел слугам принести семь тысяч дариков и вручил их Пифию вместе с дорогим ларцом, в котором они лежали.

Отдохнув несколько дней в Келенах, царь решил продолжить свой путь. Когда он покидал гостеприимный город, к нему подошел Пифий.

— Государь! — сказал лидиец. — Я осмелюсь просить тебя еще об одной милости, исполнить которую для тебя ничего не стоит.

— Ну что ж, проси, — ответил Ксеркс.

— Государь! У меня пять сыновей. Все они обязаны идти с тобой в поход на Элладу, а я уже стар, и мне нужна сыновья поддержка. Сжалься, царь, и разреши остаться дома моему старшему сыну, чтобы он заботился обо мне. Четверых же возьми с собой, и я буду приносить обильные жертвы богам за счастливое окончание твоего похода.

Казалось бы, просьба Пифия была скромной, но царя она разгневала. Его отношение к Пифию вмиг переменилось, и он в ярости вскричал:

— Негодяй! Да как ты смеешь обращаться ко мне с подобной просьбой, в то время как я взял с собой в поход всех своих сыновей, братьев и даже жен? Правда, ты оказал мне радушный прием и даже готов был отдать свое состояние, но не тебе, жалкий раб, хвалиться тем, что ты превзошел благодеяниями самого повелителя Персии. В наказание за дерзость один из твоих сыновей, к которому ты привязан больше всего, будет казнен, остальные же четверо пойдут со мной. И благодари богов, наглец, что мера наказания не очень велика.

Ксеркс велел привести старшего сына Пифия и разрубить его топором надвое на глазах у отца. Одну половину тела положили по приказу царя по правую сторону дороги, по которой должна была пройти персидская армия, другую — по левую. Долго еще после их ухода убитый горем Пифий валялся на обочине в дорожной пыли, проклиная себя за неосмотрительность. Ксеркс же как ни в чем не бывало продолжил свой путь.

Миновав город Анаву, который располагался на берегу озера, где добывали соль, Ксеркс прибыл в Колоссы — большой и многолюдный фригийский город. Здесь он задержался всего на один день и тронулся дальше. Вскоре Фригия осталась позади. На границе с Лидией царь обратил внимание на высокий каменный столб, врытый в землю. С двух сторон его были высечены названия двух граничивших друг с другом стран: Лидии и Фригии. Ксеркса заинтересовало, кто поставил этот столб. Приближенные ответили, что это было сделано по приказанию лидийского царя Креза.

После границы «царская дорога» раздваивалась: налево шел путь в Карию, направо — в Сарды, столицу Лидии. В двух днях пути от Сард Ксеркс переправился по мосту через реку Меандр. Невдалеке от города Каллатеб царь увидел платан необычайной величины и красоты. Дерево очень понравилось ему, и он распорядился повесить на него золотые украшения. Царь даже оставил одного из «бессмертных» охранять платан.

На подступах к Сардам Ксеркса встретил его двоюродный брат Артафрен — сатрап Лидии, проводил царя в город и по случаю его прибытия устроил роскошный пир.

Здесь Ксеркс решил провести остаток зимы и ранней весной 480 года до н.э. продолжить путь к Геллеспонту. Ему уже доложили, что сухопутное войско дожидается его в Криталлах, а через Геллеспонт в районе Абидоса египтяне и финикийцы возвели два моста. Царь отдал приказ военачальникам в

Криталлах перевести войско к Абидосу, где намеревался провести военный смотр. Однако в самом конце зимы в Сарды прибыл гонец из Абидоса с известием, что сильная буря, разгулявшаяся на Геллеспонте, уничтожила переправу.

Ксеркс сильно разозлился и послал людей нанести Геллеспонту триста ударов бичами. При этом они должны были повторять слова: «О соленая вода Геллеспонта! Так тебя карает Ксеркс-царь за оскорбление, которое ты нанесла ему, хотя он тебя ничем не оскорбил». Кроме того, он приказал казнить людей, которые руководили строительством мостов, за то, что они якобы соорудили недостаточно прочную постройку.

С наступлением весны были начаты работы по возведению новых мостов. На этот раз за дело взялись эллины из Ионии. Им потребовалось совсем немного времени, чтобы соорудить два понтонных моста. Роль понтонов выполняли поставленные в ряд и прочно связанные друг с другом канатами корабли, поверх которых положили дощатый настил. На доски насыпали земли и утрамбовали ее, а по обеим сторонам мостов поставили высокие перила, чтобы вьючные животные и кони во время переправы не боялись моря. По сведениям Геродота, один мост покоился на трехста шестидесяти кораблях, другой — на трехста четырнадцати.

Одновременно с возведением новых мостов были завершены работы по рытью канала на Афонском перешейке, а сухопутное войско из Криталл перебросили к Абидосу. Когда Ксерксу доложили об этом, он покинул Сарды, захватив с собой всех воинов, зимовавших здесь, и направился к Геллеспонту.

Из Лидии персидское войско проследовало в Мисию. Миновав города Карена, Артамиттий и Антандр, оно подошло к горе Ида, и у ее подножия Ксеркс сделал привал. Персы разбили лагерь, как это у них было заведено во время похода. Однако ночью разразилась гроза с ураганом. От ударов молнии погибло очень много людей и животных.

Оставив это негостеприимное место, войско Ксеркса вступило в Илионскую область. Проходя мимо развалин древней Трои, Ксеркс решил осмотреть их. Эллины, сопровождавшие царя, рассказали ему о Троянской войне. Восхищенный их рассказами, повелитель Персии принес в жертву тысячу быков, как об этом пишет Геродот. Он будто бы желал этой жертвой почтить память героев, живших за много поколений до него. Заодно на развалинах Трои царь помолился Ахурамазде и дру-

гим персидским богам, обращаясь к ним с просьбами послать ему удачу в походе на Элладу.

Через день Ксеркс продолжил свой путь. Больше он нигде не задерживался и вскоре прибыл в Абидос.

Вся обширная равнина перед Абидосом была заполнена походными палатками, лошадьми, верблюдами, вьючными животными и людьми. Узнав о прибытии царя, воины сбежались к дороге, по которой он ехал. Громкими криками и звоном оружия они приветствовали своего повелителя, который собрал их здесь, чтобы вести на Элладу — страну, сулившую хорошую добычу.

Ксеркс первым делом захотел осмотреть понтонные мосты, соединившие два континента — Азию и Европу, а также корабли, стоявшие на якорях в проливе Геллеспонт.

Когда он в сопровождении свиты взошел на крепостную стену Абидоса, обращенную к Геллеспонту, его взору представилась грандиозная картина. Стройными линиями пролегли через воды пролива два моста. Их перила были украшены золотыми изображениями драконов и орлов с распростертыми крыльями. К западу от мостов стояло около пятисот кораблей. Это были финикийские, египетские, ионийские и карийские суда. Вытянувшись вдоль берега в три ряда, они покачивались на волнах, готовые в любую минуту сняться с якоря и вспенить веслами воды пролива.

— Сколько же здесь всего кораблей? — спросил Ксеркс у своего брата Ариабигна, который командовал флотом.

— Около тысячи двухсот судов, из них почти семьсот задействовано для возведения мостов, — ответил Ариабигн. — Но это еще не все: к западу отсюда, у входа в Геллеспонт, находится еще три тысячи кораблей, предназначенных для перевозки грузов.

— Ну а где же мой корабль? — поинтересовался Ксеркс.

— Он стоит в середине первого ряда, — сказал Ариабигн и указал рукой на ровный строй кораблей.

Ксеркс рассмотрел огромный корабль с пятью рядами весел по каждому борту.

— Это самое большое судно во всем флоте; его изготовили корабелы из Сидона, которым нет равных в мире, — доложил Ариабигн.

— Я хотел бы завтра побывать на нем, — заявил царь. — И еще, я хотел бы видеть морское сражение.

— Нет ничего проще! — воскликнул Ариабигн. — Мы как раз на днях захватили несколько эллинских триер, шедших из Понта Эвксинского; среди них есть и два афинских корабля. Я

думаю выставить против них равное количество сидонских кораблей.

— Прекрасно! — поддержал идею Ксеркс. — Только, чтобы сражение получилось настоящим, пообещайте эллинам свободу в случае победы. Пусть знают, за что им завтра предстоит драться.

— Твоя воля, государь, будет исполнена!

К следующему утру флот был отведен на запад, а на освободившемся месте выстроились друг против друга семь эллинских триер и столько же четырехпалубных сидонских кораблей. На обрывистом берегу поставили для царя трон из белого мрамора. Как только Ксеркс воссел на трон, а его свита разместилась вокруг, был дан сигнал начать сражение.

Вначале двум эллинским триерам удалось протаранить сидонский корабль. Получив большие пробоины в двух местах, судно пошло ко дну. С берега было видно, как моряки-сидоняне прыгали в воду, надеясь спастись вплавь. Над проливом пронесся победный крик эллинов. Однако через полчаса ситуация изменилась. Сидоняне взяли на абордаж пять триер и, пользуясь численным преимуществом, перебили их экипажи. Две оставшиеся невредимыми триеры пытались спастись бегством, но сидоняне нагнали их и затопили.

Одержав победу над эллинами, сидоняне выстроили свои корабли в одну линию по фронту и подошли к берегу, к тому месту, где на троне восседал повелитель Персии. Они приветствовали его громкими криками, подняв вверх весла.

— Государь! Доволен ли ты сражением? — спросил Ариабигн.

— Весьма неплохо, — отозвался Ксеркс. — Победителей наградить, а уцелевших эллинов продать в рабство.

Около полудня Ксеркс взошел на свой корабль. Его трон под золоченым балдахином поставили на верхней палубе. Восседая на нем, царь рассматривал корабли, стоявшие на якорях вдоль южного берега Геллеспонта, расспрашивал Ариабигна, кому принадлежат те или иные суда и кто ими командует.

— Это корабли из Египта — ими командует твой брат Ахемен; эти из Ионии и Карии — они подчиняются мне; вон те снаряжены жителями Кипра и Самоса — над ними начальствует Прексасп, сын Аспафина; а эти из Финикии — начальником над ними поставлен Мегабаз, сын Мегабата, — объяснял Ксерксу Ариабигн по мере того, как царский корабль проплывал вдоль выстроившихся для смотра судов.

Ксеркс велел писцам записывать все, что говорил Ариабигн.

Корабельный строй завершала небольшая флотилия, насчитывавшая всего два десятка судов.

— А это что за корабли? — поинтересовался Ксеркс.

— Государь! Их снарядили жители Галикарнаса, Коса, Нисира и Калидны, а командует ими женщина по имени Артемисия. Она дочь Лигдамида и является правительницей Галикарнаса, — доложил Ариабигн.

Ксеркс был очень удивлен, что в его войске есть женщина, которая командует мужчинами.

— Приведите ее ко мне, — распорядился он. — Я хочу с ней поговорить.

Тут же с борта царского корабля спустили лодку, и она понеслась по волнам в направлении флотилии Артемисии.

Через полчаса Артемисию доставили на палубу царского корабля. Она предстала перед повелителем Персии в военных доспехах и при оружии. На ней был короткий белоснежный хитон, который почти до бедер обнажал стройные ноги, а поверх хитона — легкий металлический панцирь. Ноги до колен защищали серебряные поножи, инкрустированные замысловатым узором в виде речных лилий. Голову правительницы Галикарнаса венчал золоченый шлем с гребнем из перьев, из-под которого выбивались золотистые кудри волос. В левой руке она сжимала небольшой круглый щит, а ладонь ее правой руки лежала на рукоятке короткого меча, висевшего в ножнах из электра на широком поясе.

Эллинам из царской свиты, в том числе и спартанскому царю Демарату, показалось, что перед ними предстала сама Афина Паллада — богиня-воительница.

— Приветствую тебя, о великий царь! — звонким голосом воскликнула Артемисия, подойдя к Ксерксу и преклонив перед ним одно колено.

— И я рад видеть тебя, Артемисия, на палубе своего корабля, — ответил Ксеркс, рассматривая ее.

«А она хороша собой! Моя жена Аместрида значительно уступает ей красотой и манерой держаться. Хорошо бы сделать ее своей наложницей... Но ведь она явилась сюда не для того, чтобы услаждать меня, а чтобы быть мне союзницей в войне с эллинами» — так размышлял Ксеркс, восторженно глядя на правительницу Галикарнаса.

— Артемисия! Что заставило тебя идти в поход вместе со мной: ведь ты женщина, и никто тебя не принуждал к этому? — спросил после паузы Ксеркс.

— Великий царь! Мой отец Лигдамид был верным слугой твоего отца Дария. Умирая, он вместе с властью и богатством

завещал мне хранить тебе верность, не забывая, что моя власть в Галикарнасе полностью зависит от тебя. Поэтому я здесь, невзирая на то что недавно умер мой муж и я осталась с маленьким сыном на руках, — последовал ответ.

— Я вижу, что ты отважная и мудрая женщина. Прошу тебя быть гостьей на моем пиру завтра вечером.

На этом они расстались. Ксеркс поднялся с трона и, стоя у борта, смотрел ей вслед, пока она не добралась до своего корабля. Затем он приказал возвращаться в Абидос, так как солнце уже садилось.

Следующий день Ксеркс посвятил осмотру сухопутного войска. Он взошел на возвышение, заранее сооруженное абидосцами, и, усевшись на трон, окинул взором огромное войско. Вся равнина была заполнена вооруженными людьми. Зрелище привело царя в хорошее настроение, и он подозвал к себе спартанского царя Демарата:

— Демарат! Скажи, дерзнут ли эллины подняться против меня? Мне кажется, что, даже если бы они и сумели объединиться друг с другом и с другими народами Европы, им все равно не выстоять против этого войска.

— О великий царь! Говорить ли мне правду или польстить тебе? — спросил Демарат.

— Что за вопрос? — удивился Ксеркс. — Ну конечно же, я хочу услышать правду.

— Я не стану говорить обо всех эллинах, скажу только о спартанцах, ибо сам принадлежу к этому народу. Так вот, ты даже и не думай предлагать им сдаться без боя и признать твое владычество. Спартанцы никогда не примут твоих условий. Они будут сражаться даже в том случае, если все остальные эллины перейдут на твою сторону. Что же касается их численности, то не спрашивай, сколько у них воинов, способных носить оружие. Ведь даже если их выступит против тебя тысяча, все равно они будут сражаться до последнего вздоха.

Выслушав Демарата, Ксеркс громко рассмеялся:

— Что ты такое говоришь, Демарат! Ты утверждаешь, что тысяча воинов может противостоять столь многочисленному войску, как мое, и при этом лелеять надежду на победу? Но это же чушь! Уж не сошел ли ты с ума, мой друг? Я поверю тебе лишь в том случае, если ты сейчас же сразишься с десятью моими «бессмертными» и всех до одного уложишь на месте. Ответь: сможешь ты это сделать или нет?

— Нет, царь, мне это не под силу, — ответил Демарат. — Да и вряд ли кто из спартанцев, даже самый доблестный и сильный, выстоял бы в одиночку против десятерых «бессмертных».

— Ну вот, ты сам видишь нелепость твоих слов, — добродушно произнес Ксеркс.

— Царь! Я не отказываюсь от своих слов. Наоборот, я с полной уверенностью и в здравом рассудке утверждаю, что в боевом строю спартанцы доблестнее всех на свете. И к этому их призывает любовь к родине. Кроме того, у них есть владыка, которого они боятся больше, чем твой народ тебя. Боятся, но одновременно уважают и любят. Имя этого владыки — закон. Именно он запрещает спартанцам отступать перед врагом, каким бы сильным он ни был. Закон велит спартанцам или одолеть противника, или доблестно погибнуть, третьего им не дано. Но если и эти мои слова, царь, покажутся тебе пустой болтовней, то больше я ничего не скажу. Будущее покажет, прав ли я.

Продолжая смеяться, царь милостиво отпустил Демарата, не забыв напомнить, что сегодня вечером ждет его на пиру.

Это был большой пир накануне переправы. На следующий день первые отряды персидского войска должны были вступить на понтонные мосты и перейти на европейский берег.

Ксеркс пригласил всех своих родственников, которые сопровождали его в походе, всех военачальников вплоть до особо отличившихся тысяцких, всех друзей, присутствовавших на тот момент в Абидосе. Всего набралось более тысячи человек.

Так как в Абидосе не было дворца, а храм богини Артемиды, самый большой в городе, царь не решился использовать в качестве помещения для пира, не желая обидеть эллинов, которых было немало среди приглашенных, то столы с угощениями и вином расставили прямо на рыночной площади. С наступлением темноты здесь зажглось множество факелов и светильников, установленных на подставках разной высоты; своими огнями они осветили эту большую пиршественную залу под открытым небом так, что стало светло, как днем.

Ксеркс расположился на высоком помосте, специально сооруженном по этому случаю и устланном пестрыми коврами. Отсюда он мог видеть всех пирующих. С правой стороны от него возлегал на ложе с изогнутыми ножками в виде львиных лап старый Артабан — дядя царя. Дальше полукругом расположились родные и двоюродные братья царя. Лишь одно

ложе, слева от царя, пока пустовало. Все знали, что оно предназначено для самого почетного гостя, но никто не догадывался, кому именно Ксеркс решил предоставить его на сегодняшнем пиру.

У подножия помоста устроились царские жены; среди них и Аместрида — царица и мать наследника престола. Дальше шли столы персидской знати, правителей отдельных ионийских городов, подвластных царей и князей из Индии, Арахосии, Саттагидии и других областей. Пирующих обслуживало около двух тысяч слуг, которые сновали туда-сюда, унося одни блюда и принося другие.

Как только пиршество началось, вся площадь наполнилась веселым смехом и громкими голосами, звучала музыка, а в проходе между столами невдалеке от царского помоста исполняли свой танец армянские танцовщицы, весь наряд которых состоял из набедренных повязок, прошитых золотом.

Пиршество было уже в разгаре, а ложе слева от царя всё пустовало. Многие из приближенных не придавали этому особого значения — подумаешь, царь никого не захотел почтить сегодня особым вниманием. Сам же Ксеркс время от времени посматривал на него.

«Неужели не придет? Но ведь я пригласил ее. Нет, она не посмеет ослушаться меня. Надо еще немного подождать», — думал повелитель Персии. Нетрудно догадаться, что он ожидал Артемисию, которая вчера пленила его.

Приближалась полночь. Мясные блюда на столах уже сменились сладкими лакомствами. Вместо армянских танцовщиц появились египетские акробатки, вскоре их сменили индийские факиры. А Артемисии все не было. Терпению Ксеркса приходил конец. Он готов был послать слуг за неисполнительной правительницей Галикарнаса, как вдруг она появилась в окружении могучих телохранителей.

Артемисия шла по проходу между столами и ложами. По мере того как она приближалась к царскому помосту, голоса смолкали. Сотни глаз устремились на нее. А она продолжала идти гордой и независимой походкой. Индийские факиры, исполнявшие в этот момент свой номер, почтительно расступились перед ней. Когда же она проходила мимо царских жен, царица Аместрида приподнялась на своем ложе, и ее глаза сверкнули гневом. Царица почувствовала в молодой и красивой эллинке серьезную соперницу.

Между тем Артемисия поднялась по ступенькам на помост, где ее встретил сам царь. Подав ей руку, Ксеркс провел эллинку до ее ложа и помог поудобнее устроиться.

Приближенные молча наблюдали за своим повелителем. Над площадью установилась такая тишина, что слышно было, как потрескивают факелы. Заметив это, Ксеркс несколько раз хлопнул в ладоши и воскликнул:

— Повелеваю всем веселиться!

И сразу же площадь наполнилась оживленными голосами. Снова зазвучала музыка. А царь все внимание обратил на Артемисию, которая напоминала собой волшебницу Цирцею, околдовавшую своей красотой хитроумного Одиссея. От нее исходил приятный запах благовоний, которыми она умастила свое тело, собираясь на пир.

На этот раз на Артемисии не было военных доспехов. Она была одета в длинный пеплос, подпоясанный на талии узким поясом. Через полупрозрачную ткань просвечивалось ее нежное тело, отчего она казалась Ксерксу еще более соблазнительной. Золотистые волосы, схваченные золотой диадемой с рубином, ниспадали на ее обнаженные плечи.

Царица Аместрида, увидев, что Ксеркс увлечен только Артемисией, не смогла сдержать себя и удалилась. За ней последовали и другие царские жены.

Пир продолжался до рассвета. Все это время Ксеркс развлекал Артемисию разговорами, а когда занялась заря, ему пришла в голову мысль покататься с эллинкой на своем корабле по Геллеспонту. Артемисия охотно приняла предложение. Царь распорядился подать крытые носилки и доставить его с Артемисией к проливу. Их сопровождали верные телохранители из числа «бессмертных».

Долго плавали на корабле по Геллеспонту Ксеркс и Артемисия. Но на палубе их не было видно. Уединившись в каюте, они полностью отдались страсти, не замечая, как летит время.

После полудня на царском корабле появился Мардоний.

— Государь! Не прикажешь ли начинать переправу? — спросил он, когда Ксеркс разрешил ему войти в каюту.

— Начинайте, — ответил царь. — Только вначале пустите обозы; войска пойдут завтра. И не тревожьте меня. Сегодня я занят не менее важным делом, чем покорение Эллады, — и он приказал Мардонию удалиться.

Когда на исходе следующей ночи Ксеркс прощался с Артемисией, он сказал:

— Мне стоило идти в поход на Элладу уже только для того, чтобы встретиться с тобой, Артемисия.

На рассвете Ксеркс был на переправе. Здесь его уже ожидали персидские вельможи, начальники отрядов и жрецы, готовые совершить жертвоприношения богам. Взойдя на специально сооруженный помост, царь обратился к собравшимся:

— Персы! Настал час переправы в Европу, которого все мы долго ждали. И сейчас я призываю вас к доблести! Не посрамите боевой славы наших великих предков! Отдайте все силы и энергию на завоевание Эллады! Наши противники — доблестные люди, и если мы одолеем их, то уже не найдется на свете народа, который мог бы нам противостоять. А теперь вознесем молитвы нашим богам и начнем переправу.

Жрецы приступили к своим обязанностям. Они зажгли огонь на алтарях и воскурили благовония. Вслед за этим были вознесены молитвы Ахурамазде и Митре — персидскому богу солнца.

Когда Ксерксу подали золотой кубок с вином, он бросил его в воды Геллеспонта. Туда же царь отправил и акинак в ножнах, инкрустированных драгоценными камнями. Он считал, что эти дары должны умилостивить Геллеспонт.

Началась переправа. Впереди шли «бессмертные» под предводительством Гидарна. За ними по одному из мостов переправились священные кони и колесница Ахурамазды, а потом уже и сам царь в сопровождении тысячи всадников.

Очутившись на европейском берегу, Ксеркс велел поставить свой походный трон и стал наблюдать за переправой.

Сразу после царя переправлялась персидская пехота; командовал ею Отан, тесть Ксеркса. Персидские пехотинцы были одеты в панцири, а поверх их — в кафтаны с широкими рукавами, обшитыми маленькими железными пластинками наподобие рыбьей чешуи. Их головы венчали войлочные тиары. Из оружия у них были короткие копья, за спиной у каждого висел лук и колчан со стрелами, а на правом бедре с пояса свисал акинак в кожаных ножнах.

Полдня понадобилось персидской пехоте, чтобы пройти по мостам. За ней последовала мидийская пехота, которую вел мидянин Тигран. От персов мидийские пешие воины отличались лишь тем, что на головах у них были не тиары, а полукруглые войлочные шапочки.

За мидянами показались киссии. Ими предводительствовал перс Анаф, сын Артафея. На головах у киссиев были митры — повязки, концы которых свешивались по обеим сторонам лица. Во всем остальном они ничем не отличались от персов и мидян.

Между тем день подошел к концу, и с наступлением сумерек Ксеркс удалился на покой в свой походный шатер. Пока он спал, через Геллеспонт перешли гирканы и ассирийцы. А когда на рассвете следующего дня царь снова занял свое место на троне, его приветствовал Гистасп, сын Дария и Атоссы, единоутробный брат повелителя Персии. Он вел за собой бактрийцев и саков, вооруженных луками, короткими копьями и сагарисами — обоюдоострыми боевыми секирами.

Едва переправились бактрийцы и саки, показались темнолицые индийцы и восточные эфиопы, обитавшие по соседству с Индией. Командовал ими Фарназафр, сын Артабата. Индийцы шли в одеждах из хлопка, а вооружение их составляли длинные камышовые луки и стрелы с железными наконечниками. Доспехи восточных эфиопов отличались своей экстравагантностью: на головах у них были лошадиные шкуры с ушами и гривой — грива выполняла роль султана, а уши торчали прямо, как у живой лошади. Вместо щитов эфиопы пользовались журавлиными кожами с перьями. Ксеркс с большим любопытством рассматривал эфиопов. Ему казалось, что один свирепый вид этих воинов должен внушить страх врагу.

За второй день успели переправиться еще арии, во главе которых стоял Сисамн, сын Гидарна. Ночь ушла на переправу парфян, хорасмиев, согдов, гандариев и дадиков, которых вели персы Артабаз, Азан и Артифий.

На третий день переправлялись каспии, одетые в козьи шкуры, саранги, облаченные в пестрые одежды и обутые в сапоги до колен, а за ними — пактии, утии, мики и парикании.

Утром четвертого дня показались арабы и эфиопы, живущие южнее Египта. Предводителем и тех и других был Арсам, сын Дария и Артистоны, сводный брат Ксеркса. Арабы были одеты в длинные бурнусы, эфиопы — в леопардовые и львиные шкуры. Вооружение первых состояло из длинных луков, изготовленных из пальмовых ветвей. У эфиопов были дротики с наконечниками из рога антилопы и палицы с железными навершиями.

Затем на европейский берег ступили ливийцы под предводительством Массагеса. За ними — пафлагонцы, лигии, матиены, мариандины и каппадокийцы, которых вели Дот и Гобрий.

Четвертой ночью переправились фригийцы, армяне, мисийцы и лидийцы.

На пятый день Ксеркс увидел на переправе фракийцев, живущих в Азии. На головах у них были лисьи шапки, а одежда состояла из шкур диких животных. Из оружия фракийцы име-

ли дротики, пращи и кинжалы. Их вел Бассак, сын Артабана, двоюродный брат царя.

После фракийцев проследовали писидийцы — воинственное племя, обитавшее в труднодоступной горной области к северу от залива Анталия. К их медным шлемам были приделаны бычьи рога, а в руках они держали копья и маленькие щиты из бычьей кожи.

За писидийцами показались кабалии и милии, у которых были короткие копья и плащи, застегивающиеся на правом плече пряжкой.

Пятой ночью Геллеспонт перешли воины мосхов, тибаренов, макронов, колхов, алародиев и саспиров. Завершили прохождение сухопутного войска воины с островов Персидского залива.

Главнокомандующим сухопутного войска Ксеркс назначил Мардония. Как только оно полностью переправилось на европейский берег, Мардоний получил от царя приказ следовать по определенному ранее маршруту, чтобы не создавать помехи для конницы.

Шестой и седьмой дни ушли на переправу конницы и колесниц. Сначала Геллеспонт перешли персидские и мидийские всадники, затем восемь тысяч сагартиев, восседавших на низкорослых лошадях и вооруженных арканами. У арабских всадников вместо лошадей были верблюды. Кроме того, в коннице у Ксеркса находились еще киссии, индийцы, бактрийцы, ливийцы, каспии и парикании. Общая численность конницы составляла восемьдесят тысяч всадников. Сюда же входило и несколько тысяч колесниц. Начальниками конницы Ксеркс поставил Гармамифраса и Тифея — сыновей Датиса.

Таким образом, Ксерксу потребовалось семь дней и семь ночей, чтобы переправить свое многочисленное войско через пролив Геллеспонт по двум понтонным мостам весной 480 года до н.э.

Покидая берега Геллеспонта, Ксеркс оставил там сильный гарнизон для охраны мостов, которые решил сохранить. Кораблям он приказал плыть на запад вдоль фракийского берега, держа курс на Афон, где они должны были ожидать сухопутное войско.

Более недели понадобилось повелителю Персии, чтобы добраться до Дориска — первого опорного пункта на пути в Элладу. Здесь он велел войску остановиться лагерем на обширной равнине и в течение нескольких дней производил под-

счет воинов. По его приказу «бессмертные» (десять тысяч человек) стали квадратом как можно плотнее друг к другу. Вокруг них по периметру было поставлено ограждение из жердей высотой в половину человеческого роста. С двух сторон ограждения были оставлены проходы. После «бессмертных» через ограждение, заполняя его по десять тысяч, прошло все сухопутное войско, насчитывающее, как оказалось, один миллион семьсот тысяч человек. Всего же, как сообщает Геродот, Ксеркс вел на Элладу более пяти миллионов человек, учитывая матросов и гребцов на кораблях, а также многочисленную прислугу.

Из Дориска персидское войско, разделившись на три отряда, двинулось дальше. По пути присоединялись отряды фракийцев, так как Фракия была подвластна царю. Жители эллинских городов и поселений, расположенных во Фракии, снабжали персов продовольствием.

Нигде не задерживаясь, Ксеркс вскоре прибыл к реке Стримон, через которую заранее были возведены мосты. Здесь он принес в жертву богам девять фракийских мальчиков и столько же девочек, закопав их живыми в землю. Затем его войско повернуло на юг, вступив на территорию Халкидики. Пройдя мимо города Стагира, персы достигли Аканфа.

Невдалеке от Аканфа был прорыт канал через Афонский перешеек. Осмотрев его, Ксеркс приказал флоту плыть по нему в Фермейский залив. Сам же направился туда во главе сухопутных сил через Халкидику.

Прибыв к Фермейскому заливу, царь расположил войско лагерем, а сам отправился на корабле осмотреть берега Фессалии — одной из областей Эллады. Сочетая полезное с приятным, он пригласил на свой корабль Артемисию и провел с ней несколько дней.

Вернувшись к войску, Ксеркс повел его в Фессалию, а флоту велел покинуть Фермейский залив на одиннадцатый день после своего выступления и плыть к берегам Магнесии.

У границ Фессалии Ксеркса встретили послы-фессалийцы, которые принесли ему «землю и воду», заявив тем самым о своей покорности повелителю Персии. Царь одарил послов и, вступив на фессалийскую землю, оставил нетронутыми города и поселения фессалийцев, которых отныне считал своими союзниками.

В Фессалии Ксеркс устроил конные скачки, так как еще раньше слышал, что фессалийские кони — лучшие в Элладе. Но персидские скакуны превзошли в быстроте фессалийских.

Приблизительно в это время к Ксерксу явился гонец от Ариабигна с сообщением, что у берегов Магнесии пятнадцать персидских кораблей захвачены эллинами. Выслушав донесение, царь заметил:

— Пятнадцать кораблей — это еще не весь флот, но впредь надо быть осторожнее. От этих коварных эллинов всего можно ожидать.

Вскоре Фессалия осталась позади. Выйдя к ее южным пределам, Ксеркс расположился лагерем у небольшого города Трахин и выслал вперед разведчиков, чтобы они разузнали путь в Среднюю Грецию. Разведчики вернулись очень скоро и доложили, что невдалеке от Трахина в узком горном ущелье стоит эллинское войско.

— Как называется ущелье? — спросил Ксеркс.

— Фермопилы! — был ответ разведчиков.

Что же делали эллины, когда царь Ксеркс готовился к войне с ними?

Афиняне после победы над персами в Марафонской битве в 490 году до н.э. не сомневались, что персы возобновят военные действия не только против них, но и против всей Эллады. Поэтому в афинском народном собрании стали все чаще раздаваться призывы готовиться к отражению предстоящего нашествия. Однако разные люди в Афинах по-разному понимали эту подготовку. В городе возникли две партии: аристократическая, которую возглавил Аристид, и демократическая, вождем которой стал Фемистокл. Аристид убеждал сограждан, что в предстоящей войне с персами следует опереться на сухопутную армию, как это было при Марафоне. Фемистокл же ратовал за создание сильного военного флота. Несколько лет велась острая политическая борьба между этими двумя лидерами. В конце концов возобладало мнение Фемистокла. В 483 году до н.э. он стал руководителем афинского государства, а его политический противник Аристид был изгнан на десять лет.

Фемистокл убедил афинян пустить на создание флота доходы с Лаврийских серебряных рудников. Афиняне послушались его, и деньги, которые раньше делили между собой, полностью пошли на общее дело — на строительство кораблей. К моменту вторжения Ксеркса в Элладу Афины располагали двумястами хорошо оснащенными триерами, экипажи которых были отлично подготовлены для ведения боевых действий на море.

В другом крупном государстве Эллады — Спарте — тоже знали о приготовлениях персидского царя. Как повествует Геродот, об этом спартанцам сообщил не кто иной, как Демарат, забывший о прежних обидах. Так что спартанцы тоже готовились к войне с персами, намереваясь защитить отечество силами сухопутной армии, самой сильной в Элладе.

В 481 году до н.э., за год до персидского нашествия, представители греческих государств собрались в городе Коринф, чтобы договориться о прекращении междоусобных распрей и об объединении в общеэллинский союз. Такой союз был образован. В него вошло тридцать одно греческое государство с общей сухопутной армией и флотом. Несмотря на превосходство афинян в кораблях, во главе объединенных военных сил были поставлены спартанские военачальники как самые опытные в военном деле. Однако и афинянин Фемистокл играл далеко не последнюю роль: к его советам, благодаря их дальновидности, прислушивались даже честолюбивые спартанцы.

Уже когда полчища персов лавиной катились по прибрежным районам Фракии, союзники, собравшись на очередное совещание, решили послать войско в Фессалию, чтобы именно там, на севере Эллады, начать военные действия против Ксеркса. Десятитысячный отряд союзнической армии под командованием спартанца Эвенета прибыл в Темпейскую долину; афинскими воинами командовал Фемистокл. Однако здесь эллины задержались ненадолго: македонский царь Александр посоветовал им покинуть Темпейскую долину как позицию, непригодную для сражения с противником, значительно превосходящим по численности. Эллины нашли совет македонского царя правильным и отступили из Фессалии, оставив ее на произвол судьбы.

На совещании руководителей общеэллинского союза было принято решение сосредоточить сухопутную армию в узком Фермопильском ущелье на границе Фессалии и Беотии. Только через это ущелье персы могли попасть в Среднюю Грецию — другого пути не было. Флот же эллины послали в Эвбейский пролив, отделявший остров Эвбея от материка.

В Спарте в это время проходил священный праздник Карнеи, так что спартанцы послали в Фермопилы лишь небольшой отряд в триста человек под командованием царя Леонида. Остальное войско они обещали прислать сразу после праздника. Всего в Фермопилах собралось 7200 гоплитов — тяжеловооруженных воинов. Среди них было 500 тегейцев, 500 мантинейцев, 1120 воинов из Аркадии, 400 коринфян, 700 феспийцев,

400 фивян и представителей других городов-государств, входивших в общеэллинский союз. Командование этими вооруженными силами осуществлял спартанский царь Леонид.

Прибыв в Фермопильское ущелье, Леонид приказал возвести стену в самом его узком месте, где ширина прохода едва достигала полплефра*. Расположившись лагерем за этой стеной, отряд Леонида стал поджидать неприятеля.

Находясь в лагере у Трахина, Ксеркс послал лазутчика подробнее узнать о численности эллинов и о том, чем они занимаются. Лазутчик пробрался совсем близко к стене, возведенной эллинами, и, спрятавшись в зарослях кустарника, стал наблюдать. В это время стражу перед стеной несли спартанцы. Лазутчик видел, как одни из них, обнажившись, занимались гимнастическими упражнениями, другие, выкупавшись в ручье, протекавшем неподалеку, умащали тела оливковым маслом, третьи тщательно расчесывали свои длинные волосы, четвертые чистили доспехи и оружие. Только несколько воинов в полном вооружении наблюдало за окрестностями.

Долго следил лазутчик за спартанцами, а сосчитав их, сделал попытку подобраться к стене, чтобы сосчитать и эллинов за ней. Однако его старания не увенчались успехом, и, ограничившись тем, что ему удалось увидеть перед стеной, он вернулся к царю.

Донесение лазутчика рассмешило Ксеркса. Поведение спартанцев накануне верной гибели показалось ему наивным и безрассудным. Он послал за Демаратом, который находился в его стане.

— Демарат! Как ты объяснишь легкомысленное поведение своих соотечественников?

— Великий царь! — отвечал Демарат. — Еще в Абидосе я тебе рассказывал об этих людях, но тогда ты поднял меня на смех. Так хоть сейчас прислушайся к моим словам. Если ты считаешь поведение спартанцев легкомысленным — то глубоко ошибаешься. Они пришли сюда, чтобы сражаться за Фермопильское ущелье, и в данный момент готовятся к смертельной схватке. А что до занятий гимнастикой и расчесывания волос, то это у них в обычае. Так они поступают всегда, когда собираются умереть. Знай же, царь, что скоро ты будешь иметь дело с самыми доблестными людьми в Элладе. И если ты одолеешь тех из них, кто сейчас находится в ущелье, и тех, кто ос-

* Плефр — греческая мера длины, равная 29,6 метра.

тался в Спарте, то после этого уже никто не посмеет противостоять тебе. Однако я глубоко убежден, что одолеть их тебе будет непросто, если вообще удастся сделать это.

— Но Демарат! — возразил спартанцу Ксеркс. — Ведь их, как мне доложили, всего триста человек. Как же они при такой малочисленности будут сражаться с моими войсками?

— И все же, царь, будет так, как я сказал, — металлическим голосом отчеканил Демарат. — А если ты считаешь, что я лгу, то прикажи отрезать мне язык.

На этом их беседа закончилась. Царь отпустил непреклонного спартанца, в душе посмеиваясь над его словами.

Четыре дня Ксеркс выжидал у Трахина, надеясь, что эллины отступят без боя. Каждый день он посылал в ущелье лазутчиков, и всякий раз те докладывали ему, что эллины и не собираются покидать занятую позицию. Поведение противника начинало раздражать повелителя Персии. Утратив терпение, он на пятый день рано утром вызвал к себе предводителя мидян Тиграна и Анафа, который командовал киссиями.

— Готовьте своих воинов к бою, — сказал он. — В полдень поведете их в атаку и разгоните эту горстку неразумных эллинов. Тех из них, кто уцелеет, приведете ко мне.

Ровно в полдень мидяне и киссии пошли в атаку. Стройными колоннами они входили в ущелье, где их ожидали готовые

к сражению спартанцы во главе с Леонидом. Мидяне первыми бросились в бой, но спартанцы, плотно сомкнув ряды, отразили их натиск. Уже через час спартанцам удалось уничтожить несколько сот врагов. На место павших мидян заступали другие, но и их ожидала участь быть убитыми: опытные в рукопашном бою спартанцы легко расправлялись с неумелыми в военном деле мидянами. Причем сами спартанцы не потеряли ни одного человека, лишь немногие из них получили незначительные ранения.

Несколько раз Тигран бросал мидян в атаку, и всякий раз те отступали, оставляя на поле битвы множество трупов. К вечеру мидийские воины отказались идти в бой. Тогда Тигран велел гнать их на врага кнутами, но и эта мера не оправдала себя.

Уже на закате мидян сменили киссии. Им, правда, удалось убить нескольких спартанцев, но они поплатились за это жизнями нескольких сот своих воинов.

Об исходе каждой атаки докладывали Ксерксу, который весь этот день провел в походном шатре. Донесение об очередной неудаче, как правило, приводило царя в ярость. На исходе дня он понял, что людей в его войске много, а настоящих воинов среди них очень мало.

С наступлением ночи повелитель Персии отдал приказ прекратить атаки на непокорных эллинов, считая это делом бесполезным. В полночь он вызвал к себе предводителя «бессмертных» Гидарна:

— Гидарн! Завтра ты поведешь на эллинов «бессмертных».

На следующий день, едва лучи восходящего солнца осветили вершины скал по обеим сторонам Фермопильского ущелья, Ксеркс велел поставить свой трон с золоченым балдахином в таком месте, откуда он мог бы наблюдать за ходом битвы, и отдал приказ начинать сражение.

Гидарн ввел часть «бессмертных» в ущелье, остальные остались у входа, так как узкий проход не мог вместить сразу десять тысяч воинов. Приблизившись к противнику на расстояние полета стрелы, Гидарн остановил отряд.

Спартанцы стояли в боевом строю, выставив вперед длинные копья и прикрываясь большими круглыми щитами. На каждом щите была изображена буква «лямбда», с которой начиналось слово «Лакедемон» — так иначе называлась Спарта.

Ксеркс велел Гидарну перед началом сражения переговорить с предводителем спартанцев Леонидом. Поэтому началь-

ник «бессмертных» на белоснежном жеребце выехал вперед. Царь Леонид вышел навстречу. Когда между ними осталось всего несколько шагов, Гидарн остановил своего скакуна. Леонид тоже остановился.

— Я — Гидарн, сын Гидарна! Великий царь послал меня сказать, чтобы вы сложили оружие, — громко произнес начальник «бессмертных».

— А я — Леонид, сын Анаксандрида! Меня послало сюда отечество защищать это ущелье. Передай своему царю: если он хочет завладеть нашим оружием, пусть сам придет и возьмет его, — ответил предводитель спартанцев.

— Безумцы! На что вы рассчитываете! — вскричал Гидарн. — Ведь если мы выстрелим из луков, туча стрел закроет солнце.

— Ну что ж, — бодрым голосом ответил Леонид, — тогда мы будем сражаться в тени.

Услышав ответ своего царя высокопоставленному персу, спартанцы дружно рассмеялись, а Гидарн, видя, что вести переговоры дальше бесполезно, повернул коня и ускакал к своим под громкое улюлюканье спартанцев.

Через полчаса «бессмертные» пошли в атаку. Навстречу им мерным шагом двинулись спартанцы. Они пели одну из своих боевых песен:

Вперед, отважные сыны Лакедемона!
Щит левой рукой выставляйте,
Копьем потрясайте отважно
И жизни своей не щадите:
Ведь то не в обычаях Спарты.

Приблизившись на достаточно близкое расстояние, первые ряды «бессмертных» метнули в противников свои короткие копья, но спартанцы приняли их на щиты и как ни в чем не бывало продолжали движение.

Вскоре противники сошлись в рукопашной схватке. Ловко орудуя мечами, спартанцы уложили несколько десятков «бессмертных», не потеряв при этом ни одного воина. Вдруг царь Леонид крикнул: «Отходим!»

Повинуясь команде своего вождя, спартанцы дружно повернулись и, забросив щиты за спины для прикрытия, побежали к стене. Увидев, что противники бегут, «бессмертные» с боевым кличем устремились вслед за ними. Однако, не добегая до стены, спартанцы резко повернулись и напали на врагов, не готовых к такому маневру. Еще несколько десятков «бессмертных» пали жертвами спартанских мечей и копий, после чего остальные вынуждены были отступить на исходную позицию.

Так повторялось трижды. И трижды царь Ксеркс, наблюдавший за битвой, вскакивал с трона в страхе за свою гвардию.

В полдень на смену спартанцам пришли воины других эллинских городов, так как первые изрядно утомились устилать вражескими трупами поле сражения.

Лишь в сумерках Ксеркс велел прекратить боевые действия, видя, что почти десятая часть «бессмертных» бессмысленно погибла.

Удалившись в свой шатер, Ксеркс велел писцу, знающему греческую грамоту, написать записку следующего содержания: «Леонид! Если ты перейдешь на мою сторону, то я после завоевания Эллады сделаю тебя ее единоличным правителем».

Эту записку царь вручил одному фессалийцу и велел передать ее предводителю спартанцев. Через пару часов он получил ответ. «Если бы ты понимал истинные блага жизни, — писал ему Леонид, — то не стал бы домогаться чужих владений. Я же предпочитаю умереть за Элладу, чем единолично властвовать над нею».

Повелитель Персии понял, что подкуп делу не поможет, надо искать какой-то другой способ одолеть защитников Фермопил.

Весь следующий день персы продолжали штурм Фермопильского ущелья. Однако это не принесло успеха. Наоборот, число жертв увеличилось.

Ксеркс уже не наблюдал за сражением со своего наблюдательного пункта. Отчаявшись, он уединился в шатре, и никто из приближенных не видел его в тот день.

Под вечер один из телохранителей, дежуривших у входа в царский шатер, доложил Ксерксу, что с ним хочет поговорить один эллин, который будто бы знает, как застать защитников Фермопил врасплох. Царь приказал привести его.

— Кто ты и с чем пожаловал ко мне? — спросил Ксеркс, когда эллин, одетый в козьи шкуры, вошел в шатер и простерся ниц перед ним.

— Зовут меня Эфиальт, я — сын Эвридема, — ответил вошедший. — Великий царь! Я знаю в горах узкую козью тропу, по которой можно зайти в тыл тем, кто засел в ущелье. Если ты меня щедро вознаградишь, я покажу тебе эту тропу.

— Я дам тебе все, что захочешь! — радостно воскликнул Ксеркс.

— Если так, то прикажи наполнить этот мешок золотыми монетами, которые вы называете дариками, — сказал Эфиальт, вынимая из-за пазухи кожаный мешок.

Ксеркс тут же велел слуге насыпать в мешок золотых дариков из сундука и сказал:

— Возьми, Эфиальт, это твое.

Эфиальт приподнял свою ношу. На его лице, заросшем густой бородой, появилась счастливая улыбка.

— Ну а теперь, царь, давай воинов, которых я поведу по тропе. Уже стемнело — самое время выступать.

Приказав слуге накормить Эфиальта перед дорогой, Ксеркс призвал к себе Гидарна и коротко сообщил ему о предложении предателя.

— Гидарн! Возьми «бессмертных» и отправляйся за этим человеком. Зайди к эллинам в тыл и утром нападай на них. Я же двину на них персидскую пехоту с этой стороны. Мы зажмем их в тиски и раздавим. Только смотри, действуй осторожно, старайся не выдать себя, — распорядился Ксеркс и отпустил начальника «бессмертных».

В полночь отряд Гидарна двинулся в путь за Эфиальтом. До рассвета «бессмертные» пробирались по тропе в тыл защитникам Фермопил. С первыми лучами солнца они были на вершине горы Анопея, у подножия которой на страже стояла тысяча воинов из Фокиды. Увидев их, Гидарн спросил у Эфиальта:

— Уж не спартанцы ли это, с которыми нам вчера и позавчера довелось иметь дело?

— Нет, господин, это всего лишь фокийцы; их не следует опасаться — они неважные вояки.

Успокоившись, Гидарн повел «бессмертных» на фокийцев. Увидев спускавшихся с горы персов, те в страхе бежали. Лишь единицы из них поспешили в стан защитников Фермопил предупредить об опасности.

Узнав о случившемся, эллины стали совещаться. Их мнения разделились: одни высказались за отступление, пока персы еще не заняли ущелье, другие предпочли остаться на месте и погибнуть, защищая Элладу.

Среди тех, кто решил остаться, были спартанцы, феспийцы и фиванцы — общей численностью около тысячи двухсот человек. Воины из других городов покинули Фермопильское ущелье, провожаемые укоризненными взглядами оставшихся.

Достойнее всех перед лицом смертельной опасности вели себя спартанцы. Они решили перед боем основательно подкрепиться. Не теряя присутствия духа, Леонид даже пошутил на этот счет:

— Воины! Давайте как следует позавтракаем, ибо обедать и ужинать нам придется уже в Аиде*.

Между тем Ксеркс совершил жертвоприношения богу солнца Митре и приказал персидской пехоте войти в ущелье. С другой стороны на защитников Фермопил надвигались «бессмертные».

Вскоре завязалась кровавая рукопашная схватка. Эллины дрались с отвагой обреченных. Они словно сговорились продать свои жизни подороже. Персидских же воинов начальники гнали в бой кнутами.

Под ударами эллинских, особенно спартанских, мечей и копий персы гибли сотнями. На место павших заступали другие. Много воинов гибло и у эллинов. На убитых никто не обращал внимания, ибо каждый знал, что в следующую минуту может погибнуть сам.

Часа через три отряд эллинов, теснимый персами с двух сторон, сократился наполовину. Еще через час уцелевшие фиванцы, бросив оружие, с поднятыми руками вышли навстречу персам.

Спартанцы и феспийцы держались до конца. Еще четыре раза они обращали противника в бегство. Когда у них сломались копья, они дрались мечами. Когда мечи зазубрились, они

---

* Аид — в греческой мифологии — царство мертвых.

вырывали оружие из рук врагов и продолжали драться. Те, кто остался вовсе без оружия, душили персов руками и перегрызали им глотки зубами.

К вечеру уцелел лишь небольшой отряд спартанцев, всего три-четыре десятка человек. Леонид был ранен, но держался на ногах. Он приказал своим воинам занять небольшой холм недалеко от оборонительной стены. Эту позицию спартанцы удерживали до тех пор, пока персы не расстреляли их всех из луков.

Перед закатом, когда сражение закончилось, на поле брани появился Ксеркс. Зрелище было жуткое. Оно заставило содрогнуться повелителя Персии. Везде возвышались горы трупов. Тяжелораненые стонали, проклиная судьбу за то, что она привела их в это ужасное место под названием Фермопилы.

Ксеркс велел отыскать труп Леонида и обезглавить его, а тело подвесить к столбу. Так персидские цари поступали с мятежниками.

Повелитель Персии приказал подсчитать потери. Оказалось, что в Фермопильском ущелье погибло двадцать тысяч персидских воинов. Среди погибших были и два родных брата Ксеркса — Аброком и Гиперанф. Их тела царь распорядился залить медом и отправить в Персию для погребения. Остальных погибших захоронили в общей могиле.

Так закончилась битва в Фермопильском ущелье. Ксеркс одержал победу, но она досталась ему очень дорогой ценой.

И все же, невзирая на потери, Ксеркс торжествовал победу. Однако недолго. Вскоре прибыл посыльный с моря и сообщил, что персидский флот потерял до трехсот кораблей во время шторма у мыса Артемисий. Кроме того, около трех десятков кораблей захвачено эллинами после шторма. Это известие взбесило Ксеркса, и он вызвал к себе своих братьев Ариабигна и Ахемена, которые командовали флотом. Когда они явились, он отчитал их за неумелое ведение военных действий, но наказывать и отстранять от командования не стал.

После этого Ксеркс собрал всех военачальников на военный совет, в том числе и спартанца Демарата. Совет должен был определить план дальнейших действий.

Вначале царь обратился к Демарату:

— Скажи мне, мой друг, сколько еще осталось спартанцев и много ли у них храбрых воинов, способных оказать мне сопротивление?

— Царь! — отвечал Демарат. — Мне совершенно точно известно, что у спартанцев около восьми тысяч воинов, таких же доблестных, как те, которые сражались в Фермопильском ущелье. Кроме того, с ними заодно жители многих других городов Пелопоннеса. Они тоже будут драться с тобой до последнего.

— А не подскажешь ли ты, Демарат, как легче всего победить этот народ? Ведь тебе должны быть известны их военные хитрости, так как ты был у них царем.

Немного подумав, Демарат ответил:

— Царь! Тебе следует послать к берегам полуострова Пелопоннес, на котором расположена Спарта, часть своих кораблей. Там есть остров Кифера. Захватив его, ты будешь держать в страхе не только спартанцев, но и всех остальных пелопоннесцев. Ввиду непосредственной угрозы они не решатся прийти на помощь остальным эллинам. А ты сухопутными силами с наименьшими потерями захватишь и Беотию, и Аттику, и другие области Эллады вне Пелопоннеса; тогда легче будет покорить и Пелопоннес. Другого, великий царь, я тебе посоветовать не могу.

— Благодарю тебя, Демарат, ты дал хороший совет, — сказал Ксеркс спартанцу и, обратившись к остальным, спросил: — Кто еще хочет высказаться?

Слова попросил брат царя Ахемен.

— Царь! — воскликнул он. — Я вижу, ты склонен последовать совету этого человека, который хитер, как всякий эллин. Если ты и впрямь послушаешься его, то совершишь большую ошибку. Посуди сам: мы уже потеряли у мыса Артемисий более трехсот кораблей, а если ты еще столько же отправишь к берегам Пелопоннеса, то не ослабит ли это остальной флот? Не нападут ли на него эллины? Ведь у них, что ни говори, тоже немало кораблей с экипажами, знающими толк в морском деле. Более того, не перейдут ли некоторые ионяне на сторону своих соплеменников? Поэтому я советую тебе не разъединять флот, а сосредоточить его у берегов Аттики — области, подвластной афинянам. В это же время ты с сухопутной армией, пройдя Беотию, достигнешь Аттики с севера и захватишь ее. А потом можно будет взяться за спартанцев и прочих пелопоннесцев.

Выслушав брата, Ксеркс погрузился в раздумье. Наконец он сказал:

— Ахемен! По-моему, ты прав, и я поступлю так, как ты советуешь, хотя и Демарат дал хороший совет, руководствуясь,

как мне кажется, самыми благими намерениями. Поэтому запрещаю впредь оскорблять его, так как он — мой друг.

На этом военный совет закончился. На следующий день Ахемен и Ариабигн отбыли к флоту, а Ксеркс, пройдя Фермопильское ущелье, во главе сухопутного войска вторгся в пределы Средней Греции.

Поначалу персидские полчища прошли по небольшой области под названием Дорида. Местные жители признали владычество Ксеркса, и он приказал не разорять их селения.

Из Дориды персы проникли в Фокиду. Перед их появлением фокийцы бежали со всем своим скарбом на вершину Парнаса, выставив на узких горных тропах вооруженные отряды. Ксеркс не стал их преследовать; вместо этого он разрушил все фокийские города. В одном из них, в Абах, находился большой храм Аполлона. Ксеркс велел уничтожить его, забрать все богатства храмовой сокровищницы и двинулся дальше.

Вскоре персы достигли города Панопей. Здесь Ксеркс разделил свое войско на две части. Одну часть он отправил захватить Дельфы и двигаться к Истмийскому перешейку, ведущему на Пелопоннес. Царь рассчитывал перекрыть спартанцам и их пелопоннесским союзникам все пути, которыми они могли прийти на помощь остальным эллинам.

Бóльшую и сильнейшую часть войска Ксеркс повел в Беотию. Едва он очутился там, беотийские города перешли на его сторону, а жители города Фивы устроили ему торжественную встречу, чем спасли свой город от разрушения, зато снискали ненависть всех остальных эллинов.

Только два небольших беотийских города — Платеи и Феспии — Ксеркс приказал разрушить: Платеи за то, что его жители вместе с афинянами сражались против персов при Марафоне, а сейчас служили матросами на афинских кораблях; Феспии же за то, что феспийцы дрались вместе со спартанцами в Фермопильском ущелье.

После этого персидские войска вторглись в Аттику. Всего два дня им понадобилось, чтобы пройти ее с севера на юг и достигнуть Афин, расположенных на берегу моря.

Ксеркс торжествовал: наконец-то он добрался до города, разрушить который мечтал еще его отец Дарий.

Однако Афины были пусты. Афиняне покинули город еще до того, как персы вступили в пределы Аттики. Женщины, дети и старики были переправлены на остров Саламин и в город Трезен на Пелопоннесе; мужчины находились на кораб-

лях. Только небольшая группа афинян укрылась на акрополе. Они решили до конца защищать святилища своих богов.

Ксеркс бросил своих воинов захватить афинский акрополь, но афиняне оказали упорное сопротивление. Первый приступ окончился неудачей.

На следующий день повелитель Персии послал на штурм акрополя вдвое больше воинов. Персы использовали зажигательные стрелы, с помощью которых им удалось поджечь деревянные укрепления. Однако афиняне продолжали упорно защищаться. Они скатывали на врагов большие камни и забрасывали их копьями, которые еще имелись у них в запасе.

Только третья попытка принесла персам удачу. Их небольшому отряду удалось по лестницам взобраться на акрополь в том месте, где находился храм Аглавры. Увидев врагов наверху акрополя, часть защитников, не желая сдаваться в плен, бросились вниз и погибли. Остальные спрятались в храмах, моля богов о спасении. Однако персы, ворвавшись в святилища, перебили всех до одного.

Нет, не таким представлял персидский царь свое вступление в Афины. Он надеялся войти в цветущий город, а увидел покинутые дома. Собираясь в поход на Элладу, Ксеркс рассчитывал захватить в Афинах большие богатства: ведь все говорили, что Афины — один из самых богатых городов в Элладе. Но в городе ничего ценного не оказалось. Покидая Афины, афиняне забрали с собой все, что могли. Лишь несколько бронзовых статуй нашли персы на акрополе. Среди них были скульптуры Гармодия и Аристогитона, которые в 514 году убили тирана Гиппарха, сына Писистрата. Эти статуи Ксеркс распорядился отправить в Персию.

В сопровождении свиты Ксеркс поднялся на акрополь. Отсюда хорошо был виден афинский порт Пирей, а за ним — остров Саламин, на котором укрылись афиняне. Долго стоял царь в задумчивости. Наконец спросил:

— А где сейчас мой флот?

— Он укрылся за тем мысом, — сказал Мардоний, указав рукой в сторону Фалерской бухты.

— А где корабли эллинов?

— Они справа отсюда, государь, — доложил Мардоний. — По донесениям нашей разведки, часть их находится у острова Саламин, часть — в Трезенской бухте.

— Я отправляюсь на свой корабль, — заявил Ксеркс. — Надо собрать на совет военачальников и решить, в каком месте лучше дать эллинам морское сражение. Афины же повелеваю стереть с лица земли.

Спустившись с акрополя, Ксеркс сел в колесницу и покинул город, направляясь в Фалерскую бухту.

Военный совет собрался на палубе царского корабля. Ксеркс восседал на троне в кормовой части судна. Справа от него на скамьях расположились персидские военачальники, а слева — финикийские, египетские, киликийские и ионийские флотоводцы. Среди них находилась и правительница Галикарнаса Артемисия.

Первым заговорил царь:

— Прошло немногим более трех месяцев с тех пор, как мы переправились через Геллеспонт. За это время мы успели захватить бóльшую часть Эллады. Остался только Пелопоннес. Часть моего сухопутного войска уже подступила к нему и ждет моего приказа, чтобы вторгнуться в его пределы. Но я не могу начать завоевание Пелопоннеса, не разгромив эллинский флот. Насколько мне известно, у эллинов более трехсот кораблей, у меня — в три раза больше. Таким образом, численный перевес на моей стороне, и начни я морскую битву — победа будет на моей стороне. Таково мое мнение. А теперь хотелось бы выслушать и ваши соображения.

Заговорили персидские военачальники. Их выступления были немногословными: все они высказались за морскую битву. Персов поддержали финикийцы, египтяне, киликийцы и ионяне. Только Артемисия хранила молчание. Царь заметил это:

— Артемисия! А ты почему молчишь? Или тебе нечего добавить к уже сказанному моими военачальниками?

Правительница Галикарнаса встрепенулась, поднялась со своего места и оперлась на древко копья, наконечник которого так и сиял на солнце. Взгляд ее был полон отваги.

— Государь! — воскликнула она. — Ты самый благородный правитель на свете, а вот слуги у тебя плохие. Иначе они не стали бы давать тебе пагубный совет, убеждая дать битву эллинскому флоту именно сейчас. Я против этой битвы, и вот почему. Ты захватил бóльшую часть Эллады. По твоему приказу разрушены десятки эллинских городов, в том числе и Афины. Твое войско на подступах к Пелопоннесу. Зачем же тебе начинать опасную битву на море, если можно подождать более благоприятного момента? Ведь в эллинском флоте много кораблей с Пелопоннеса. Когда пелопоннесские моряки узнают, что ты вторгся в их владения, они уведут свои корабли домой, оставив афинян одних. Вот тогда-то лучше всего и на-

пасть на афинян, нисколько не опасаясь поражения. Так что, царь, мой тебе совет: не спеши, выжди время, заставь противника разделиться, а затем разбей по частям.

Слова Артемисии заставили задуматься повелителя Персии. В это время присутствовавшие на военном совете военачальники тихо переговаривались между собой. Многие из них посмеивались над Артемисией, считая ее совет не самым лучшим.

Наконец царь дал знак всем замолчать:

— Артемисия! Ты только что дала мне мудрый совет, но я не последую ему, поскольку уверен в своих силах. Я убежден, что эллины не выдержат мощи моего флота, поэтому повелеваю немедля начать подготовку к морской битве.

В тот же день персидский флот снялся с якоря и, покинув Фалерскую бухту, взял курс на Саламин. Подойдя к восточной оконечности острова, персидские корабли выстроились в боевом порядке. Однако день уже клонился к закату, и Ксеркс решил отложить военные действия до завтра.

В это время эллинский флот численностью в 378 кораблей находился в западной части Саламинского пролива. Им командовал спартанец Эврибиад, который ничего не смыслил в морском деле. Афинская эскадра под командованием Фемистокла, входившая в состав объединенного флота, была самой многочисленной: она насчитывала двести триер.

Матросы со сторожевых кораблей видели, как персидская армада покинула Фалерскую бухту и, подойдя к восточной оконечности Саламина, построилась для битвы. Они доложили об этом Эврибиаду.

Эврибиад собрал военный совет, на котором известил о крайне опасном для эллинского флота положении, и высказал мысль об отступлении из Саламинского пролива. Его поддержал командующий коринфской эскадрой Адимант, а также командиры пелопоннесских кораблей. Они предлагали отойти к берегам Пелопоннеса и там занять новую оборонительную позицию Против выступили эгинцы, мегарцы и Фемистокл.

Фемистокл был опытным флотоводцем. Он прекрасно понимал, что дать морской бой в Саламинском проливе весьма выгодно для эллинского флота, так как в проливе ввиду его узости не поместится весь персидский флот. Используя это преимущество, можно будет нанести персам поражение.

Фемистокл пытался убедить в этом Эврибиада, однако тот стоял на своем. Тогда предводитель афинян пустился на во-

сную хитрость. Покинув военный совет, он тайно отправил своего раба Сикинна к персидскому царю. Раб должен был передать Ксерксу, что предводитель афинян Фемистокл желает ему победы и советует обойти эллинов с двух сторон, заперев их в проливе, а затем уничтожить.

Сикинн вернулся к полуночи и доложил, что ему посчастливилось повидаться с Ксерксом. А когда он сообщил, что персидский царь благодарит Фемистокла за услугу и готов щедро вознаградить его, предводитель афинян понял, что хитрость удалась.

Вскоре поступило и подтверждение тому. В стан эллинов на небольшом корабле прибыл афинянин Аристид, изгнанный из Афин несколько лет назад. Он явился на военный совет, который еще продолжался, и сообщил, что персидские корабли обошли Саламин и блокировали западный выход из пролива. Эврибиад и его сторонники пришли в смятение. Фемистокл же торжествовал: ему удалось навязать персам морское сражение в неудобном для них месте.

Всю ночь Ксеркс провел на своем корабле. Поздно вечером он отдал приказ расположить сухопутное войско вдоль побережья Саламинского пролива. Царь рассчитывал, что пешие воины будут содействовать флоту во время сражения, помогая вытаскивать на берег поврежденные корабли и спасая персов, очутившихся в воде.

Вскоре царю доложили, что с ним хочет увидеться какой-то человек, прибывший от эллинов с важным сообщением. Ксеркс велел привести его. Им оказался Сикинн, раб Фемистокла.

— О великий царь! — сказал он. — Меня послал к тебе мой господин Фемистокл, который командует кораблями афинян. Он просил передать, что желает тебе блага и поэтому советует, обойдя остров Саламин, преградить эллинам выход из пролива, так как эллины собираются ночью покинуть его. Если ты последуешь его совету, то эллины окажутся в западне, и ты легко с ними разделаешься. Фемистокл же хочет перейти на твою сторону.

Выслушав Сикинна, Ксеркс весьма обрадовался. Он отправил раба обратно, велев передать Фемистоклу огромную благодарность и заверить, что он, персидский царь Ксеркс, в любое время рад будет принять его в число своих друзей.

После этого царь призвал к себе Ариабигна и Ахемена. Первому он вверил половину флота и велел обойти Саламин,

соблюдая полную тишину. Ахемен же получил приказ высадить отряд воинов на небольшой островок Пситтамия, чтобы они во время завтрашней битвы спасали персов и уничтожали эллинов с тонущих кораблей.

К утру персидский флот блокировал эллинов в Саламинском проливе, а сухопутная армия выстроилась по побережью пролива. Казалось, участь эллинов предрешена.

С рассветом Ксеркс покинул корабль. Сойдя на берег, он направился к утесу Эгалеос, где для него был приготовлен наблюдательный пункт.

Утро 28 сентября 480 года до н. э. выдалось не по-осеннему ясным. По выцветшему за лето небу плыли белоснежные облака. Солнечные лучи играли золотистыми бликами на водной поверхности пролива.

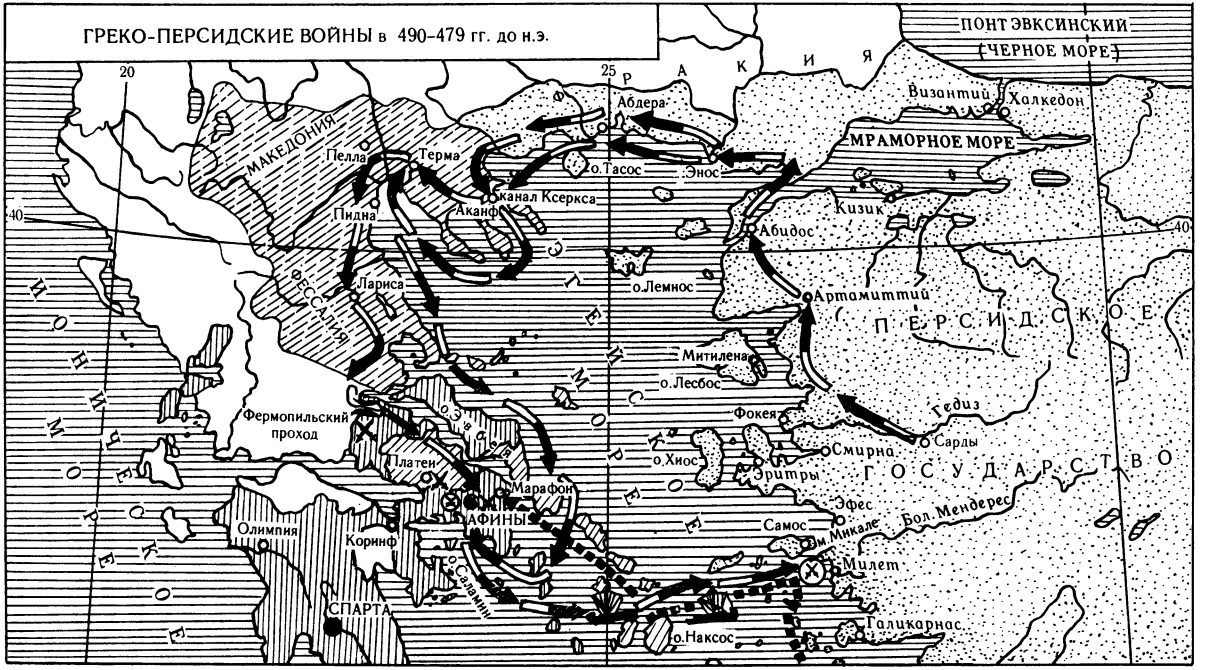
Восседая на троне, Ксеркс обозревал место предстоящего сражения. Он видел, как эллинские корабли, стоявшие в западной части пролива, отчалили от берега. Царю бросилось в глаза, что в их действиях нет единства: некоторые вырвались вперед, некоторые отстали, а около трех десятков судов и вовсе остались у берега. К тому же эллинам надо было еще выстроиться, чтобы драться на два фронта. Это порадовало Ксеркса.

— Нерешительность эллинов — залог моей победы! — воскликнул он.

Между тем персидский флот медленно надвигался на эллинские корабли с двух сторон. Расстояние между противниками сокращалось с каждой минутой.

Вдруг царь заметил, как из неровного строя эллинских кораблей отделилась одна триера и понеслась навстречу финикийскому пятипалубнику. Через восемь-десять минут она врезалась ему в бок своим железным носом. От удара финикийский корабль получил пробоину, однако триера не могла освободиться, хотя ее гребцы изо всех сил налегали на весла, гребя назад. На помощь триере поспешили другие эллинские корабли. Завязалось настоящее сражение.

Корабли сталкивались друг с другом с невообразимым грохотом. С треском ломались весла и бортовые доски. Несколько персидских кораблей, получив пробоины, пошли ко дну в первые же минуты сражения. Верткие эллинские триеры сновали между громоздкими персидскими судами, ломая им весла и тем самым лишая их возможности маневрировать. Вскоре строй персидских кораблей полностью расстроился. Суда персов начинали мешать друг другу. Они садились на мель и разбивались о подводные скалы, о существовании которых персидские кормчие даже не подозревали. Протараненные верт-


ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ в 490–479 гг. до н.э.
ПОНТ ЭВКСИНСКИЙ (ЧЕРНОЕ МОРЕ)
МРАМОРНОЕ МОРЕ
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
ИОНИЧЕСКОЕ МОРЕ
ПЕРСИДСКОЕ ГОСУДАРСТВО
МАКЕДОНИЯ
ФЕССАЛИЯ
Пелла
Терма
Пидна
Аканф
Канал Ксеркса
Абдера
о.Тасос
Энос
Византий
Халкедон
Кизик
Абидос
о.Лемнос
Артамиттий
Лариса
Митилена
о.Лесбос
Фокея
Гедиз
Сарды
Смирна
о.Хиос
Эритры
Эфес
Бол.Мендерес
Самос
м.Микале
Милет
Галикарнас
о.Наксос
Фермопильский проход
Платеи
Марафон
АФИНЫ
Олимпия
Коринф
о.Саламин
СПАРТА
20
25
40
Владения Персии к 500 г. до н.э.
МИЛЕТ
Греческие города, восставшие против персидского господства в 500г. до н.э.
Походы персов
в 490г. до н.э.
в 480г. до н.э.
Греческие государства, признавшие зависимость от Персии в 492-480 гг.до н.э.
Греческие государства, активно боровшиеся против персов
Поход греческого флота в 479 г.до н.э.
Места важнейших сражений
на суше
на море

кими триерами, персидские корабли тонули один за другим, затягивая с собой в морскую пучину матросов и гребцов. На некоторых из них вспыхнул пожар, отчего клубы черного дыма поплыли над Саламинским проливом.

В какой-то момент сражения Ксеркс увидел, как один эллинский корабль пустился в погоню за кораблем Артемисии. То, что это был именно ее корабль, царь догадался по опознавательным знакам. Спасаясь от преследования, Артемисия протаранила судно, встретившееся ей на пути, однако Ксеркс не мог разобрать, чье именно — эллинское или персидское. Надеясь, что эллинское, он сказал:

— Ну вот, мужчины у меня превратились в женщин, а женщины стали мужчинами!

Между тем битва продолжалась. К полудню Ксерксу стало ясно, что преимущество на стороне эллинов. Он понял, что совершил большую ошибку, приняв совет афинянина Фемистокла и решившись на сражение в Саламинском проливе. Только теперь царь догадался, что Фемистокл провел его.

— Будь ты проклят, коварный афинянин, — процедил сквозь зубы повелитель Персии.

Во второй половине дня персидские корабли, которые находились в восточной части Саламинского пролива, отошли к Фалерской бухте под защиту сухопутного войска. Тем же, которые были в западной части пролива, пришлось значительно хуже. Они не смогли пробиться сквозь строй эллинских судов и вынуждены были огибать Саламин, чтобы попасть в Фалерскую бухту. Преследуя их, эллины наносили им немалый урон. Однако царь этого уже не видел: он покинул свой наблюдательный пункт в окружении телохранителей.

Прибыв в Фалер, Ксеркс уединился в своем шатре. Бессонная ночь накануне морской битвы и день, принесший такие разочарования, давали о себе знать. Царь решил поспать, чтобы хоть на короткое время отрешиться от тревог и волнений. Однако уснуть ему так и не довелось: появился Мардоний.

— Государь! — сказал он. — Я знаю, ты опечален исходом морского сражения, однако не следует принимать близко к сердцу эту неудачу. Ведь это не поражение. Не надо падать духом, царь. У тебя еще достаточно сильное сухопутное войско, которое непременно добудет тебе желанную победу...

Мардоний хотел еще что-то сказать, но царь прервал его:

— Нет, Мардоний, я больше не буду испытывать судьбу. В ближайшее время я возвращаюсь в Персию.

Признание царя несколько озадачило полководца, но он быстро нашелся:

— Государь! Если ты действительно решил покинуть Элладу, то оставь здесь меня. Дай мне часть своего войска, и я заставлю всех эллинов признать твое владычество.

— Мардоний! Ты мне и раньше говорил, что покорение Эллады — легкое дело, но вышло наоборот, — возразил Ксеркс.

— Но мы еще не дрались с эллинами на суше по-настоящему, — не сдавался Мардоний. — Если ты дашь мне триста тысяч отборных воинов, я покажу проклятым эллинам, на что годны персы.

Царь не ответил. Какое-то время он сидел молча, погрузившись в раздумья.

«А ведь я ничем не рискую, оставляя Мардония в Элладе; он же в случае удачи добудет мне победу, — размышлял Ксеркс. — Однако неплохо было бы посоветоваться еще с кем-нибудь. А что, если с Артемисией? Она — женщина мудрая и уж, конечно, посоветует что-нибудь дельное. Ах, если бы два дня назад я внял ее совету».

Мардонию же Ксеркс сказал:

— Хорошо, я подумаю над твоим предложением.

На этом они расстались. Какое-то время царь оставался один. Затем он послал за Артемисией. Ему доложили, что правительница Галикарнаса уже дожидается приема у входа в шатер.

— Царь! — воскликнула Артемисия, когда вошла. — Я привезла тебе тело твоего брата Ариабигна. Он погиб во время битвы.

— Ну вот, я потерял на этой войне еще одного брата, — печально произнес Ксеркс. — Но сейчас, Артемисия, я хотел бы посоветоваться с тобой по одному очень важному делу.

— По какому же, государь?

— Мардоний советует мне возвращаться в Персию, а сам хочет остаться в Элладе. Он просит у меня триста тысяч отборных воинов. Что ты на это скажешь?

— Государь! Я думаю, что тебе действительно следует вернуться домой. Мардоний же, раз он сам вызвался на это дело, пусть продолжает войну. Если он одержит победу над эллинами, то это будет не его, а твоей заслугой: ведь он — твой слуга. Если же он потерпит поражение, то невелика беда, так как твоя держава в Азии останется невредимой. Да и позор за поражение падет не на тебя, а на Мардония.

Слова Артемисии обрадовали Ксеркса.

— Артемисия! — произнес царь. — Недавно ты дала мне хороший совет не начинать морскую битву, но я отказался принять его и очень сожалею об этом, но теперь я поступлю так, как ты мне советуешь: пусть Мардоний остается в Элладе.

Остаток ночи Ксеркс и Артемисия провели вместе. Утром же, когда они расставались, царь сказал ей:

— Я отправляю тебя в Эфес и прошу взять с собой моих сыновей, так как не желаю подвергать их опасности на обратном пути.

— Я исполню все, что ты мне велишь, государь, — ответила Артемисия и покинула царский шатер.

Свое намерение покинуть Элладу Ксеркс хотел какое-то время сохранить в тайне как от персов, так и от эллинов. Поэтому он объявил, что собирается переправиться на остров Саламин и перебить всех афинян, укрывшихся там. Уже на следующий день после Саламинской битвы персидские воины приступили к возведению насыпи, которой царь якобы собирался соединить побережье Аттики с Саламином и по ней переправить на остров часть войска. Однако это была лишь уловка, рассчитанная на то, чтобы сбить эллинов с толку.

И она удалась. Видя, что Ксеркс решил продолжать войну, эллины стали готовиться к новой битве. Между тем царь отослал к Геллеспонту весь свой флот за исключением небольшого количества кораблей, поврежденных в морском сражении.

Эллины слишком поздно узнали об уходе персидского флота, но все же пустились в погоню. Однако дальше острова Андрос они не пошли. Это решение принял Эврибиад, хотя Фемистокл советовал настичь персов и уничтожить как можно больше их кораблей. Более того, предводитель афинян призывал плыть к Геллеспонту и разрушить мосты через пролив, чтобы воспрепятствовать переправе сухопутного персидского войска. Но его план не поддержали другие военачальники.

Ксеркс находился еще в Фалере, когда к нему от Фемистокла прибыл раб Сикинн с коротким посланием следующего содержания: «Царь! Пишет тебе военачальник афинян Фемистокл — самый мудрый и доблестный человек в Элладе. Желая оказать тебе еще одну услугу, он отговорил эллинов преследовать твои корабли и разрушать переправу через Геллеспонт. Поэтому ты можешь совершенно спокойно возвращаться домой тем же путем, каким и пришел».

Прочитав послание, Ксеркс понял, что Фемистокл издевается над ним, и разразился проклятиями.

Через десять дней Ксеркс узнал, что его флот благополучно достиг Геллеспонта, и приказал выступать в обратный путь. Покидая Фалерскую бухту, персы сожгли свои поврежденные корабли.

Ксеркс возвращался прежним путем — через Беотию и Фессалию. В Фессалии он остановился на несколько дней. Вскоре сюда прибыла и та часть войска, которую он послал к границам Пелопоннеса.

Ксеркс призвал к себе Мардония:

— Ты просил, чтобы я оставил тебя в Элладе. Что ж, будь по-твоему. Я даю тебе триста тысяч воинов, это лучшие мои воины из персов, мидян, саков, бактрийцев и индийцев. Кроме этого возьми и моих «бессмертных», за исключением их начальника Гидарна. Скоро зима, и тебе лучше всего провести ее в Фессалии, а с наступлением весны ты сможешь возобновить военные действия. И смотри, действуй обдуманно, помня, что эллины — достойные противники.

Мардоний поклялся царю, что оправдает его доверие и уже следующей весной нанесет эллинам сокрушительное поражение.

На следующий день, когда Ксеркс уже собирался выступить, ему доложили, что прибыл вестник из Спарты. Царь велел привести его.

— Повелитель персов! — сказал вестник. — Спартанцы требуют от тебя удовлетворения за смерть царя Леонида и его трехсот воинов, которые защищали Фермопилы.

Услышав это, Ксеркс громко рассмеялся. Его поддержали персидские вельможи.

— Спартанец! Видишь этого человека? — сказал царь и указал на Мардония. — Он даст вам удовлетворение, какого вы заслуживаете.

Посланца отпустили, а Ксеркс велел выступать.

Сорок пять дней понадобилось Ксерксу, чтобы добраться из Фессалии до Геллеспонта. Казалось, ничто не могло помешать его отступлению, ведь он шел по подвластной ему территории, где на пути в Элладу оставил гарнизоны. И все же нашлись два врага, которые основательно потрепали его войско: голод и чума.

Сначала персы столкнулись с голодом. Все продовольствие, заготовленное во время подготовки к походу, они забрали, когда шли на Элладу. Того, что сейчас находили в селе-

ниях и городах, попадавшихся на пути, на всех не хватало. Между воинами часто вспыхивали ссоры из-за еды. Иной раз дело доходило до оружия и убийств. Начальники пытались восстановить дисциплину с помощью плетей, но это мало помогало.

В поисках пищи отряды персидских мародеров рыскали по окрестностям. Если в какой-нибудь деревне удавалось найти хлеб, то его забирали весь; если хлеба не было, то озверевшие от голода воины убивали местных жителей только за то, что у них нечего было взять.

Геродот пишет, что вскоре персы стали употреблять в пищу траву, кору и листву с деревьев.

Ксеркс строго запретил убивать вьючных животных, боевых коней и верблюдов. Но царский приказ был нарушен. Вначале воины тайно резали ослов и мулов, затем очередь дошла до лошадей и верблюдов. Однажды царю доложили, что ночью пропало десять священных коней, посвященных богу Митре. Царь приказал провести расследование, но оно ничего не дало, так как сторожа были убиты и никто ничего не знал.

Вслед за голодом персидское войско поразила чума. Чтобы болезнь не распространялась, Ксеркс приказал оставлять больных прямо на дороге. Тех, кто не желал оставаться и из последних сил тащился за войском, убивали. Таким образом войско Ксеркса сократилось на несколько десятков тысяч воинов.

Из всех эллинских городов, встретившихся Ксерксу на обратном пути, только Абдеры смогли предоставить суточное пропитание царским воинам. За это царь пожаловал абдеритам золотой акинак и шитую золотом тиару. Античное предание гласит, что в Абдерах Ксеркс остановился на ночь в доме Дамасиппа. Здесь ему на глаза попался десятилетний сын Дамасиппа Демокрит. Мальчик очень понравился повелителю Персии, поразив его своим незаурядным умом. Уезжая, Ксеркс оставил в доме Дамасиппа нескольких мидийских магов и вавилонских халдеев, велев им взяться за обучение Демокрита. Впоследствии Демокрит стал выдающимся ученым Эллады.

Достигнув Херсонеса Фракийского, Ксеркс покинул войско и в сопровождении телохранителей добрался до города Сест на берегу Геллеспонта. Здесь его ожидала еще одна крупная неприятность: понтонные мосты через пролив, разделявший Европу и Азию, были разрушены сильным штормом. На берегу валялись лишь жалкие обломки переправы, некогда по-

разившей царя своей прочностью. Увидев это, Ксеркс распалился гневом. «Может, еще раз наказать Геллеспонт ударами плетей?» — подумал он, но мысль эта показалась смешной даже ему самому. Он не стал наказывать и людей, которым была поручена охрана мостов.

В Сесте Ксеркс задержался на несколько дней, решив подождать, пока сюда подтянется остальное войско, напоминавшее теперь сборище оборванцев.

Как-то к нему явился Артабаз, сын Фарнака, — предводитель парфян и хорасмиев.

— Ты хочешь мне что-то сказать, Артабаз? — уныло спросил Ксеркс.

— Государь! Позволь мне вернуться в Элладу.

— Зачем? — едва слышно произнес царь, и разочарование появилось на его лице.

— Государь! Я опасаюсь, как бы Мардоний не натворил глупостей, — ответил Артабаз, — поэтому и прошу отправить меня присмотреть за ним.

— Хорошо, мой верный Артабаз, бери сколько хочешь воинов и возвращайся в Элладу, если ты еще не пресытился войной, — безразлично произнес Ксеркс.

— Я возьму только шесть тысяч парфян и хорасмиев, — сказал Артабаз и, раскланявшись, удалился.

Когда войско подошло к Геллеспонту, Ксеркс приказал переправить его на азиатский берег на кораблях. Сам же сел на свой пятипалубный корабль и направился в Эфес.

Там он застал Артемисию. Правительница Галикарнаса уже около двух месяцев дожидалась его. Забыв о своих женах, повелитель Персии провел с ней несколько дней. Когда настал час расставаться, он сказал:

— Артемисия! Отправляйся со мной в Персию. Правда, я не могу сделать тебя своей женой, ибо ты не персиянка, а положение наложницы для тебя слишком оскорбительно. Но, верь мне, я окружу тебя таким почетом и вниманием, каким еще никто не пользовался при моем дворе.

— Государь! Я готова исполнить любую твою волю, — ответила Артемисия, — но мне хотелось бы вернуться на родину, в Галикарнас. И если я тебе действительно дорога, то прошу тебя, удовлетвори это желание, ведь я никогда ни в чем тебе не отказывала.

— Хорошо, Артемисия, — грустно сказал Ксеркс. — Будь по-твоему — возвращайся в Галикарнас, где тебя ждет маленький сын. Прими от меня напоследок титул царицы Карии.

— Благодарю тебя, повелитель, — произнесла Артемисия и, поцеловав на прощание царя в губы, удалилась на свой корабль.

Ксеркс вскоре тоже покинул Эфес и направился в Сарды.

В Сарды правитель Персии прибыл в начале 479 года до н.э. и решил дождаться там окончания военной кампании Мардония.

В конце сентября в столицу Лидии пришло известие о поражении персидского флота у мыса Микале, который находился между Милетом и Эфесом. Затонуло несколько десятков персидских кораблей, а милетяне открыто перешли на сторону эллинов.

Ксеркс сильно разгневался и хотел выступить в Ионию, но пришло еще одно известие, на этот раз из Эллады: у города Платеи разбита армия Мардония, а сам Мардоний пал в сражении. Царь понял, что война с эллинами проиграна. Он отменил экспедицию в Ионию и, оставаясь в Сардах, предался питию неразбавленного вина.

Здесь Ксеркс воспылал любовью к жене своего брата Масиста. Пользуясь отсутствием последнего, он одного за другим слал к его жене евнухов, стараясь склонить ее к супружеской измене. Но все его попытки оказались тщетными: женщина осталась верна своему мужу. А применять насилие Ксеркс не хотел.

Тогда он решил соединить браком своего сына Дария и дочь Масиста Артаинту и по прибытии Масиста в Сарды сообщил ему об этом. Предложение царя обрадовало Масиста, и он охотно согласился выдать Артаинту за царевича Дария.

Вскоре состоялась по-царски пышная свадьба, во время которой Ксеркс, внимательно рассмотрев невестку, влюбился в нее. Спустя несколько дней после свадьбы он тайно послал к Артаинте слуг, предлагая ей все, что угодно, лишь бы она разделила с ним ложе. В отличие от матери Артаинта оказалась женщиной сговорчивой и сразу согласилась стать любовницей повелителя Персии. А чтобы Дарий не мешал их тайным свиданиям, Ксеркс отослал его с отрядом воинов к Геллеспонту обеспечить переправу остаткам войск Мардония.

Однако любовная связь царя с Артаинтой в конце концов была разоблачена царицей Аместридой. И произошло это следующим образом. Аместрида подарила Ксерксу плащ с пестрым узором, который выткала сама, находясь в Сардах. Царь надел его и отправился на свидание с Артаинтой. Насладив-

шись любовью, Ксеркс сказал, что она может просить у него все, что захочет.

— Царь! Неужели ты дашь мне все, что я ни попрошу? — спросила Артаинта.

— Ну конечно же, все, — заверил ее Ксеркс.

Тогда Артаинта попросила царя отдать ей плащ, подаренный ему Аместридой.

— Зачем тебе этот плащ, Артаинта? Проси что-нибудь другое: город в управление или золото, а хочешь, я дам тебе войско и ты станешь его предводительницей.

— Нет, я хочу плащ, — стояла на своем Артаинта.

Ксеркс долго пытался отговорить Артаинту, но та не поддалась на уговоры, и ему пришлось уступить.

Артаинта стала красоваться при дворе в новом плаще, и это не прошло мимо внимания Аместриды. Увидев Артаинту в плаще, который она сама выткала, царица обо всем догадалась и сильно разозлилась. Она задумала расправиться с соперницей. Но сделать это было трудно, так как Ксеркс окружил свою любовницу верными людьми, которые пристально следили, чтобы никто ей не причинил вреда. Поэтому Аместрида в ожидании удобного случая решила обратить свой гнев не на Артаинту, а на ее мать.

Вскоре Ксеркс давал пир в честь своего дня рождения. Во время таких пиров царь обычно одаривал всех своих родных и приближенных. Воспользовавшись этим случаем, Аместрида попросила супруга отдать ей в услужение жену Масиста. Царь нашел это недостойным, более того, он догадался о причине такой просьбы. Но царица напомнила ему, что на пиру в честь царского дня рождения никому нельзя отказывать. Ксерксу пришлось уступить.

С Масистом же Ксеркс решил договориться:

— Масист! Ты — мой брат, и я прошу тебя оставить свою жену и взять в жены одну из моих дочерей.

— Царь! — ответил удивленный Масист. — Ты оказываешь мне великую честь, предлагая в жены свою дочь, но я не желаю расставаться со своей женой. Я люблю ее, к тому же она — мать моих детей. Так что позволь мне остаться с ней.

— Так вот как, Масист, ты относишься ко мне, своему старшему брату и повелителю Персии! — воскликнул Ксеркс, распаляясь гневом. — Ты не согласился выполнить мою просьбу, теперь же выслушай мою волю: я не выдам за тебя свою дочь, но и со своей женой ты больше жить не будешь! Отныне она будет служанкой моей жены Аместриды. Может, после этого ты научишься принимать то, что тебе предлагает царь.

Пока происходил этот разговор, Аместрида ворвалась в покои жены Масиста и велела своим слугам отрезать у нее груди, нос, уши и язык.

Вернувшись с пира домой, Масист застал жену при смерти, и вскоре она скончалась от потери крови у него на руках.

Похоронив жену, Масист собрал друзей и сыновей. Он объявил им, что отправляется в Бактрию, сатрапом которой был, чтобы поднять бактрийцев на восстание против царя. Все поддержали его план, и через несколько дней с сыновьями и приверженцами Масист покинул Сарды.

Однако Ксерксу стало известно о намерениях брата от его же слуг, и он послал вдогонку многочисленный отряд отборных воинов. Заговорщиков настигли в начале пути, и все они погибли в неравной схватке. Головы Масиста и его сыновей доставили Ксерксу, а тот распорядился бросить их собакам.

Совершив братоубийство, Ксеркс уехал в Сузы.

Еще четырнадцать лет Ксеркс находился у власти. Однако этот период его правления плохо освещен античными историками. Известно лишь, что он продолжал войну с эллинами, но военная инициатива окончательно перешла к последним. Эллинам удалось захватить проливы Геллеспонт и Боспор. В 469 году до н.э. афиняне с союзниками под руководством Кимона одержали блестящую победу над персидским флотом в устье реки Эвримедонт, в Малой Азии. В результате этой победы эллины овладели рядом островов в Эгейском море, принадлежавших персам, и закрепились на побережье Малой Азии. После битвы при Эвримедонте Ксеркс уже не снаряжал флот и войско для борьбы с эллинами.

Последние годы жизни он провел в Сузах, лишь изредка посещая другие столичные города: Экбатаны, Пасаргады, Персеполь и Вавилон. В 465 году до н.э. против него был составлен заговор, во главе которого стал его внебрачный сын Артаксеркс. Он уговорил начальника дворцовой стражи Артабана и евнуха Аспамитра и те закололи Ксеркса кинжалами в его опочивальне.

Так кончил свою жизнь Ксеркс, сын Дария I и Атоссы, внук Кира Великого, четвертый царь из династии Ахеменидов. Он прожил пятьдесят восемь лет, из которых двадцать один год правил Персией.

ЦАРЕВИЧ КИР МЛАДШИЙ И ЦАРЬ АРТАКСЕРКС II

Артаксеркс I начал свое царствование с убийства своих братьев, опасаясь, как бы кто-нибудь из них не отобрал у него власть. Только с одним -- Гистаспом — он не успел расправиться, и тот поднял против него восстание в Бактрии, в которой был сатрапом. Восстание продолжалось три года, и все это время Артаксеркс чувствовал себя на троне неуютно. И тут помог случай — в 462 году до н.э. Гистасп погиб в битве с царскими войсками. Артаксеркс вздохнул с облегчением.

Однако в 460 году вспыхнуло новое восстание — на сей раз в Египте. В битве при Папремисе персидские войска были разгромлены повстанцами, которых поддержали афиняне. Восставшими египтянами руководил сначала Инар, а затем Амиртей. Целых шесть лет понадобилось Артаксерксу на усмирение мятежников.

В 449 году в Сузы прибыло греческое посольство во главе с афинянином Каллием, с которым Артаксеркс подписал мирный договор, ознаменовавший собой окончание Греко-персидских войн. Согласно этому договору, вошедшему в историю под названием Каллиевого мира, персидский царь отказывался от притязаний на острова и прибрежные районы Эгейского моря. Границей, разделившей сферы влияния, стали Хелидонские острова у берегов Памфилии.

Артаксеркс правил сорок один год и умер в 424 году до н.э.

Власть унаследовал его сын Ксеркс II, но ненадолго — через два месяца он был убит в результате заговора своего брата Согдиана. Царствование Согдиана также было весьма непродолжительным — всего шесть месяцев. Против него восстала персидская знать. Согдиан был убит, а на престол возвели Вахуку — незаконнорожденного сына Артаксеркса I, который отличался мягким нравом. Став царем, Вахука принял имя Дария II.

В самом начале правления Дария против него восстал его брат Арсит и знатный персидский вельможа Артифий, сын Мегабиза, навербовавшие в Малой Азии греческих наемни-

ков. Дважды Дарий посылал против них войска, и оба раза мятежники брали верх. Тогда царь решил пустить в ход золото, подкупил эллинов-наемников, и они покинули своих хозяев. С оставшимся небольшим отрядом верных людей Арсит и Артифий скитались по Малой Азии, скрываясь от царского возмездия. Дарий опасался, как бы они вновь не собрали войско, и предложил им сдаться, клятвенно пообещав сохранить жизни. Поверив царю, Арсит и Артифий сложили оружие и прибыли в Сузы. Дарий, возможно, и сдержал бы слово, если бы не Парисатида, его родная сестра и одновременно жена. Она отличалась властолюбием и жестокостью и оказывала сильное влияние на царственного мужа с самого начала его правления. Ей удалось убедить Дария, что Арсит и Артифий весьма опасны и от них необходимо избавиться, иначе в будущем они обязательно затеют еще что-нибудь. Послушавшись жену, царь приказал сжечь Арсита и Артифия на костре.

В первые годы царствования Дария II Парисатида родила ему трех сыновей: Кира, Остана и Оксатра. Кроме того, у них уже были дети: сын Арсак и несколько дочерей. Дарий и Парисатида женили Арсака на Статире, дочери влиятельного вельможи Тиссаферна, потомка Гидарна, который вместе с Дарием I принимал участие в свержении мага Гауматы в 522 году до н.э. Дочь же свою Аместриду царь и царица выдали замуж за брата Тиссаферна Теритухма.

Вскоре Теритухм составил заговор с целью свержения Дария II. Однако заговор раскрыли. По настоянию царицы Парисатиды были истреблены все потомки Гидарна, кроме Тиссаферна и Статиры. Их Дарий не тронул, невзирая на уговоры жены, но позже Парисатида добралась и до них.

Приблизительно в 414 году до н.э. в Лидии вспыхнул мятеж. На этот раз против Дария II поднялся сатрап Писсунт. Он в течение двадцати лет управлял Лидией и сумел хорошо подготовиться к открытой войне с царем.

На подавление мятежа Дарий отрядил многочисленное войско, во главе которого поставил Тиссаферна, предоставив ему возможность доказать свою верность.

Тиссаферн с особым рвением взялся за порученное дело, не жалея ни сил, ни собственных денег. Вскоре ему удалось подкупить большую часть войска Писсунта. А в 413 году Тиссаферн, умело ведя военные действия, принудил Писсунта сдаться без всяких условий. Он доставил мятежника в Сузы на суд царя. Дарий велел казнить Писсунта, а сатрапом Лидии назначил Тиссаферна.

Однако казнь Писсунта не прекратила смуту в Малой Азии. У казненного лидийского сатрапа обнаружился незаконнорожденный сын Аморгет, который решил отомстить за отца и поднял восстание в соседней с Лидией Карии. Аморгет даже провозгласил себя царем и продержался целый год. Немало усилий потребовалось Дарию II и его полководцам для усмирения мятежа, но все же мятежники были разгромлены, и голова их предводителя слетела с плеч.

Правление Дария II приходится как раз на время Пелопоннесской войны* между афинянами и спартанцами. Ослабленные междоусобной распрей эллины не могли контролировать дела на малоазийском побережье Эллинского (Средиземного) моря. Дарий не преминул воспользоваться этим обстоятельством и решил вернуть себе города ионийских греков, утерянные при его отце Артаксеркселе I. Он приказал Тиссаферну и Фарнабазу, сатрапу Фригии, собирать дань с греческих приморских городов, как это было при его предшественниках, а также заключить союзный договор со спартанцами против афинян. Когда же царь увидел, что спартанцы одерживают верх над афинянами, он расторг с ними союзный договор и заключил его с афинянами. Таким образом он старался сохранить равновесие сил между афинянами и спартанцами, не давая возможности ни тем ни другим нарушить этот баланс. Подобная политика золотой середины позволяла Дарию II поддерживать стабильность в своем собственном государстве.

Как уже говорилось, у Дария II и Парисатиды было четверо сыновей: Арсак, Кир, Остан и Оксатр. Царь собирался старшего, Арсака, объявить своим наследником. Парисатида же больше всех любила Кира и хотела именно его видеть на троне после смерти мужа. Так началось противоборство между двумя сыновьями Дария II, которое продолжалось несколько лет.

Арсак был на двадцать лет старше Кира. Он родился в 443 году до н.э., когда Дарий II еще не был царем. Он не обладал качествами выдающейся личности — отвагой, решительностью, железной волей. Когда после разоблачения заговора Теритухма начались казни, Арсак, обливаясь слезами, ползал на коленях перед матерью до тех пор, пока не вымолил у нее пощады для Статиры, своей жены, приходившейся племянницей заговорщику. Его мало интересовали государственные

* 431—404 гг. до н.э.

дела, не лежала душа ни к охоте, ни к верховой езде, ни к стрельбе из лука. Большую часть времени Арсак проводил в обществе жены.

Другое дело царевич Кир. Когда он родился, его назвали в честь Кира Великого — основателя Персидской державы. Вскоре обнаружилось, что Кир во многом похож на своего великого предка, и с тех пор его стали называть Киром Младшим.

С раннего возраста царевич отличался честолюбием, настойчивостью в достижении цели, храбростью, порой доходившей до безрассудства, умением привлекать к себе людей, великодушием по отношению к друзьям. Он прекрасно разбирался в лошадях; никто из его сверстников не мог сравниться с ним в искусстве верховой езды и управлении колесницей. Он был весьма старательным в военном деле, стрельбе из лука и метании копья. Еще в семилетнем возрасте царевич пристрастился к охоте. Сначала он охотился в парадизе на мелких животных и птиц, затем стал в сопровождении наставников выезжать на охоту в окрестности Суз. Однажды, когда ему было четырнадцать лет, на него напала медведица. Он метнул в нее копье, но не убил, а только ранил. Медведица продолжала наступать на него, однако он не убежал, а, выхватив из ножен акинак, приготовился защищаться. В последний момент к нему на помощь подоспел слуга и прикончил разъяренного зверя. Кир настолько щедро одарил своего спасителя, что тот стал богатым человеком.

Немало усердия проявлял Кир Младший и в учебе. Под руководством магов он ознакомился с «Авестой» — сборником священных текстов древнеперсидской религии. Но больше его прельщала греческая литература. При дворе Дария II жили образованные эллины, они-то и научили Кира сначала говорить по-гречески, затем читать и писать. Уже в отрочестве ему удалось прочесть поэмы Гомера «Илиаду» и «Одиссею», некоторые трагедии Эсхила и Софокла, его вдохновляли стихи Пиндара, в которых воспевались красивые и сильные лошади.

Как-то он признался матери, что хотел бы посетить Афины, чтобы поприсутствовать в афинском театре на представлении трагедий Еврипида.

«Не торопись, сынок, — сказала ему Парисатида. — Когда-нибудь придет время, и не только Афины, но и вся Эллада будет в твоей власти, пускай только эллины как следует ослабят себя в кровавой междоусобице. А пока... Пока тебе многому еще надо научиться».

И Кир учился. Учился водить воинов в сражения, постигал сложную науку управления государством, вникал в премудрости дипломатии. Но больше всего он учился приобретать верных друзей, для того чтобы иметь в их лице хороших помощников.

Если кто-то из вельмож, видя в нем будущего государя, присылал ему украшения, драгоценности и красивую одежду, он почти все отдавал друзьям и при этом говорил: «Хорошо одетые и обеспеченные друзья — лучшее украшение настоящего мужчины».

Когда Кир получал от кого-нибудь в подарок хорошее вино, то половину обязательно отсылал кому-нибудь из друзей со словами: «Посылаю тебе это вино и прошу распить его с тем, кого ты больше всего любишь». Нередко он посылал друзьям половину жареного гуся, половину хлеба или что-нибудь другое из еды и обязательно велел слуге передать на словах: «Кир ел это блюдо и хочет, чтобы и ты его отведал».

Таким образом он приобрел много друзей как среди персов, так и среди представителей других народов.

Когда Киру исполнилось шестнадцать лет, Парисатида попросила Дария II назначить Кира сатрапом Лидии. Царь сначала отклонил просьбу жены, ссылаясь на то, что в Лидии уже есть сатрап — Тиссаферн, который проявил себя хорошим наместником и принес немало пользы. Но Парисатида не отступалась и продолжала обращаться к мужу с той же просьбой. Вскоре просьба переросла в требование, и Дарию пришлось уступить настойчивой супруге.

В 407 году он назначил Кира Младшего караном (правителем) Малой Азии. Царевич получал право командовать войсками.

В Сардах Кир Младший с головой окунулся в водоворот государственных дел. Прежде всего он заставил Тиссаферна сложить с себя полномочия сатрапа, а наместника Фригии Фарнабаза значительно ограничил во власти. Царевич считал, что они в последнее время проводили неправильную политику в отношении эллинов, оказывая поддержку афинянам. По его мнению, это привело к усилению последних на море: теперь их флот, которым командовал предприимчивый Алкивиад, господствовал в Эгейском море и Боспоре. Кир решил изменить существующее положение.

Вскоре состоялась его встреча со спартанским военачальником Лисандром, прибывшим в Сарды для переговоров.

Спартанец весьма нелестно отозвался о Тиссаферне и потребовал его удаления из Лидии.

Кир выслушал Лисандра и заверил его, что отныне будет помогать спартанцам. В целом слова спартанского военачальника и его манера держаться расположили к нему царевича. Он объявил Лисандра своим другом, а когда тот собрался уезжать, спросил, что бы тот желал получить от него.

— Кир, если ты действительно так добр ко мне, — ответил Лисандр, — то прибавь к жалованью моих моряков по одной монете, чтобы они ежедневно получали по четыре монеты вместо трех.

Такая забота о воинах и личное бескорыстие Лисандра привели Кира в неописуемый восторг.

— Лисандр! — воскликнул он. — Я дам тебе десять тысяч дариков, используй их по своему усмотрению.

Кир очень радовался знакомству и дружбе с Лисандром. Он рассчитывал на него в будущем: царевич не исключал, что ему придется после смерти отца оспаривать царскую власть у своего старшего брата Арсака; вот тогда-то ему и пригодится Лисандр со спартанцами — самыми сильными и отважными воинами на свете.

Несколько месяцев спустя к Киру прибыли люди от Лисандра. Они привезли ему деньги, оставшиеся от десяти тысяч дариков, и передали по-спартански короткую записку от Лисандра: «Я больше не военачальник, поэтому возвращаю остаток того, что ты мне дал».

Кира очень огорчило, что срок полномочий Лисандра в качестве командующего спартанским флотом истек и его отозвали в Спарту.

На место Лисандра был прислан другой военачальник — Калликратид. Он по примеру своего предшественника явился в Сарды просить у Кира денег для жалованья своим морякам. Однако царевич ни с кем из спартанцев, кроме Лисандра, не захотел иметь дело. Поэтому, когда Калликратид пришел во дворец в надежде быть принятым Киром, ему сказали:

— Сейчас Киру некогда: он пьет вино.

— Пустяки, — простодушно сказал Калликратид, — я подожду, пока он кончит пить.

Персы в ответ рассмеялись. Он так и не дождался приема у Кира. Более того, царевич прекратил выдачу денег спартанцам, что послужило одной из причин поражения спартанского флота при Аргинусских островах. Узнав об этом, правительство Спарты решило вернуть Лисандра. Формально он был назначен помощником Калликратида, на самом же деле опять стал командующим.

Вскоре состоялась вторая встреча Кира с Лисандром. Теперь царевич задержал своего друга в Сардах дольше, чем в первый раз, наслаждаясь общением с хитроумным и мужественным спартанцем. Кир ежедневно давал пиры, они вместе охотились, прогуливались по аллеям парадиза, говорили о войне и политике.

Кир восхищался Лисандром, а Лисандр восхищался красивыми деревьями в парке, его пьянили ароматы, исходящие от цветов на клумбах. Как-то, не сдержавшись, он сказал:

— У нас в Спарте такого нет. Все это очень красиво, и я отдаю должное человеку, который размерил и распланировал эти аллеи для тебя, Кир.

— Этот парадиз посажен давно, — ответил царевич, — но многие деревья и растения я посадил сам.

— Что ты говоришь, Кир? — удивился Лисандр. — Неужели ты, царевич, занимаешься подобными делами?

— Да, Лисандр, это так. Я никогда не сажусь обедать, пока не вспотею, а земледельческий труд — лучшее средство достичь этого. Да и вообще труд укрепляет здоровье.

— В таком случае, Кир, ты мудрый человек.

Когда пришло время прощаться, Кир дал Лисандру много денег на содержание флота, заверив, что и впредь намерен высылать ему золотые дарики.

— Ну а если у меня ничего не останется, я разобью свой трон, сделанный из золота и серебра, — пошутил царевич.

Обосновавшись в Сардах, Кир Младший решил обзавестись гаремом. По его приказу слуги и друзья начали доставлять во дворец молоденьких красавиц. Вскоре у Кира набралось несколько десятков наложниц. Среди них были и светловолосые эллинки, и смуглые египтянки, и кареглазые, с темными вьющимися волосами девушки из Фракии. Однажды Киру привезли даже черную, как уголь, эфиопку в наряде из леопардовой шкуры. Но ни с одной из них царевич так и не познал истинной любви.

Однако вскоре это все же случилось...

Как-то Кир пировал в кругу друзей. Одна за другой провозглашались здравицы в честь царевича. И тут в пиршественный зал евнухи ввели четырех эллинских девушек, одетых в легкие полупрозрачные одежды. Своей красотой они пленили пирующих. Евнухи заранее научили девушек, как вести себя в присутствии царевича: не отворачиваться, если он подойдет, не выказывать недовольства, если дотронется, не сопротивляться, если захочет поцеловать.

При виде юных красавиц глаза Кира загорелись. Он велел им приблизиться. Три сразу же подбежали к царевичу, который возлегал на ложе, и начали ласкать его. Четвертая же отказалась последовать их примеру. Потупив взор, она стояла посреди зала. По ее щекам текли слезы. Евнух подталкивал ее и приказывал подойти к царевичу, но она не повиновалась.

Какое-то время Кир был занят тремя эллинками. Он обнимал их, целовал, отпускал веселые шутки, отчего юные прелестницы заливались звонким смехом. Но вот взор его обратился к четвертой девушке.

— А ты что там стоишь?! — воскликнул он. — Иди сюда!

Однако красавица не повиновалась и продолжала стоять на прежнем месте. Евнух пробовал подвести ее к царевичу, но она вырвалась из его рук и отбежала в сторону. Тогда Кир поднялся с лежанки и не спеша пошел к прекрасной недотроге. И тут эллинка сквозь слезы промолвила:

— Не приближайся ко мне, иначе пожалеешь!

В пиршественном зале наступила тишина: все ждали, что будет дальше. Кир же, не обращая внимания на слова эллинки, подошел к ней, обнял и попытался поцеловать. Девушка вырвалась и побежала к выходу. Стоявшие там телохранители хотели задержать беглянку, но Кир крикнул:

— Не трогайте ее! Пусть идет!

Вернувшись на место, царевич велел привести того человека, который доставил ему непокорную эллинку:

— Откуда ты привез эту недотрогу?

— Из города Фокея.

— Как ее зовут?

— Мильто! Городские власти забрали ее у отца за неуплату налогов, а я выкупил ее для тебя, царевич.

— Из всех, кого ты мне привез, только она одна благородна и неиспорчена. Остальные похожи на продажных женщин и видом, и еще больше — поведением. Поэтому забери этих трех, Мильто же я оставлю себе и благодарю тебя за услугу.

Так Кир Младший познакомился с фокеянкой Мильто, которая вскоре заняла важное место в его жизни.

В течение нескольких недель Кир ежедневно встречался с Мильто. Поначалу девушка была настроена враждебно, но постепенно стала привыкать, а месяца через два уже привязалась к нему. Они часто выезжали на верховые прогулки, бродили по тенистым аллеям парадиза, вместе обедали и ужинали. А однажды, когда после вечерней трапезы Кир собрался уходить, Мильто сказала, что он может остаться у нее. Этой

ночью они признались друг другу в любви и уже не могли обходиться друг без друга. Если Кир отлучался из Сард по государственным делам, то старался долго не задерживаться. Царевич души не чаял в своей возлюбленной, и Мильто отвечала ему взаимностью.

— Я хотела бы воздвигнуть мраморную статую богине Афродите — покровительнице влюбленных, — призналась однажды Мильто.

— Прекрасная идея! — откликнулся Кир. — Но только статуя должна быть изготовлена не из мрамора, а из золота.

Вскоре царевич нашел среди эллинов мастера-ваятеля, выделил ему необходимое количество золота, и тот отлил статую Афродиты в натуральную величину. Мильто установила эту статую в опочивальне и каждый день воскуряла у ее подножия благовония, вознося благодарственные молитвы.

Как-то Киру прислали в подарок дорогое ожерелье, изготовленное с величайшим мастерством. Драгоценные камни, украшавшие подвески, переливались всеми цветами радуги. Кому бы царевич ни показывал ожерелье, все восхищались им, уверяя, что ничего подобного не видели.

Обрадовавшись дорогому подарку, Кир пошел в покои Мильто. Был полдень, и Мильто прилегла отдохнуть. Застав возлюбленную спящей, царевич решил подождать ее пробуждения. Когда же Мильто проснулась, он достал из футляра ожерелье, и она долго любовалась необычным украшением.

— Как ты думаешь, достойно ли это ожерелье украсить дочь или мать царя? — спросил Кир.

— О чем ты говоришь — конечно, — ответила Мильто.

— А я дарю это ожерелье тебе. Надень его.

— Кир! Как же я посмею надеть ожерелье, достойное украсить твою мать Парисатиду? Отошли его царице, а я надеюсь нравиться тебе и без ожерелья.

Царевич был восхищен скромностью возлюбленной и, когда отправлял ожерелье матери, обо всем ей написал.

Получив от сына дорогой подарок, царица Парисатида очень обрадовалась ему, но еще больше ее поразила почтительность Мильто. Царица решила отблагодарить эллинку и послала ей в подарок другие украшения и много денег. Мильто же передала дары Парисатиды Киру, сказав ему:

— Тебе нужнее эти богатства, а мне довольно одного тебя, любимый, ты моя драгоценность.

— Мильто! — как-то обратился Кир к своей возлюбленной. — Можно, я буду называть тебя другим именем?

— Каким же? — удивилась фокеянка.

— Аспасией!

— Аспасией? Но почему?

— Видишь ли, Аспасия была гетерой из Милета, а потом стала женой знаменитого афинянина Перикла. Она, как и ты, отличалась необычайной красотой и незаурядным умом.

— Что ж, если тебе так хочется... — согласилась Мильто.

С тех пор все стали называть ее Аспасией. Молва об Аспасии вскоре достигла Ионии и прошла по всей Элладе. Даже на Пелопоннесе и Сицилии рассказывали о безграничной любви Кира Младшего к прекрасной эллинке; о ней знали в Сузах, Экбатанах, Вавилоне и других городах Азии.

В 405 году до н. э. Киру Младшему стало известно, что его друг Лисандр разбил афинский флот в битве при Эгоспотамах. Это означало поражение афинян не только в этом сражении, но и вообще в войне, которая вот уже двадцать шесть лет раздирала Элладу. Следовало ожидать больших перемен.

Чуть позже в Сарды пришло сообщение о вступлении Лисандра в Афины и подписании мирного договора между афинянами и спартанцами на выгодных для последних условиях.

Эти известия порадовали Кира: ведь и он внес свою лепту в окончание многолетней войны, выделив Лисандру немало денег на содержание флота.

Царевичу очень хотелось увидеть Лисандра, поздравить с победой и отпраздновать это событие, но он понимал, что тому необходимо быть в Элладе. Так что встречу пришлось отложить. Однако Лисандр сам дал о себе знать. Он прислал царевичу скиталу*, в которой сообщал, что где-то во Фригии скрывается афинянин Алкивиад, причинивший немало вреда спартанцам. От этого человека можно ожидать всего, так как действия его непредсказуемы. Есть слухи, будто он направляется в Сузы к царю Дарию II за помощью для афинян. И если ему удастся встретиться с царем, то он сможет уговорить Дария, пустив в ход свое умение располагать к себе людей. Тогда ход событий изменится. Дабы этого не произошло, надо помешать встрече, а попросту — убить Алкивиада.

Аргументы были достаточно убедительны, поэтому Кир отправил верных людей на поиски афинянина с приказанием убить его. Ждать пришлось недолго. Через пару месяцев посланные им люди вернулись и доложили, что неугомонный Алкивиад убит.

---

* Скитала — шифрованная депеша.

В это время Дарий II находился в Мидии, куда он прибыл для подавления восстания кадусиев. Однако усмирить последних ему так и не удалось: он неожиданно заболел и вынужден был вернуться в Сузы. В столице царю стало хуже. Почувствовав приближение смерти, он потребовал к себе сыновей, чтобы объявить, кто же из них будет править Персией после него.

За старшим сыном, Арсаком, посылать было не надо: он находился в Сузах и в обществе своей жены Статиры преспокойно дожидался, когда же наконец ему достанется трон. Остан и Оксатр тоже жили в столице: ввиду малолетства они не получили в управление даже сатрапии. За Киром же послали гонцов с повелением срочно явиться к умирающему отцу.

Царица Парисатида неотступно находилась при больном муже. Однако не только сострадание к умиравшему удерживало ее в его опочивальне. Она пыталась убедить Дария, что трон должен достаться Киру Младшему, прибегая к тому же доводу, которым в свое время воспользовался Дарий I по совету спартанца Демарата.

— Царь! — говорила Парисатида мужу. — Арсака я родила, когда ты еще не был царем, а Кира — когда ты уже правил Персией. Поэтому Кир и должен стать твоим преемником. Вспомни, что именно так поступил твой прадед Дарий I, отдав предпочтение Ксерксу, хотя у него был и старший сын Артобазан, родившийся еще до его восшествия на престол.

Однако этот довод на Дария не действовал. Обычно послушный воле своей честолюбивой жены, он теперь почему-то отказывался внять ее советам.

— Моим преемником будет Арсак, — упрямо повторял он.

— Ну какой Арсак царь? — упорствовала Парисатида. — Он и сатрапией-то не управлял. С тех пор как мы женили его на злодейке Статире, он даже дворца не покидал. Другое дело — наш Кир! И умен, и отважен, и решителен, и великодушен. Подданные только и мечтают, чтобы он стал царем после тебя. И он будет хорошим царем. При нем Персия достигнет былого величия. Арсак же загубит державу.

— Парисатида! Я сказал, что царем после меня будет Арсак, — с прежней категоричностью заявил Дарий.

Между тем в Сузы прибыл Кир Младший. Всего полмесяца потребовалось ему, чтобы верхом на лошади проделать путь по «царской дороге» от Сард до Суз. Такое редко кому удавалось за все время существования «царской дороги». Однако приехал он поздно. Придворный врач Ктесий сказал, что жить царю осталось недолго. Чувствуя приближение конца, Дарий в присутствии крупнейших персидских вельмож объявил своим преемником Арсака и лишился сознания. Узнав об этом,

Кир лишь подумал: «Зря торопил лошадей» — и метнул неприязненный взгляд на старшего брата, стоявшего у изголовья умирающего царя.

Парисатида увела Кира из царской опочивальни.

Всю ночь они провели вместе.

— Почему отец назначил своим преемником не меня, а Арсака? — спрашивал Кир.

— Как я ни старалась, не смогла убедить царя передать власть тебе, — оправдывалась перед любимым сыном Парисатида. — Но не стоит огорчаться: все люди смертны, и наш Арсак, быть может, умрет, так и не насладившись властью.

Кир заметил, как зловеще блеснули глаза матери. «Уж не задумала ли она избавиться от одного сына, чтобы другой стал царем?» — подумал он, но промолчал.

К утру слуги доложили, что Дарий II скончался, так и не придя в себя.

Через три дня состоялось погребение. Царя похоронили в дворцовой усыпальнице, где уже находились саркофаги с останками Согдиана, Ксеркса II, Артаксеркса I и Ксеркса I. А еще через несколько дней в тронном зале царского дворца собрались высокопоставленные персидские вельможи, и Арсак был торжественно провозглашен повелителем Персидской державы. Он принял тронное имя Артаксеркса II.

На следующий день в сопровождении многочисленной свиты новый повелитель Персии отправился в Пасаргады, где по традиции должен был посетить гробницу Кира Великого и пройти обряд посвящения на царство в храме богини войны.

В одной колеснице с царем ехал Тиссаферн. Последний, после того как Кир Младший был назначен сатрапом Лидии вместо него, жил в Сузах и сблизился с Арсаком. Важную роль в этом сыграло то, что его, Тиссаферна, дочь Статира была женой нового царя. Теперь Статира стала царицей, а Тиссаферн мог рассчитывать на должность царского советника.

Кир не поехал с Артаксерксом в Пасаргады, но и в Сузах не думал оставаться. Он подождал, пока царь выедет из столицы, и велел своим телохранителям седлать лошадей. Когда все было готово, царевич направился к городским воротам, противоположным тем, через которые выехал царь. Его сопровождало всего десятка полтора телохранителей — испытанных в боях, верных людей, на которых можно было положиться. Сделав крюк и обогнав Артаксеркса, Кир тоже направился в Пасаргады и к вечеру пятого дня добрался до древней персидской столицы.

Киром двигало не желание тайком посмотреть на процесс посвящения старшего брата на царство. Нет. Он задумал братоубийство, так как другого способа стать повелителем Персии не было.

В храме, где должен был проходить обряд посвящения Артаксеркса, Кир встретил своего прежнего учителя, под руководством которого в отрочестве изучал «Авесту». Старый наставник, служивший при храме жрецом, обрадовался приезду воспитанника. Кир же попросил укрыть его в храме, никому не выдавая его присутствия, что тот охотно и сделал. Набравшись терпения, царевич просидел в своем убежище до появления Артаксеркса. Он знал, что во время ритуала Артаксеркс будет в храме без охраны, в окружении лишь магов-жрецов. Этим-то обстоятельством и решил воспользоваться честолюбивый царевич, чтобы расчистить себе дорогу к трону.

Наконец прибыл Артаксеркс. Оставив приближенных на улице, он в сопровождении магов-жрецов вошел в святилище. Маги помогли ему раздеться и облачиться в одежды Кира Великого. Затем Артаксерксу дали отведать пастилы из плодов смоковницы и выпить чашу кислого молока.

В это время Кир покинул свое убежище и, пробравшись незаметно к алтарю, спрятался там. В правой руке он сжимал острый акинак.

Однако его смелому замыслу не суждено было осуществиться. Жрец, которому доверился царевич, видимо, догадался о намерениях своего воспитанника. Он-то и сообщил Тиссаферну, стоявшему у входа, что в храме прячется Кир. Услышав об этом, Тиссаферн поспешил на помощь царю с несколькими телохранителями. И успел как раз вовремя...

Между тем Кир терпеливо ждал удобного момента для нападения на Артаксеркса. Как только маги подвели царя к алтарю, царевич решил действовать. Он стремительно выскочил из своего укрытия, ударом кулака отбросил в сторону одного из магов, вставшего у него на пути, и готов был нанести смертельный удар Артаксерксу, но тут подоспели царские телохранители. Завязалась схватка. Одного телохранителя Кир уложил на месте, двоих ранил и уже занес акинак над Артаксерксом, как сзади его ударили по голове чем-то тяжелым. Когда Кир очнулся, то обнаружил, что связан по рукам и ногам.

Рассвирепевший Артаксеркс приказал доставить Кира в Сузы, где решил казнить его по возвращении из Пасаргад.

Царевича повезли в повозке для преступников под охраной многочисленного отряда отборных воинов. Телохранители Кира, с которыми он прибыл в Пасаргады, попытались отбить его во время ночного привала. Однако их было слишком мало,

чтобы справиться с охранниками, и все они погибли в неравной схватке, в последний раз доказав свою верность царевичу.

В Сузах Кира бросили в темницу и никого к нему не пускали.

Узнав о случившемся, царица Парисатида впала в отчаяние. Дни и ночи она проводила у дверей темницы сына, опасаясь, как бы до прибытия Артаксеркса его не убили или не отравили. Ей удалось подкупить стражников, и те дали ей повидаться с Киром. Во время свидания Парисатида ругала сына не за его поступок, а за то, что действовал он крайне неосторожно. Посоветуйся он с ней — дело имело бы совершенно иной, благоприятный для него, исход.

По возвращении Артаксеркса из Пасаргад Парисатида бросилась к нему в ноги и, заклиная сыновьей любовью, мольбами и слезами попыталась вымолить у него прощение для Кира. Сначала Артаксеркс ни за что не соглашался помиловать брата, да и Статира с Тиссаферном тоже советовали ему казнить Кира. Однако настойчивые мольбы Парисатиды сделали свое дело: царь уступил.

Кир был освобожден. Более того, Артаксеркс позволил ему вернуться в Сарды, сохранив за ним должность карана приморских сатрапий, но предупредил, что если тот вздумает восставать против него, то пощады уже пусть не ждет.

По пути в Сарды Кир заехал во фригийский город Келены, где его с нетерпением дожидалась Аспасия. Встретившись с возлюбленной, он подробно рассказал ей о том, что с ним произошло в Сузах и Пасаргадах.

Аспасия приняла близко к сердцу рассказ Кира. Особенно ее взволновало то, что он мог погибнуть. Немного успокоившись, она спросила:

— Что же ты собираешься делать, Кир?

— Готовиться к войне с Артаксерксом, — ответил тот и после непродолжительного молчания, посмотрев Аспасии в глаза, воскликнул: — Ты еще будешь царицей и повелительницей державы Ахеменидов!

В Сардах Кир послал за начальниками гарнизонов, размещенных в ионийских городах, и велел им вербовать греческих наемников. После окончания Пелопоннесской войны сделать это было несложно, так как значительная часть мужского населения Эллады предпочитала зарабатывать на жизнь мечом и копьем. А чтобы эллины охотно шли к нему на службу, царевич обещал приличное жалованье.

Когда кто-то из приехавших к нему начальников гарнизонов спросил, зачем ему так много наемников, Кир ответил, что Тиссаферн — его заклятый враг — с ведома царя делает все возможное, чтобы снова прибрать к рукам ионийские города. Он же этого допустить не может, потому что не желает лишаться податей, которые ему платят ионяне.

Таким образом, Кир приступил к набору войска, твердо решив драться за персидский престол. Зная, насколько эллинские воины опытнее персов в военном деле, царевич задумал создать ядро своего войска именно из них.

Кир считал, что неплохо было бы заручиться поддержкой и спартанцев, тем более что они оставались его должниками: деньги, которые он щедро предоставил Лисандру на заключительном этапе Пелопоннесской войны, в немалой степени способствовали победе спартанцев над афинянами. Царевич отправил письмо в Спарту с просьбой о помощи, если она ему понадобится. Спартанцы ответили, что всегда готовы ему услужить.

Вскоре к Киру в Сарды стали наведываться эллины, узнавшие, что ему требуются наемники. Так, приехали беотиец Проксен, стимфалиец Софенет, ахеянин Сократ, мегарец Пасион, Ксений из Аркадии и другие. Царевич устроил им роскошный прием, а когда дошло до деловой беседы, попросил их заняться вербовкой наемников, сообщив при этом, что собирается идти войной на писидийцев, проживавших на подвластной ему территории. Кир обещал, что тот, кто прибудет к нему пешим, получит от него коня, всадникам он даст колесницы, а тот, у кого на родине не было земли, получит ее. Кроме того, он намерен выплачивать высокое жалованье. Всех прибывших к нему царевич щедро одарил, а они в свою очередь заверили, что непременно выполнят его просьбу.

Кира посетил также Аристипп, изгнанный из Фессалии. Он заявил, что не желает мириться с участью изгнанника и намерен собрать войско, чтобы выступить против своих обидчиков. Вот только собственных средств на содержание наемников у него не хватает. Было бы хорошо, если бы Кир предоставил ему в долг необходимую сумму. Кир заверил Аристиппа, что охотно даст ему денег на содержание двух тысяч воинов, но только просил ничего не предпринимать у себя на родине, не посоветовавшись с ним.

Вслед за Аристиппом Кира навестил спартанец Клеарх. Его недавно изгнали из Спарты за чрезмерную жестокость к жителям города Византий, где он был начальником гарнизона. Клеарх явился не один: он привел с собой небольшой отряд, состоявший как из спартанцев, так и из представителей

других греческих городов. Все до одного они были опытными и закаленными в боях воинами.

Познакомившись с Клеархом ближе, Кир пришел в восхищение. Он увидел в Клеархе опытного военачальника, жаждавшего одного — войны. Царевич дал спартанцу десять тысяч дариков и попросил отправиться в Херсонес Фракийский для вербовки наемников. Клеарх поклялся исполнить эту просьбу. И действительно, в ближайшее время ему удалось собрать войско, состоявшее из тысячи эллинских гоплитов, восьмисот фракийских копейщиков и двухсот критских лучников.

Так Кир Младший готовился к войне со своим братом Артаксерксом, причем втайне, так что в Сузах долгое время и не догадывались о замыслах честолюбивого царевича.

Между тем Артаксеркс, ничего не подозревая о приготовлениях младшего брата, наслаждался полнотой власти. Став царем, он совершенно изменил образ жизни. Если раньше его редко видели при дворе, то теперь — ежедневно.

Первое, что сделал Артаксеркс, вступив на престол, — это внес некоторые изменения в дворцовый этикет. Так, при его предшественниках трапезу с царем имели право разделять только мать и жена. Он же разрешил присутствовать у себя на завтраке, обеде и ужине своим младшим братьям — Остану и Оксатру; распорядился, чтобы в наказание за проступки вельмож не стегали кнутом и не вырывали им волосы, а бичевали снятые с них одежды и срывали нити с их тиар; приказал убрать из системы наказаний все, что было похоже на издевательство; выезжая на охоту, позволил сопровождавшим его людям нападать на зверя первыми, не дожидаясь его.

Государственными делами Артаксеркс занимался мало, препоручив их своим министрам. Большого влияния при нем достиг Тиссаферн, что особенно бесило царицу Парисатиду, которая уже давно ненавидела его.

Зато царь совершал частые поездки по стране. За короткое время он побывал в Экбатанах, Персеполе, Вавилоне и других крупных городах. Во время поездок он позволял подданным приближаться к своей повозке, дружелюбно беседовал с ними, принимал от них подарки и сам одаривал. Однажды, когда все подносили ему разные подарки, один бедный крестьянин второпях не успел найти ничего подходящего и, подбежав к реке, зачерпнул обеими горстями воды и протянул царю. Артаксерксу это настолько понравилось, что он подарил крестьянину золотую чашу и тысячу дариков. В другой раз какой-то бедняк

преподнес ему небывалой величины яблоко. Приняв яблоко и удивившись его величине, Артаксеркс воскликнул:

— Клянусь Ахурамаздой! Если этому человеку доверить небольшой город, то он вскоре превратит его в большой!

Артаксеркс был добр и великодушен по отношению к подданным. Как-то на охоте один из приближенных по имени Тирибаз сказал ему, что его кандий* разорвался на спине.

— Как же мне быть? — спросил Артаксеркс.

— Царь, надень другой, а этот отдай мне, — посоветовал Тирибаз.

— Хорошо, Тирибаз, но не вздумай носить мой кандий.

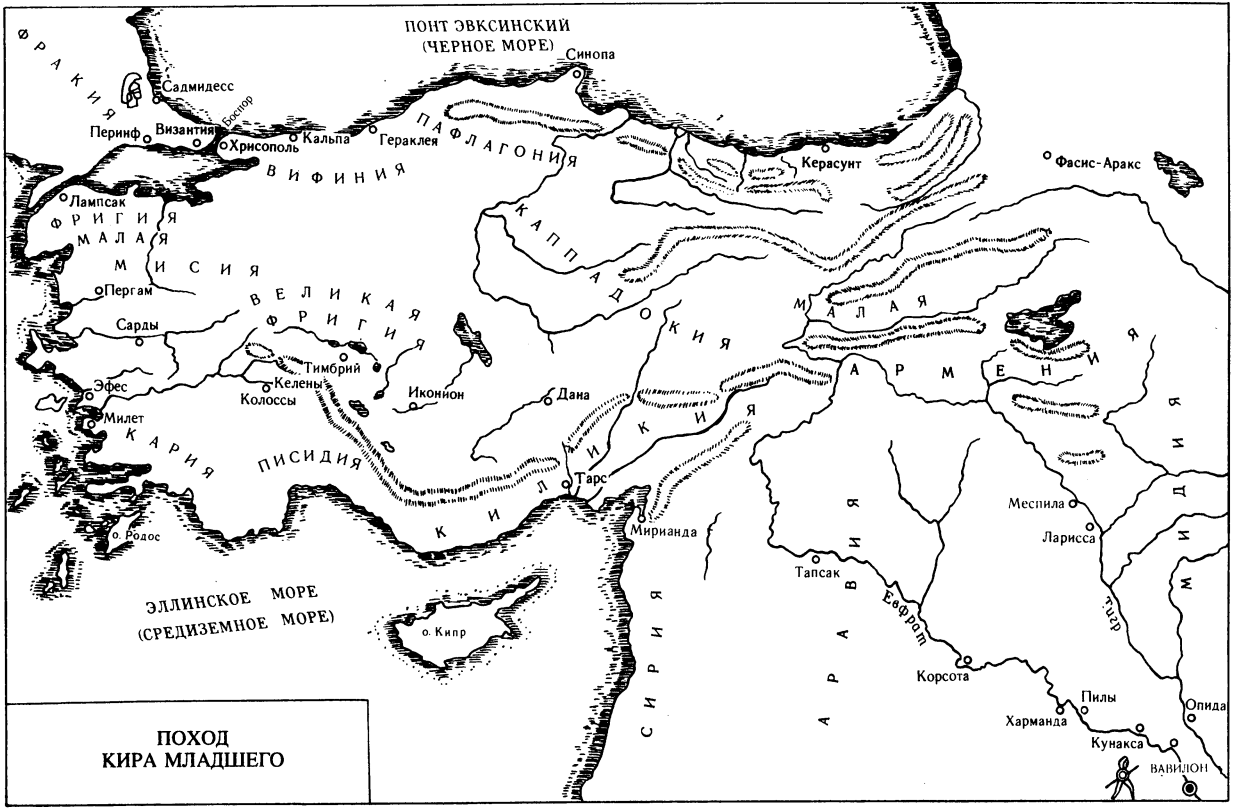
Однако Тирибаз по легкомыслию не обратил на слова царя никакого внимания и на следующий день появился при дворе в царском кандии, да вдобавок надел на шею ожерелье, которое подарила его жене царица Статира. Приближенные негодовали, ибо подобные вольности были строго запрещены. Артаксеркс же, увидев Тирибаза в своем кандии, снисходительно улыбнулся и сказал:

— Можешь носить, Тирибаз, и то и другое: золотые побрякушки — как женщина, царский кандий — как безумец.

Таков был Артаксеркс II в начале своего царствования. Большинству персов нравились доброта и обходительность царя, но было немало и таких, которые желали видеть своим повелителем человека более сурового и деятельного, обладающего железной волей и способного управлять Персидской державой, как это делали в свое время Кир Великий, Дарий I и Ксеркс. В разговорах между собой они все чаще упоминали Кира Младшего, который, по их мнению, мог бы сделать гораздо больше для укрепления могущества Персии. Первое время разговоры так и оставались разговорами, но впоследствии многие влиятельные персидские вельможи покинули Сузы и под разными предлогами переехали в Сарды к Киру Младшему, видя в нем своего истинного вождя. Царевич охотно принимал их к себе на службу, обещая в недалеком будущем воздать сторицей за то, что они предпочли его.

Около трех лет понадобилось Киру для подготовки к походу против Артаксеркса. За это время ему удалось навербовать более десяти тысяч эллинских воинов, которые должны были составить ядро его войска. Остальная, бóльшая, часть войска царевича состояла из персов и представителей народностей, проживавших на подвластной ему территории. Сюда входили

* Кандий — кафтан.


ПОНТ ЭВКСИНСКИЙ
(ЧЕРНОЕ МОРЕ)
Синопа
Фракия
Садмидесс
Босфор
Перинф
Византия
Халкидон
Хрисополь
Кальпа
Гераклея
ПАФЛАГОНИЯ
ВИФИНИЯ
Керасунт
Фасис-Аракс
Лампсак
ФРИГИЯ МАЛАЯ
МИСИЯ
Пергам
ВЕЛИКАЯ ФРИГИЯ
Сарды
Тимбрий
Келены
Колоссы
Эфес
Милет
Иконион
Дана
КАППАДОКИЯ
МАЛАЯ АРМЕНИЯ
КАРИЯ
ПИСИДИЯ
ЛИКАОНИЯ
КИЛИКИЯ
Тарс
Мириандa
о. Родос
ЭЛЛИНСКОЕ МОРЕ
(СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ)
о. Кипр
СИРИЯ
Месопила
Ларисса
МИДИЯ
Тапсак
АРАВИЯ
Евфрат
Тигр
Корсота
Пилы
Опида
Харманда
Кунакса
ВАВИЛОН
ПОХОД
КИРА МЛАДШЕГО

карийцы, пафлагонцы, лидийцы, мисийцы, фригийцы и каппадокийцы. Всего у Кира набралось более ста тысяч воинов.

Как ни старался Кир проводить свои приготовления втайне, о них в конце концов стало известно Артаксерксу, и сообщил о них царю не кто иной, как Тиссаферн, который неоднократно бывал в Малой Азии. Узнав о намерениях младшего брата, Артаксеркс объявил его мятежником и стал в спешном порядке собирать войско. Набрав один миллион двести тысяч воинов, он счел, что этого достаточно, чтобы разбить Кира, и выступил в поход. Начальниками в войске он поставил четырех знатных персов: Аброкома, Арбака, Гобрия и Тиссаферна. Под началом каждого из них находилось по триста тысяч воинов. Кроме этого у Артаксеркса было двести серпоносных колесниц.

Люди, которые продолжали переходить от царя на сторону Кира, сообщили последнему, что царь уже выступил в поход. Царевич понял, что и ему пора выступать, и велел своим друзьям-эллинам срочно прибыть к нему.

В начале весны 401 года до н. э. к Киру Младшему прибыли спартанец Клеарх с двумя тысячами воинов, аркадец Ксений с четырьмя тысячами, стимфалиец Софенет с тысячей, ахеянин Сократ с пятьюстами, мегарец Пасион с шестьюстами, беотиец Проксен с двумя тысячами. Из Фессалии от Аристиппа Кир получил известие, что тот не может лично прибыть в Сарды, но во главе навербованных полутора тысяч наемников высылает своего друга Менона.

Выступив из Сард, Кир через четыре дня был во фригийском городе Колоссы и задержался там на семь дней, поджидая фессалийца Менона с его воинами. Когда же тот наконец прибыл, царевич двинулся дальше и вскоре достиг города Келены.

В Келенах Кир пробыл целый месяц. Сначала он устроил большую охоту на зверей, водившихся в парадизе царского дворца, а затем провел смотр и подсчет греческого войска. Оказалось, что в его распоряжении одиннадцать тысяч эллинов-гоплитов и две тысячи легковооруженных.

Из Келен войско Кира двинулось дальше и через десять дней прибыло в город Каиструпедион.

К этому времени Кир задолжал наемникам жалованье за три месяца, и в Каиструпедионе они потребовали у него денег за службу. Царевич очутился в затруднительном положении: за последние годы он растратил все деньги, эллины же отказывались идти дальше без жалованья.

И тут удача явилась к нему в лице жены киликийского царька Сиеннесия Эпиаксы. Она привезла царевичу много де-

нег в обмен на обещание не разорять деревень и городов Киликии. Кир дал такое обещание, сразу же расплатился с наемниками и двинулся дальше.

Вскоре он добрался до Каппадокии и в городе Дана сделал остановку, решив дать войску отдых.

Затем он предпринял попытку проникнуть во внутренние районы Киликии, нарушив тем самым обещание, данное Эпиаксе. Однако в горных проходах его ожидали воины Сиеннесия. Не решившись вступать с ними в сражение в неудобном месте, Кир обходным путем добрался до города Тарс, где встретился с самим Сиеннесием. Царевич предложил последнему примкнуть к нему, но тот отказался, зато дал Киру много денег на содержание войска. Кир же одарил его конем с золотой сбруей, ожерельем, браслетами, акинаком и персидской одеждой и вновь пообещал не грабить Киликию. На этот раз он слово сдержал.

Миновав Киликию, войско Кира вступило в Сирию и сделало остановку в приморском городе Мириандa. Здесь Кира покинули аркадец Ксений и мегарец Пасион с большинством своих воинов. Невзирая на уговоры царевича остаться, они наняли корабли и уплыли домой, в Элладу.

В Сирии Киру стало известно, что там уже побывал Аброком — один из военачальников Артаксеркса, шедший из Финикии со своим трехсоттысячным войском. Кир решил настигнуть Аброкома, чтобы не дать ему соединиться с царем, но сделать это не удалось: между ними было слишком большое расстояние. В погоне за Аброкомом Кир прошел Сирию и вступил на территорию Аравии, где и напал на след Аброкома. По конским следам и навозу было видно, что несколько дней назад здесь проехало много всадников, которые сжигали за собой все, что могло пригодиться Киру.

Двигаясь по выжженной территории, Кир вскоре достиг берегов Евфрата в районе города Тапсак. На лодках и плотах через реку были переправлены колесницы, оружие и продовольствие. Всадники переплывали на другой берег, ухватившись за гривы лошадей, пешие же воины использовали надувные мешки. Очутившись на левом берегу, Кир пошел вниз по реке в направлении Вавилона.

У города Пилы к Киру явились перебежчики от Артаксеркса и сообщили, что войско царя уже недалеко. Царевич принял меры предосторожности: следующий день его войско двигалось в боевом строю. К вечеру воины, шедшие впереди, остановились перед глубоким рвом, вырытым по приказу Артаксеркса как заградительное укрепление. Однако работы не были закончены: в одном месте остался узкий перешеек, по ко-

торому и прошло войско Кира. Преодолев это препятствие, царевич расположился лагерем на ночлег — последний перед решающей битвой, к которой он готовился три года.

Настало утро 3 сентября 401 года до н. э., заставшее Кира Младшего около небольшого городка Кунакса в пятнадцати парасангах от Вавилона — древней столицы Междуречья.

Воины наспех позавтракали и покинули лагерь. Сам царевич на колеснице ехал впереди в окружении шестисот телохранителей. Из предосторожности он послал в разведку небольшой отряд во главе с персом Патегием.

Вскоре Патегий вернулся и сообщил, что Артаксеркс с несметным войском совсем близко.

— Я так и знал, что он не подпустит меня к Вавилону! — воскликнул Кир и послал гонцов отдать приказ готовиться к бою.

Весть о близости противника с быстротой молнии облетела войско царевича. Началась суматоха. И эллинам и персам казалось, что враги нападут на них внезапно, однако начальникам удалось успокоить воинов и приступить к построению.

На это ушло чуть больше часа. В полдень войско Кира было готово к сражению. Спартанец Клеарх и беотиец Проксен заняли правое крыло. К ним со стороны Евфрата примыкала пафлагонская конница. На левом крыле построились гоплиты под командованием фессалийца Менона. Здесь же находились персидские всадники из личной охраны Кира. С тыла войско царевича было надежно прикрыто пехотинцами из малоазийских народностей и обозом.

Прошел час, а противник все не показывался. Наконец над холмами со стороны Кунаксы появилось облако пыли, а еще через несколько минут на солнце засверкали наконечники копий. Войско Артаксеркса медленно приближалось. В его движении чувствовалась какая-то нерешительность. Впереди ехали серпоносные колесницы, которые, как понял Кир, должны были прорвать и расколоть надвое строй его греческих наемников. На левом крыле находилась конница, подчинявшаяся Тиссаферну. Правый фланг тоже состоял из всадников. В середине плотным строем шли пешие отряды. «Где-то за ними следует Артаксеркс в окружении телохранителей», — предположил Кир, наблюдая за приближением царского войска.

К царевичу подъехал Клеарх:

— Кир! Тебе не следует самому участвовать в сражении.

— Ну нет, Клеарх! — громко воскликнул царевич. — Я борюсь за царскую власть, а ты советуешь мне показать себя не-

достойным ее! Лучше возвращайся к своим воинам и приготовься как следует встретить моего старшего брата.

Когда между противниками оставалось не более четырех стадиев, эллины запели пеан* и пошли навстречу врагу. Сначала они шли медленно, затем все быстрее и быстрее, пока не перешли на бег, нисколько не нарушив при этом боевого строя. Они ударяли копьями о щиты, чтобы испугать лошадей вражеских колесниц, которые уже мчались на них. И действительно, многие лошади повернули назад — атака колесниц сорвалась. Лишь немногим удалось достичь эллинов, но те, расступившись, пропустили их, а затем вновь сомкнули ряды и продолжали двигаться вперед.

Восседая на боевом коне, Кир наблюдал за атакой эллинов. Он видел, как они, сойдясь с противником, завязали бой. Через полчаса войска Артаксеркса не выдержали организованного натиска и стали медленно отступать. Видя, что удача на его стороне, царевич решил закрепить успех новой сокрушительной атакой. Потрясая дротиком, он повел в бой свою конницу.

Шестьсот его всадников были хорошо обученными и опытными воинами. Для них не составило особого труда пробиться сквозь пешие ряды вражеского войска и завязать схватку с шеститысячным отрядом царской охраны. В сутолоке сражения Кир заметил начальника этого отряда Артагерса и вступил с ним в единоборство. Артагерс метнул в царевича дротик, но тот уклонился и нанес ответный удар, наповал сразив противника. Потеряв своего начальника, царские гвардейцы растерялись и стали отступать.

Кир медленно продвигался вперед, расчищая себе дорогу мечом. Его целью был Артаксеркс, которого он хотел сразить сам. Вскоре царевичу с несколькими приближенными удалось пробиться вплотную к телохранителям царя.

— Вижу его! — закричал Кир и, выхватив у своего оруженосца Артапата дротик, устремился на Артаксеркса. Воины последовали за ним. На всем скаку Кир метнул дротик в царя и ранил его в грудь, пробив панцирь. Но когда он метал дротик, у него с головы упала золотая тиара. Этим воспользовался один из царских телохранителей по имени Митридат. Он подбежал сбоку и метнул в Кира копье, угодив ему в висок. Громко вскрикнув, царевич замертво упал с коня. Вокруг него завязалась ожесточенная схватка. Мужественно дрались люди царевича, но отбить у врагов тело своего господина им так и не удалось: они погибли все до одного.

---

* Пеан — гимн в честь бога войны Ареса.

Тем временем битва продолжалась. Эллины, обратив в бегство стоявших перед ними персов, пустились за ними в погоню. Клеарх, Проксен и другие греческие военачальники думали, что противник отступает по всему фронту, поэтому не препятствовали своим воинам преследовать бегущих.

Однако дело обстояло иначе. После гибели Кира центр войска Артаксеркса продвинулся вперед и вскоре напал на обоз Кира. На правом фланге Тиссаферн повел в атаку свою конницу и обратил в бегство всадников Ария.

Клеарху, Проксену и Менону об этом стало известно слишком поздно, когда враги уже находились у них в тылу. Тем не менее они повернули своих воинов и повели их назад, двигаясь сомкнутым строем. Увидев эллинов, воины Артаксеркса бросились бежать и остановились только с наступлением темноты: тогда эллины прекратили преследование и расположились лагерем на ночлег.

А немного раньше произошло вот что. Рана Артаксеркса оказалась не слишком серьезной. Врач Ктесий еще не успел как следует перевязать ее, как к царю подошел один из телохранителей и сообщил, что Кир мертв. Артаксеркс решил лично убедиться в смерти брата-мятежника.

На месте царь увидел множество убитых. Среди них были и его и Кира телохранители. Возле мертвого царевича лежал его оруженосец Артапат, еще живой, с акинаком в правой руке, он пытался защищаться. Артаксеркс велел заколоть его, подошел к телу Кира и с видом победителя наступил на него ногой. Затем он подозвал к себе евнуха Масабата и приказал отрубить мертвецу голову и правую руку. Ударом секиры Масабат отсек Киру голову и протянул ее повелителю Персии. Ухватив голову брата за слипшиеся от крови волосы, Артаксеркс поднял ее высоко над собой и издал торжествующий крик.

На следующий день Артаксеркс послал вестника к эллинам с требованием сдаться. «Как так? Ведь мы вчера выиграли сражение! О какой же сдаче в плен может идти речь?» — удивлялись эллины. Тогда царский вестник понял, что они еще не знают о гибели Кира, и сообщил им об этом. Эллины были огорчены смертью своего предводителя, но тем не менее, не теряя присутствия духа, заявили, что не намерены сдаваться, и если войско царя нападет на них, они будут защищаться до последнего.

Ответ эллинов разозлил Артаксеркса. Однако он не решился дать им новое сражение, зная, насколько они опытнее его воинов. Царь еще несколько раз посылал к ним своих людей с

целью узнать, что же они намерены делать. Вскоре выяснилось, что эллины решили возвращаться на родину, в Элладу, только не тем путем, которым добирались к Кунаксе, а другим — через Междуречье в Армению, а там — к берегам Понта Эвксинского.

Сначала намерения эллинов показались Артаксерксу дерзкими. Как?! По его царству будет гулять вражеское войско, безнаказанно грабя население?! Но в конце концов ему пришлось смириться: новое сражение с эллинами пугало. Он вызвал к себе Тиссаферна и приказал сопровождать эллинов, выделив для этого половину своей конницы.

Так началось отступление десятитысячного греческого войска с места битвы при Кунаксе к берегам Понта Эвксинского. Поход этот описан в книге под названием «Анабасис»*, которую написал историк Ксенофонт. Он был участником похода и подробно рассказал о том, что произошло с эллинами на пути к Понту Эвксинскому.

Артаксеркс же после битвы при Кунаксе направился в Вавилон, где устроил роскошный пир по случаю победы.

Возвращаясь назад, следует сказать, что на следующий день после битвы Артаксеркс велел разыскать возлюбленную Кира Аспасию. Ее нашли в обозе и привели к царю. Увидев Аспасию в изорванных одеждах, Артаксеркс приказал слугам переодеть ее, накормить и обращаться с ней как со знатной особой. Позднее он забрал Аспасию с собой в Сузы, где окружил ее почетом и предоставил отдельные апартаменты в своем дворце.

Желая присвоить себе заслугу убийства Кира, Артаксеркс попросил Митридата никому не говорить, что это он сразил царевича копьем. За молчание царь дал Митридату много денег. Так распространилась версия, что Артаксеркс собственноручно убил младшего брата.

Пробыв в Вавилоне около месяца, Артаксеркс вернулся в Сузы и там продолжил торжества по случаю победы над мятежным братом. Однако не все разделяли с ним радость победы: кое-кого из высокопоставленных вельмож огорчала кончина Кира Младшего, и прежде всего, конечно же, мать Артаксеркса — царицу Парисатиду.

Узнав о гибели любимого сына, она уединилась в своих покоях и плакала дни и ночи напролет. В конце концов царица решила отомстить всем, кто был причастен к смерти Кира: Митридату, который сразил царевича копьем, евнуху Масабату, который отрубил Киру голову и правую руку, Тиссаферну,

* Анабасис — поход (*греч.*).

который три с лишним года назад в Пасаргадах помешал Киру убить Артаксеркса, а затем сообщил царю о его приготовлениях к войне. Да и самого Артаксеркса Парисатида не собиралась оставлять безнаказанным, невзирая на то, что тот был ее сыном.

Первым в этом списке значился Митридат. Парисатида рассчитала все до мелочей. Она сразу не поверила официальной версии, придуманной самим царем, будто именно он, Артаксеркс, сразил своего брата в поединке, а Митридат только принес ему попону, упавшую с коня царевича, за что и получил от царя щедрые дары. Несмотря на обещание хранить молчание, Митридат, человек легкомысленный, время от времени бахвалился, что именно он, а не царь убил царевича Кира. Слухи об этом дошли до Парисатиды, и она решила уличить Митридата перед Артаксерксом в разглашении тайны. Царица не сомневалась, что царь жестоко накажет болтуна.

Как-то Митридата пригласили на пир. Узнав об этом, Парисатида послала туда своего евнуха Спарамиза с приказанием наблюдать за поведением Митридата и, когда тот захмелеет, льстивыми речами и похвалами заставить его во всеуслышание заявить, кто на самом деле убил Кира.

Спарамиз превосходно справился с поручением своей царственной госпожи. В разгар пира он обратился к захмелевшему Митридату:

— Митридат! Что за прекрасное одеяние подарил тебе царь, что за ожерелье и браслеты и какую драгоценную саблю! Какой же ты, право, счастливец; все завидуют тебе!

Польщенный похвалой, Митридат ответил:

— Это еще пустяки, Спарамиз! В тот день я оказал царю услугу, достойную и более щедрых даров.

— Я нисколько не завидую тебе, Митридат, — с улыбкой заметил Спарамиз, — но объясни мне, любезный, неужто и в самом деле такой славный и великий подвиг — подобрать и принести попону, свалившуюся с коня царевича Кира?

Своими словами Спарамиз только подстегнул легкомысленного Митридата, у которого выпитое вино уже и так развязало язык.

— Можете сколько угодно болтать про всякие там попоны! — воскликнул царский телохранитель. — А я говорю вам определенно: Кир был убит вот этой рукой. Я не Артагерс. Я пустил копье не впустую. Правда, метил в глаз, да чуть-чуть промахнулся, но висок пробил насквозь и свалил Кира с лошади. От этой раны он и умер.

Присутствовавшие на пиру и слушавшие Митридата персы поняли, какую ошибку он совершил.

Спарамиз передал этот разговор Парисатиде, а та поспешила к Артаксерксу. Узнав о болтовне Митридата, царь сильно разгневался, приказал схватить болтуна и казнить одним из самых жестоких способов.

Выполняя волю царя, слуги поместили голого Митридата между двух прочно связанных деревянных корыт, причем между корытами оказалось туловище обреченного, а голова и ноги оставались снаружи. Затем ему обмазали лицо и ноги смесью из молока и меда и поместили на солнце. Несчастного сразу же облепило множество мух, которые мучили его укусами. К тому же преступника кормили как на убой, а если он отказывался принимать пищу, ему загоняли иголки под ногти на ногах и все равно заставляли глотать. Испражняться осужденному приходилось прямо в корыто; в гниющих нечистотах вскоре завелись черви, которые заползали в кишки и грызли живое тело.

Подобным образом Митридат мучился семнадцать дней и лишь на восемнадцатый скончался. Парисатида каждый день навещала его. Мучения убийцы ее любимого сына доставляли царице огромное удовольствие.

Затем царица расправилась с евнухом Масабатом.

Зная, что Масабат — собственность Артаксеркса, она задалась целью во что бы то ни стало заполучить его. Артаксеркс очень любил играть в кости. Однажды, застав сына в праздном безделии, Парисатида предложила сыграть. Царь согласился. Царица сначала проиграла тысячу дариков, а когда у нее уже не осталось денег, предложила сыграть на кого-нибудь из евнухов. Своего Спарамиза она поставила против царского Масабата. Ободренный предыдущим успехом, Артаксеркс согласился. Они снова бросили кости. На этот раз повезло Парисатиде, и она потребовала у сына, чтобы тот отдал ей Масабата. Ничего не подозревая, Артаксеркс выполнил требование матери. Таким образом еще одна жертва оказалась в руках мстительной царицы. Расправа была ужасной: с несчастного содрали кожу, а окровавленное тело распяли между двух столбов.

Тиссаферну удалось избежать козней Парисатиды: после гибели Кира Младшего царь назначил его сатрапом Лидии, и он отсутствовал в Сузах. Тогда царица решила досадить самому Артаксерксу, задумав извести его жену Статиру. Сделать это было очень трудно, но Парисатида все-таки справилась и с этой, казалось бы невыполнимой, задачей.

Для начала царица пошла на примирение со Статирой. Они начали встречаться и вместе обедать. Такой поворот в настроении матери особенно радовал Артаксеркса, которому казалось, что его семейные дела входят в нормальное русло. Однако свекровь и невестка по-прежнему не доверяли друг другу. Так, во время обедов они, опасаясь отравления, ели одни и те же кушанья. Именно это обстоятельство и решила использовать Парисатида.

У специалиста по приготовлению ядов, которого звали Белитар, царица раздобыла пузырек с ядом. Желая убедиться в эффективности снадобья, она испробовала его сначала на нескольких собаках, а затем на старых слугах. И животные и люди скончались в муках через несколько часов. Парисатида осталась довольна, но никак не могла придумать, как сделать, чтобы Статира приняла яд. Царица знала, что невестка весьма осторожна во время их совместных трапез. Но в конце концов ее осенило...

Однажды она любезно пригласила Статиру на свою половину дворца на обед. Одно за другим на стол подавались изысканные блюда. Вскоре служанка Гигия принесла небольшой поднос, на котором лежала запеченная тушка небольшой птицы ринтак. Тут же, на подносе, лежал и нож для разделывания дичи. Коварная Парисатида накануне приказала Гигии обильно смазать ядом одну сторону лезвия ножа и теперь по праву хозяйки стола собственноручно взялась делить дичь. Она разрезала птицу ножом и половинку, которой коснулась отравленная сторона ножа, подала Статире, вторую же принялась есть сама.

Через несколько часов после обеда Парисатиде доложили, что Статира скончалась на руках у Артаксеркса в страшных муках.

Царь тут же приказал провести расследование и схватить слуг, которые подавали к столу. Среди них оказалась и Гигия. Ее долго пытали и в конечном счете вырвали признание. Артаксеркс приказал размозжить ей голову камнями.

Матери царь ничего не сделал, но настоял, чтобы она удалилась из Суз в Вавилон, объявив при этом, что, пока она жива, ноги его не будет в Вавилоне.

Во избежание лишних неприятностей Парисатида решила подчиниться воле сына и, спешно собравшись, покинула столицу.

После победы над Киром Младшим Артаксеркс обратил свои взоры на Элладу. Прежде всего он пересмотрел отноше-

ние к спартанцам, которые оказывали содействие его младшему брату. За последнее время Спарта окрепла, и это беспокоило царя. Поэтому он приступил к поискам союзников в борьбе против спартанцев и вскоре нашел их в лице давнишних врагов спартанцев — афинян. Артаксеркс пригласил к себе на службу афинского полководца Конона и предоставил ему деньги для восстановления афинского флота. Таким образом повелитель Персии надеялся вновь столкнуть Афины и Спарту и извлечь из этого пользу.

Однако это удалось не сразу. Спарта в начале IV века до н. э. возложила на себя роль покровительницы ионийских эллинов. Со смертью Кира Младшего она прервала дружеские связи с Персией. Получив свободу действий, спартанцы направили в Малую Азию царя Агесилая с сильным войском. Почти четыре года Агесилай вел успешную войну с сатрапами Фарнабазом и Тиссаферном. В начале 395 года он разбил армию Тиссаферна в битве под Сардами и склонил к отпадению от Персии многие ионийские города.

Артаксеркс понял, что может лишиться большей части Малой Азии, и пустил в ход золото. Он послал в Элладу родосца Тимократа с тридцатью тысячами дариков для подкупа самых влиятельных людей в крупнейших эллинских городах, чтобы они подняли против Спарты всю Элладу. План удался: многие города Эллады сплотились и выступили против Спарты. В 395 году до н. э. началась так называемая Коринфская война. Через год афинский флот под командованием Конона разбил спартанцев при Книде, уничтожив почти все их корабли. Агесилай вынужден был покинуть Малую Азию и вернуться домой. Наконец Артаксеркс мог спокойно вздохнуть.

Историк Плутарх повествует, что перед возвращением в Спарту Агесилай сказал, будто Артаксеркс изгоняет его из Малой Азии с помощью тридцати тысяч лучников. Эти слова вызвали смех у повелителя Персии. Он понял намек Агесилая: на персидских дариках был изображен конный лучник.

Пока Артаксеркс был занят малоазийскими делами, от Персии отпал Египет. Египтяне и раньше тревожили персов частыми восстаниями, однако персидским царям удавалось подавлять их. Так было при Ксерксе и Артаксерксе I. На этот же раз египтяне с оружием в руках отстояли свободу и провозгласили фараоном Неферита. С этого момента Египет почти шестьдесят лет сохранял свою независимость.

В конце 395 года Артаксерксу донесли, что Тиссаферн замышляет против него заговор. Царь не стал разбираться, на-

сколько это соответствует истине, и велел казнить сатрапа Лидии, поставив ему в вину поражение в битве со спартанцами при Сардах. Тиссаферна схватили в городе Келены и обезглавили. Его голову Артаксеркс отослал Парисатиде в Вавилон. Царь знал, как сильно ненавидела Тиссаферна его мать, и решил сделать ей приятное.

Парисатида поблагодарила царственного сына за «подарок». Между ними завязалась переписка. К этому времени Артаксеркс понемногу забыл о Статире, ее место в его сердце заняли другие женщины из гарема. Он решил простить Парисатиде отравление Статиры и разрешил ей вернуться в Сузы.

В столице Парисатида стала во всем угождать сыну-царю. Она уже не противилась его мнению и не осуждала его поступки. Вскоре старая царица приобрела при дворе большую силу и даже исподволь оказывала влияние на Артаксеркса, заставляя его выполнять многие свои желания.

Со временем Парисатида обнаружила, что Артаксеркс влюблен в свою дочь Атоссу и, как донесли подкупленные ею царские слуги, находится с ней в интимной связи. Царица решила использовать это в своих интересах. Она стала приветливой с Атоссой, а Артаксерксу при встречах расхваливала ее красоту.

— Сын мой, зачем скрывать свои чувства, если ты любишь ее, — как-то сказала Парисатида. — Атосса обладает красивой внешностью и гордым нравом — ну чем не царица? Женись на ней.

— Но ведь она — моя дочь, — возразил Артаксеркс.

— Ну и что, — успокоила его Парисатида. — А разве твой предок Камбис не взял в жены своих сестер, а твой отец Дарий разве не был мне братом? И вообще, ты — царь, тебе и решать, что прекрасно, а что постыдно.

Такими доводами Парисатида в конце концов убедила Артаксеркса, и в скором времени он женился на Атоссе.

В 391 году вспыхнуло восстание на острове Кипр. Во главе восставших киприотов стал Эвагор — потомок древних царей, правивших Кипром до персидского владычества. Эвагору удалось очистить остров от персов; только в двух городах — Амафунте и Китионе — остались персидские гарнизоны.

Артаксеркс мог бы легко подавить восстание, но киприотов поддержали эллины и египтяне. Они прислали восставшим хлеб, оружие, корабли и деньги. Царь направил против мятежников полководца Автофродата, но тот потерпел постыдное поражение. Окрыленные победой, киприоты освободили от

персов Амафунт и Китион и, отважившись под предводительством Эвагора переплыть море, взяли штурмом финикийский город Тир. Перебив в нем персидский гарнизон, они затем опустошили Финикию и Киликию. И тогда Артаксеркс снарядил против Кипра триста кораблей и сухопутную армию в триста тысяч человек под предводительством Тирибаза. Однако киприотские пираты смело нападали на персидские суда и топили их. Так продолжалось несколько лет. Только в 385 году восстание на Кипре было подавлено ценой огромных усилий.

Двумя годами раньше в Элладе закончилась Коринфская война. Так как Артаксеркс был ее инициатором и сделал немало для того, чтобы она велась по его сценарию, то и мир между воюющими сторонами был подписан в Сузах при его непосредственном участии. Этот мирный договор вошел в историю под названием Анталкидова мира, по имени спартанца Анталкида, сделавшего немало для его заключения.

Не успел Артаксеркс расправиться с мятежными киприотами, как против него поднялись кадусии, жившие в горных районах Мидии. На этот раз царь сам выступил в поход во главе трехсот тысяч пехотинцев и десятитысячной конницы.

Кадусии оказали персам упорное сопротивление, но многочисленный противник вынудил их отойти в глубь страны, сжигая за собой поселения и уничтожая посевы. Вскоре персы очутились в трудном положении: продовольствие быстро кончилось, а раздобыть его на месте было невозможно, так что воины сначала питались мясом вьючных животных, затем добрались до лошадей.

Между тем кадусии продолжали сопротивляться. Они подстерегали персов в узких ущельях и забрасывали их камнями, обстреливали из луков. Видя, как сотнями гибнут его воины, Артаксеркс уже подумывал о возвращении, каким бы позорным для него оно ни было. Но тут помог Тирибаз:

— Государь! Насколько мне известно, у кадусиев два вождя, у каждого свой лагерь. Советую тебе вступить в переговоры сначала с одним из них и сказать, что другой уже заключил с тобой перемирие. Затем то же сообщи второму вождю. Они перестанут доверять друг другу и поспешат к тебе для заключения перемирия.

— Прекрасная идея! — обрадовался Артаксеркс. — Посмотрим, что из этого выйдет.

К одному из вождей кадусиев Тирибаз отправился сам, к другому поехал его сын Арпат. Через несколько дней они при-

вели в лагерь Артаксеркса послов от обоих вождей, с которыми царь тут же заключил перемирие для вывода своих воинов.

Как только это было сделано, Артаксеркс повернул войско, торопясь покинуть негостеприимную страну. На обратном пути, чтобы поднять дух воинов, царь шагал вместе с ними по крутым горным дорогам. Воины приободрились и, преодолевая в день по семь-восемь парасангов, вскоре выбрались из страны кадусиев.

На одной из ближайших царских стоянок, которые имелись по всему Персидскому царству и служили царю местом отдыха во время путешествий и походов, Артаксеркс разрешил воинам убивать животных в небольшом парадизе и вырубать деревья, чтобы развести костры. Однако никто из воинов не решился на это. Тогда царь сам убил из лука лань и топором свалил высокое дерево. Вслед за ним за дело взялись и воины. Они развели костры и спокойно провели ночь — впервые после нескольких месяцев лишений.

Невзирая на заключенный с кадусиями мир, при дворе распространилось мнение, что царь потерпел позорное поражение. Когда слухи об этом дошли до Артаксеркса, он в сильном гневе казнил многих из приближенных.

В начале 70-х годов Артаксеркс вынужден был обратить свое внимание на Египет, которым с 382 года правил фараон Нектанеб I. Последний пригласил на службу афинского полководца Хабрия и попросил организовать египетскую армию по греческому образцу. Хабрий охотно взялся за дело и вскоре превратил дельту Нила в хорошо укрепленный лагерь. Артаксеркс расценил это как приготовление к войне с ним и стал опасаться, как бы Нектанеб не перешел в наступление на Сирию и не отвоевал ее у Персии. Царь начал готовиться к походу на Египет.

На подготовку ушло несколько лет. За это время Артаксерксу удалось собрать сильную армию и флот, а также путем дипломатических переговоров с афинским правительством устранить из Египта Хабрия.

Наконец в 374 году двухсоттысячное персидское войско под начальством Фарнабаза и двадцать тысяч эллинских наемников, которыми командовал афинянин Ификрат, подошли к египетской крепости Пелусий, имевшей важное стратегическое значение. После длительной осады им удалось овладеть Пелусием. Ификрат предлагал на кораблях подняться по Нилу до Мемфиса — египетской столицы — и захватить его, но Фарнабаз счел предложение афинянина слишком рискован-

ным и остался в Пелусии. Фараон Нектанеб перешел в наступление и одержал победу в нескольких схватках с персами. Разлив Нила, который начался как раз в это время, заставил Фарнабаза и Ификрата отступить в Сирию.

Так полной неудачей закончилась попытка Артаксеркса вновь подчинить Египет своей власти.

В 373 году в Малой Азии началось восстание, которое вошло в историю Персии под названием «великого восстания сатрапов». Первым выступил правитель Каппадокии Датам.

Датам, сын Камисара, происходил из племени карийцев. В молодости он служил в царской гвардии, отличился на войне с кадусиями, был замечен Артаксерксом и назначен правителем Каппадокии. В середине 70-х годов он подавил мятеж пафлагонского царька Туиса, чуть позже расправился по приказу Артаксеркса с правителем Катаонии Асписом, участвовал в египетском походе. Благодаря своим подвигам Датам пользовался большим уважением у Артаксеркса, но навлек на себя зависть придворных, которые в одно прекрасное время оклеветали его перед царем, будто он хочет отложиться и править Каппадокией самостоятельно. Царь решил расправиться с Датамом и послал против него войско во главе с Автофродатом. Узнав об этом, Датам открыто заявил об отпадении и выступил против Автофродата. В кровопролитной битве он разгромил царского полководца и заставил его с остатками армии удалиться во внутренние районы Персидского царства.

В 367 году к Датаму присоединился фригийский сатрап Ариобарзан, примеру которого последовали наместник Ионии Оронт и правитель Карии Мавсол. Афины прислали на помощь мятежникам своего полководца Тимофея, а Спарта — престарелого царя Агесилая. Ожидалось, что к союзу сатрапов присоединится и египетский фараон Нектанеб, но смерть помешала ему сделать это. Тем не менее мятежники послали Оронта к преемнику Нектанеба Таху. Оронт убедил нового правителя Египта примкнуть к ним, и Тах дал ему пятьсот талантов серебра и пятьдесят кораблей.

Казалось, еще немного и власти Артаксеркса придет конец. Однако ход событий круто изменился...

Возвращаясь из Египта, Оронт решил перейти на сторону царя. Вместо того чтобы плыть в Малую Азию, он высадился в Финикии и направился в Сузы, прихватив с собой серебро фараона Таха. Артаксеркс встретил его с распростертыми объятиями, простил участие в мятеже и на радостях выдал за него свою дочь Родогуну.

Предательство Оронта внесло разлад в ряды мятежников. Более не доверяя друг другу, они стали действовать порознь. Афиняне и спартанцы покинули их. В 360 году сын Ариобарзана Митридат предал собственного отца, выдав его Артаксерксу. Чуть позже этого же Митридата царь послал для переговоров с Датамом, во время которых тот коварно убил предводителя мятежников. Последним погиб правитель Карии Мавсол. После его смерти его жена Артемисия воздвигла знаменитую усыпальницу Мавсолейион, ставшую впоследствии одним из семи чудес света.

Так в пестром калейдоскопе политических событий протекали последние годы жизни Артаксеркса. Частые мятежи и смуты наложили глубокий отпечаток на характер и поведение престарелого царя. Если в начале своего царствования он старался быть добрым и справедливым, то теперь его чертами стали раздражительность, недоверчивость и жестокость. Ни одного месяца не проходило без того, чтобы он не заподозрил кого-нибудь из подданных в измене, и всех подозреваемых казнил без суда и следствия.

Уже давно умерла царица Парисатида. В ее лице Артаксеркс лишился не только матери, но и мудрой советчицы. Атосса по-прежнему оставалась его женой, однако он уже охладел к ней: у него появились другие женщины — его гарем насчитывал около трехсот шестидесяти наложниц.

Однажды Артаксерксу подарили юного евнуха по имени Тиридат. Царь очень привязался к нему и проводил с ним все свободное время. Но через год Тиридат умер. В день его погребения из почтения к царю персы устроили похоронный плач по всей стране. После смерти своего любимца Артаксеркс очень изменился: он уединился и никого не допускал к себе. Об этом узнала Аспасия, которая по-прежнему жила во дворце в Сузах, и, желая утешить царя, пришла в его покои. Это удивило Артаксеркса, и он спросил, зачем она пришла.

— Чтобы уменьшить твою скорбь, государь, — ответила Аспасия, — но если ты не желаешь меня видеть, я уйду.

— Нет, останься, — подумав, сказал царь.

Он накинул на Аспасию черную столу, которую носил Тиридат. Одежда покойного евнуха пришлась ей к лицу. Ее непоблекшая еще красота показалась Артаксерксу ослепительной, и он попросил, чтобы она каждый день приходила к нему в этом наряде, пока не кончится траур по Тиридату. Аспасия так и делала, но вскоре надоела ему, и он удалил ее от себя.

Спустя некоторое время к нему явился его старший сын Дарий и попросил уступить Аспасию ему. Артаксеркс сказал, что Аспасия не рабыня, поэтому он не может отдать ее ему в наложницы. Тогда Дарий дождался дня рождения царя, когда тот по традиции должен был выполнить любую просьбу своих близких и приближенных, и снова попросил у отца Аспасию.

— Если она изъявит на то свое согласие, можешь взять ее, — ответил Артаксеркс. — Насилия же над ней я не допущу.

Тут же послали за Аспасией, и, вопреки ожиданиям царя, она согласилась. Однако вскоре царь забрал ее у сына и назначил жрицей в один из храмов в Экбатанах, чтобы остаток дней своих она провела в чистоте и непорочности.

В свое время Артаксеркс обещал Тирибазу выдать за него свою дочь Аместриду, но не сдержал обещания и сам женился на ней. За Тирибаза же выдал Атоссу, которую разлюбил. Этот поступок царя вызвал негодование у Тирибаза. Он задумал отомстить своему повелителю и стал злоумышлять против него.

Сблизившись с Дарием, тоже обиженным царем, Тирибаз убедил его совершить дворцовый переворот.

— Неужели ты не видишь, как часто царь меняет свои решения, — сказал он царевичу. — Не исключено, что он передумает сделать тебя своим наследником, невзирая на то, что ты его старший сын, а отдаст власть кому-нибудь из твоих братьев.

— Вполне возможно, — согласился Дарий. — Но что же делать?

— Надо убить царя, — подсказал Тирибаз.

Так они составили заговор, посвятив в него еще нескольких влиятельных вельмож. Заговорщики договорились ночью проникнуть в спальню царя и убить его в постели. Однако среди них нашелся предатель, который донес Артаксерксу о готовящемся покушении.

Царь мог бы приказать схватить заговорщиков, но решил застичь их на месте преступления. Он велел предателю оставаться при заговорщиках и докладывать ему об их действиях, а в своей опочивальне распорядился пробить стену позади ложа, навесить дверь и прикрыть ее ковром.

И вот ночь покушения настала. В полночь в опочивальню вошли заговорщики. Царь лежал в постели и выжидал. Как только они обнажили акинаки и стали приближаться к нему, он вскочил, проскользнул в соседнюю комнату через потайную дверь и захлопнул ее за собой.

Убийцы поняли, что разоблачены, и бросились бежать, но путь им преградили царские телохранители. Завязалась схват-

ка. Тирибаз был убит ударом копья, а Дария схватили и отвели в темницу.

На следующий день Артаксеркс приговорил старшего сына к смерти и послал палача отрезать ему голову ножом. Однако палач не смог поднять руку на царевича. Тогда Артаксеркс сам пошел в темницу и собственноручно зарубил сына саблей. Вытирая клинок, он сказал присутствовавшим: «Ступайте, персы, ступайте с радостью и расскажите всем, что великий Ахурамазда покарал замыслившего ужасное преступление».

В 359 году до н. э. Артаксерксу исполнилось восемьдесят четыре года, и он был долгожителем в династии Ахеменидов.

После казни Дария у престарелого царя осталось еще два сына — Ариасп и Ох, которых ему родила царица Статира. Кроме того, от наложниц гарема он имел сто пятьдесят сыновей. Однако ни один из них не мог претендовать на престол, так как все они считались незаконнорожденными. Из них Артаксеркс выделял только Арсама, которого любил даже больше, чем своих законных сыновей.

Таким образом, только Ариасп и Ох могли рассчитывать на престолонаследие.

Ариасп был на несколько лет старше Оха. Он отличался простодушием и мягким нравом. Многие вельможи считали, что именно он должен стать царем после смерти Артаксеркса.

Ох, в отличие от Ариаспа, был жесток и честолюбив. С юных лет он готовился стать повелителем Персии, но в этом стремлении ему приходилось учитывать своих старших братьев. Казнь Дария обрадовала Оха: один из претендентов на престол был устранен. На пути оставался только Ариасп, и честолюбивый царевич задумал убрать его.

Встречаясь с братом, он нашептывал ему, будто Артаксеркс задумал расправиться с ним во благо своего незаконного сына Арсама, которому собирается оставить царство. Человек мнительный, Ариасп принял всерьез слова Оха и жил в постоянном страхе, ежеминутно ожидая, когда к нему явятся палачи. А Ох продолжал подогревать страхи Ариаспа. Он чуть ли не каждый день слал к брату своих слуг с сообщениями о близкой расправе над ними. Ариасп впал в отчаяние: постоянные запугивания смешали его мысли, наполнили душу робостью и унынием. В конце концов он не выдержал и, приняв яд, положил конец всем своим тревогам.

Артаксеркс горько оплакивал смерть Ариаспа. Придворные намекали ему, чьих это рук дело, но дряхлый царь не захотел вникать в подробности. Он проникся ненавистью к Оху и

еще больше полюбил Арсама. Все чаще в кругу придворных Артаксеркс поговаривал о том, что именно его собирается назначить наследником.

Когда об этом стало известно Оху, он задумал покончить и со сводным братом. Однако побоялся лично расправиться с Арсамом и решил действовать через подставное лицо, выбрав себе в сообщники Арпата, сына Тирибаза. Царевич внушил ему мысль о мести царю за смерть своего отца. Арпат, человек горячий, в конце концов согласился и спросил, как ему лучше поквитаться с царем.

— Лучшего способа, чем убить Арсама, не существует, — подсказал коварный Ох. — Этим ты очень досадишь моему отцу.

— Ну что же, если так, то я убью Арсама, — воинственно заявил Арпат.

Через несколько дней он предложил Арсаму поехать на охоту. Тот очень обрадовался приглашению, и в сопровождении слуг они отправились в окрестности Суз. Когда они на лошадях преследовали стадо оленей, Арпат немного отстал и выстрелил из лука в спину увлекшемуся погоней Арсаму. Смерть царевича была мгновенной, так как стрела угодила прямо в сердце. Арпат приказал своим людям расправиться со слугами Арсама, а сам скрылся в неизвестном направлении.

Оставшиеся в живых слуги Арсама доставили тело своего господина во дворец. Узнав об участи любимого сына, царь слег в постель и через несколько дней умер.

Артаксеркс правил Персией сорок пять лет. За годы его царствования Персидская держава значительно ослабла, от былого величия не осталось и следа. Ему так и не удалось подчинить Египет, отпавший от Персии в начале его правления. Некоторые народы, например кадусии и писидийцы, уже не выплачивали царю ежегодной дани и не посылали своих воинов служить в его войске. Правда, эллины, являвшиеся основными противниками персов в течение многих десятилетий, уже не представляли особой опасности: постоянные междоусобицы и раздоры ослабили Элладу.

ПОСЛЕДНИЕ АХЕМЕНИДЫ

Сохранилось предание, будто маги предсказали жестокость и кровожадность преемника Артаксеркса Оха, узнав это по им одним известным знакам. Когда после смерти отца Ох вступил на персидский престол, они велели одному из царских евнухов посмотреть, что он прежде всего возьмет со стола во время обеда. Евнух увидел, что тот правой рукой взял нож, а левой — большой кусок хлеба, поверх которого положил кусок мяса. По этому маги предрекли обильные урожаи и жестокие казни на время правления Оха. Все так и вышло.

Взойдя на престол в 358 году до н. э., он принял тронное имя Артаксеркса III, сохранив и прежнее имя.

Артаксеркс III Ох начал свое царствование с кровавой расправы над сводными братьями. По его приказу были убиты или отравлены все побочные сыновья Артаксеркса II. Но жестокий царь не остановился на этом и успокоился только тогда, когда умертвил и всех своих сестер, в том числе Атоссу и Аместриду, которые в свое время были женами отца.

Когда Артаксеркс III убедился, что претендентов на персидский престол больше не осталось, он решил покрыть свое имя боевой славой и задумал идти войной на кадусиев, которые отпали от Персии в царствование Артаксеркса II.

Этот поход готовился с особой тщательностью: собиралось многочисленное войско, к границам страны кадусиев подвозили продовольствие. Наконец настало время выступления. Артаксеркс III лично возглавил войско. В течение нескольких месяцев он вел ожесточенные бои с кадусиями, пока не подчинил их. Почти все мужское население завоеванной страны было вырезано, женщины и дети проданы в рабство. Покидая Кадусию, Артаксеркс III оставил там сильные персидские гарнизоны, а своего двоюродного брата Арсама, сына Остана, назначил сатрапом Армении, примыкавшей к землям кадусиев.

Этот поход был только началом завоеваний Артаксеркса. Заветной мечтой царя было покорить Египет, поэтому, ободренный победой над кадусиями, он сразу же повел свое войско в страну пирамид. Но фараон Нектанеб II послал против него

сильное войско под командованием афинянина Диофанта и спартанца Ламия. В кровопролитной битве в дельте Нила персы потерпели сокрушительное поражение.

Артаксеркс III вынужден был с позором отступить и вернуться в Сузы. Однако мысль о завоевании Египта не покидала его, и он стал готовиться к новому походу, который пришлось отложить на неопределенный срок.

В 357 году в Малой Азии вспыхнуло восстание. Против царя поднялись Иония во главе с сатрапом Оронтом и Фригия во главе с Артабазом. Особенно опасен был Артабаз. Он происходил из древнего персидского рода, его предки неоднократно назначались сатрапами в Малую Азию. Артабаз женился на гречанке с острова Родос, которая родила ему одиннадцать сыновей и десять дочерей. Он принял к себе на службу двух братьев своей жены — Ментора и Мемнона; они прекрасно разбирались в военном деле и командовали греческими наемниками своего высокопоставленного зятя.

Поднять восстание Артабаза побудило сообщение друзей, живших при царском дворе, будто Артаксеркс III собирается казнить его. Ему удалось заключить союз с Оронтом, и они выступили единым фронтом. Их поддержали Афины, прислав на помощь войско под командованием полководца Харита.

Артаксеркс III двинул против мятежников войско, но оно было разбито. Тогда царь, прибегнув к дипломатии, настроил против Афин их противников, и афиняне, оказавшись перед необходимостью обороны собственной страны, отозвали Харита из Малой Азии. Артабаз и Оронт продолжали борьбу уже без помощи Афин и в 355 году одержали еще одну победу над царскими войсками. Артаксеркс III очутился в затруднительном положении.

Но неприятность поджидала и Артабаза: Оронт предал его, и сатрап Фригии остался один. Но он и не думал сдаваться. Вскоре ему удалось за крупную сумму денег склонить на свою сторону Фивы. Фиванцы прислали пять тысяч наемников под командованием полководца Паммена. С их помощью Артабаз еще дважды обращал царские войска в бегство.

Не имея возможности силой справиться с мятежным сатрапом, Артаксеркс III отправил в Фивы несколько ларцов с золотыми дариками, и фиванцы отозвали своих воинов домой. Лишившись союзников, Артабаз уже не мог успешно противостоять царю. Правда, некоторое время он еще вел военные действия, но в 353 году бежал из Малой Азии к македонскому царю Филиппу II. За ним последовал один из братьев его жены — Мемнон, другой же его шурин — Ментор — отправился

в Египет к фараону Нектанебу II, который готовился к войне с Персией.

Когда с мятежом в Малой Азии было покончено, Артаксеркс вновь обратил свой взор на Египет и возобновил подготовку к походу. И вновь поход пришлось отложить. На сей раз из-за событий в Финикии: против персидского царя восстала местная правящая верхушка. Своим предводителем восставшие выбрали Теннеса — правителя Сидона. Во главе финикийского войска Теннес перебил персидские гарнизоны по городам и уничтожил склады с продовольствием и оружием, которые были устроены персами на случай войны с Египтом.

Узнав о восстании в Финикии, египетский фараон Нектанеб II прислал на помощь финикийцам четыре тысячи греческих наемников во главе с Ментором, недавно перешедшим к нему на службу.

Вскоре в Сузы пришло известие, что вслед за финикийцами восстал и Кипр. Артаксеркс III не знал, за что хвататься. Он приступил к формированию сухопутной армии, которую намеревался повести сам против Финикии. С мятежными же киприотами решил расправиться при помощи наемников: за большие деньги нанял в Элладе восьмитысячное войско под командованием афинянина Фокиона и послал его на Кипр. Туда же по его приказу отправился и правитель Карии Идриэй. Вдвоем они быстро привели киприотов к покорности.

Между тем была сформирована трехсоттридцатитысячная армия против Финикии. Присоединив к ней десять тысяч греческих наемников, Артаксеркс III выступил в поход.

Приближение персидского царя с многочисленным войском вызвало панику в рядах финикийцев: они пали духом и вскоре один за другим сдали свои города. Но центр восстания, Сидон, решил стоять до конца. Обороной города руководили Теннес и Ментор.

Плотное кольцо персидских воинов обложило город с суши, в гавани на рейде стояли персидские корабли. И так больше месяца. Ментор, опытный военачальник, видел, что положение Сидона безнадежно, и не скрывал этого от Теннеса. И Теннес не выдержал, решив спасти свою жизнь ценой предательства. Как-то ночью он отправил к Артаксерксу III своего приближенного по имени Фессалион. Явившись к царю, Фессалион сказал:

— Царь! Меня послал к тебе мой господин Теннес сказать, что он готов сдать Сидон, если ты сохранишь ему жизнь и ос-

тавишь его правителем города. Еще он просил передать, что мог бы быть тебе проводником в походе на Египет.

Лицо Артаксеркса III перекосило от гнева. Он воскликнул:

— Дорогу в Египет я и сам знаю, а Теннесу передай, что я сдеру с него шкуру живьем, как только он мне попадется!

Так и ушел Фессалион ни с чем, однако вскоре его догнали царские слуги и попросили вернуться.

— Ну ладно — я принимаю условия Теннеса, — сказал ему Артаксеркс III, неожиданно изменив свое решение.

На следующий день Сидон сдался на милость царя, и Артаксеркс отдал его на разграбление своим воинам. Горожане пробовали защищаться, но силы были неравными, и тогда они подожгли свои дома, чтобы вероломным победителям ничего не досталось. Вскоре пожар охватил весь город. Историк Диодор Сицилийский пишет, что в этом пожаре погибло сорок тысяч человек.

Сидон был еще объят пламенем, когда на суд к Артаксерксу III привели Теннеса в оковах.

— Ну вот ты и попался мне! — воскликнул царь. — Ты надеялся заслужить своим предательством мою милость, но ошибся: я отдаю тебя в руки палачей.

Теннес умолял пощадить его, но царь остался непреклонен. Царские телохранители подхватили предводителя мятежников под руки и выволокли вон. Больше его никто не видел.

Вслед за Теннесом к Артаксерксу III привели Ментора. Некоторое время царь молча смотрел на него, наконец произнес:

— Давно, ох как давно я мечтал добраться до тебя, Ментор. Сколько раз я молил Ахурамазду и других богов, чтобы они сделали тебя моим пленником. И вот — ты в моей власти. Но как же мне с тобой быть, какую придумать расправу?

— Царь! Я — воин и не боюсь смерти, поэтому не буду молить о пощаде. Но в твоих интересах сохранить мне жизнь, ибо как опытный военачальник я могу сослужить тебе хорошую службу, — гордо заявил Ментор.

При этих словах Артаксеркс III рассмеялся, а когда приступ смеха прошел, сказал:

— И то правда. Зачем мне казнить тебя, Ментор, если ты можешь быть мне полезен. Багой! — царь позвал своего главного евнуха. — Возьми этого эллина к себе и поставь его командовать частью твоих наемников. Да смотри, следи за ним строже, а то знаем мы этих эллинов.

— Будет сделано, государь, — низко поклонился Багой.

— Благодарю тебя, царь, что сохранил мне жизнь, — произнес Ментор. — Уверяю, ты не пожалеешь об этом.

Артаксеркс III задержался в Финикии лишь для того, чтобы подождать подкрепления из внутренних районов Персии и из Эллады. Вскоре к нему прибыло десять тысяч наемников-эллинов: Фивы прислали тысячу воинов под командой Лакрата, Аргос — три тысячи гоплитов под начальством Никострата, человека огромного роста, который, подобно Гераклу, носил поверх хитона львиную шкуру. Шесть тысяч воинов пришло из городов Ионии. Начальниками над ними Артаксеркс III поставил евнуха Багоя и Ментора.

Двигаясь вдоль берега Эллинского моря, персидское войско вскоре достигло пределов Египта. В дельте Нила Артаксеркс разделил свои силы: сам он на кораблях двинулся вверх по Нилу к Мемфису, Лакрат и сатрап Лидии Ризак должны были штурмовать крепость Пелусий, Никострат со своими аргосцами и перс Аристазан с тысячей отборных персов были посланы на восьмидесяти кораблях для высадки в тылу Пелусия, шесть тысяч ионийских греков под командованием Багоя и Ментора наступали южнее Пелусия, чтобы отрезать сообщение с Мемфисом.

Нектанеб II располагал стотысячной армией, состоявшей из двадцати тысяч греков, двадцати тысяч ливийцев и шестидесяти тысяч египтян. Был у него и речной флот, который мог помешать проникновению персидских кораблей в воды Нила.

Невзирая на то что персы имели тройной перевес в численности, Нектанеб II оказал упорное сопротивление. Правда, продержался он недолго.

Действия персидского войска, разделенного на четыре части, были хорошо скоординированы. Сначала был захвачен Пелусий, затем пал Бубаст, а чуть позже и другие египетские города. Артаксеркс подошел к Мемфису. Фараон не рискнул остаться в столице и, погрузив на корабли свои сокровища, бежал в Эфиопию. Мемфис сдался на милость победителей.

Так в 345 году до н. э. Египет покорился Артаксерксу III Оху и Персидская держава была восстановлена в границах времен Камбиса.

Египтяне сразу же почувствовали на себе гнев повелителя Персии. В стране пирамид снова наступили времена Камбиса.

Вступив в Мемфис, Артаксеркс приказал приготовить ему и его приближенным обед из мяса священного быка Аписа. Позже он распорядился разрушить многие храмы египетских богов, а богатства из храмовых сокровищниц забрал себе. Были убиты тысячи египетских вельмож и жрецов. За кровожадность египтяне прозвали Артаксеркса III «Кинжалом».

Несколько месяцев жестокий царь бесчинствовал в Египте, затем щедро расплатился с греческими наемниками и отпустил

их в Элладу, а сам отправился в Сузы. Сатрапом в Египте он назначил знатного перса Ферендата.

Семь последующих лет Артаксеркс провел без войн. Восстания в отдельных сатрапиях, если и вспыхивали, не носили такого размаха, как восстание Артабаза, и легко подавлялись царскими полководцами. В этот период особым доверием царя пользовались египтянин Багой и родосец Ментор. Первый ведал внутренней и внешней политикой Персидской державы, второй был назначен караном всей Малой Азии и проявил себя верным слугой царя. Артаксеркс же наслаждался жизнью. Он выезжал на охоту, устраивал роскошные пиры или проводил время в кругу своих наложниц.

Между тем у Персии появился опасный противник — Македония, которой тогда правил деятельный царь Филипп II. Он подчинил себе ослабевшую в частых междоусобных распрях Элладу и уже мечтал двинуть свою сильную и хорошо дисциплинированную армию на завоевание Малой Азии. Слухи об этом распространились по Персии, однако персидского царя они мало волновали. Зато евнух Багой вступил в дипломатическую борьбу с правителем Македонии. Неоднократно противники Филиппа II получали от влиятельного евнуха помощь деньгами и восставали против Македонии, так что Филиппу приходилось откладывать поход в Азию.

Персидские вельможи ненавидели Багоя, завидуя его положению при дворе и успехам. Сговорившись, они задумали погубить его и стали клеветать на него Артаксерксу III, уверяя царя, что еще немного — и Багой свергнет его с трона. Какое-то время царь игнорировал доносы придворных, а затем решил-таки убрать всесильного евнуха. Но Багой опередил царя. Склонив на свою сторону царского врача, он с его помощью отравил Артаксеркса и бросил его тело на съедение кошкам, а из костей царя велел сделать свистки и рукоятки для кинжалов. Говорили, будто Багой поступил так потому, что был египтянином по происхождению и мстил царю за убийство священного быка Аписа.

Покончив с Артаксерксом, Багой умертвил почти всех его детей. В живых остались Висфан, исчезнувший неизвестно куда, и Арзес, которого он возвел на трон, намереваясь сделать из него послушную игрушку в своих руках.

Арзес поначалу во всем слушался коварного евнуха, но со временем стал стремиться к самостоятельности. Заметив это, Багой умертвил и его со всеми его детьми. Так царский скипетр вторично оказался у него в руках, но он не знал, кому его

отдать: ведь из детей Артаксеркса III и Арзеса никого не осталось в живых. И тогда Багой обратился к боковой линии Ахеменидов и остановился на Кодомане, сатрапе Армении.

Кодоман был сыном Арсама Ахеменида, его дед Остан приходился родным братом Артаксерксу II; таким образом, он принадлежал к царскому роду.

Родился Кодоман в 380 году и воспитывался при дворе Артаксеркса III Оха. Во время войны, которую Артаксеркс вел с кадусиями в начале своего царствования, ему было двадцать два года, и он уже прославился блестящей победой в поединке с могучим воином-кадусием. После покорения кадусиев царь назначил его отца, Арсама, сатрапом Армении. Кодоман отправился вместе с отцом, но пробыл там недолго: набрав несколько тысяч воинов, он вернулся в Сузы к Артаксерксу, который собирался идти войной на Египет. Когда же Артаксеркс потерпел неудачу в своем первом египетском походе, Кодоман вернулся в Армению с остатками своего отряда и несколько лет жил там, помогая отцу в делах управления и занимаясь охотой в армянских горах. Во второй раз он покинул Армению в связи с восстанием в Финикии, приведя тогда под знамена Артаксеркса вспомогательный отряд в несколько тысяч армянских всадников. После подавления восстания Кодоман вместе с царем отправился в Египет и пробыл там приблизительно до 344 года. В этих походах он приобрел богатый опыт полководца и заслужил похвалу от самого царя. По возвращении из Египта Кодоман сразу поспешил к отцу в Армению.

Вскоре Арсам умер, и Кодоман, как его старший сын, принял власть над Арменией. Около восьми лет он управлял сатрапией, проявив себя мудрым и рассудительным правителем: исправно отправлял в Сузы причитавшуюся дань, заботился о поддержании порядка, старался быть справедливым судьей.

Как и всякий персидский вельможа, Кодоман имел многочисленный гарем, но была у него и любимая жена — Статира, которая родила ему двух дочерей и сына и которую он боготворил за необыкновенную красоту и незаурядный ум. При нем жила и его мать, Сисигамбида.

Пока правил Артаксеркс III, Кодоман раз в год приезжал в Сузы на празднование царского дня рождения. Когда же евнух Багой отравил царя и возвел на трон его сына Арзеса, Кодоман отказался от посещения столицы, считая это небезопасным для себя: он хорошо знал коварного евнуха со времен египетского похода и опасался его козней.

Весной 336 года до Армении дошли слухи, что царь Арзес пал жертвой Багоя, а вскоре в резиденцию Кодомана прибыли гонцы с письмом от Багоя, в котором тот просил армянского сатрапа срочно прибыть в Сузы. Кодоман терялся в догадках: зачем он понадобился Багою? Но все же собрался в столицу. Поехал один, без родственников, в сопровождении верных телохранителей.

В Сузах он сразу явился к Багою. В тронном зале царского дворца между ними состоялся разговор с глазу на глаз.

— Кодоман! — обратился к нему Багой. — Ты знаешь, что недавно умер царь, а вслед за ним его сыновья: такова была воля богов. Трон Кира Великого пустует...

«Ну и врет, — подумал Кодоман, слушая евнуха. — Ведь сам расправился с ними...»

— Кодоман! — продолжал между тем Багой. — Ты из рода Ахеменидов, к тому же все знают тебя как рассудительного и мужественного человека, так что ты, и только ты, должен занять царский трон в это трудное для Персии время. Что ты на это скажешь?

— Но почему я? — удивленно спросил Кодоман. — Ведь есть Висфан, сын Артаксеркса III, у него больше прав на престол, чем у меня.

— Это так, но Висфан после смерти отца где-то скрывается, предпочитая участь скитальца званию повелителя Персии.

— Тогда трон можно предложить Арбупалу, племяннику Артаксеркса.

— Но ведь у него не все в порядке с головой, — парировал Багой, у которого был готов ответ на любой вопрос. — Так что именно тебе придется взять бразды правления в свои руки.

— Мне надо подумать!

— Странный человек! — рассмеялся Багой. — Ему предлагают царство, а он говорит, что ему надо подумать. Впрочем, будь по-твоему — подумай, но завтра дай ответ.

На следующий день Кодоман дал свое согласие, и Багой провозгласил его царем под именем Дария III.

Так весной 336 года до н. э. на трон Кира Великого воссел последний царь из династии Ахеменидов.

О первых месяцах правления Дария III история не сохранила подробных сведений. Известно лишь, что Багой и его хотел сделать послушным орудием в своих руках. Однако из этого ничего не вышло. Со временем Дарий III стал проявлять все больше самостоятельности. К тому же ему удалось склонить на свою сторону многих царедворцев, даже тех, которые не-

давно поддерживали Багоя. Заметив это, честолюбивый евнух решил расправиться со своим ставленником тем же способом, что и с двумя его предшественниками. Он уже приготовил яд для царя, но того предупредил один из слуг евнуха. Дарий пригласил Багоя к себе и заставил его выпить кубок с ядом. Так он устранил с дороги опасного временщика и стал управлять Персидской державой единолично.

Наконец-то Персия обрела достойного царя. Дарий III был красив, а это много значило для персов; он серьезно относился к государственным делам, был милостив к приближенным, и за это они любили его; в нем соединились лучшие качества первых персидских царей — Кира Великого и Дария I.

В начале правления Дария III Персидская держава была объединена так же прочно, как и сто лет назад. Все сатрапы признали его своим повелителем и не думали восставать.

Но на западе уже собирались тучи, предвещавшие скорую бурю, которая должна была уничтожить Персидское царство, а вместе с ним и его добродетельного правителя. Персии угрожала серьезная опасность со стороны Македонии.

Македонский царь Филипп II к моменту восшествия Дария III на престол уже подчинил себе слабые государства Эллады и собирал многочисленное войско для вторжения в Малую Азию. Более того, правитель Македонии уже послал своих военачальников Аттала и Пармениона на завоевание Ионии. Полководец Мемнон, брат умершего к этому времени Ментора, оказал македонянам упорное сопротивление. Имея в распоряжении сравнительно небольшие силы, он оттеснил Аттала и Пармениона к берегам Геллеспонта.

Летом 336 года в Сузы пришло сообщение о смерти Филиппа II и о восшествии на престол его сына Александра. Зная могущество Македонии, Дарий III не допускал возможности мирного сосуществования Персии и Македонии. Поэтому через своих агентов он стал подбивать греческие города-государства к отпадению от Македонии. Однако Александру удалось сохранить влияние в Элладе: до основания разрушив Фивы, молодой македонский царь заставил прочих эллинов уважать себя. Вслед за этим он объявил, что намерен осуществить наступательные планы своего отца. Опасаясь за судьбу Персидского царства, Дарий III распорядился пополнить малоазийское войско, укрепить ионийские города и приступить к строительству сильного флота.

Принятые персидским царем меры принесли желаемые результаты: в 335 году Мемнон в нескольких сражениях разбил македонян в Малой Азии и заставил их отступить в Европу. Александр Македонский, втянутый в бурный водоворот евро-

пейской политики, на какое-то время оставил Персию в покое. Однако зимой 335/334 года он собрал в окрестностях Пеллы — македонской столицы — тридцатипятитысячное войско и объявил, что весной намерен переправиться в Азию.

Так как в македонской столице было немало персидских соглядатаев, Дарию стало известно о намерениях Александра. Царь вызвал в Сузы на военный совет своих военачальников и сатрапов западных сатрапий. Среди них самым опытным в военном деле считался Мемнон. Ему первому Дарий и предоставил слово на совете. Мемнон предложил план так называемой скифской войны, согласно которому персидское войско, сосредоточенное в Малой Азии, должно всячески избегать вооруженных столкновений с армией Александра и, отступая, уничтожать за собой все запасы продовольствия и корм для лошадей. Когда македоняне зайдут достаточно далеко и испытают трудности со снабжением, на них можно будет нападать силами конницы, не вступая в открытое сражение. В то время, когда Александр застрянет в Малой Азии, персидский флот нападет на материковую Элладу и склонит эллинов на свою сторону. Это заставит македонского царя отказаться от своего замысла и вернуться домой.

Полководческий авторитет Мемнона был неоспорим. Его план показался Дарию весьма удачным. Тем не менее царь пожелал выслушать других военачальников и западных сатрапов. И тут случилось то, чего он никак не ожидал: сатрапы высказались против стратегии Мемнона. Они единодушно заявили, что не позволят врагу безнаказанно топтать свои владения.

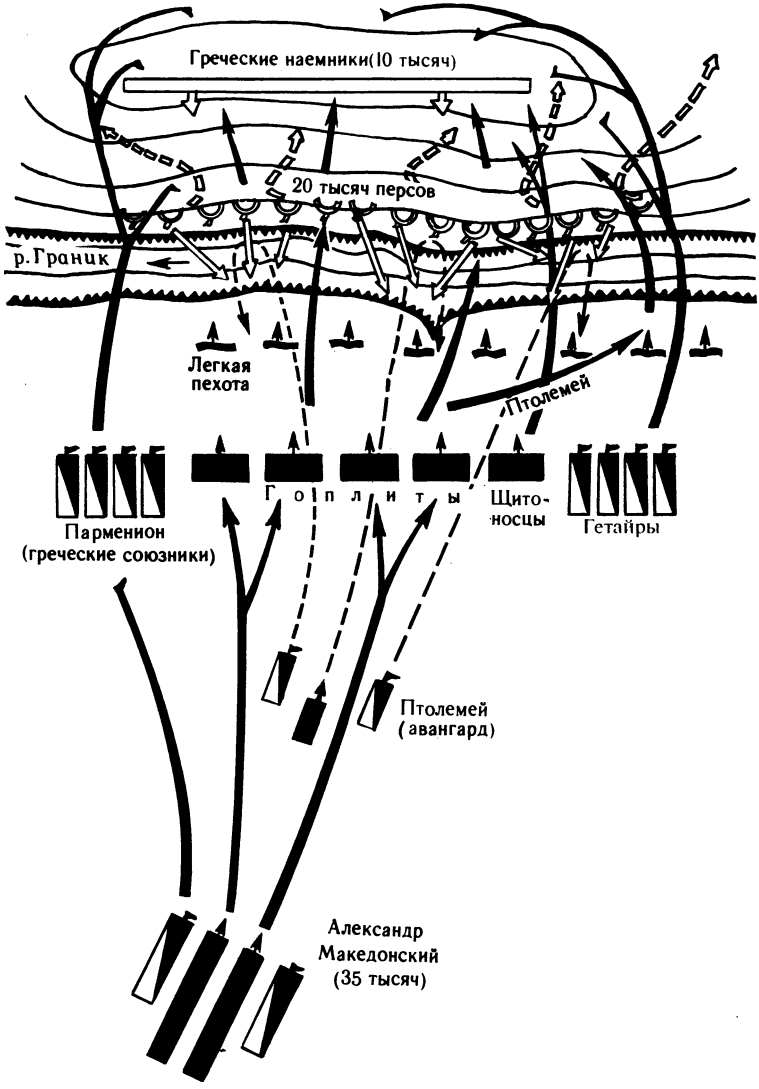
— Я не допущу, чтобы у моих подданных сгорел хотя бы один дом! — вскричал Арсит, сатрап Малой Фригии.

Раздались и прямые обвинения Мемнона в том, что он тайно перешел на сторону македонян и теперь хочет способствовать их быстрому продвижению в глубь Азии.

— Государь! — сказал один из сатрапов. — Не верь этому эллину. Он был другом евнуха Багоя, который отравил Артаксеркса III и Арзеса и тебя хотел погубить.

Этих клеветнических обвинений в адрес Мемнона было достаточно: царь пересмотрел свое отношение к его стратегии и принял сторону своих персидских подданных. А они, все как один, ратовали за то, чтобы дать македонянам открытое сражение на территории Малой Азии. Однако скоро, очень скоро повелитель Персии пожалел, что не послушался Мемнона...

Весной 334 года до н. э. Александр Македонский переправился через пролив Геллеспонт и вторгся в пределы Малой



Азии. Под его началом было тридцать тысяч пехотинцев и пять тысяч всадников, как свидетельствуют наиболее авторитетные античные авторы — Арриан, Диодор Сицилийский и Плутарх, описавшие его поход. Это были не какие-нибудь

юнцы, грезившие о военных подвигах, а испытанные в боях воины, которые знали, что идут на завоевание мира.

Встреча македонян и персов произошла недалеко от моря, на Адрастейской равнине, по которой протекала река Граник. Первыми на место битвы прибыли персы. Они расположились на правом берегу Граника, поставив впереди своих построений конницу, состоявшую из двадцати тысяч всадников. Позади конницы нестройными рядами стояла пехота численностью не менее ста тысяч воинов. Персидские военачальники считали, что и одной конницы хватит, чтобы справиться с македонянами, если не дать им выбраться на берег во время переправы.

Накануне битвы Мемнон еще раз пытался убедить персидских военачальников не вступать в открытое сражение, но и на этот раз те не послушали его.

Наконец персидские разведчики, отправленные на левый берег Граника, принесли известие о приближении противника. А вскоре всадники, стоявшие в боевом строю, увидели македонян, которые шли двумя походными колоннами.

Около часа понадобилось македонянам для построения к бою. К Александру подъехал военачальник Парменион:

— Александр! Я бы не советовал тебе сейчас начинать сражение с персами, так как уже за полдень и наша позиция неудобна: ведь прежде, чем добраться до противника, нам придется переправиться через реку под градом персидских стрел и дротиков.

— Мне, переплывшему Геллеспонт, было бы стыдно останавливаться перед этой никчемной речушкой, — честолюбиво ответил Александр убеленному сединами военачальнику и добавил: — Мы дадим персам битву и обязательно выиграем ее.

Еще какое-то время противники бездействовали. Персы ждали, когда македоняне начнут переправу через Граник. Наконец Александр повел своих воинов в атаку. Понукая лошадей, первыми в реку вошли македонские всадники и устремились к противоположному берегу.

«Персы бросились сверху на передовые отряды... подошедшие к берегу, — пишет историк Арриан в книге «Поход Александра», — одни метали дротики и копья в реку с прибрежных высот, другие же, кто стоял внизу, вбегали в самую воду. Всадники смешались: одни стремились выйти на берег, другие им мешали; персы кидали множество дротиков; македонцы сражались копьями. Македонцев было значительно меньше, и в первую схватку им пришлось худо, потому что они отражали врага, стоя не на твердой почве, а в реке и внизу, персы же были на береговых высотах. Кроме того, здесь была выстрое-

на лучшая часть персидской конницы и вместе с ней сражались сыновья Мемнона и сам Мемнон. Первые из македонцев — храбрецы, схватившиеся с персами, — были изрублены, кроме тех, кому удалось повернуть к Александру, который уже приближался, ведя с собой правое крыло. Он первый бросился на персов, устремившись туда, где сбилась вся их конница и стояли их военачальники. Вокруг него завязалась жестокая битва, и в это время полки македонцев, один за другим, уже без труда перешли реку. Сражение было конное, но оно больше походило на сражение пехоты. Конь бросался на коня; человек схватывался с человеком; македонцы стремились оттеснить персов совсем от берега и прогнать их на равнину, персы — помешать им выйти и столкнуть обратно в реку. Тут и обнаружилось превосходство воинов Александра: они были не только сильнее и опытнее, но и были вооружены не дротиками, а тяжелыми копьями с древками из кизила.

В этой битве и у Александра сломалось копье; он попросил другое у Ареты, царского стремянного, но и у того в жаркой схватке копье сломалось, и он лихо дрался оставшейся половинкой. Показав ее Александру, он попросил его обратиться к другому. Демарат-коринфянин, один из «друзей»*, отдал ему свое копье. Александр взял его; увидя, что Митридат, Дариев зять, выехал далеко вперед, ведя за собой всадников, образовавших как бы клин, он сам вынесся вперед и, ударив Митридата копьем в лицо, сбросил его на землю. В это мгновение на Александра кинулся Ресак и ударил его по голове кинжалом. Он разрубил шлем, но шлем задержал удар. Александр сбросил и его на землю, копьем поразив его в грудь и пробив панцирь. Спифридат уже замахнулся сзади на Александра кинжалом, но Клит, сын Дропида, опередил его и отсек ему от самого плеча руку вместе с кинжалом. Тем временем всадники, все время переправлявшиеся, как кому приходилось, через реку, стали прибывать к Александру».

К вечеру персы обратились в бегство. Одна часть македонян преследовала их до самой ночи, другая же напала на эллинов-наемников, сражавшихся на стороне персов и оказавших македонянам упорное сопротивление. Битва с ними продолжалась до темноты. Большинство наемников погибло под ударами македонских мечей и копий, уцелело только две тысячи человек, которых македоняне взяли в плен.

На следующий день Александр как победитель, за которым осталось поле битвы, приказал подсчитать погибших с той и с другой стороны. Оказалось, что македоняне потеряли всего

* «Друзья» — гетайры, личная гвардия Александра Македонского.

сто пятнадцать человек, по крайней мере так утверждает Арриан. Потери же персов были значительно большими: по сообщению Плутарха, они составили более двадцати двух тысяч человек, приблизительно столько же персов, по словам Диодора Сицилийского, было взято в плен. Из персидских военачальников на берегах Граника смерть нашли Нифат, Петин, Омар, Спифридат — сатрап Лидии и Ионии, Митробузан — сатрап Каппадокии, Митридат — зять Дария III, и Фарнак — брат царицы Статиры. Арсит — главный инициатор открытого сражения с македонянами — бежал с поля битвы во Фригию. Некоторое время спустя он наложил на себя руки, так как персы считали его виновником поражения при Гранике. Мемнон с остатками своего отряда, храбро защищаясь, покинул поле битвы и направился к городу Милет.

Узнав о поражении персидского войска при Гранике и гибели своих близких, Дарий III впал в глубокую печаль и объявил траур по всей Персии.

Вскоре в Сузы стали поступать сведения об успешных действиях Александра в Малой Азии. Один за другим македонский царь захватывал богатые города, еще вчера принадлежавшие персидскому царю; причем почти нигде, за исключением Милета и Галикарнаса, он не встречал сопротивления. Больше всего Дария раздосадовал захват столицы Лидии — Сард. Комендант Сард Мифрен, обласканный повелителем Персии, открыто изменил своему царю и вышел навстречу Александру с ключами от города. Когда Александр вошел в Сарды, Мифрен выдал ему все сокровища, хранившиеся в подвалах дворца на акрополе.

Каждый день приносил Дарию новые тревоги. Царь прекрасно понимал, что нужно принимать срочные меры по организации отпора македонскому нашествию, но не знал, с чего начать. Желая выслушать мнения своих приближенных, он часто собирал их в тронном зале. Вельможи давали множество советов, царь внимательно выслушивал их, но так и не мог принять решения. Проходили недели, а он продолжал бездействовать.

Неожиданно, ускользнув от македонян, осадивших Милет, в Сузы прибыл Мемнон с семьей. Царь обрадовался его появлению и сразу же встретился с ним наедине. Дарий чувствовал, что Мемнон может предложить что-то дельное, что в значительной мере поправит его положение. И он не ошибся.

Когда Мемнон вошел в его покои, повелитель Персии бросился ему навстречу:

— О Мемнон, если бы я послушался твоего совета, то Александр не кичился бы сейчас своими успехами!

— Да, государь, это так, — ответил Мемнон. — Однако не все потеряно: ведь захват македонянами Малой Азии еще не означает полную победу над Персией. И если сейчас правильно организовать оборону, то через несколько месяцев Александр откажется от дальнейших завоеваний.

— Что ты можешь предложить, Мемнон?

— Прежде всего я прошу тебя, государь, назначить меня главнокомандующим. Тебе не следует опасаться, будто я тайно перешел на сторону Александра. Все, что говорили обо мне твои вельможи, — вздор. Я преданно служил и Артаксерксу III и Арзесу и не думаю изменять тебе, как это уже сделали многие персы. Более того, моя семья — твои заложники. Правда, сыновей я хотел бы взять с собой: они превосходно разбираются в военном деле и принесут пользу в войне с Александром. Так что решайся, государь: или ты поставишь меня главнокомандующим, или Персию постигнут еще большие несчастья.

— Хорошо, Мемнон, будь по-твоему, — сказал Дарий после недолгих раздумий. — Я назначаю тебя правителем Ионии и командующим моим флотом.

— Благодарю за доверие, государь! — произнес Мемнон с глубоким поклоном. — Клянусь, ты не пожалеешь об этом.

На этом их встреча закончилась. На следующий день Мемнон с сыновьями и племянником Тимодом спешно покинул Сузы, оставив там свою жену Барсину и дочерей.

Мемнон сдержал данное царю слово. Прибегнув к своему старому плану, он оставил без внимания войско Александра и перенес военные действия на море. В его распоряжении было много денег, которые царь, не жалея, выделил ему на военные расходы. Это позволило Мемнону нанять новых наемников и укомплектовать ими корабли. Весной 333 года до н. э. он вышел в море. Успех следовал за успехом. Вскоре флот Мемнона господствовал в Эгейском море, проливы Боспор Фракийский и Геллеспонт тоже были под контролем энергичного полководца. Он захватил крупные острова Хиос и Лесбос. Его корабли подходили к берегам Македонии и разоряли прибрежные селения. В переговоры с Мемноном вступила Спарта. Афиняне через него послали посольство к Дарию III. Царь ласково принял афинских послов, осыпав их золотыми дариками, за что те пообещали в ближайшее время прислать на помощь Мемнону сто кораблей. При таком положении дел Мемнон мог перенести войну на территорию самой Македонии.

Александр в это время находился в Великой Фригии. Слухи об успехах Мемнона крайне озадачили его. «Этот Мемнон — как заноза, впившаяся в мое тело», — как-то заметил македонский царь. Он уже подумывал о возвращении на родину.

Дарий же безмерно радовался победам Мемнона. К нему вновь вернулось хорошее расположение духа.

— Этот Мемнон просто молодчина — не подвел! — частенько говорил он своим приближенным.

Как только в Сузах узнавали об очередном успехе Мемнона, Дарий приказывал жрецам приносить обильные благодарственные жертвы богам и закатывал роскошные пиры.

Но вдруг в столицу пришло известие о гибели Мемнона.

— Не может быть! — вскричал повелитель Персии, когда гонец доложил ему об этом. — Как это случилось?

— Во время осады города Митилена на Лесбосе главнокомандующий получил незначительную рану, от которой, однако, произошло воспаление. При нем не оказалось врача, и он несколько дней спустя умер.

— О боги! — воздел руки Дарий. — Почему я, дав Мемнону и деньги, и воинов, и корабли, не дал ему хорошего врача?

По случаю смерти своего доблестного полководца Дарий объявил в Сузах траур.

Между тем Александр Македонский, узнав о кончине опасного противника, закатил роскошный пир.

После смерти Мемнона нервы Дария III сдали: он опять впал в нерешительность. Чтобы хоть что-то предпринять, царь созвал военный совет. В тронном зале собрались представители персидской знати, сатрапы, военачальники и предводители греческих наемников. Восседая на троне, Дарий пристально всматривался в каждого. Казалось, он искал среди них второго Мемнона, но не находил.

Собравшиеся поочередно высказывали свои мнения по поводу дальнейшего ведения войны с Александром. Большинство настаивало, чтобы царь собрал большое войско и сам выступил против македонян.

Вняв советам вельмож, Дарий отдал приказ готовиться к походу. В сатрапии, еще свободные от македонян, послали гонцов с царским повелением присылать воинов к Вавилону.

Незадолго до выступления Дарий назначил на место Мемнона Фарнабаза, сына Артабаза, начальником над флотом поставил Автофрадата, дав ему в помощники Датама, а командование греческими наемниками поручил Тимоду, сыну Ментора.

Наконец настал день выступления из Суз. Провожать царя в поход собралось все население столицы.

По древнему обычаю, Дарий тронулся в путь на рассвете. Впереди дюжие носильщики несли серебряные алтари со священным огнем. Маги пели древние гимны в честь богов. За ними следовало триста шестьдесят пять юношей, одетых в пурпурные плащи. Затем ехала запряженная белыми лошадьми колесница, посвященная Ахурамазде. За ней двое персов вели под уздцы огромного коня, посвященного Митре. Далее ехали десять колесниц, украшенных золотом и серебром. На некотором расстоянии от них гарцевали на своих резвых скакунах всадники всех десяти персидских племен. После них мерным шагом маршировали «бессмертные». Как и в былые времена, их отряд насчитывал ровно десять тысяч человек. За ними шли так называемые «родичи царя», то есть те, кто имел принадлежность, пусть даже отдаленную, к роду Ахеменидов: их набралось около пятнадцати тысяч.

Дарий III Кодоман ехал на большой колеснице, запряженной четверкой великолепных лошадей. С обоих боков царская колесница была украшена золотыми и серебряными фигурками богов, ее дышло было усыпано драгоценными камнями, а на конце красовалось изображение орла с распростертыми крыльями. Около двухсот знатных персидских вельмож следовало справа и слева от царя.

Вслед за царем конюхи гнали четыреста лошадей разной масти. Далее шли сорок тысяч пехотинцев, вооруженных копьями и луками. За ними в колеснице ехала мать царя Сисигамбида, в другой колеснице — жена Дария Статира. Толпа женщин верхом на лошадях сопровождала цариц. За ними следовало пятнадцать повозок, которые назывались гармаксами: в них разместились царские дети, их воспитатели и евнухи. Далее ехали триста шестьдесят царских наложниц.

Шестьсот мулов и триста верблюдов в сопровождении многочисленного отряда конных лучников везли царскую казну. Следом за казной в дорожных повозках ехали жены родных и друзей царя, торговцы и обозная прислуга. Последними шли несколько отрядов легковооруженных воинов.

Вся эта многотысячная процессия растянулась почти на два парасанга по «царской дороге», ведущей в Вавилон. Персы проходили не более трех-четырех парасангов за день и останавливались на ночлег на так называемых царских стоянках. Иногда Дарий на день-два задерживался в крупных городах. Когда приближенные спрашивали, почему он не торопится, царь отвечал, что хочет дать время войскам из сатрапий подойти к Вавилону. На самом деле было не так: чевзирая на

многочисленность войска, Дарий испытывал неуверенность в своих силах, и это заставляло его медлить.

Наконец Дарий достиг столицы Междуречья, но не въехал в Вавилон, а расположился лагерем в окрестностях. Несколько дней он провел в своем походном шатре в обществе близких.

Между тем к Вавилону прибывали войска из провинций, и вскоре равнину перед городом заполнили множество вооруженных людей, лошадей и верблюдов. Шатры и палатки стояли так плотно, что между ними трудно было разминуться. Дарий решил устроить военный смотр, но сначала распорядился произвести подсчет воинов. Для этого была сооружена из жердей прочная изгородь, за которой могло уместиться десять тысяч человек. Поочередно за изгородь заходили отряды воинов. Выходя оттуда, они занимали место в парадном строю. Именно так подсчитывал свое войско царь Ксеркс, когда шел походом на Элладу.

Римский историк Квинт Курций Руф сообщает, что у Дария III набралось сто тысяч персов, из них тридцать тысяч всадников. Мидийцы прислали пятьдесят тысяч пехотинцев и десятитысячный отряд всадников. После них самыми многочисленными были армяне — сорок тысяч пеших воинов и семь тысяч конницы. Многие из них воевали с Дарием III в Египте, когда он еще не был царем. Барканцев было двенадцать тысяч: две тысячи всадников и десять тысяч пехотинцев, вооруженных обоюдоострыми секирами и легкими щитами. Гирканцы снарядили шесть тысяч конницы и тысячу пеших воинов. Дербики прислали сорок тысяч пехотинцев и две тысячи всадников. Кроме этого к Вавилону прислали своих воинов и другие народы, входившие в состав Персидского царства; только бактрийцы, согды и инды не успели прибыть к месту сбора. Тридцать тысяч греческих наемников, на которых Дарий III возлагал большие надежды, также не пришли к Вавилону: по предварительной договоренности, они должны были присоединиться к персидскому войску на подступах к Киликии, куда царь собирался направиться в ближайшее время.

Проведя смотр, Дарий собрал на военный совет всех своих военачальников, чтобы обсудить план дальнейших действий. Сначала он предоставил возможность высказаться персидским вельможам. Все они советовали как можно скорее сниматься с лагеря у Вавилона и идти против Александра, причем Дарий сам должен вести войско. Затем слово попросил афинянин Харидем, изгнанный из родного города по требованию Александра и ненавидевший за это македонского царя:

— Государь! Ты собрал огромное войско, которое сверкает золотом и пурпуром. Но оно годится лишь для того, чтобы внушить страх твоим соседям. Поверь мне, македонян оно нисколько не устрашит, ибо они — люди, привычные к войне. Я это говорю к тому, что тебе не следует вести против македонян весь этот сброд. Отбери из них семьдесят тысяч самых лучших, присоедини к ним тридцать тысяч греческих наемников — и этого будет достаточно, чтобы разгромить македонян. Остальных или отошли по домам, или оставь здесь, у Вавилона. Да и самому тебе незачем рисковать жизнью, лучше доверь командование кому-нибудь из опытных полководцев.

Совет афинянина показался Дарию разумным и заставил задуматься. После недолгого молчания он спросил:

— Харидем! Кого ты советуешь поставить полководцем?

— Меня! — гордо воскликнул Харидем.

Это заявление вызвало презрительный смех у персидских военачальников. Однако Харидем не обратил на него никакого внимания:

— Поверь мне, царь, это не бахвальство. В молодые годы я воевал под началом знаменитых афинских полководцев Ификрата и Тимофея, уже зрелым мужем я служил у македонского царя Филиппа, отца Александра, и даже был его советником. Так что никто из твоих военачальников не знает лучше меня, как сражаться с македонянами. И если ты поставишь меня командовать своими лучшими воинами, то в ближайшее время я добуду тебе победу, о которой ты так мечтаешь.

— Харидем! Я нисколько не сомневаюсь в твоем желании помочь делу, но мне надо подумать, — ответил Дарий.

И тут случилось то, чего раньше не бывало на военных советах у персидских царей. Словно забыв о присутствии повелителя, вельможи разразились бранью в адрес Харидема.

— Кто он такой, этот нищий изгнанник? — кричали одни.

— Что позволяет себе этот шут в доспехах, вообразивший себя великим полководцем? — вторили им другие.

— Не верь ему, государь, он добивается командования, чтобы предать персов! — увещевали Дария третьи.

— Гнать его взашей, этого бродячего пса! — настаивали четвертые.

Какое-то время Харидем спокойно сносил оскорбления, но когда его назвали бродячим псом, его терпение лопнуло.

— Сами вы гнусные псы! — взревел он. — Только и годитесь на то, чтобы лаять друг на друга. Горе-вояки, вы что, забыли, как год назад улепетывали от Граника до самых Суз? Вам бы только платья задирать своим наложницам, а не воевать с настоящими мужчинами...

Харидем многое бы еще сказал в запале, но Дарий остановил его. Сочтя, что оскорбления относятся и к нему лично, он вскочил с трона, подбежал к Харидему и схватил его за пояс. Афинянин не решился сопротивляться самому повелителю Персии, и Дарий без особых усилий повалил Харидема.

— Схватить его, — крикнул царь телохранителям, — и немедленно казнить!

Харидем понял, что накликал на себя беду, но вместо того, чтобы пасть к ногам Дария, со злостью крикнул:

— Царь! Пусть твои люди отрубят мне голову, но знай, что скоро ты поплатишься и за мою смерть, и за пренебрежение моими советами.

Царские телохранители обезглавили Харидема. Уже на следующий день Дарий пожалел об этом, но было поздно, и чтобы хоть как-то ободрить себя, объявил свою волю: завтра персидское войско снимается с лагеря, а поведет его он сам — Дарий III Кодоман.

Стояла поздняя осень 333 года. На персидском календаре был месяц ассиядий, на вавилонском — кислим, на афинском — маймактерион. Македоняне называли этот месяц апелеем.

Путь Дария лежал в Киликию, где, по сведениям разведки, находился Александр Македонский. Чтобы ускорить продвижение войск, царь отослал в Дамаск, в Сирию, большую часть обоза и лишних людей. Сейчас его войско шло значительно быстрее. Дарий торопился занять Аманские ворота — горный проход, соединявший Киликию с Междуречьем.

В те дни из-за многочисленных забот Дария стали посещать зловещие сновидения. Однажды он увидел во сне лагерь Александра, сверкавший ослепительным огнем. В другой раз ему приснилось, будто к нему привели Александра в цепях, но когда он дотронулся до него, тот вдруг исчез, и только его злорадный смех еще долго звучал в ушах персидского царя.

Желая узнать потаенный смысл этих сновидений, Дарий обратился к магам. Одни из них уверяли царя, что объятый огнем лагерь на благо ему, другие, наоборот, говорили, что это предвещает успех Александру. Повелитель Персии не знал, кому верить, однако велел распространять среди воинов только хорошие предсказания, чтобы поддержать их боевой дух.

В двух днях пути от Аманских ворот Дарий встретил Арсама, сатрапа Киликии. Последний доложил царю, что полностью опустошил Киликию, уничтожив все, что могло быть полезным македонянам. Он также сообщил о болезни Александра, ввиду которой тот задержался в городе Тарс. Узнав об

этом, Дарий решил немедленно напасть на македонян, рассчитывая застать их врасплох. Однако македонянин Аминта, сын Антиоха, перебежавший к нему от Александра около года назад, посоветовал не делать этого.

— Царь! — сказал он. — Зачем тебе идти в гористую Киликию, если можно подождать Александра здесь, на равнине. По крайней мере, у тебя будет возможность построить свое войско на большом пространстве и бросить его на значительно меньшие по численности силы противника.

— Аминта! — возразил Дарий. — Я опасаюсь, как бы Александр не обратился в бегство, а мне хочется во что бы то ни стало пленить его.

— На этот счет, царь, будь спокоен! Александр сам пойдет на тебя, и, пожалуй, уже идет.

Слова Аминты, однако, не убедили Дария, и он, снявшись с лагеря, двинулся в Киликию. У входа в Амансские ворота к нему присоединились тридцать тысяч греческих наемников под началом Тимода. Последний тоже пытался убедить царя оставаться на равнине и ждать македонское войско, но царь и его не послушался.

Миновав горные проходы, персидское войско подошло к небольшому городу Исс. Оказалось, что македоняне уже побывали здесь и даже оставили в городе свой гарнизон, правда немногочисленный, так что персы без труда захватили Исс. Здесь же Дарий узнал, что Александр со своим войском вчера выступил ему навстречу.

— Так почему же мы не встретились?

— Видимо, разминулись в пути, — предположил Тимод, находившийся в это время при царе.

— Значит, я у него в тылу, — сделал вывод Дарий.

И действительно, Александр в это время находился совсем недалеко от персидского войска, на расстоянии всего тридцати стадиев, как сообщает Диодор Сицилийский. Когда и ему стало известно, что он разминулся с Дарием, он, трезво оценив ситуацию, воскликнул:

— Дарий у меня в руках!

Александра очень обрадовала эта случайность. Он развернул свое войско и повел его на персов.

Между тем в персидском лагере царило смятение. Вскоре разведчики доложили о приближении македонян. Дарий понял, что совершил непростительную ошибку, заведя свое войско в гористую местность, крайне неудобную для сражения: персам, и особенно их коннице, здесь не развернуться как следует, в то время как македонянам ввиду их малочисленности будет очень удобно. Осматривая окрестности, Дарий было по-

думал об отступлении на равнину Междуречья, но тут же отбросил эту недостойную мысль. Поступи он так, македоняне могут подумать, что повелитель Персии, имея в несколько раз большее войско, бегает от них в своей собственной стране.

К вечеру этого дня Дарий принял твердое решение сразиться с македонянами в окрестностях Исса.

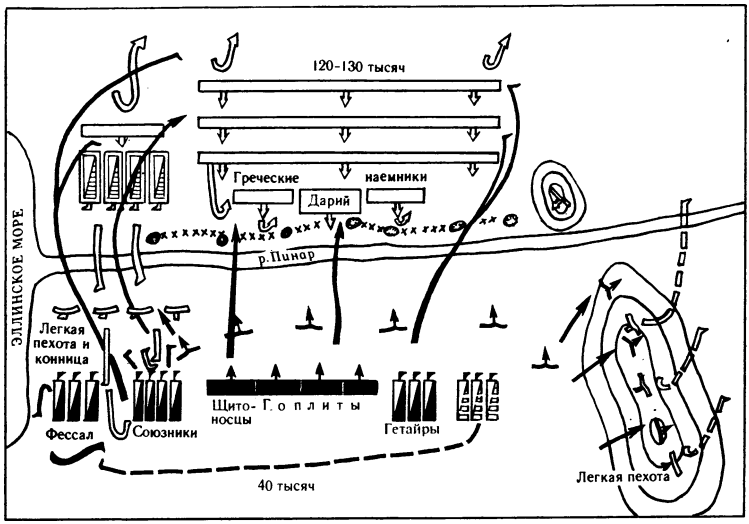
Наутро персы снялись с лагеря и подошли к реке Пинар. Противоположный берег был уже занят македонянами, готовившимися к битве. Царь велел переправиться на ту сторону тридцати тысячам всадников под командованием Набарзана и двадцати тысячам пращников и лучников: они должны были обеспечить безопасность переправы остального войска. Когда же все персидское войско переправилось через Пинар, Дарий приступил к его построению.

Неудобная гористая местность не позволяла Дарию III построить по фронту все войско, поэтому он решил поставить в первую линию лучшие подразделения. В центре он поместил сорок тысяч кардаков — воинов, вооруженных по образцу греческих гоплитов, и сам остался при них в окружении трех тысяч отборных всадников, которыми командовал его младший брат Оксатр. На левом фланге разместились еще двадцать тысяч кардаков под командованием фессалийца Аристомеда. Правый фланг заняли тридцать тысяч греческих наемников под предводительством Тимода. Перед ними царь выставил тридцать тысяч всадников Набарзана и двадцать тысяч пращников и лучников. Итого — сто сорок три тысячи воинов, что составляло лишь четвертую часть персидского войска. Остальные вынуждены были занять место в тылу.

Что касается Александра, то он построил свою армию фалангой, растянув ее как можно длиннее, чтобы персы не смогли обойти. Левым крылом македонского войска командовали опытный Парменион и Кратер, правым — Никанор, сын Пармениона. Здесь же находился и сам Александр в окружении гетайров. Коннице Александр приказал до начала боя оставаться в тылу, чтобы противник не заметил ее перемещения.

К двум часам пополудни войска были готовы к битве.

Приближенные советовали Дарию III первым начать сражение, но тот не слушал. Словно завороженный, стоял он на своей колеснице, судорожно вцепившись руками в поручни. Его внимание было приковано к войску противника. Он видел, как Александр верхом на вороном коне совершил объезд фаланги, как он вернулся на то место, откуда начал объезд, и, приподнявшись на стременах, махнул рукой. То был знак к



наступлению. Македонские фалангиты подняли щиты и мерным шагом двинулись на персов. Военачальники, кто пеший, кто на коне, выступая впереди, сдерживали воинов, чтобы те во время движения не нарушали строй. Казалось, будто надвигается снежная лавина.

Это произвело сильное впечатление на повелителя Персии, и он замер в нерешительности. Ему вспомнился недавно казненный по его приказу афинянин Харидем, который советовал ему остаться в Вавилоне, предоставив командование персидской армией кому-нибудь из военачальников. «И почему я его не послушал?» — с досадой подумал Дарий.

Между тем македоняне приблизились к персам на полет стрелы. В воздухе замелькали первые стрелы, пущенные персидскими лучниками с правого фланга. Македоняне громко закричали и застучали щитами. Персы тоже подняли крик.

К Дарию подъехал на коне его брат Оксатр.

— Государь! — воскликнул он. — Что же ты медлишь — пора начинать!

Голос брата вернул Дария к действительности. Выпрямившись во весь рост, он махнул рукой — стоявшие поблизости трубачи протрубили сигнал к наступлению.

Первыми в атаку бросились всадники Набарзана и обрушились на левое крыло македонской фаланги. Не выдержав натиска персидской конницы, фалангиты начали медленно от-

ступать. Тогда Александр послал им на подмогу фессалийскую конницу. Однако и фессалийцы не смогли противостоять персидским всадникам, были отброшены и обратились в бегство. Их спасли быстрые кони и легкое вооружение. Набарзан приказал своим всадникам прекратить преследование фессалийцев и ударить по македонянам с фланга и с тыла. Фессалийцы же, остановившись, перестроились и вновь пошли в наступление. На этот раз персам пришлось туго: теснимые со всех сторон, они вынуждены были мечами пробивать дорогу сквозь вражеский строй в надежде соединиться со своими.

В других местах тоже кипел жаркий бой. В сутолоке копья оказались не пригодными для рукопашного боя — дрались мечами. Раненых не было: того, кто падал, тут же затаптывали.

Вскоре левый фланг персов дрогнул и стал отступать. Македоняне, чувствуя здесь свое превосходство, усилили натиск. Однако правое крыло фаланги разомкнулось, в нем образовался прорыв, в который устремились греческие наемники под предводительством Тимода. Завязалась кровопролитная схватка. Наемники наседали на македонян, стремясь обратить их в бегство и увлечь за собой персидских кардаков. Но македоняне выстояли.

С самого начала битвы Александр только и думал о том, как бы ему добраться до Дария. В окружении гетайров он рвался к персидскому царю, расчищая путь мечом и копьем. Расстояние между ними медленно сокращалось. Это заметил Оксатр, брат Дария. Взяв из своего отряда лучших всадников, он пробился к Александру и вступил в бой уже перед колесницей Дария. Сражаясь умело и храбро, Оксатр лично убил многих македонян. Александру пришлось отступить.

В это время ему доложили, что греческие наемники теснят его фалангитов, и он с гетайрами бросился на выручку. Когда же с наемниками было покончено, Александр вернулся к колеснице Дария. Свирепая сеча продолжилась. Перед колесницей персидского царя росла гора трупов. Пало много знатных персов, среди них — Атизий, Реомитр, Арсам, Бубак и Сабак, сатрап Египта. Не обошлось без потерь и у гетайров Александра, но они были куда меньше, чем у персов. Сам Александр был ранен акинаком в бедро, но продолжал сражаться.

С ужасом смотрел Дарий, как персы и македоняне истребляют друг друга — одни защищая его, другие же стараясь пленить или убить. Его заклятый враг — Александр — находился совсем близко: можно было метнуть в него дротик или выстрелить из лука. Но повелитель Персии не делал этого.

Лошади, впряженные в царскую колесницу, вели себя неспокойно, возница едва сдерживал их. Неожиданно в горло воз-

нице вонзилась стрела, и он, выпустив вожжи, схватился руками за горло. И тут лошади рванули и понесли. От рывка смертельно раненный возница вылетел из колесницы. Дарий же, увидев, что кони несут его прямо на Александра, ухватился за вожжи и попытался повернуть их. Колесница мчалась по мертвым телам, накреняясь то в одну, то в другую сторону. Царь мог не раз выпасть и разбиться насмерть. Всадники-телохранители в беспорядке следовали за ним, пытаясь как-то помочь своему повелителю.

Наконец Дарию все же удалось повернуть лошадей, и он погнал их прочь. Персидские воины шарахались в стороны от царской четверки, а тот, кто не успевал увернуться, погибал под копытами лошадей и окованными железом колесами.

Повелитель Персии позорно бежал. За ним устремились и воины, которые до этого мужественно дрались с македонянами и не думали отступать. А за персами по пятам следовали опьяненные победой македоняне. Беглецы десятками, сотнями, тысячами падали под ударами мечей и копий победителей.

Где-то в стороне остался укрепленный лагерь — там находилась царская семья. Но сейчас царь даже не вспомнил о своих близких. У него была только одна мысль — уйти от Александра.

А Александр преследовал его в сопровождении своих гетайров, отстав всего на четыре-пять стадиев.

Тем временем на землю опустилась ночь — холодная, без луны и звезд.

Вскоре Дарий и его свита достигли гор. Колесница дальше двигаться не могла из-за множества больших камней, и Дарий потребовал верхового коня. Вельможи наперебой стали предлагать ему своих скакунов. Царь взял первого попавшегося, но взобраться на него никак не мог: мешал тяжелый, увешанный золотом и драгоценными камнями кандий. Тогда Дарий развязал пояс, снял кандий и бросил его в колесницу. Вслед за кандием последовали уже ненужные лук и колчан со стрелами.

Вскочив на коня, Дарий тронулся дальше. Только ночная тьма и горы спасли его в тот страшный для персов день — 12 ноября 333 года до н.э.

Всю ночь скакал Дарий в окружении своей немногочисленной свиты по горным тропам, сменив нескольких лошадей. К утру горы остались позади, и персы выбрались на равнину.

Около полудня Дарий сделал привал, решив дать отдохнуть и себе, и своим людям. Вечером к его отряду присоединилось около трех с половиной тысяч персов, преимущественно

конных, которым под покровом ночи удалось спастись от македонян.

От них Дарий узнал, что воины Александра недолго преследовали персов. Когда македоняне поняли, что одержали верх, они прекратили погоню и принялись обыскивать трупы поверженных персов, забирая золотые украшения, дорогую одежду и оружие. Распространился слух, что их товарищи грабят персидский лагерь, и все ринулись туда в предвкушении богатой добычи.

Дольше всех продолжал погоню Александр, но и его остановила ночь.

Услышав о грабеже персидского лагеря, Дарий наконец вспомнил о своей семье. Мать Сисигамбида, жена Статира, две юные дочери-красавицы, наследник-сын!.. Как они там? Неужели эти неотесанные македоняне насилуют их? Нет, только не это.

Дария трясло словно в лихорадке. Он готов был вскочить на коня и скакать назад, чтобы помочь своим близким — те, наверное, надеются на это, если, конечно, еще живы. «Но это же невозможно, — подумал он, трезво оценив ситуацию. — Ну что я сделаю с четырьмя тысячами воинов. Нет, лучше скакать к Евфрату, в Вавилон, и там собирать новое войско для борьбы с Александром».

Эта мысль показалась Дарию единственно правильной, и он после привала двинулся к берегам Евфрата. Вскоре беглецы добрались до города Фапсак, где с давних времен была налажена переправа через Евфрат. Там Дарий какое-то время ждал, не подойдут ли еще уцелевшие в битве при Иссе персидские воины. Таких оказалось немного: всего несколько тысяч, измученных и голодных. Забрав их с собой, царь направился в Вавилон.

Тем временем Александр торжествовал победу. Ему досталась богатая добыча. Плутарх пишет, что, когда Александр увидел походный шатер Дария III со всей утварью, он воскликнул: «Это, по-видимому, и значит царствовать!»

На следующий день царь-победитель велел подсчитать погибших. Как утверждают древние историки, персы потеряли в битве при Иссе сто десять тысяч человек, потери македонян составили всего четыреста пятьдесят человек.

Александр с царским великодушием обошелся с семьей Дария. Об этом красноречиво повествует Плутарх: «Когда он (Александр) сел обедать, кто-то сказал ему, что среди пленных

вели мать Дария, его жену и двух девушек, дочерей его; увидев знакомую колесницу и лук, они стали бить себя в грудь и плакать, считая Дария погибшим. Александр немного помедлил, и, думая об их горе больше, чем о себе, послал к ним Леонната, велев сказать, что и Дарий жив, и Александра им бояться нечего: он воюет с Дарием за власть, им же будет предоставлено все, чего бы они ни пожелали и что имели при Дарии. Уже одни эти слова показались женщинам милостивыми и добрыми; еще милостивее были поступки Александра. Он разрешил им похоронить, кого они захотят из персов, разрешил взять из добычи одежды и украшения и нисколько не изменил ни прежнего ухода за ними, ни прежних почестей; денег на себя они получали больше, чем при Дарии».

Дополняя Плутарха, Диодор Сицилийский пишет, что Александр пообещал выдать дочерей Дария за достойных людей, а его сына воспитать как собственного и по возмужании удостоить его царских почестей. Взяв на руки царевича, он поцеловал его. Видя, что тот смело смотрит на него и ничуть не боится, Александр сказал приближенным: «Этот шестилетний ребенок смел не по летам и будет лучше своего отца».

У Исса Александр простоял несколько дней, занимаясь погребением погибших и излечением раненых. Затем он двинулся в Финикию к городу Мараф, а Пармениона с фессалийскими всадниками послал в Дамаск захватить сокровища Дария, которые последний отослал туда по дороге к Иссу.

Прибыв в Вавилон, Дарий послал немногочисленный, но хорошо вооруженный отряд всадников в Дамаск за все теми же сокровищами. Затем он написал письмо Александру:

«Говорит Дарий-царь: «Филипп, царь македонян, жил с Артаксерксом III Охом в дружбе и союзе; когда же царем над персами стал Арзес, сын Артаксеркса, Филипп первый несправедливо поступил с ним, послав свое войско в Ионию, хотя персы ничего плохого ему не сделали. С тех пор как я, Дарий III Кодоман, стал царем персов, ты, Александр — царь македонский, даже не прислал ко мне послов, как это делали твои предшественники, чтобы утвердить старинную дружбу между Персией и Македонией. Без видимых на то причин ты вторгся с войском в Азию и сделал много зла персам. Я — Дарий III Кодоман, выступил против тебя, защищая свою землю и спасая власть, которая досталась мне от моих славных предков Ахеменидов. Однако богам было угодно, чтобы я проиграл сражение при Иссе. И сейчас я, царь Персии и повелитель Азии, прошу тебя, царя Македонии, вернуть мне моих мать,

жену и детей и вместе с этим предлагаю заключить дружбу и союз».

Дарий вызвал к себе перса Арсима и эллина Мениска и велел им как можно скорее отправляться в Мараф к Александру, вручить ему послание и дождаться ответа.

Через несколько дней Арсим и Мениск вернулись с македонянином Ферсиппом, который вручил Дарию ответ.

«Александр, сын Филиппа, Дарию!.. — начиналось послание Александра, которое приводит Арриан в книге «Поход Александра». — Ваши предки вторглись в Македонию и остальную Элладу и наделали нам много зла, хотя и не видели от нас никакой обиды. Я, предводитель эллинов, желая наказать персов, вступил в Азию, вызванный на то вами. Вы помогли Перинфу, обидевшему моего отца; во Фракию, находившуюся под нашей властью, Ох послал войско. Отец мой умер от руки заговорщиков, которых сплотили вы, о чем хвастаетесь в своих письмах. Ты с помощью Багоя убил Арзеса и захватил власть несправедливо и наперекор персидским законам; ты несправедлив к персам; ты разослал эллинам неподобающие письма, призывая их к войне со мной; ты отправлял деньги лакедемонянам и другим эллинам: ни один город их не принял, но лакедемоняне взяли, и твои послы подкупили моих сторонников и постарались разрушить мир, который я водворил в Элладе. Я пошел на тебя войной, потому что враждебные действия начал ты. Я победил в сражении сначала твоих военачальников и сатрапов, а теперь и тебя, и твое войско, и владею этой землей, потому что боги отдали ее мне. Я забочусь о твоих людях, которые, уцелев в сражении, перешли ко мне; не против своей воли остаются они у меня, а добровольно пойдут воевать вместе со мной. Я теперь владыка всей Азии; приходи ко мне. Если ты боишься, что я причиню тебе какое-либо зло, то пошли кого-либо из близких тебе получить для себя гарантии безопасности. Когда ты придешь ко мне, я верну тебе, по твоей просьбе, и мать, и жену, и детей и дам все, что ты еще пожелаешь. О чем ты меня ни попросишь, все будет твое. В дальнейшем, когда будешь писать мне, пиши как к царю Азии, а не обращайся как к равному. Если тебе что нужно, скажи мне об этом как господину над всем, что было твоим. В противном случае я буду считать тебя обидчиком. Если же ты собираешься оспаривать у меня царство, то стой и борись за него, а не убегай, потому что я дойду до тебя, где бы ты ни был».

Дарий понял, что предводитель македонян не отдаст ему мать, жену и детей ни по доброй воле, ни за выкуп, каким бы огромным он ни был. За них надо бороться, так же, как и за

Персидское царство. А для этого нужна армия, еще большая, чем та, которая была у него в битве при Иссе.

На продолжение войны с Александром требовалось немало денег. Дарий рассчитывал, что тех богатств, которые были у него в Дамаске, с лихвой хватит на организацию новой военной кампании. Однако вскоре вернулись люди, посланные им в Дамаск, и сообщили, что македоняне уже захватили царские сокровища и пленили всех персов, охранявших их.

Это известие очень огорчило Дария, но тем не менее он быстро смирился с потерей несметного богатства.

— Жаль, конечно, — сказал он приближенным, — но ничего, сокровищницы Суз, Пасаргад и Персеполя полны золота и серебра, так что особой нужды в деньгах я не испытываю.

Действительно, золотой запас Персидского царства был неисчерпаем, а так как Дарий свободно распоряжался им, это позволило ему в ближайшее время приступить к формированию новой армии. Во все сатрапии полетели гонцы с царским повелением присылать как можно больше воинов к Вавилону.

Первое время после битвы при Иссе Дарий с тревогой ждал, что же предпримет Александр: пойдет ли вслед за ним в Вавилон или сначала повернет в Сирию и Финикию. Повелитель Персии всей душой желал, чтобы Александр предпринял второе. Правда, это приведет к новой потере территорий, зато даст ему, Дарию, время на подготовку к решающей битве.

Как бы вняв его желанию, Александр после отдыха двинулся с армией через Сирию в Финикию. Один за другим, без боя, сдались богатые финикийские города: Арвад, Библ и Сидон. Только Тир наотрез отказался впустить македонян, приготовившись защищаться до последнего. Александр осадил непокорный город и несколько месяцев спустя взял его штурмом.

Все это время Дарий находился в Вавилоне, куда уже начали прибывать войска из восточных и южных сатрапий. Однако душевного покоя не было. Больше всего царя угнетало отсутствие матери, жены и детей, которых он очень любил. Каждую ночь они снились Дарию: то он видел, как македоняне издеваются над Статирой и дочерьми; то как Сисигамбида подвергается неслыханным оскорблениям. А однажды царю приснилось, что Александр проткнул копьем маленького царевича, изжарил его на огне и заставил Сисигамбиду и Статиру отведать его мяса; женщины отказывались, и тогда их стали стегать кнутами; вскоре их тела превратились в кровавое месиво, а Александр рвал на куски маленькое тельце царевича и совал в рот несчастным женщинам.

Дарий проснулся в холодном поту и долго метался по опочивальне, не находя места. Наконец он велел телохранителям привести писца и стал диктовать послание к Александру.

«Дарий-царь — Александру-царю! — начиналось оно. — Даю тебе десять тысяч талантов золота, только верни мне мать, жену и детей; кроме того, уступаю тебе часть моего царства от берегов Эллинского моря до реки Евфрат и предлагаю заключить со мной дружественный союз, в подтверждение чего отдаю тебе в жены одну из своих дочерей».

Александр получил письмо Дария во время осады Тира и прочитал его в кругу своих приближенных.

— Будь я Александром — я бы на это согласился! — воскликнул македонский полководец Парменион.

— Клянусь Зевсом, я бы тоже принял условия Дария, будь я Парменионом, — ответил Александр.

Дарию же он написал: «Я не нуждаюсь в твоих деньгах; мне также не нужна часть твоего царства — я могу захватить все; что же касается женитьбы на твоей дочери, то я могу жениться на ней в любой момент и без твоего согласия. Если ты хочешь, чтобы я хорошо относился к тебе, то приезжай, и я окружу тебя таким же почетом, каким окружил твоих близких».

Дарий окончательно убедился, что договориться с Александром невозможно. Лживыми ему показались и уверения македонского царя в добром отношении к его семье. Поэтому Дарий продолжил приготовления к новой битве.

Однако вскоре на него обрушилось еще одно несчастье. В Вавилон неожиданно явился евнух Терей, который находился в свите Сисигамбиды и Статиры, и сообщил Дарию о смерти царицы Статиры.

Известие поразило царя словно громом. Он почувствовал, что почва уходит у него из-под ног. Какое-то время повелитель Персии неподвижно сидел на троне. Никто из приближенных не смел нарушить траурную тишину, установившуюся в царских палатах. Наконец дрожащим голосом царь произнес:

— О, злая судьба! Царице Персии пришлось не только оказаться в плену при жизни, но и по смерти она не удостоилась царского погребения.

— Государь! Позволь мне сказать, — чуть слышно проговорил Терей, боясь вызвать раздражение у царя.

— Говори, Терей, если у тебя есть еще что сказать.

— Что касается жизни в плену и погребения царицы, то тут тебе нечего обвинять злую судьбу, ибо у нашей госпожи Статиры, пока она жила, равно как и у твоих матери и детей, были те же блага, что и раньше. Когда госпожа умерла, Александр очень опечалился и устроил ей роскошное погребение по

персидскому обычаю, не пожалев денег на расходы. Более того, Александр и его друзья плакали, присутствуя на погребении, и уверяю тебя, государь, их слезы были искренни. Александр-победитель так же добр, как страшен Александр-враг.

Однако Дарий не поверил Терею. Он по-прежнему сомневался в добром отношении Александра к его семье. Велев всем удалиться и оставшись с евнухом наедине, царь тихо спросил:

— Неужели Александр за все это время ни разу не посягнул на честь моей жены?

— Уверяю тебя, государь, что нет.

— И ни одна из моих дочерей не была изнасилована им или кем-либо из его окружения?

— Нет!

— И мать моя Сисигамбида не терпела оскорблений?

— Нет!

— И моего маленького сына не обижали?

— Нет, государь, клянусь Ахурамаздой и Митрой — нет!

На этот раз царь поверил Терею и воздел руки к небу:

— О всемогущие боги персов! Заступитесь за меня и сделайте так, чтобы я одолел Александра. Если я одержу над ним победу, то воздам ему благодарностью за то добро, которое он оказал моим близким. Ну а если настал час гибели для меня и моего царства, то я желаю только одного: пусть именно Александр воссядет на престол Кира Великого, а не кто-то другой.

Оставаясь в Вавилоне, Дарий III продолжал следить за действиями Александра. А тот давно добрался бы до Египта, если бы не задержался у города Газа.

Евнух по имени Бат, которого Дарий несколько лет назад назначил правителем Газы, отказался сдать город македонскому царю. Он навербовал наемников-арабов, запасся в достаточном количестве продовольствием и приготовился к длительной осаде. Четыре раза македоняне ходили на приступ хорошо укрепленного города и лишь ценой больших потерь наконец-то захватили его, перебив всех защитников.

Когда Газа еще держалась, но было очевидно, что ее участь уже решена, к Дарию из Египта явился гонец. Он привез письмо от египетского сатрапа Мазака. Последний просил царя срочно прислать подкрепление, ибо тех персов, которые находились в Египте под его началом, было недостаточно для того, чтобы воспрепятствовать вторжению македонян.

Дария, конечно, терзала мысль о потере Египта, приносившего ему огромные доходы, но в то же время он прекрасно понимал, что сохранить его за собой сейчас невозможно.

«Александр захотел проглотить еще один кусок моего царства, — размышлял повелитель Персии. — Ну что ж, пусть глотает. Но когда он вернется в Азию и найдет здесь мое несметное войско, я заставлю его исторгнуть из себя и этот кусок, и другие, проглоченные раньше».

И Дарий даже не ответил на письмо Мазака.

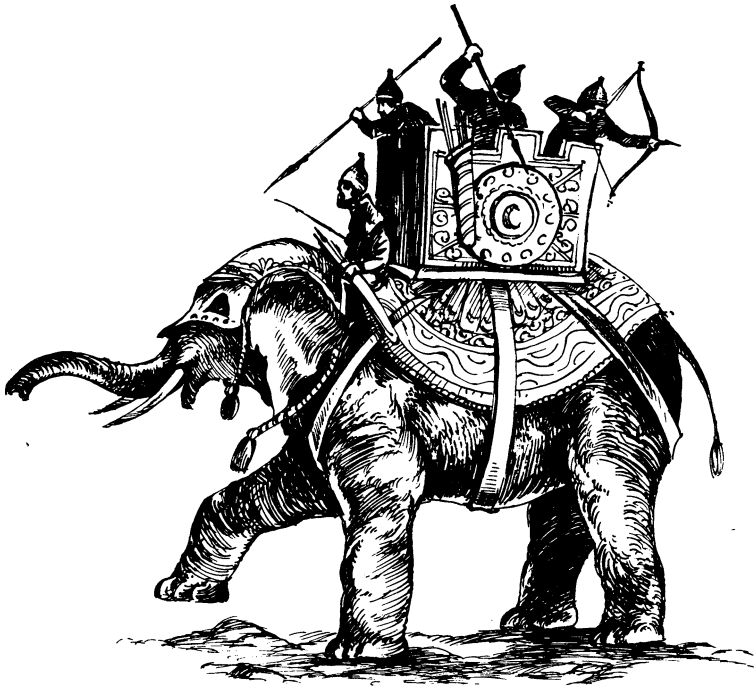
Александр же победоносно прошел по Египту, почти не встретив отпора. Он задержался там на несколько месяцев.

Этого времени Дарию хватило, чтобы собрать в окрестностях Вавилона войско для новой битвы с македонянами. К нему пришли инды, бактрийцы и согды, которые не участвовали в сражении при Иссе. Ими предводительствовал Бесс, сатрап Бактрии. На призыв Дария откликнулись и саки, прислав к Вавилону несколько тысяч конных лучников под командованием Мавака. Барсаент, сатрап Арахосии, привел арахотов, сражавшихся в качестве пехотинцев, а Сатибарзан, сатрап Арии, — ариев. Под командованием Атропата пришли мидяне, а вместе с ними кадусии, албаны и сакесины. Парфян, гирканов и тапуров привел полководец Фратаферн. Пришли также воины с побережья Красного моря, ими командовали военачальники Оронтобат, Ариобарзан и Орксин. Предводителем сусианов и уксиев был Оксатр, сын Абулита. Бупар командовал вавилонским ополчением. Над армянами начальниками были Оронт и Митравст, над каппадокийцами — Ариак. Сирийских воинов из Келесирии и Междуречья привел Мазей.

Войско Дария III насчитывало более миллиона воинов, из них около двухсот тысяч составляла конница. По приказу царя вавилоняне изготовили двести серпоносных колесниц. Пятнадцать боевых слонов привели с собой индийцы.

Видя всю эту военную мощь, Дарий приободрился. Весной 331 года он собрал совет, чтобы выслушать мнения своих военачальников и вельмож по поводу предстоящей битвы с Александром. Многие советовали ему оставить Вавилон и выступить навстречу Александру. Другие, в том числе и Бесс, сатрап Бактрии, предлагали подыскать удобное место для битвы где-нибудь на равнинах Междуречья. Дарию пришлось по душе второе, и в сопровождении большого отряда он отправился на север Междуречья, к Ниневии — древней столице Ассирии.

По пути Дарию попадалось немало равнин, но ни одна из них не привлекла его внимания. Добравшись до Ниневии, царь переправился через Тигр в надежде найти подходящее место на левом берегу реки. Наконец он остановился у небольшой деревушки под названием Гавгамелы, что означало «Хлев верблюда». Местные жители рассказывали, что однажды кто-то из персидских царей проходил через эти места. Неожиданно



заболел верблюд, которого царь очень любил. Решив дать отдых животному, царь оставил верблюда на попечение местным жителям. Те соорудили для верблюда хлев и ухаживали за ним до самой его смерти. С тех пор деревня так и называлась.

Однако Дария привлекла вовсе не деревня и, уж конечно, не легенда. Тщательно осмотрев широкую равнину, посреди которой стояли Гавгамелы, царь уверенно сказал:

— Лучшего места для битвы мне не найти. Здесь я и дам сражение Александру и, видят боги, одержу над ним победу. Это поле станет местом гибели македонского войска.

Дарий велел согнать из окрестных селений людей, чтобы до прихода персидского войска убрать на равнине все неровности и препятствия: бугорки срыть, ямы засыпать землей, деревья и кустарники вырубить и сжечь. Вскоре у Гавгамел закипела работа. Царь же поспешил вернуться в Вавилон.

Здесь ему стало известно, что Александр уже покинул Египет и находится в Финикии. Забрав из Вавилона свои сокровища, повелитель Персии во главе войска выступил в поход. Когда он проходил мимо Фапсака на Евфрате, ему показалось

нелишним оставить там отряд воинов для охраны переправы через Евфрат. Он вызвал к себе Мазея, предводителя воинов из Келесирии и Междуречья:

— Мазей! Оставляю тебя с тремя тысячами всадников в Фапсаке, чтобы ты мешал переправе македонян через Евфрат.

Двигаясь по Междуречью, Дарий велел сжигать за собой все деревни, засыпать колодцы и уничтожать посевы и траву. Запасы зерна и продовольствие он забирал с собой, чтобы македонянам ничего не досталось.

Наконец персидское войско прибыло на равнину у Гавгамел, облюбованную Дарием для битвы. Разбили лагерь, и воины получили несколько дней отдыха. А затем, по приказу царя, начались ежедневные смотры войска и тренировки с утра до вечера, чтобы к моменту битвы воины не утратили боевых навыков. За короткое время персидская конница вытоптала и утрамбовала равнину так, что на ней не осталось ни одного кустика травы. Создавалось впечатление, будто по этим местам на протяжении веков проходили караваны.

Незаметно шли дни. Настал сентябрь 331 года. С поредевшим отрядом прибыл Мазей и сообщил, что Александр, невзирая на помехи со стороны персов, переправился через Евфрат. Дарий понял, что день битвы неумолимо приближается, и его сердце вновь наполнилось тревогой.

Приближенные настоятельно советовали ему послать часть войска к берегам Тигра, чтобы помешать Александру во время переправы. Но он не сделал этого. «Зачем? — подумал он. — Все равно Александр добьется своего. Уж лучше пусть скорее придет сюда, а там посмотрим, кто из нас окажется сильнее».

В ночь с 20 на 21 сентября произошло лунное затмение. Яркая луна, которая еще в полночь висела над равниной, вдруг исчезла. Лагерь утонул во тьме. Раздалось тревожное ржание лошадей и рев верблюдов. Среди персов начались разговоры о том, что это гнев богов, которые готовят им гибель.

Дарий приказал магам срочно принести богам обильные жертвы. Это, казалось, помогло, ибо вскоре диск луны медленно выплыл из тени и вновь осветил ночное небо. А на рассвете не менее обильные жертвы были принесены богу Митре.

Но тревога так и осталась в сердце Дария и его воинов.

На четвертый день после лунного затмения к Дарию прискакали дозорные и сообщили, что Александр переправился через Тигр и походным маршем идет к Гавгамелам. Царь осведомился о численности македонского войска.

— Государь! У Александра не более пятидесяти тысяч воинов, причем пятая часть — всадники, — последовал ответ.

— Всего-то? — удивился Дарий. — Значит, у меня двадцатикратный перевес в воинах да плюс двести колесниц с серпами и пятнадцать боевых слонов.

Надежда на победу придала бодрости. Дарий поверил, что в ближайшее время непременно разобьет Александра и наконец обнимет своих близких — мать, дочерей и сына, по которым истосковался за два года разлуки.

Через четыре дня Александр приблизился и расположился лагерем на расстоянии всего двух с небольшим парасангов от персов. Он велел своим воинам отдыхать и готовиться к битве.

Вечером 30 сентября македоняне снялись с лагеря и вдвое сократили расстояние между собой и персами.

Когда Дарий узнал об этом, он выстроил свое войско в боевом порядке, потому что опасался ночного нападения.

На левом фланге Дарий поставил бактрийскую конницу под командованием сатрапа Бесса. К ней примыкали даи и арахоты; за ними находились персидские всадники и пехотинцы, стоявшие вперемешку; дальше расположились сусианы и кадусии. Перед фронтом левого фланга Дарий разместил легкую конницу и сто серпоносных колесниц.

Сам Дарий занял место в центре. Его окружали десять тысяч «бессмертных». Здесь же стояли инды, карийцы и наемники-эллины во главе с фокейцем Патроном и этолийцем Главком. Тыл царь прикрыл уксиями, вавилонянами, ситакенами, а впереди поставил пятьдесят колесниц и пятнадцать слонов.

Правый фланг персидского войска составляли воины из Келесирии и Междуречья, которыми командовал Мазей. Там же стояли мидяне, парфяне, саки, тапуры, гирканы, албаны и сакесины. Перед фронтом правого фланга расположилась армянская и каппадокийская конница и пятьдесят колесниц.

Всю ночь простояли персидские войска в боевом порядке, ожидая нападения противника в любую минуту. Дарий тоже не сомкнул глаз. Долгое ночное стояние в полном вооружении очень повредило персам: во-первых, они не выспались перед битвой, во-вторых, томительное ожидание вселило в их души еще больший страх перед македонянами.

Предосторожность Дария оказалась излишней: македоняне так и не напали. Правда, античные историки сообщают, что Парменион советовал Александру напасть на персов ночью. Однако Александр не пошел на это, сказав своему военачальнику: «Я не краду побед подобно ночному вору!»

Настало утро 1 октября. Македоняне не показывались, и персы приступили к завтраку. Ели прямо в строю, довольству-

ясь тем, что было в походных мешках: Дарий запретил разводить костры для приготовления горячей пищи. Персидские всадники и колесничие кормили лошадей зерном и хлебом, так как травы поблизости не было. Только боевым слонам на нескольких повозках подвезли зеленого корма.

Через час с завтраком было покончено, а македоняне все не показывались. Они появились лишь через два часа, когда солнце стояло уже высоко. Сверкая оружием и доспехами, македоняне поднялись на холмы, находившиеся в трех-четырех стадиях от персов, и остановились, подравнивая строй.

С колесницы Дарий глянул на противника и удовлетворенно отметил, что строй македонян по фронту короче персидского: значит, конницей их можно будет обойти и ударить в тыл. Царь тут же послал гонцов к Бессу на левый фланг и к Мазею на правый с приказанием готовить конницу. Сам же поискал глазами Александра, но не нашел его — было еще далеко.

Полчаса спустя Дарий увидел, как Александр двинул вправо свое крыло. «Видимо, он разгадал мой замысел обойти его с флангов», — подумал персидский царь и послал второго гонца к Бессу с повелением бросить на македонских фалангитов легкую конницу. Вскоре конные лучники-бактрийцы с диким гиканьем устремились на македонян, которые продолжали сдвигаться вправо, стараясь сравняться с левым флангом персов. Александр послал небольшой отряд конницы остановить бактрийцев. Завязалось конное сражение, которое длилось недолго: бактрийцев было больше и они сразу же потеснили македонских всадников. Последние, однако, справились с возложенной на них задачей — выиграли немного времени для фалангитов, которые успели сравняться с левым флангом персов.

Дарий отрядил третьего гонца к Бессу с приказанием бросить на македонян тяжелую бактрийскую конницу. И вот несколько тысяч бактрийцев, закованных в доспехи, сплошной лавиной ринулись на македонян. Александр послал им навстречу несколько эскадронов конницы под командованием Ареты. На этот раз завязалась кровопролитная схватка. Один за другим гибли македонские воины, оказывая упорное сопротивление превосходившим по численности бактрийцам. Ценой больших потерь им удалось-таки сдержать натиск.

Итак, сражение началось. Македонская фаланга пошла в наступление. Дарий бросил в атаку свои серпоносные колесницы, рассчитывая расстроить ряды фалангитов. Стоявшие впереди македонской фаланги легковооруженные воины встретили персидские колесницы градом дротиков. Достаточно было убить хотя бы одну лошадь в упряжи, и колесница уже никуда не годилась. Так была выведена из строя четвертая часть ко-

лесниц. Остальные продолжали движение. При их приближении фалангиты расступились, колесницы промчались сквозь строй, почти не причинив вреда македонянам, и были остановлены воинами, стоявшими в тылу фаланги. Большая часть колесниц абсолютно не пострадала и стала добычей македонян.

Затем Дарий двинул на македонскую фалангу всю свою пехоту. Вскоре они сошлись и завязалась жаркая рукопашная битва. Около двух часов персы и македоняне дрались, не уступая друг другу ни в храбрости, ни в умении владеть оружием.

Дарий тоже участвовал в сражении. С колесницы он метал дротики и стрелял из лука. Казалось, к нему вернулась отвага, которой он славился в молодости. «Бессмертные», видя это, дрались с удвоенным усердием и не щадили ни себя, ни врагов. И те, и другие десятками падали перед царской колесницей.

Вдруг кто-то из царских приближенных крикнул:

— Государь! А вот и сам Александр пожаловал!

Дарий вздрогнул: неужели и сейчас, как и при Иссе, Александр хочет вступить с ним в единоборство?! Руки царя задрожали, и он опустил дротик, который собирался метнуть.

А Александр в окружении гетайров действительно пробивался к Дарию — на взмыленном коне с мечом в правой руке. На голове Александра красовался великолепный шлем с пышным гребнем, шею защищал нашейник, усыпанный драгоценными камнями. Мускулистые руки Александра были обнажены, его меч сверкал как молния, нанося удары по врагам.

Расстояние между ними сокращалось с каждой минутой. Вот персидский царь поймал полный ярости взгляд своего грозного противника. Сердце Дария дрогнуло, его охватил ужас: захотелось повернуть колесницу и спасаться бегством.

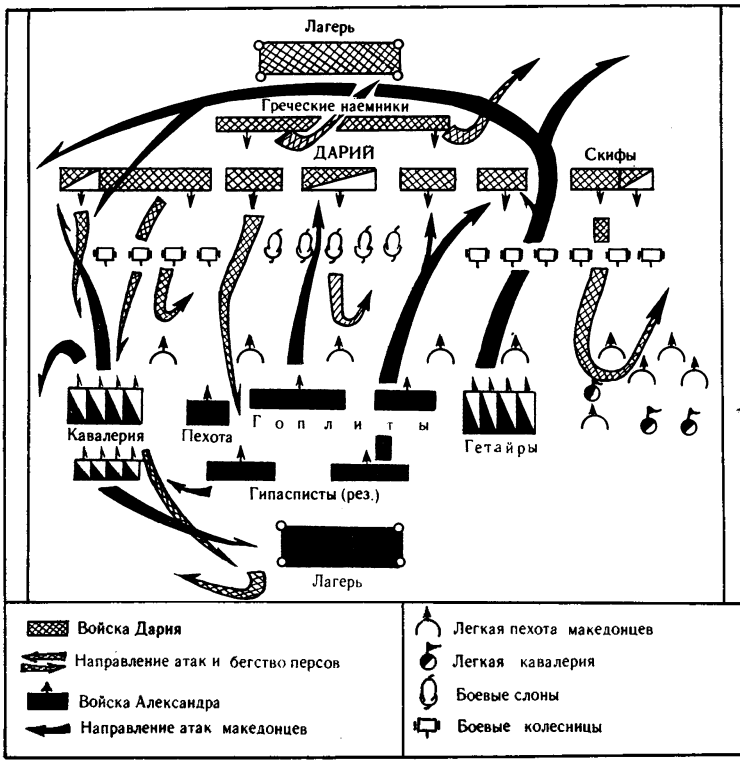
Как завороженный смотрел Дарий на Александра. Он видел, как тот взял у оруженосца дротик и метнул в него. К счастью, дротик попал не в Дария, а в возницу. «Бессмертным» в сутолоке показалось, что Александр сразил Дария.

— Александр убил царя! Дарий мертв! — раздались крики.

С быстротой молнии известие пронеслось по рядам персидских воинов. Теперь каждый думал не о чести, а о спасении своей жизни. Воспользовавшись заминкой у персов, македоняне усилили натиск. Персы дрогнули и побежали.

Дарий схватился за вожжи, чтобы самому править колесницей, но одна лошадь в упряжке была убита, другая покалечена. Он выбрался из колесницы, и телохранители подвели ему коня. Дарий вскочил на него и пустился наутек.

Тем временем македоняне наседали сзади. Толпы бегущих людей и густая пыль мешали разглядеть, куда направился Дарий. К Александру подъехал посыльный от Пармениона:



— Басилевс!* Парменион просит помощи! Если ты не окажешь ее, он будет разбит.

— О боги Аида! — в гневе вскричал Александр. — Парменион никогда не может обойтись без помощи!..

Тем не менее он отказался от преследования Дария и во главе гетайров поспешил спасать Пармениона.

Вскоре персы побежали и на левом фланге. Дольше всех держались бактрийцы Бесса, но к вечеру и они вынуждены были спасаться бегством, потому что дальнейшее сопротивление было бесполезно. Македоняне, почувствовав вкус победы, преследовали бегущих и безжалостно убивали их.

Когда Дарий увидел, что ему удалось оторваться от македонян, он решил изменить тактику бегства. В окружении телохранителей, скрытый пылью, он выбрался из толпы бегущих и направился в противоположную сторону. Ему удалось

* Басилевс — царь.

объехать поле битвы и с наступлением темноты укрыться в деревне, далеко в тылу у македонян. Там его никто искать не стал, и на рассвете он продолжил бегство в глубь Азии.

Дарий III направился в Экбатаны — столицу Мидии. По пути к нему присоединились его воины, которым удалось спастись: сначала две тысячи греческих наемников, которыми командовали Патрон и Главк, а затем бактрийская конница Бесса. Дарий очень обрадовался — теперь у него по крайней мере была личная охрана. Правда, поведение Бесса насторожило его. Каким-то не таким, как раньше, показался ему на этот раз сатрап Бактрии, в глазах его было что-то недоброе. Царь подумал, уж не задумал ли Бесс что-то против него, но вынужден был смириться с этой мыслью, ибо в создавшейся ситуации он мог рассчитывать только на Бесса.

Судьба распорядилась так, что Экбатаны были первым городом, который захватили персы под предводительством Кира Великого; отсюда начиналась история Персидской державы. А двести с лишним лет спустя Экбатаны стали последним пристанищем последнего царя из династии Ахеменидов.

В Экбатанах Дарий III пробыл до лета 330 года. Это было тяжелое время. Ему постоянно мерещились заговоры, многих из персидских вельмож он заключил в тюрьму. Каждый месяц Дарий узнавал что-нибудь новое об Александре и только дивился тому, с какой быстротой тот захватывал города Персидского царства, почти нигде не встречая сопротивления. В руках у Александра оказались Вавилон, Сузы, Пасаргады и Персеполь. Последний город, славившийся прекрасными дворцами, Александр приказал сжечь. Как сообщили Дарию, подговорила его на это греческая гетера Таис. Сокровищницы Суз и Пасаргад были разграблены. Трон Кира Великого, захваченный македонянами в Сузах, теперь служил Александру.

Дарий III был царем без царства, без казны, без трона, без войска. Титул повелителя четырех сторон света ему тоже больше не принадлежал. Все это теперь было у Александра.

В начале июня 330 года Дарию доложили, что Александр направляется в Экбатаны. Он собрал на совещание вельмож и военачальников, чтобы объявить свою волю.

— Персы! — начал он. — Я хочу выступить против Александра с тем войском, которое у меня есть. Оно небольшое, но со дня на день должны подойти кадусии — мои верные союзники. Если боги будут благосклонны, я разобью Александра: как мне известно, он выступил с небольшими силами.

— Царь! — воскликнул сатрап Бесс, когда Дарий кончил

говорить. — Ты задумал безнадежное дело. Да твои воины испугаются одного вида македонского войска. Мой тебе совет: оставь эту затею и уходи в Бактрию. Там еще можно набрать войско. Армения, Гиркания, Парфия, Согдиана, Арахосия и Дрангиана тоже пришлют воинов. Вот тогда-то и можно будет подумать о новой битве с македонянами, а теперь торопись покинуть Экбатаны, пока Александр не подошел.

Бесса поддержали Набарзан и Барсаент. А так как они были весьма влиятельны, то и другие вельможи стали советовать Дарию бежать в Бактрию. В конце концов Дарий согласился.

Через несколько дней из Экбатан отправили обоз с женщинами и имуществом. Дарий же пока остался в столице Мидии под охраной трех тысяч всадников и шести тысяч пехотинцев.

В ночь перед выступлением Дарию сообщили, что с ним хочет увидеться какой-то человек. В покои вошел небольшого роста, коренастый мужчина, лицо которого заросло густой бородой. По одежде в нем можно было распознать торговца.

— Кто ты и зачем хочешь меня видеть? — спросил Дарий.

— Я — Висфан, сын царя Артаксеркса III Оха.

— Как?! Ты тот самый Висфан, который должен был стать царем вместо меня? - удивился Дарий.

— Именно так, Кодоман. Я мог стать повелителем Персии, но не стал им, ибо еще тогда понимал, что конец нашей державы близок, а мне не хотелось погибать вместе с царством.

— Где же ты был и что делал все эти годы?

— О, это долгая история. Для начала я притворился слабоумным; затем, забрав все, что у меня было, удалился туда, где меня никто не мог найти; долгое время я жил в небольших городах под другим именем, а чтобы обеспечить себя и свою семью, занялся торговлей. Вскоре мои дела пошли в гору, и я стал обеспеченным человеком; правда, к большому богатству никогда не стремился. На сегодня у меня есть все, что необходимо человеку, чтобы чувствовать себя счастливым: деньги, жена, дети, друзья, с десяток молоденьких наложниц для любовных утех, а также надежный кров над головой.

— Для чего же ты явился ко мне, Висфан? — спросил царь.

— Только для того, чтобы дать тебе совет. У тебя есть два пути. Можно удалиться в Бактрию или Согдиану и собрать там новое войско. Но одержишь ли ты победу? Не станут ли Бактрия или Согдиана для тебя местом гибели? Не лучше ли тебе избрать второй путь — отказаться от дальнейшей войны и сдаться Александру? Я уверен, что он сохранит тебе жизнь, а это, согласись, не так уж мало. Ты вновь увидишь свою мать, дочерей и сына. Победитель, в чьем благородстве уже убедились многие персы, окружит тебя почетом, и ты спокойно про-

живешь остаток своей жизни под надежной защитой...

Висфан хотел еще что-то сказать, но Дарий прервал его:

— Нет, Висфан, второй путь мне не подходит, я выбираю первый. Ты же иди своей дорогой, и да хранят тебя боги.

— Тебя тоже да хранит Ахурамазда, Кодоман, — с грустью произнес Висфан, и они расстались.

Итак, Дарий III направился к Каспийским воротам, через которые пролегал путь в Бактрию. Горными переходами он выбрался на равнину, здесь запасся фуражом, а все, что осталось, приказал уничтожить. Его отряд проходил в день не меньше десяти парасангов; воины устали до предела и требовали отдыха. Из боязни бунта царь вынужден был уступить и приказал разбить лагерь, где намеревался пробыть два дня.

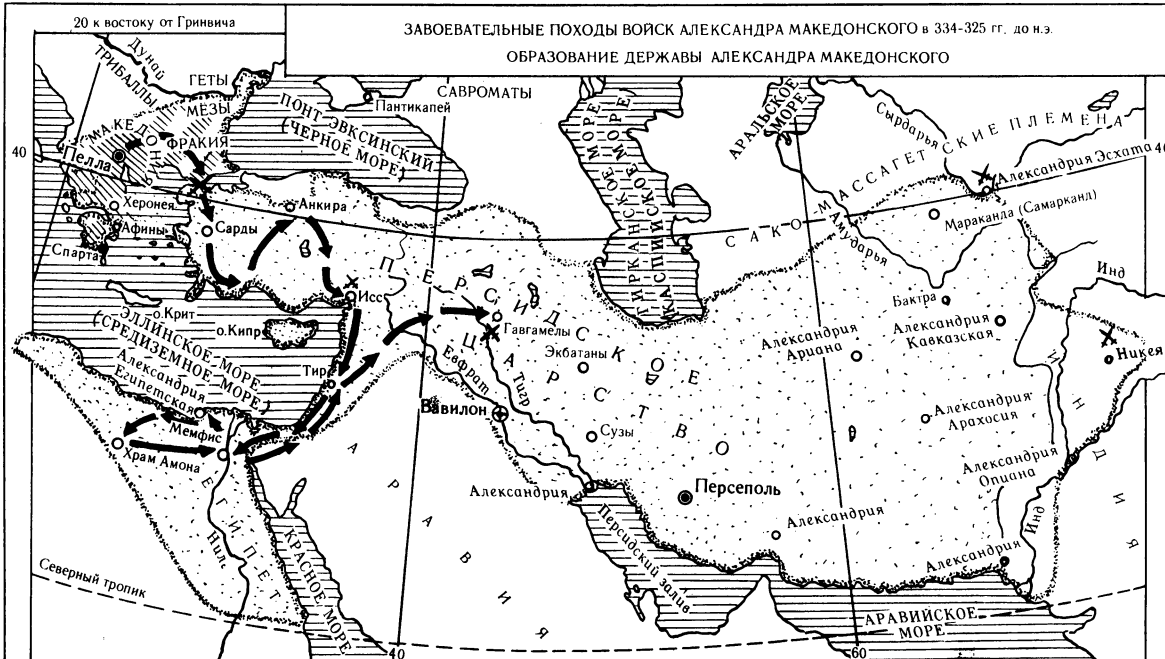
Во время привала к нему в шатер явились Бесс, Набарзан и Барсаент в окружении верных им воинов, заявили Дарию, что он больше не царь, и арестовали его. За Дария пытались вступиться греческие наемники, но их было всего две тысячи — значительно меньше, чем воинов у заговорщиков, и они были не в силах помешать происходившему. Предводители эллинов Патрон и Главк вывели своих воинов из лагеря и удалились в горы. К ним присоединился Артабаз, который много лет назад восставал против царя Артаксеркса III Оха, и его сыновья.

Двум знатным вавилонянам из свиты Дария — Багистану и Антибелу — удалось незаметно бежать из лагеря. Они направились к Александру, который шел по следу Дария, и сообщили ему, что персидский царь арестован заговорщиками, которые везут его в крытой повозке в Бактрию и могут в любую минуту убить. Александр отобрал лучших всадников и пустился за персами вдогонку. Вскоре он добрался до лагеря, где все произошло, но персы уже покинули его. Немного отдохнув, Александр возобновил погоню. К полудню следующего дня он был уже в том селении, в котором персы провели предыдущую ночь. У местных жителей Александр узнал, по какой дороге заговорщики повезли Дария. Ему сказали, что существует еще одна дорога, вдвое короче первой, и если поехать по ней, то можно быстро настичь заговорщиков и Дария.

С небольшим отрядом Александр направился по этой дороге. Он проскакал за ночь около четырехсот стадиев и на рассвете наткнулся на персов. Лишь немногие из них стали защищаться, остальные же бежали при одном виде противника.

Барсаент предложил убить царя. С ним согласились остальные заговорщики, и Набарзан с Барсаентом, проникнув в повозку Дария, нанесли ему множество ударов акинаками.

Древние историки пишут, что Дарий умер не сразу. Какое-


ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ПОХОДЫ ВОЙСК АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО в 334-325 гг. до н.э.
ОБРАЗОВАНИЕ ДЕРЖАВЫ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО
20 к востоку от Гринвича
Дунай
ТРИБАЛЛЫ
ГЕТЫ
МЁЗЫ
МАКЕДОНИЯ
ФРАКИЯ
Пелла
Херонея
Афины
Спарта
Сарды
Анкира
Исс
ПОНТ ЭВКСИНСКИЙ (ЧЕРНОЕ МОРЕ)
Пантикапей
САВРОМАТЫ
ГИРКАНСКОЕ МОРЕ (КАСПИЙСКОЕ МОРЕ)
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
Сырдарья
САКО-МАССАГЕТСКИЕ ПЛЕМЕНА
Александрия Эсхата
Мараканда (Самарканд)
Амударья
Бактра
Александрия Кавказская
Александрия Ариана
Александрия Арахосия
Александрия Опиана
Александрия
Инд
Никея
ИНДИЯ
ПЕРСИДСКОЕ ЦАРСТВО
Гавгамелы
Экбатаны
Сузы
Персеполь
Вавилон
Евфрат
Тигр
Персидский залив
АРАВИЙСКОЕ МОРЕ
АРАВИЯ
о. Крит
о. Кипр
Тир
ЭЛЛИНСКОЕ МОРЕ (СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ)
Александрия Египетская
Мемфис
Храм Амона
ЕГИПЕТ
Нил
КРАСНОЕ МОРЕ
Северный тропик
40
60

то время он лежал в повозке, и несколько слуг суетились возле него, пытаясь остановить кровотечение.

Из македонян первым его обнаружил некто Полистрат. Дарий был еще жив и попросил воды. Полистрат поднес к губам умирающего царя флягу. Дарий выпил несколько глотков, чуть улыбнулся в знак благодарности и еле слышно произнес:

— Самое большое мое несчастье в том, что я не могу отплатить добром за добро. Александр отблагодарит тебя, а ему воздадут боги за его доброту к моей матери, жене и детям. Протягивая тебе руку, я протягиваю ее ему.

Дарий взял Полистрата за руку и умер. Александр застал его уже мертвым. Он накрыл тело последнего персидского царя своим плащом, приказав приближенным отправить его в Персию и похоронить в усыпальнице Ахеменидов.

«Таков был конец Дария, последовавший при афинском архонте Аристофане в месяце гекатомбеоне, — пишет историк Арриан. — Не было человека, который бы вел себя на войне так трусливо и неразумно; вообще же жестокостей он не творил, может быть, просто потому, что творить не довелось: только вступил он на царство, как пришлось ему воевать с македонцами и эллинами. Даже при желании нельзя было издеваться над своими подданными, находясь в опасности, еще большей для себя самого, чем для них. При жизни на него обрушивалась одна беда за другой; с самого начала, как он пришел ко власти, не было у него передышки. Сразу же его сатрапы были разбиты в конном сражении при Гранике; сразу же были отняты Иония, Эолида, обе Фригии, Лидия и Кария, кроме Галикарнаса, но вскоре был взял и Галикарнас, и вдобавок еще все побережье вплоть до Киликии. Затем его собственное поражение при Иссе, где его мать, жена и дети на его глазах были взяты в плен; потеря Финикии и всего Египта; позорное бегство — одним из первых — при Гавгамелах и гибель большого войска, состоявшего из одних варваров. С этого времени он как беглец скитался по своей державе и умер, преданный своими близкими в самый критический момент; царь и одновременно узник, ведомый с позором, он погиб от козней, которые замыслили самые близкие ему люди. Такова была судьба Дария при жизни; когда он умер, его погребли по-царски; дети его получили от Александра такое содержание и воспитание, какое они получили бы от самого Дария, останься он царем. Александр стал ему зятем. Когда Дарий скончался, ему было около пятидесяти лет».

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю 7
Кир Великий — основатель Персидской державы . . 9
Неистовый Камбис 75
Я — Дарий, сын Гистаспа, Ахеменид 99
Ксеркс — заклятый враг Эллады 185
Царевич Кир Младший и царь Артаксеркс II . . . 239
Последние Ахемениды 276

Литературно-художественное издание

Тимахович Юрий Николаевич

ПЕРСИДСКИЕ ЦАРИ

Редакторы *С. А. Корень, А. А. Подзярей*
Художник *Д. Е. Дивин*
Художественные редакторы *В. Г. Мищенко, Е. А. Ждановская, А. П. Маковцов*
Компьютерная верстка *А. А. Подзярея*
Корректоры *Р. П. Иваненко, Н. Г. Лещенко*
Операторы *И. Л. Жуковская, Т. А. Костеневич, Е. М. Прохорчик*

Подписано в печать с оригинал-макета 02.03.98. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс». Офсетная печать. Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр.-отт. 19,32. Уч.-изд. л. 20,44. Тираж 7000 экз. Зак. 520.

Государственное предприятие «Издательство «Беларусь» Государственного комитета Республики Беларусь по печати. Лицензия ЛВ № 2 от 31.12.97. 220004, Минск, проспект Машерова, 11.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика в типографии издательства «Белорусский Дом печати». 220013, Минск, проспект Ф. Скорины, 79.
OCR - Давид Титиевский, январь 2017 г., Хайфа

ПРАВИТЕЛИ И ПОЛКОВОДЦЫ ДРЕВНОСТИ

КИР ВЕЛИКИЙ–
ОСНОВАТЕЛЬ
ПЕРСИДСКОЙ
ДЕРЖАВЫ

НЕИСТОВЫЙ
КАМБИС

Я–ДАРИЙ,
СЫН ГИСТАСПА,
АХЕМЕНИД

КСЕРКС–
ЗАКЛЯТЫЙ
ВРАГ
ЭЛЛАДЫ

ЦАРЕВИЧ
КИР МЛАДШИЙ
И ЦАРЬ
АРТАКСЕРКС II

ПОСЛЕДНИЕ
АХЕМЕНИДЫ

34539
24
15.11.00